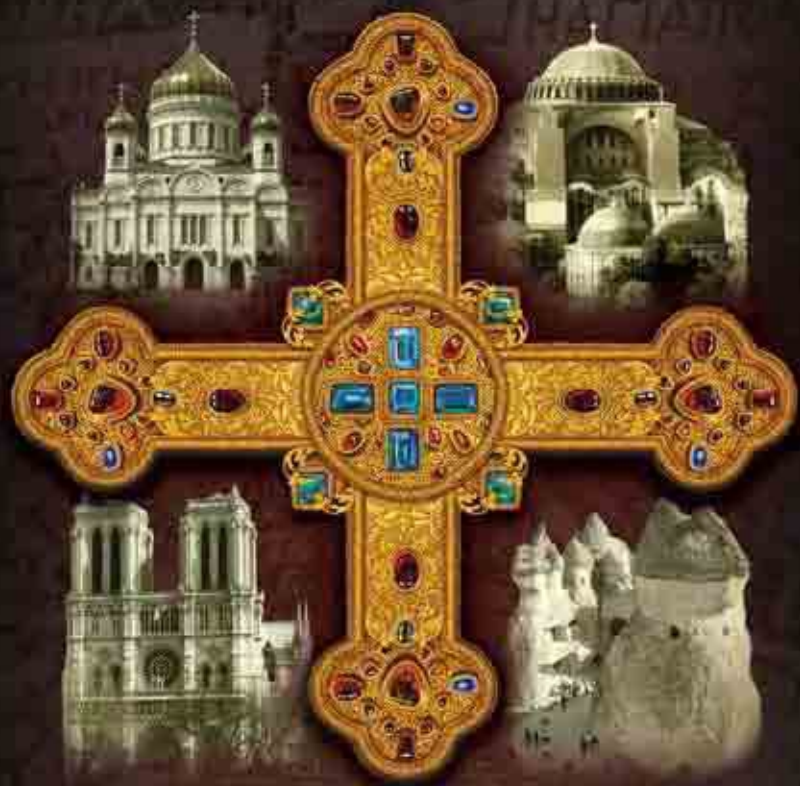

ХРИСТИАНСТВО:

век за веком

Под общей редакцией
Архиепископа Егорьевского Марка (Головкова)

ХРИСТИАНСТВО:

век за веком

Очерки по истории
христианской Церкви

Под общей редакцией
Архиепископа Егорьевского
Марка (Головкова)

УДК 27-9
ББК 86.37
X 93

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
№ ИС 11-104-0369

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА:
интернет-портал
«Православная книга России»
www.pravkniga.ru

X 93 **Христианство: век за веком.** Очерки по истории христианской Церкви / Под общ. ред. Архиепископа Егорьевского Марка (Головкова). — М.: ДАРЬ. — 640 с.

ISBN 978-5-485-00323-4

В данном сборнике представлены работы, отражающие основные вехи в истории христианства. Особое внимание уделено истории Русской Православной Церкви, а также истории западного христианства, которое еще менее известно современному российскому читателю.

УДК 27-9
ББК 86.37

ISBN 978-5-485-00323-4

© Издательство «ДАРЬ»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогой читатель!

Предлагаемая твоему вниманию книга представляет собой собрание текстов, которые были написаны в рамках совместного проекта Русской Православной Церкви и «Радио России» под общим названием: «Мир. Человек. Слово». Этот цикл имеет просветительскую направленность и призван познакомить наших соотечественников с историей христианской Церкви. На протяжении более пяти лет передачи, подготовленные на основе публикуемых текстов, идут в эфире самой крупной радиостанции нашей страны. Представленные тексты охватывают две тысячи лет существования христианства — от I до XX века. Особое внимание в этом цикле передач было уделено истории Русской Православной Церкви. Наряду с этим в круг затрагиваемых тем входит и история западного христианства, которое еще менее известно современному российскому читателю.

Страницы истории показывают, насколько наша жизнь связана с религией, как глубоко и существенно воспринималось христианство нашими предками. При подготовке материалов авторы стремились избежать скучного повторения общеизвестных фактов. Задача предлагаемого цикла — не только дать основные вехи истории христианства, но и вызвать у читателя интерес к истории Церкви и желание ее дальнейшего изучения. Выражаю надежду, что публикуемые материалы будут с интересом восприняты читателями.

Звуковые файлы публикуемых текстов доступны на сайте **www.mir-slovo.ru**

Марк (Головков), архиепископ Егорьевский

I ВЕК

Рождение христианской Церкви

Вот уже две тысячи лет прошло со времени Рождества Христова, которое разделило всю историю человечества на две части — до Рождества Христова и после него. Именно с Рождества Христова многие начинают отсчет истории христианства. Однако когда мы говорим о христианстве, то имеем в виду не христианство вообще. Говоря о христианстве, мы прежде всего подразумеваем христианскую Церковь.

Согласно евангельскому повествованию, Иисус Христос на протяжении трех лет осуществлял Свое общественное служение. Он учил, творил чудеса, предвозвещая людям начало новой жизни. Христа слушало множество людей. Толпы собирались посмотреть на человека, в Котором многие видели долгожданного Мессию. Но это еще не была Церковь. Вокруг Спасителя сформировалась группа из двенадцати самых преданных учеников — будущих апостолов. Но и они до определенной поры еще были маловерны, духовно слабы.

В последний период Своей жизни на земле Иисус Христос неоднократно повторял ближайшим ученикам о том, что скоро Его близкое общение с учениками закончится. Скоро вместо Христа к ученикам придет Утешитель, Дух истины. Он не только напомним им учение Христово, но и научит их всему.

Уже после Распятия и Воскресения из мертвых и незадолго до Своего Вознесения Иисус Христос дал такое повеление ученикам: *не отлучайтесь из Иерусалима, но ждите обещанного от Отца, о чем вы слышали от Меня, ибо Иоанн крестил водою, а вы, через несколько дней после сего, будете крещены Духом Святым* (Деян. 1, 4–5). И добавил: *вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме... и даже до края земли* (Деян. 1, 8).

Единственный рассказ об основании Церкви Христовой сохранила Книга Деяний апостольских. Без осмысления того, что произошло в тот день, как это событие было воспринято религиозным сознанием очевидцев, иерусалимских христиан, нельзя понять дальнейшей истории спасительного служения Церкви.

Возвратившись после Вознесения Спасителя с Елеона в Сионскую горницу, апостолы *единодушно пребывали в молитве* (Деян. 1, 14). Так продолжалось еще десять дней, пока не наступил праздник Пятидесятницы.

Ветхозаветный праздник Пятидесятницы был установлен в память о даровании еврейскому народу на горе Синай десяти заповедей Божиих. Пятидесятницей же он назывался потому, что это великое событие состоялось на пятидесятый день после ветхозаветного праздника Пасхи.

...В день Пятидесятницы ученики Христа находились вместе в той самой Сионской горнице, где Господь на Тайной вечери положил начало Таинству Евхаристии. Как говорит Книга Деяний, *внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились*

все Духа Святаго, и начали говорить на иных языках, как Дух давал им провещевать (Деян. 2, 2–4).

Дух сходит на апостолов в виде огненных языков — в знак крещения Духом Святым и огнем, как предсказал святой Иоанн Предтеча еще перед крещением Христа (см. Мф. 3, 11). Святой Григорий Великий писал в своем «Слове на Пятидесятницу»: «Когда явились огненные языки, тогда внутри начали пламенеть сердца искренней любовью к Богу». В виде языков огненных и разделяемых — по причине разных дарований Святого Духа.

В церковном сознании событие Пятидесятницы всегда противопоставлялось вавилонскому разделению народов. Когда-то, в начале человеческой истории, люди вознамерились построить возвышавшуюся до небес Вавилонскую башню. Тогда Бог, воспротивившись богоборческому замыслу гордецов, смешал их язык. Люди, говорившие до этого на одном наречии, перестали понимать друг друга. В результате единый народ разделился и рассеялся по лицу земли (см. Быт. 11, 8–9).

Теперь же через схождение Святого Духа и дар ведения языков Господь дает возможность соединения разделенных народов. Послав Духа Святого, Господь направил Своих апостолов в разные страны. Направил для того, чтобы собрать людей, рассеянных по всей вселенной. Но собрать уже не для утопических богоборческих проектов, но для соединения во Единую Святую Соборную и Апостольскую Церковь. Как сказано в одном из песнопений праздника Пятидесятницы, в древности «языки смешались за дерзость столпотворения: ныне же языки разделились ради славы Боговедения». «Надобно было, — говорит святитель Григорий Нисский, — чтобы народы, рассеянные при вавилонском столпотворении, снова соединились при духовном строительстве Церкви».

Сошествие Святого Духа было событием, предсказанным за много лет. В одной из библейских книг пророк Иоиль возвестил: *излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши... И будет: всякий, кто призовет имя Господне, спасется; ибо на горе Сионе и в Иерусалиме будет спасение, как сказал Господь, и у остальных, которых призовет Господь* (Иоил. 2, 28, 32).

Последнее указание — о спасении всякого, кто призовет имя Господне, и об остальных, которых призовет Господь, — особенно важно. Религиозно-этническая замкнутость иудеев и исключительность Ветхого Завета сменяется открытостью Церкви Новозаветной для вхождения в нее всех народов. Создается собрание, что в переводе и означает Церковь, в которой не будет иметь значения национальная принадлежность ее членов. Как сказал потом апостол Павел, во Христе нет ни грека, ни еврея, ни раба, ни свободного, но все едины.

В древние времена, после дарования заповедей, Господь через пророка Моисея заключил с еврейским народом завет, или союз. Мы называем теперь его «Ветхим Заветом», то есть «древним союзом». Содержание этого союза состояло в следующем. Господь избрал евреев из среды других народов, назвал своим народом и всячески помогал. Еврейский же народ должен был исполнять данные Богом заповеди Закона. Но союз этот не был совершенным. Страницы библейских книг полны сообщениями о грехах и отступлениях богоизбранного народа. И Господь через пророков неоднократно возвещал о будущем Новом Завете: *Вот наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет... Вложу законы Мои в мысли их и напишу их на сердцах их и буду их Богом, а они будут Моим народом* (Иер. 31, 31, 33; Евр. 8, 8, 10).

Сошествие Святого Духа на апостолов и есть печать Нового Завета, нового союза. Место ветхозаветного закона заступила благодать Святого Духа.

Вместо ветхозаветного внешнего закона, написанного на каменных таблицах, Господь дает новый закон, внутренний. Этот закон, по словам церковных песнопений, написан в сердцах святых апостолов. И Господь не только впечатлевает в сердцах апостолов новый закон, закон благодати, но и дает силы к его исполнению.

Так, день Пятидесятницы, бывший в Ветхом Завете днем памяти о даровании заповедей Божиих, для христиан сделался праздником рождения Церкви.

Произошедшее в Иерусалиме вызвало недоумение окружающих. Многочисленные паломники, собравшиеся на праздник из разных стран, слышали, как апостолы говорили на их наречиях.

А среди прибывших на праздник в Иерусалим были и парфяне — иранцы, и жители Месопотамии, Понта — Черноморского побережья, Египта, Рима, Крита и Аравии. Некоторые даже подумали, что апостолы просто напились вина и говорят, не зная что. Видя замешательство и недоумение окружающих, старший среди апостолов, Петр, возвысил голос и сказал: *это и есть прореченное пророком Иоилем... Иисус Христос, быв вознесен десницею Божией и приняв от Отца обетование Святого Духа, излил то, что вы ныне видите и слышите* (Деян. 2, 16, 33).

С самого начала действие благодати Святого Духа не ограничивалось одними лишь собравшимися в Сионской горнице. *Петр же сказал им: покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов; и получите дар Святого Духа. Ибо вам принадлежит обетование и детям вашим и всем дальним, кого ни призовет Господь Бог наш* (Деян. 2, 38–39).

С этого и начинается историческое бытие христианской Церкви. Книга Деяний святых апостолов так говорит о жизни первых христиан: *И они постоянно пребывали в учении апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах... И много чудес и знамений совершилось через апостолов в Иерусалиме. Все же верующие были вместе и имели все общее. И продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого. И каждый день единодушно пребывали в храме... Господь же ежедневно прилагал спасаемых к Церкви* (Деян. 2, 42, 43–46, 47).

Н.Н. Лисовой

Апостольская проповедь

Рост христианской общины требовал от апостолов постоянных забот и усилий по ее организации и благоустройству. В помощь апостолам было избрано 7 диаконов, над которыми был совершен чин рукоположения (см. Деян. 6, 1–6). Самым выдающимся среди них был Стефан.

Как сказано в Книге Деяний апостольских, *слово Божие росло, и число учеников весьма умножалось в Иерусалиме; и из священников очень многие покорились вере. А Стефан, исполненный веры и силы, совершал великие чудеса и знамения в народе* (Деян. 6, 7–8). Ему суждено было стать и первым мучеником за новую веру.

Дело в том, что первоначально в Иерусалиме и за его пределами христианство распространялось исключительно среди иудеев и принявшие крещение сохраняли на первых порах и все прежние, ветхозаветные, обычаи. Но ведь Христос заповедал апостолам *крестить все народы*. Для выхода с проповедью к язычникам, носителям иных этнических и культурных

традиций, нужно было преодолеть иудейские предрассудки.

Предметом спора стал вскоре сам Иерусалимский храм с его жертвоприношениями, о прекращении которых с пришествием Христа говорили наиболее решительные из христиан. Первым и ярким выразителем этих взглядов и выступил архидиакон Стефан.

Со стороны фанатически настроенных иудеев возник ропот. Синедрион, подстрекаемый фанатиками, обвинил Стефана в том, что он будто бы произносит хульные слова на Моисея и на Бога... на святое место сие и на закон... что Иисус Назорей разрушит место сие и переменит обычаи, которые передал нам Моисей (Деян. 6, 11–14). Стефан не оспаривал Божественного происхождения храма и закона, но утверждал необходимость их отмены с пришествием Иисуса Христа. *Всевышний не в рукотворенных храмах живет* (Деян. 7, 48), — говорил он, и лицо его сияло, как лицо Ангела (Деян. 6, 15).

...Его осудили на смерть. Вывели за городские ворота, которые и теперь в Иерусалиме называются Стефановыми, и, по обычаю, побили камнями.

Стефан еще не призывал к миссии среди язычников, но своей бесстрашной проповедью, запечатленной мученической смертью, проложил ей путь.

Следующий шаг сделал его соратник, из числа тех же семи диаконов, Филипп. Он проповедовал в Самарии и по берегу Средиземного моря.

Филипп просветил и крестил эфиопского сановника, евнуха. Об этом рассказывается очень подробно в Книге Деяний апостольских (см. Деян. 8, 26). И понятно — почему. Евнух не был иудеем. Следовательно, его крещение свидетельствовало уже о преодолении разделения между иудеями и язычниками. Вскоре последовало крещение апостолом Петром римского сотника (центуриона) Корнилия в Кесарии

Приморской (см. Деян. 10). Впервые членом христианской Церкви стал представитель римской власти, армейский военачальник.

Дальнейший решительный шаг произойдет в Антиохии, где учение Христа распространялось среди чистых язычников. Именно для обозначения членов Антиохийской общины, образовавшейся из местных язычников, было придумано и пущено в оборот их языческими противниками название «христиане» (см. Деян. 11, 26), которому суждена была долгая и славная история.

Это обозначение, само его возникновение безошибочно доказывает, что новая община в Антиохии уже радикально отличалась в глазах местного населения от хорошо всем знакомого иудейства. И хотя христиане из язычников мирно уживались в Антиохии с христианами из иудеев, противоречия были неизбежны. Развитие Церкви требовало, чтобы она окончательно вышла из ветхозаветных детских пеленок. Превратить христианство не на словах лишь, а на деле в свободную для всех, универсальную мировую религию призван был апостол Павел. Неслучайно он вошел в историю с именем «Апостол языков» — т.е. языческих народов.

Апостол Павел (его еврейское имя было Савл) родился в городе Тарсе в иудейской фарисейской семье из колена Вениаминова (см. Флп. 3, 5), но имевшей римское гражданство. «Еврей от евреев», «фарисей, сын фарисея» — так будет он сам называть себя впоследствии.

Он учился в Иерусалиме в училище Гамалиила (см. Деян. 22, 3), в котором наряду с Законом изучались также греческий язык и литература. Отличался ревностным исполнением Закона и фанатичной нетерпимостью к христианам.

Когда вскоре после Вознесения начались первые гонения на учеников Господних в Иерусалиме, Савл

был среди самых жестоких гонителей (см. Гал. 1, 13), участвовал в казни первомученика Стефана. Но на пути в Дамаск, куда он направлялся для преследования христиан, произошло его чудесное обращение.

Савлу явился Христос и призвал его к апостольскому служению. Пораженный физической слепотой, внутренне прозревший, он снова, через три дня, получил чудесно зрение через христианского ученика Анания и крестился. С того времени Павел стал дерзновенным проповедником Евангелия, перенес множество испытаний, потрудился более других апостолов (см. 2 Кор. 11, 23–32) и был удостоен Церковью вместе с Петром наименования первоверховного апостола.

Но это впереди. А пока для решения наболевших проблем в Иерусалиме в 51 году нашей эры был созван Апостольский Собор.

Иудео-христианами был поднят вопрос — при каких условиях язычники могут вступать в христианскую Церковь. И решался он ими однозначно: в пользу верности Ветхому Завету. Язычников, говорили они, можно принимать в Церковь только при условии обрезания и вообще соблюдения Моисеева закона (см. Деян. 15, 1). Павел и его немногочисленные сторонники утверждали, что Моисеев закон для христиан из язычников — да и для христиан из евреев — не обязателен.

Позже апостол Павел так рассказывал о Соборе в своем Послании к Галатам: *Ходил же (в Иерусалим) по откровению, и предложил там, и особо знаменитейшим, благовествование, проповедуемое мною язычникам, не напрасно ли я подвигаюсь или подвизался. Но они и Тита, бывшего со мною, хотя и Еллина, не принуждали обрезаться, а вкравшимся лежебратиям, скрытно приходившим подсмотреть за нашею свободою, которую мы имеем во Христе*

Иисусе, чтобы поработить нас, мы ни на час не уступили и не покорились, дабы истина благовествования сохранилась у вас. И в знаменитых чем-либо, какими бы ни были они когда-либо, для меня нет ничего особенного: Бог не взирает на лице человека. И знаменитые не возложили на меня ничего более. Напротив того, увидев, что мне вверено благовестие для необрезанных, как Петру для обрезанных (ибо Содействовавший Петру в апостольстве у обрезанных содействовал и мне у язычников), и, узнав о благодати, данной мне, Иаков и Кифа (Петр) и Иоанн, почитаемые столпами, подали мне и Варнаве руку общения, чтобы нам идти к язычникам, а им к обрезанным (Гал. 2, 2–9).

Итог обсуждений на Соборе подвел его председатель, предстоятель Иерусалимской Церкви апостол Иаков, брат Господень. Он призвал язычников-христиан воздерживаться только от чисто языческих обычаев: *от идоложертвенных, и крови, и удавленины, и блуда*, и не делать другим того, чего не желают себе (Деян. 15, 29). Относительно же иудео-христиан предполагалось, что они по-прежнему будут исполнять закон Моисея.

Постановление Иерусалимского Собора было послано через посланников антиохийских, усиленных еще посланными от Собора — Иудю, Варнавою и Силю, Антиохийской Церкви. Оно начиналось словами: *Апостолы и пресвитеры и братия — находящимся в Антиохии, Сирии и Киликии братьям из язычников: радоваться* (Деян. 15, 23).

Апостольский Собор в Иерусалиме определил на века главный принцип высшего церковного управления — соборность. Собор решал кардинальный вопрос о соотношении в Церкви «христиан из иудеев» и «христиан из язычников». Из первоначальной общины рождается Церковь Нового Завета, отменяющая

для своих членов исполнение правил Ветхого. Как сказано в Евангелии, «не вливают нового вина в старые мехи» (см. Мк. 2, 22).

Н.Н. Лисовой

Первый век христианства

События в Иудее, связанные с арестом, Распятием и Воскресением Иисуса Христа, не остались достоянием лишь иерусалимской общественной жизни. Как свидетельствует церковный историк Евсевий Памфил, которого называют «отцом церковной истории», «Пилат сообщил императору Тиберию, что по всей Палестине идет молва о Воскресении Иисуса и что в Него... многие уже уверовали как в Бога». Говорят, император сообщил об этом Сенату, и хотя Сенат отказался от рассмотрения вопроса, «Тиберий сохранил свое прежнее мнение и не замышлял против Христова учения ничего дурного».

Возможно, как думают историки, рассказ Евсевия не вполне достоверен. Так или иначе, через три года после Распятия и Воскресения, в 36 году, приговоривший Христа к смерти прокуратор Понтий Пилат был отозван из Иудеи. По одному из преданий, он был сослан в Галлию, современную Францию, в город Вьенн, где покончил с собой, как поступали многие пресыщенные жизнью римские патриции.

А год спустя, в 37 году, умер и сам Тиберий, проживший последние годы, больной и опустошенный, в добровольном уединении на острове Капри, близ Неаполя. Сюда, незадолго до его смерти, пришла, одолев все препятствия, равноапостольная Мария Магдалина с проповедью о Распятом и Воскресшем Учителе и подала императору красное пасхальное яйцо, символ новой жизни, со словами: «Христос Вос-

кресе!» С тех пор распространился обычай дарить друг другу на Пасху крашенные яйца.

История продолжала завязывать и развязывать свои узелки...

В год 50-й, по свидетельству римского историка Светония, императором Клавдием были изгнаны из Рима евреи — в связи с тем, говорит историк, что они «постоянно были возмущаемы неким Хрестум». Это было первое — пусть и с ошибочным написанием — упоминание Иисуса Христа в латинских исторических источниках...

Проповедь апостола Павла достигла между тем Афин — столицы тогдашней философской образованности. *И, став Павел среди ареопага, сказал: Афиняне! по всему вижу я, что вы как бы особенно набожны. Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано: «неведомому Богу». Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам* (Деян. 17, 22–23). Диспуты Павла с языческими философами в Афинах предвосхищали будущий синтез библейской религии откровения и греческой античной диалектики, который со временем ляжет в основу всего святоотеческого богословия. Одного из философов — Дионисия Ареопагита, т.е. члена Афинского Ареопага, — апостолу Павлу удалось даже обратить в христианство. Он стал первым епископом Афинской Церкви.

Просветив Грецию, апостол Павел и сам намеревался перенести свою миссионерскую деятельность на запад, в Рим и Испанию. *Как только предприму путь в Испанию, приду к вам* (Рим. 15, 24), — писал он в Послании к Римлянам. Но в столице Римской империи ему суждено было попасть не в качестве свободного проповедника, а под стражей, поскольку, арестованный в Иерусалиме, он как римский гражданин потребовал «суда кесаря». Это был мудрый тактический

маневр. Неслучайно прибытием апостола Павла в Рим весной 61 года евангелист Лука заканчивает книгу Деяний святых апостолов: с приходом в Рим дело первоначальной проповеди апостолов завершено, христианским благовестием охвачена вся вселенная.

Впрочем, есть исторические данные, что апостол Павел в Риме был вскоре освобожден из-под стражи и смог совершить задуманное им путешествие на запад, в Испанию. С памятью этого последнего его благовестнического путешествия связывают селение на атлантическом побережье Испании, расположенное на мысе, который так и называется: Финистерра — «Край Земли».

Но апостольскому благовестию подлежали пределы не только дальнего Запада, но и Востока. К сожалению, о жизни и миссионерских подвигах каждого из апостолов сохранилось лишь немного сведений. «Святые апостолы и ученики Спасителя рассеялись по всей вселенной. Фоме, как говорит предание, выпал жребий идти в Персию и Индию, Андрею — в Скифию, Иоанну — в Малую Азию, где он жил и умер в Ефесе. Петр проповедовал иудеям, рассеянным в Понте, в Галатии, в Вифинии, в Каппадокии и в Асии, а под конец, находясь в Риме, распят был на кресте, головою вниз, каковой образ страдания избрал сам».

Для будущего Русской Церкви наиболее важно предание о хождении апостола Андрея Первозванного на Русь. Напомним, что сообщает об этом Нестор Летописец в своей «Повести временных лет», первом русском летописном своде.

Когда Андрей учил по берегам Черного моря, он пришел и в Херсонес. Ныне это окраина Севастополя. Здесь он узнал, что неподалеку находится устье реки Днепр, и решил отправиться по Днепру вверх. Дойдя до возвышенности, на которой стоит теперь Киев, он остановился. «И утром, встав, сказал бывшим с ним

ученикам: “Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божия, будет город великий, и воздвигнет Бог множество церквей”. И взойдя на горы эти, благословил их и поставил крест, и помолился Богу, и сошел с горы этой, где впоследствии будет Киев».

По преданию, апостол продолжил свое путешествие вверх по Днепру и дошел до пределов новгородских, где также воздвиг крест — на месте нынешнего села Грузина.

Позже в Херсонесе Таврическом — у нас, в Крыму — проповедовал и умер ученик апостолов, святой Климент, папа Римский. Третий преемник апостола Петра на кафедре епископа Римского, он был сослан при императоре Траяне вместе с сотнями других христиан в каменоломни далекого Крыма. После трех лет каторжных работ Климент претерпел мученическую кончину — был привязан к якорю и брошен в море. В 861 году мощи святого Климента были обреты святым Кириллом, просветителем славян. Часть мощей была отнесена им в Рим, где и находится ныне в храме святого Климента, построенном на месте дома, где жил Климент. Другая часть была перенесена князем Владимиром в Киев, в Десятинную Церковь.

...Можно верить или не верить летописным сказаниям. Но нельзя отрицать их значения для национального самосознания. Русская Православная Церковь с самого основания мыслила себя преемницей благовестия и благословения святых апостолов.

Н.Н. Лисовой

Создание Евангелий

Вторая половина первого века христианства — время создания Евангелий. В истории человечества оно отмечено немалыми потрясениями и

знаменательными событиями. Грозным символом стали для современников святых апостолов три великие катастрофы:

✓ год 64-й. Невиданный пожар почти полностью уничтожил Рим. Лишь после станет известно, что этот зловещий замысел осуществил император Нерон, чтобы обвинить в нем христиан, а затем истребить их;

✓ год 70-й. Римские войска штурмом взяли Иерусалим. Произошло предсказанное Спасителем разрушение ветхозаветного храма;

✓ год 79-й. Гибель трех городов великой империи — Помпей, Геркуланума и Стабий, погребенных под лавой и пеплом вулкана Везувий.

Могло казаться, будто сама планета на кровавом разломе тысячелетий «стряхивает» с себя, как сказочная рыба-кит, города и веси прежней, «не нашей» эры, храмы и религиозные центры «не нашей» веры. Очевидец события Плиний Младший в письме к историку Тациту так писал об извержении Везувия и гибели городов: «Одни оплакивали свою гибель, другие молились о смерти. Многие воздевали руки к богам, но большинство утверждало, что богов нигде больше нет и что для мира настала последняя вечная ночь».

Утверждая, что «богов больше нет», вчерашние язычники в грохоте войн и катаклизмов не сразу заметили, что в мире уже возникло и действует новое таинственное учение, проповеданное Иисусом Христом. Это учение побеждает без принуждения и насилия, оно убеждает без пышных фраз и ораторской казуистики. Оно несет людям иные ценности, которые многим кажутся странными.

Евангелие так повествует об этом.

...Однажды Он взошел на гору и, когда Его обступили ученики, начал говорить.

Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.

Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.

Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное (Мф 5, 3–10).

Заповеди Нагорной проповеди резко отличались от ветхозаветных Моисеевых десяти заповедей. Ведь каждая заповедь Моисея представляет собой жесткий запрет: «Не убий!», «Не укради!», «Не пожелай жены ближнего своего!», «Не произноси имени Бога твоего всуе!» Нарушение заповеди — это в буквальном смысле «преступление». Этими законами-запретами со всех сторон был огражден ветхозаветный иудей.

Совсем по-другому учит Христос. Не запрет, а побуждение к добродетельности, не угроза наказания, а обещание блаженства.

И при этом человеческая этика, которая до сих пор представлялась нормальной, словно вывернута наизнанку. Разве приходит кому-нибудь в голову, что счастлив, а по-евангельски «блажен», не тот, кто богат, а тот, кто нищ? Не тот, кто смеется, а тот, кто плачет? По евангельскому учению это именно так. Более того, сами радость и счастье трактуются не как «награда» и «воздаяние», а как естественное состояние человека, «чистого сердцем» и делающего добро. Тот, кто поступает по заповедям Христа, не только в будущей жизни будет награжден «блаженством» за сотворенные дела. Само исполнение заповедей, сама эта трудная, слезная, до кровавого пота работа и есть для христианина награда и блаженство.

Поэтому: блаженны нищие... плачущие... гонимые...

Трудно поверить, что это писалось во времена Калигулы и Нерона, римского завоевания Британии и Иудейской войны. К тому же писалось не великими писателями и философами, а простыми галилейскими рыбаками, которые лишь совсем недавно были призваны стать апостолами, то есть «посланниками», нового учения. Писалось не в далекой Палестине, а в Риме, Греции, Эфесе — центрах античной образованности.

Так, апостол Марк написал свое Евангелие в 62 году в Риме. Многие историки считали, что оно написано раньше других Евангелий.

«Римская Церковь в шестидесятые годы стала центром дальнейшего излучения христианского благовестия, — пишет историк. — И из Рима продолжалось его победное шествие. Евангелие от Марка, написанное в Риме, в самой своей краткости звучит как Евангелие Победы».

Вдумаемся, а что такое вообще Евангелие?

Это исторический источник? Или литературный жанр? А может, это памятник религиозной мысли?

Да! И все это тоже.

У древних греков слово «Евангелие» первоначально означало дар или награду за доброе известие. Впоследствии так стали называть саму благую весть.

Благая весть для христиан — это откровение о спасении, о Новом Завете, то есть новом союзе Бога с человеком. Это откровение об искуплении человечества от власти греха Сыном Божиим Иисусом Христом, о Его добровольном страдании и Распятии, о смерти на Кресте, Воскресении и Вознесении.

Это откровение, воспринятое непосредственными учениками и апостолами Христа, сохранялось устно в предании первых христианских общин и лишь позже, спустя десятилетия, было записано апостолами.

Как смогли они сохранить слова Учителя в своей памяти? В этом сказалась таинственная сила Евангелий. Христос обещал ученикам: *Утешитель же, Дух Святой... напомнит вам все, что Я говорил вам* (Ин. 14, 26). Весь Новый Завет свидетельствует об исполнении этого обетования. Апостолы и евангелисты лишь передали нам то, что напомнил им Дух Святой из жизни и бесед Учителя. Под действием благодати — особой, Божественной энергии — они стали способны видеть и понимать даже то, чего не понимали при жизни Иисуса Христа. Более того, они смогли также верно и просто передавать это другим.

Именно это качество книг Нового Завета богословы и называют богодухновенностью.

Но, разумеется, в историческом смысле Евангелия являются также и памятниками своего времени. Четыре евангелиста писали самостоятельно, каждый для своего читателя, сообразуясь с историческими обстоятельствами проповеди и особенностями среды. Первые три евангелиста — Матфей, Марк и Лука — следуют в своем повествовании единому плану: вступление, Крещение Иисуса Христа, Его проповедь в Галилее, путь в Иерусалим, события, связанные с Крестными страданиями и Воскресением. Этих евангелистов называют синоптиками, а их Евангелия — синоптическими, потому что они дают совместное параллельное повествование о жизни Иисуса Христа.

Евангелие от Иоанна отличается от трех первых. Оно восполняет их как по фактическому содержанию, так и по глубине философского учения. Иоанн старается говорить почти только о том, о чем не сказано у других евангелистов. Ведь он писал позже всех, глубоким старцем, на рубеже I и II века нашей эры. Значение его в истории в том и состоит, что он завершил письменное творчество Апостольской Церкви. Как последний свидетель и участник

евангельских событий, Иоанн подтвердил и удостоверил истинность написанных до него Евангелий и апостольских посланий.

Евангелисты не ставили перед собой задачу описать непременно всю жизнь и благовестие Христа. Они старались донести до нас самое главное — свою веру во Христа. В завершение своего Евангелия апостол Иоанн свидетельствует: *Многое и другое сотворил Иисус; но если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг* (Ин. 21, 25).

Н.Н. Лисовой

Мученики и исповедники

Первое поколение христиан — апостолы и евангелисты — сходит с исторической арены на рубеже I и II веков. Им на смену приходят мученики и исповедники. Именно они на протяжении следующих двух столетий будут главной действующей силой в истории христианской Церкви.

Мы привыкли думать — и до известной степени справедливо — что Древний Рим был не только подчеркнута правовым государством, но и государством веротерпимым. Улицы Вечного города были полны храмами всех богов и религий — римских, греческих, египетских, персидских.

Всех, да не всех! Религия Христа — Сына Божия, Распятого и Воскресшего, с самого начала вызывала бешеное сопротивление со стороны жреческих корпораций и философских школ. И дело не только в том, что учение о Едином Боге противоречило главным принципам «веротерпимого» Рима — плюрализму и равноправию. Другая причина связана была с «политкорректностью»: в государственной римской

религии император сам почитался богом! И отказ кого-либо из подданных поклоняться и приносить жертвы идолам языческих божеств означал автоматически также и отказ выражать почтение «божественному» кесарю. На таких был брошен весь репрессивный аппарат великой империи.

Историки выделяют 10 периодов наиболее массовых и разнузданных гонений — от Нерона в середине I века до Диоклетиана в начале IV века.

...Одним из самых талантливых и удачливых полководцев и государственных деятелей Римской империи был император Траян. Современники видели в нем олицетворение справедливости и милосердия. Рассказывали, как однажды, отправляясь в поход в Дакию, он был остановлен женщиной, жаловавшейся на несправедливое осуждение сына. Император сошел с коня и тут же отправился с просительницей в суд. Только после этого он разрешил продолжить поход.

При жизни в честь Траяна была воздвигнута самая большая в Риме триумфальная колонна. А через пять столетий император оказался героем небывалого молитвенного «эксперимента». Святой папа Григорий Великий, проходя однажды мимо колонны Траяна, был «уязвлен в сердце» мыслью о том, что «справедливейший из властителей» мучается в аду. Он предался усердной молитве — и наконец был удостоен от Ангела откровения, что по его молитве Траян, некрещеный язычник и гонитель христиан, обрел «вечное спасение».

Такова одна из римских легенд. Между тем именно Траяну принадлежит первое юридическое указание относительно судов над христианами.

В 112 году на запрос Плиния Младшего, как поступать с христианами, Траян ответил: «Разыскивать их не следует; но если выступают с доносами и обвинениями против них, нужно казнить их. Однако если

кто не признает себя христианином и докажет это самым делом, чрез поклонение нашим богам, тот за раскаяние получает прощение».

Это установление, хотя и сообщенное всего лишь в личном письме, стало нормой в римской судебной практике: требовать от христиан отречения или казнить.

Преемником Траяна на римском престоле стал его племянник Адриан, который тоже считается самым умным и «государственным» из римских кесарей. При нем не только границы империи достигли максимума, но и был осуществлен целый ряд реформ в области государственного управления, экономики, юриспруденции и культуры. Солдат и философ, поэт и поклонник греческой классики, Адриан во многом способствовал возрождению эллинской мысли, литературы, ораторского искусства, скульптуры и архитектуры.

И что же дало царствование этого утонченного и по-своему «гуманного» императора его подданным-христианам?

В год 135-й в числе сотен и тысяч влекомых в застенки христиан претерпели мученическую кончину дочери благочестивой христианки Софии Вера, Надежда и Любовь.

Адриан, как известно, старался следовать в жизни четверем «философским» добродетелям: мужество, благоразумие, воздержание и справедливость. Однажды ему доложили, что живет в Риме вдова по имени София, которая не только исповедует запрещенную христианскую веру, но и дочерей научила не участвовать в государственном языческом культе. И вот три девочки-подростка, одна за другой приведенные на суд, смело противостояли языческим философам. Претерпели муку и смерть и не отказались от веры, надежды и любви — иных, не «философских»

христианских добродетелей. Палачи подвергали их все новым пыткам — они умирали с молитвой на устах.

Софию не били и не казнили: ее лишь заставили присутствовать при истязаниях и смерти всех по очереди дочерей. Ей «гуманно» разрешили даже унести и похоронить их тела. Мать своими руками погребла их и проводила в последний путь — сидела три дня, не отходя, над могилой, пока Господь не призвал к Себе и ее, «бескровную мученицу».

Одним из блестящих преемников Адриана был другой знаменитый «философ на троне» — Марк Аврелий — автор книги размышлений «К себе самому», замечательного памятника философской мысли, в чем-то даже близкой, как считают историки, установкам христианской этики. И бесконечно далекой от нее. Однако, как показывают мученические акты, в жизни этот император оказался одним из врагов христианства. Именно в годы правления этого тонкого, образованного и по-язычески богобоязненного мыслителя разгорелись новые гонения на христиан.

Мы упомянули мученические акты. Дело в том, что римляне во всем старались быть юридически точными. При допросах, пытках и казнях преступников, а христиане были для них преступниками, обязательно присутствовал судебный секретарь, который подробно записывал все происходящее. Некоторые из этих записей сохранились. Именно они стали основой для будущих житий святых.

...Вот, к примеру, Акты Лионских мучеников — свидетельство очевидцев о казнях и истязаниях в Лугдуне (современный город Лион во Франции) в 177 году, превзошедших жестокостью прежние гонения на христиан.

«Каждый день хватали тех, кто был достоин восполнить число мучеников — людей самых деятельных,

на которых Церкви, по существу, и держались. Весь неистовый гнев и толпы, и римского легата, и солдат обрушился на Санкта, дьякона из Виенны; на Матура, недавно крестившегося, но доброго борца; на Аттала, всегда бывшего опорой и оплотом здешних христиан, и на Бландину: на ней Христос показал, что ничтожное, незаметное и презренное у людей (Бландина была рабыней, маленького роста и неказистой наружности) у Бога прославлено за любовь к Нему, проявленную не напоказ, а в действии. Боялись за нее все. И мы, и ее земная госпожа, сама бывшая в числе исповедников, считали, что у Бландины, по ее телесной слабости, не хватит сил на смелое исповедание. Она же исполнилась такой силы, что палачи, которые, сменяя друг друга, всячески ее мучили с утра до вечера, утомились и оставили ее. Они удивлялись, как Бландина еще живет, хотя все тело у нее истерзано и представляет собой сплошную зияющую рану».

Напомним, что гибель Лионских мучеников приходится на самый расцвет царствования Марка Аврелия. Когда 3 года спустя пришло и ему время умирать, императора-философа похоронили в Риме в мавзолее Адриана — нынешнем замке Ангела. Для позднейших языческих императоров имя его стало святым, а деятельность — образцом. Совершенный римлянин, верный преданиям, доблестям и предрассудкам Вечного города, Марк Аврелий продемонстрировал сполна «блеск и нищету» римского идеала и «римской мечты». Смерть его, говорит историк, стала смертью античной культуры.

...А кровь мучеников, по известному изречению писателя-апологета Тертуллиана, становилась «семенем христианства».

II ВЕК

Святитель Игнатий Антиохийский (Богоносец)

Антиохия сегодня — это один из захолустных городков на турецко-сирийской границе. Но в первые века нашей эры это был один из крупнейших городов Римской империи, стоявший на перекрестке Востока и Запада, второй после Иерусалима центр веры и христианской жизни. Как много было сделано в этом городе для сохранения и распространения христианства по всему миру! Антиохия стала наследницей духовного богатства Иерусалима после его разграбления. Именно здесь греческая философия начинает служить христианскому богословию. Первые христианские богословы находились под сильным влиянием еврейской литературы. Однако в Антиохии появляются произведения, в которых наследуется лишь библейский дух, а литературная форма и философские категории заимствуются у греков. И первым, кто стал использовать философию в качестве служанки богословия, был святитель Игнатий Богоносец, епископ Антиохийский.

Игнатий стал епископом Антиохии в начале II века. К тому времени христианская Церковь существовала уже около пятидесяти лет. В Антиохии она была эллинского, то есть языческого, происхождения. Для самого Игнатия греческий язык был языком его души, его культуры. Именно поэтому,

пользуясь образным строем греческой философии, он очень умело и точно выражал христианское вероучение. О его богословском наследии впоследствии говорили, что «в устах Игнатия Богоносца греческая философия получила наивысшее освящение, выражая чистейшую любовь ко Христу, Который Своей Кровью освятил языческий мир и его истинные ценности».

Согласно преданию, прозвище «Богоносец» Игнатий получил еще ребенком. Будучи маленьким мальчиком, Игнатий стал участником событий, описанных в евангельской истории. Когда Иисус Христос беседовал со Своими учениками, Он вдруг посадил к Себе на колени одного из игравших неподалеку детей и, потрепав ребенка по голове, сказал: «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное». Этим ребенком был будущий святитель Игнатий. На протяжении всей своей жизни святитель старался оправдать свое высокое прозвище, став действительно носителем Божественного духа и образцом для многих поколений христиан. Святитель Иоанн Златоуст, живший через триста лет после Игнатия, называет Богоносца «образцом добродетелей, явившим в лице своем все достоинства христианина и епископа».

Святитель Игнатий стал первым после апостола Петра епископом Антиохийским. О жизни и деятельности Игнатия нам известно только из его семи посланий, написанных христианам других Церквей. Но именно они позволяют проникнуть в тайные глубины его души. Перед нами раскрывается натура исключительно героическая, страстная, не способная на компромиссы, и в то же время скромная и доброжелательная, озаренная ясным умом и любовью к людям. «Трудность состоит не в том, чтобы любить всех людей, — пишет святитель Игнатий к смирнскому епископу, — но чтобы любить каждого человека в отдель-

ности, и прежде всего человека маленького, слабого, любить раба и того, кто нас ранит, задевает, заставляет страдать». Любовь, которую Игнатий излучает, проявляется прежде всего как уважение к личности. Он не приказывает, а увещевает, помогая становиться лучше и не нанося при этом обиды. Тема, которая постоянно встречается в его письмах, — милосердие. Во всех общинах он проповедует милосердие. Слово это присутствует у святителя везде. Оно для него — итог истинной веры. «Вера — это начало, — пишет Игнатий, — а любовь — венец... Все прочее, относящееся к добродетели, происходит от них».

Ответственность за других не мешает способности трезво оценивать и себя самого. Игнатий знает себя, знает, что чувствителен к лести, что из-за пылости своего характера легко раздражается. «Я стараюсь налагать на себя определенные наказания, — пишет святитель, — дабы не погубить себя своим бахвальством». Какое знание собственных слабостей чувствуется в этих строках! Вспышки горячности и раздражения, в которых всякий раз раскаивается, он побеждает кротостью. Бахвальству он противопоставляет смирение, хуле — молитву, надменности — внимание к людям. «Хорошо поучать, но при условии, что то, чему учишь, претворялось бы в жизнь, и в первую очередь — в свою собственную», — пишет Игнатий Богоносец. Таким открывается первый епископ Антиохии, таким навеки запечатлели для нас его письма.

При императоре Траяне Игнатия арестовали, судили и приговорили отдать на растерзание диким животным. Он идет в Рим пешком под вооруженным конвоем. Авторитет святителя Игнатия был столь велик, что Церкви тех городов Азии, которые он проходил за время своего пути, выходили ему навстречу во главе с епископами, чтобы засвидетельствовать

Богоносцу свое глубокое уважение и услышать от него наставления.

По пути он пишет послание Римской Церкви, прося ее не предпринимать никаких шагов в свою защиту и не лишать его радости мученичества: «Прекрасно мне закатиться от мира к Богу, чтоб в Нем мне воссиять». «Тот, кто прочел послание к римлянам, — пишет о нем наш современник, — найдет там одно из самых волнующих свидетельств веры... Это крик сердца, не способного вводить в обман ни других, ни себя, — он трогает, ибо правдив». Римские христиане встретили святого Игнатия с великой радостью и глубокой скорбью. Некоторые из них надеялись уговорить народ отказаться от кровавого зрелища, но святитель Игнатий умолял не делать этого. В день языческого праздника 20 декабря богоносного святителя вывели на арену цирка, и он обратился к народу: «Римские мужи, вы знаете, что я осужден на смерть не ради злодеяния, но ради Единого моего Бога, любовью к Которому я объят и к Которому стремлюсь. Я Его пшеница и буду смолот зубами зверей, чтобы быть Ему чистым хлебом». Сразу же после этого были выпущены львы.

Игнатий был погребен в Риме. Его могила не утеряна. До сих пор множество христиан со всего мира приезжают поклониться этому выдающемуся человеку, удивительно современному нам по своим мыслям, несмотря на разделяющие нас почти два тысячелетия.

М.В. Первушин

Святой мученик Иустин Философ

Из всех христианских философов II века наиболее значим и знаменит святой Иустин. Его произведения способны всколыхнуть самые глубины души,

ищущей Бога. Иустин был образованным человеком, стремившимся развивать диалог христиан с евреями и язычниками. Вся его жизнь — долгий путь к истине. Века, прошедшие с тех пор, лишь увеличили ценность его произведений, написанных с суровой простотой и безыскусностью. Сто лет отделяет Иустина от жизни Иисуса Христа, но христианство для него не столько учение, но прежде всего Личность — Слово, воплощенное и распятое. Он был одним из первых, кто положил начало христианской философии.

Во времена Иустина философы обладали правом проживать в Риме, так как жители Вечного города были увлечены и греческой философией, и греческими религиозными мистериями. Философия становится духовной школой мира и покоя, а философ — духовным наставником и руководителем. Сам римский император надевает тогу философа. Настали благоприятные времена и для распространения Евангелия. Однако многие философы и языческие писатели выпускают разные вздорные слухи и клеветнические толки про христиан, стараясь опорочить опасных соперников. Их обвиняют в поклонении ослиной голове, в оргиях и в людоедстве. Христианские писатели того времени старались развеять эти невежества и предрассудки, чтобы стал возможен открытый, честный диалог. Одним из них был Иустин Философ.

«Иустин, сын Приска, внук Вакхия, уроженцев Флавия Неаполя в Сирии Палестинской» — такими словами представляет Иустин самого себя на первой странице одного из своих произведений. Он родился в Галилее, там, где Иисус открыл самарянке новую веру. Его родители были знатными римскими гражданами, занимавшими видное место в правительстве одной из провинций империи. Иустин еще в молодости увлекся философией. И в своем увлечении был искренен. В отличие от многих его интересовали не

теоретические измышления для упражнения ума, а поиск мудрости и истины. «Главное действия, а не слова», — пишет тогда Иустин. Исследовав философскую мысль, он находил ей применение в жизни. Он любил и знал все ее перепутья. Он старался найти истину, чтобы жить ею. И потому его путь в философии богато отмечен доказательствами из собственной жизни. Философские поиски Иустина шаг за шагом вели его к порогу веры.

В одном из своих произведений Иустин рассказывает о своем обращении ко Христу. Однажды он прогуливался в уединенном месте за городом на пустынном берегу моря и размышлял о том, где искать путь к познанию истины и возможно ли лицезреть Бога. Там Иустин встретил старца, который раскрыл философу сущность христианского учения и ответил на поставленные философом вопросы. В конце беседы старец сказал: «Только христианство есть истинная философия, содержащая в себе все частные истины. Молись прилежно Богу, чтобы Он открыл тебе Истину. Только Бог способен открыть ее и лишь тому, кто ищет Его с молитвою и любовью». Через некоторое время после этой встречи Иустин принял крещение. Все свои дарования и обширные философские познания Иустин посвятил теперь проповеди Евангелия среди язычников. Он начал странствовать по Римской империи, всюду сея семена христианской веры. «Кто может возвещать Истину и не возвещает, тот будет осужден Богом», — писал он.

В середине II века начались очередные гонения на христиан. Иустин прибыл в Рим и лично вручил императору трактат в защиту неповинно осужденных на казнь христиан. В этом трактате философ доказывал ложность возводимых на христиан обвинений. Его слово оказало столь благотворное воздействие на императора, что тот прекратил гонение. Иустин сам

отправился сообщать радостную весть об отмене императором гонений в те районы империи, где особенно сильно преследовали христиан.

Последние годы своей жизни Иустин провел в Риме. Он открыл одну из первых христианских школ, созданную по типу модных в то время школ философских. Своим ученикам Иустин излагал философию христианства, утверждая, что только в ней он нашел единственную истинную философию, отвечающую на все вопросы человечества. Школа становилась многочисленной. Это давало ей права гражданства, как любой другой философской школе. Его успех вызвал зависть одного из многочисленных мнимых философов, чья школа пустовала. Вместо честного соперничества тот прибегнул к подлому доносу.

Оклеветанный Иустин вместе с шестью своими учениками был арестован. Сохранились подлинные акты судебного процесса над философом. В них он исповедует свою веру:

— Какой науке ты себя посвятил?

— Я изучал последовательно все науки, а кончил тем, что принял истинное учение христиан! Никто не поверил Сократу настолько, чтобы решиться умереть за его учение. Но последователи Христа, необразованные ремесленники, презирали страх и смерть.

Иустина приговорили к смертной казни. Он завершил свою жизнь, как свидетельствуют акты, славословием христианскому Богу.

Этот человек, живший восемнадцать веков назад, через свои сохранившиеся произведения до сих пор действует на читателя не искусством диалектики и мастерством изложения, а своей прямоотой и открытостью души. Его сочинения являются свидетельством его жизни, начиная с рождения, формирования личности и вплоть до мученической кончины. Через искушения, от которых он предостерегает, Иустин

прошел сам. За аргументами, которые он приводит, стоит опыт всей его жизни. И потому им можно доверять. В трактатах Философа видна его открытая душа, его способность к диалогу — это обезоруживает и привлекает. Для тех, кому важно услышать такое свидетельство, слово Иустина всегда окажется произнесенным вовремя.

М.В. Первушин

Священномученик Иринея Лионский

II век нашей эры был сложным временем для христиан. Противостояние с язычеством дополнилось внутрицерковными разногласиями. Тогда, на заре христианства, еще не было единой точки зрения на многие истины вероучения. В христианстве появились направления, которые принято называть еретическими. Самым опасным конкурентом апостольского учения о Христе был гностицизм, что в переводе с греческого означает «познание». Гностики, будучи весьма образованными людьми, отрицали Божественное откровение, получаемое святыми людьми. Они утверждали, что человек постигает все истины христианской веры исключительно своим умом. Но, по мнению Церкви, самым серьезным заблуждением гностиков было то, что они разделяли человеческое бытие на духовное и плотское.

«Никакого общения между душой и телом не существует. Человек живет по законам плоти, а не по велению духа».

Так утверждали гностики. И вот тогда-то на небосклоне христианской Церкви воссияла звезда святого Иринея — одного из самых выдающихся отцов и учителей Церкви. Имя Иринея в переводе с греческого означает «мирный», и, что примечательно, ро-

дился он в городе Смирна, в Малой Азии. Но вовсе не спокойная жизнь была предопределена святому Иринею — вся она была исполнена трудов во имя чистоты апостольского вероучения.

Духовным наставником молодого Иринея стал святой Поликарп. Сам он был непосредственным учеником апостола и евангелиста Иоанна Богослова, который и поставил святого Поликарпа епископом города Смирны.

«Слушай меня, Иринею, и я передам тебе все то, что слышал от апостола Иоанна Богослова, любимого ученика Иисуса Христа».

Так говорил святой Поликарп своему духовному сыну Иринею. Убедившись, что Иринею в полной мере впитал в себя чистоту христианской веры, епископ Поликарп рукоположил Иринею во священника и отправил его на служение в Галлию — нынешнюю Францию, в город Лион. Практически это означало, что святому Иринею предстоит апостольская деятельность, которая, как было заранее ясно, сопряжена с опасностью для жизни. И святой Иринею понимал это.

В Лионе большинство населения были язычники. А христианским епископом Лиона служил тогда святой Пофин, и вот в лице священника Иринею он обрел твердого в вере, незаменимого помощника. В 177 году епископ Пофин послал Иринею в Рим, чтобы тот отвез доклад о делах Лионской епархии. Уже будучи в Риме, святой Иринею узнал, что святой Пофин убит в Лионе. Иринею отговаривали возвращаться в Лион, говорили, что и его могут умертвить. Святой отвечал: «Не могу бросить свою паству. Мой пастырский долг велит мне быть вместе с лионскими христианскими исповедниками». Видя непреклонность святого Иринею, Римский папа возвел его в сан епископа Лионского.

Возвращаясь в Лион, Ириней молил Бога: «Господи Иисусе! Дай мне хоть немного времени, чтобы послужить Церкви христианской, добиться торжества апостольского учения в моей Лионской епархии!»

Ежедневно выступая с понятными для простых людей проповедями, святой Ириней своими вдохновенными речами обратил жителей Лиона в христианскую веру. Казалось, незримая сила помогала пламенному архипастырю во всех его делах. В то время возникло несогласие между европейскими и азиатскими христианами по поводу времени празднования Пасхи. И тогда свое слово сказал святой Ириней: мудрыми, взвешенными посланиями к папе римскому и к восточным иерархам он сумел помирить спорящих.

Теперь предстояло разоблачить учение гностиков. Святой Ириней пишет свое выдающееся богословское творение — книгу под названием «Обличение и опровержение ложного знания». Так, например, гностики выдвинули утверждение, что Евангелия, написанные апостолами по внушению Духа Святого, не являются истинными. Гностики предложили свое сочинение, которое назвали «Евангелием истины», хотя оно противоречило каноническим апостольским Евангелиям. Святой Ириней в своей книге обосновал, что подлинных Евангелий может быть только четыре, которые написаны самовидцами Иисуса Христа, апостолами. Ведь они непосредственно внимали Слову Божию.

«А что Евангелий может быть только четыре — от Матфея, Марка, Луки и Иоанна, — рассуждал святой Ириней, — так на это явно указывает Откровение Иоанна Богослова. В своем Божественном видении Иоанн говорит о четырех Херувимах, на которых восседает Слово, то есть Господь Вседержитель. Эти четыре Херувима выражают как бы четыре вида де-

ятельности Сына Божия. Один Херувим подобен льву и тем самым указывает на предвечное господство и царскую власть Бога. Второй Херувим подобен тельцу и означает первосвященническое служение Господа нашего Иисуса Христа; символ тельца означает, что Агнец Христос явился в мир, дабы принести Богу Отцу искупительную жертву за грехи людские. Третий Херувим имеет лицо человека, что говорит о явлении Сына Божия в образе и виде человеческом. И наконец, четвертый Херувим подобен орлу летящему, что указывает на постоянное присутствие в Церкви Духа Святого».

Так святой Ириней впервые и на все века утвердил символы Евангелий и евангелистов — Матфея, Марка, Луки и Иоанна: человек, лев, телец и орел.

В то время появилась еще одно опасное учение, согласно которому Ветхий Завет следовало полностью изъять из христианского вероучения и богослужения. Святой Ириней убедительно обосновал единство и преемственность Ветхого и Нового Завета.

Великие слова сказал святой Ириней и о христианской Церкви.

«Только Церковь есть дверь жизни вечной. Дух Божий существует в Церкви с самого ее основания. Он есть как бы жизнь и душа Церкви. Церковь рассеяна по всему миру. Но как солнце одно и то же во всем мире, так и проповедь истины сияет во всей Церкви».

Святой Ириней многих спас от языческого идолопоклонства и псевдохристианских заблуждений. Наконец, в 202 году по приказу императора-язычника Севира святой Ириней был казнен за свое бесстрашное исповедание Христовой веры.

III ВЕК

Тертуллиан

Христианская Церковь Северной Африки всегда отличалась многочисленностью паствы и хорошо организованной структурой управления даже тогда, когда гонения на христиан были в самом разгаре. Африка, которую арабы называли не иначе как «островок Запада», еще в III веке могла созвать на Собор до сотни епископов. Центром христианской жизни Северной Африки, как, впрочем, и всей политико-экономической жизни этого региона, был Карфаген. Этот красивейший город, расположенный на высоком берегу Средиземного моря, дал сокровищнице как христианской Церкви, так и всей мировой культуры многих знаменитых людей. Одним из них был Тертуллиан. Именно его сочинение «Апология», легшая на стол императору и произведшая фурор во дворце, стала началом нового движения в Церкви.

До сих пор Церковь лишь героически оборонялась. Тертуллиан же, придав ей отвагу и смелость, повел ее в наступление. Его «Апология» — сочинение энергичное и напористое — один из шедевров христианской философии. «Итак, добрые правители, которых тем больше почитает чернь, чем больше христиан вы приносите ей в жертву, — пишет в своем труде Тертуллиан, — мучайте нас, подвергайте нас пытке, приговаривайте к смерти, уничтожайте. Ваше беззаконие есть только доказательство нашей невинности».

ти. Все ваши ухищрения ни к чему не ведут, они лишь умножают притягательность нашей “секты”, нас становится еще больше, как только вы собираете среди нас свою жатву; кровь христиан служит им новым семенем». Он обвиняет империю в нетерпимости и гонениях с точки зрения права. Он апеллирует к высшей инстанции — к римскому закону, что было ново и смело для апологии христианства. Время терпимости прошло, Тертуллиан требует прав. «Я не только опровергну выдвинутые против нас обвинения, — пишет далее Тертуллиан, — я обращаю их против самих обвинителей». Нечасто можно встретить в христианских сочинениях того времени столь строгую правовую аргументацию, столь сильную иронию, столь убийственную логику. Его доводы — как удары молота, из-под которых выходят чеканные формулы и неотвратимые дилеммы. И все это без малейшей оглядки на власть или на философские авторитеты.

— Кто этот человек? Я спрашиваю, кто он? — кричал император, трясая в руке рукопись с «Апологией» Тертуллиана.

— Его зовут Квинтус Септимус Флоренс Тертуллианус, милостивый владыко, он родом из Карфагена, его отец — язычник и храбрый воин, — последовал ответ склонившегося почти до земли придворного.

Действительно, отец Тертуллиана, дослужившийся до средних чинов в императорской армии, дал сыну высшее образование. Зная, как тяжело зарабатывать на хлеб солдатом, он позаботился о том, чтобы Тертуллиан окончил сразу две школы — юридическую в Карфагене и ораторскую в Риме. Обстоятельства его обращения ко Христу остаются неизвестными. Терпение и героизм христиан, чьи публичные казни он мог наблюдать в Риме, произвели на него неизгладимое впечатление. Он берется за чтение, желая больше узнать об учении христиан. И первое, что он

прочитал — Евангелие, — покоряет его сердце. Тертуллиан принимает крещение и входит в христианскую Церковь со всем запасом своей культуры, со всем богатством своей личности. С одной стороны, он стремился к дисциплине, к строгости христианской аскезы, а с другой — был страстным, необузданным, вспыльчивым и независимым. Он соединял в себе чувственность африканца с качествами римлянина, ценившего силу и пользу.

Огромнен вклад Тертуллиана в богословие христианской Церкви. Он впервые употребил выражения, которые впоследствии прочно вошли в православное богословие. Однако даже в своих сочинениях Тертуллиан не в силах скрыть свою стремительность, буйность, необузданность. Для него не существует преград, если не хватает слова, он его создает. Он сформировал словарь понятий, выражающих истины веры, оказал громадное влияние на христианскую литературу. Его словесные формулы так отточены, что впоследствии говорили: «У Тертуллиана сколько слов, столько и мыслей». Такие выражения, как «душа по природе христианка», «верую, ибо абсурдно», «кровь мучеников — семя христиан», запоминаются каждому.

В Африке восхищались его гением и независимостью. Жил он всегда напряженно и особняком. Его произведения уже тогда переводят на греческий язык, что случалось довольно редко и свидетельствовало о широком общественном резонансе. Сохранилось около 30 его произведений на самые разные темы: о крещении, о покаянии, о молитве, о смирении. Он пишет даже о женской манере одеваться: «Белизна ваша пусть будет от простодушия, а румянец — от стыда, глаза ваши пусть обрисует скромность, а губы — молчание... в таких-то украшениях вы станете возлюбленными Господа». Все сочинения этого пылкого карфагенца «одушевлены гневом и страстью и часто

изливались огненной лавой». Он был скорее неистов, чем нежен и сердечен. Однако этот грозный обличитель одновременно вызывает и восхищение, когда сознается, что написал свою книгу о смирении именно потому, что самому ему этой добродетели недостает: «Мною, к несчастью, всегда владела лихорадка нетерпения». Сочинение это не оказало, по-видимому, благотворного влияния на его характер, столь подверженный вспышкам темперамента. Максимализм Тертуллиана проявлялся во всем, и даже «церковные предписания привлекали его больше личности Спасителя», — утверждает историк. Устав от умеренности, истосковавшись по крайностям, Тертуллиан уходит в секту монтанистов, найдя в их учении удовлетворение своему чувству независимости, а также дисциплину, которая соблазняет его крайней строгостью нравов и аскетическими ограничениями. Однако в конце концов он рассорился и с монтанистами. Согласно одному из его учеников, у Тертуллиана была одинокая старость. Точная дата его кончины неизвестна.

Так громкая жизнь Тертуллиана закончилась в молчании.

М.В. Первушин

Священномученик Киприан Карфагенский

В начале III века гонения на христиан временно затихли. Сорок лет Церковь пребывала в покое. Но это была лишь передышка перед новой волной преследований.

В это время в Карфагене, крупном городе на севере Африки, жил адвокат-язычник Фасций Киприан. Сын знатных и богатых родителей, Фасций получил прекрасное светское образование. В университете

Карфагена студент Фасций прославился своим даром красноречия и потому избрал адвокатскую деятельность, приносящую огромные заработки. Как вспоминал сам священномученик Киприан, до 46-ти лет он «вел жизнь греховную, потворствуя своим страстям». Но ему, наделенному незаурядным интеллектом и тонкой, чувствительной натурой, в зрелом возрасте стали отвратительны языческие увеселения. Он перестал ходить в цирк, где умирали израненные гладиаторы, а кровожадные зрители-язычники бесновались от зрелища смерти. Киприану опротивел театр с его языческими трагедиями, где превозносились тираны и злодеи, а комедии были наполнены бесстыдством. Все чаще Киприан испытывал душевное опустошение и отчаяние. Разочарованный в своей жизни, Киприан писал в письме к другу: «Знатность, всеобщий почет и богатство, которые кажутся многим людям такими заманчивыми и обольстительными, на самом деле наполняют душу пустыми и мучительными тревогами».

Любознательный по природе, Киприан заинтересовался христианским учением. Он прочитал «Апологию» Тертуллиана, и книга эта натолкнула его на размышления о бессмертии души, о необходимости спасения от вечной гибели. Он захотел стать христианином, но поначалу не верил в возможность своего перерождения: «Возможно ли отбросить все то, чем я жил раньше, и сделаться другим человеком по складу ума и сердца?»

В состоянии такой внутренней борьбы Киприан познакомился с христианским священником по имени Цецилий. Тот сказал ему: «Пока жив человек, он может измениться, преодолеть самые злые склонности».

В то время совершению Таинства Крещения предшествовало серьезное и длительное испытание. Та-

ким испытанием для Киприана стал полный и добровольный отказ от своего огромного состояния. В доказательство искренности своего стремления быть христианином Киприан раздал все имущество бедным. Ему больше нигде было жить, и он поселился у Цецилия, который и совершил над ним Таинство Крещения. Не прошло и года, как умер карфагенский епископ. Киприана, успевшего к тому времени стать любимым в народе священником, христиане единодушно избрали своим епископом. Как-то он завтракал со своим дьяконом Понтием и вдруг сказал:

— А знаешь, дьякон, мне осталось жить ровно год.

— Ты болен, владыка?

— Нет, я здоров. Но ровно через год гонители Христовой веры отсекут мне голову мечом.

В Риме в то время пришел к власти император Декий. Всюду огласили его указ: «Все христиане должны отречься от Распятого и поклониться древним богам. Если же найдутся упорствующие, то таких христиан предавать публичной казни через отсечение головы».

Христиане разделились на тех, кто добровольно шел на смерть за имя Христово, и тех, кто испугался казни или потери имущества. Малодушные принесли жертву языческим богам. Были и такие, кто за взятку получил фиктивную справку, что отрекся от Христа. Но все эти люди рассчитывали после окончания гонений снова вернуться в лоно Церкви. А чтобы в будущем их снова приняли в христианскую общину, они шли в темницы к мученикам, осужденным на смерть, и просили их написать ходатайство, что упомянутый человек отрекся от Христа по принуждению, а в душе остается истинным христианином. Мученики перед казнью проявляли милосердие к своим слабым духом собратьям и подписывали ходатайства.

Все это вызвало споры среди духовенства. Одни считали, что нельзя игнорировать последнюю волю мучеников и следует сразу же возвращать в лоно Церкви людей, предъявивших подобные ходатайства. Но была и противоположная точка зрения: человек, отрекшийся от Христа, подлежит отлучению от Церкви навсегда. Епископ Киприан, будучи тогда в изгнании, изложил свою позицию в «Книге о падших». Он советовал пастырям не препятствовать возвращению отрекшихся христиан в лоно Церкви, но перед этим подвергать их длительному испытанию, зримому покаянию, которое способно изгладить тяжкий грех отступничества. И эта позиция святителя Киприана в конечном счете возобладала.

Святитель Киприан оставил современникам и потомкам несколько основополагающих христианских трактатов. Главный из них: «Книга о единстве Церкви». Это сочинение впоследствии цитировалось на Третьем и Четвертом Вселенских Соборах: «Церковь — это основанное Господом и устроенное апостолами сообщество людей, представляющих одно целое. Во главе Церкви стоит Сам Господь наш Иисус Христос. Вне этой Единой Апостольской Церкви нет и не может быть спасения. Дом Божий — один, и пусть не воображают некоторые, что можно спастись, не повинувшись епископам и священникам».

Вскоре сбылись слова Киприана о своей смерти. Ровно через год после пророчества он был вызван в Карфаген из мест заключения и приговорен к казни.

Святитель Киприан вел себя спокойно и с достоинством. Даже палач уважительно отнесся к доброму пастырю, дал ему время помолиться перед смертью и благословить свою многочисленную паству, со слезами наблюдавшую за казнью любимого

епископа. Все вспоминали его слова: «Вера без любви невозможна. Где нет любви к людям, там нет и веры в Бога».

А.А. Аннин

Ориген

Личность и учение Оригена веками вызывали споры среди историков и богословов. С уважением относились к философским трудам Оригена такие учителя Церкви, как Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст.

«Это величайший проповедник со времен апостолов!» Так говорил об Оригене блаженный Иероним. Но он же потом стал одним из главных противников Оригена. Против Оригена выступил также святитель Иринеи Лионский, некоторые другие отцы Церкви.

Так что же за человек был Ориген и в чем заключалось его учение? Он родился в Александрии Египетской около 185 года, через полтора века после возникновения христианской Церкви. Его отец, учитель по имени Леонид, дал Оригену прекрасное образование. В 202 году, в разгар очередных гонений на христиан, Леонид был брошен в застенки. 17-летний Ориген рванулся было в тюрьму, чтобы разделить участь отца. Но мать сумела помешать пылкому юноше. Тогда он послал Леониду письмо: «Твердо держись Христовой веры, не отрекайся ради нас!»

Отца казнили, а все семейное имущество было конфисковано. Ориген, имея на своем попечении больную мать и шестерых малолетних братьев, стал зарабатывать учительством. Себе юноша отказывал практически во всем. Весь день он за нищенскую плату обучал людей грамоте, а по ночам учился сам: познавал Священное Писание, языки, философию.

Также вникал в естественные науки. Вот как пишет о юности Оригена церковный историк того времени, епископ Евсевий Кесарийский: «Он строго постился, спал совсем немного, причем на голой земле. Ориген в прямом смысле слова соблюдал напутствие Христа: он не имел даже одной смены одежды, не заботился о завтрашнем дне. Ориген полностью отказался от вина и любой пищи, кроме самой необходимой».

Впоследствии Оригена обвиняли в том, что якобы он в порыве самоотречения оскотил себя. Зачем? Да чтобы избежать соблазнов со стороны своих молодых учениц. Однако Евсевий Кесарийский прямо говорит, что все это — лишь слухи, ничем не подтвержденные.

Слава Оригена как талантливого учителя росла. Он сделался кем-то вроде христианского миссионера среди языческой интеллигенции столичного города. Уже с 18 лет Ориген преподавал в александрийской христианской школе, которую он вскоре возглавил. Это училище называли «интеллектуальным раем». Среди учеников знаменитой школы был святитель Григорий Чудотворец. Он писал об Оригене: «Величайший дар имеет от Бога сей муж: воспринимать Священное Писание как бы из уст Божиих и объяснять его людям на доступном языке».

В школе Оригена царил широта взглядов и взаимное уважение между христианами и иноверными. Вот как вспоминает о своих студенческих годах святитель Григорий Чудотворец: «Ничто не было от нас сокрыто. Мы пользовались возможностью узнать всякое слово, даже языческое, тайное и явное, божественное и человеческое. И мы свободно исследовали их, пользуясь плодами разных учений».

Время от времени Ориген путешествовал, проповедовал в Риме и Аравии. Но самую обширную аудиторию этот богослов получил в Палестине. Епископы

Иерусалимский и Кесарийский были в свое время учениками Оригена. Они пригласили его разъяснять верующим смысл Священного Писания. Ориген, будучи мирянином, проповедовал Слово Божие в храмах, да еще и в присутствии епископов! Это считалось нормальным в Палестине, но в Александрии было строжайше запрещено. И архиепископ Александрийский повелел: «Отлучить гражданина Александрии Оригена от Церкви!» Палестинские епископы не согласились с этим решением и рукоположили Оригена во священника. Но с тех пор путь на родину был для Оригена закрыт. Зато в Палестине этот ученый-богослов приобрел большой авторитет. За неутомимость в трудах Ориген даже получил прозвище «Алмазный».

Новая волна гонений на христиан поднялась в 236 году. Многие из друзей и коллег Оригена оказались в тюремных подземельях, некоторые были казнены за Имя Христово. Ориген пишет свое «Увещевание к мученичеству», где старается укрепить дух страдальцев за веру: «Если мы положим душу к стопам Христа, то получим истинное спасение».

Рискуя жизнью, Ориген сопровождал христиан к месту казни, принимал их предсмертную исповедь. Он заботился о семьях казненных и томящихся в застенках. Наконец, на 70-м году жизни Ориген был арестован, закован в цепи и подвергнут жесточайшим истязаниям. Сердце его не выдержало пыток, и престарелый богослов умер. Это случилось в 254 году.

Высоконравственная жизнь Оригена и его мученическая кончина принесли ему посмертную славу. Но главное — Ориген оставил после себя огромное философское наследие. Он впервые употребил по отношению к Иисусу Христу понятие «Богочеловек».

В учении о Боге Ориген особенно отмечает нематериальность Божества: «Бог — это Свет не для глаз, но для ума, просвещенного этим Светом».

В своем труде «О началах» Ориген задается вопросом: что же такое душа? Он пишет: «Бог изначально наделил души свободной волей, поэтому каждый грешник сам для себя зажигает пламя собственного адского огня».

Эти мысли Оригена в целом соответствовали христианскому вероучению. Однако многие его высказывания противоречат учению Церкви. Так, Сотворение мира Богом Ориген представлял как нескончаемый циклический процесс: «Прежде этого мира были другие миры, и после него будут другие миры. Но душа существует вечно — как в будущем, так и в прошлом. Души живут и до рождения тела, и после его смерти». Ориген предполагал, что, очистившись в адском огне, душа может снова вселиться в другое тело уже в другом мире. И таким образом постепенно достичь совершенства. В конечном итоге, считал Ориген, Бог по Своей любви к человеку спасет всех, даже отъявленных злодеев. Поэтому центральной мыслью у Оригена является конечное просветление всех душ и воссоединение их с Богом. «Коль скоро все разумные твари способны к добру, то и дьявол может исправиться». Подобные высказывания, а также сама идея переселения душ признаны несовместимыми с христианским вероучением. Вопреки мнению Церкви Ориген считал, что душа есть у планет и звезд, что эти небесные тела — разумные существа, поскольку движутся разумно и целенаправленно. Окружающий мир Ориген воспринимал так: «Мир — это красиво устроенная тюрьма, исправительное заведение для душевнобольных, куда заключены разумные твари».

После смерти Оригена его учение вызвало много споров. Наконец, император Юстиниан в 543 году издал указ, в котором объявил Оригена еретиком. В том же году Ориген был осужден на Соборе в Константинополе.

С тех пор прошли века, а философское наследие Оригена по-прежнему хранится и изучается богословами и историками.

А.А. Аннин

Святой Георгий Победоносец

Люди церковные называют его святым великомучеником, народные предания рассказывают о Егории Храбром, волчьем пастыре, в древних былинах отзываются созвучием имени Свет-Егора и Святогора...

Издавна Всадник-Змееборец сделался у нас на Руси государственным символом и изображался на московском гербе. Но древнейшая география георгиевского культа почти необъятна: от Византии до Норвегии, от древних русских князей Юриев до английских королей Георгов, от европейского названия Грузии (**Georgia**) до штата Джорджия в Америке. На Руси в его праздник, 23 апреля старого стиля, выгоняли скот на «Юрьеву росу», на Адриатике в этот день начинали весеннюю навигацию, турецкий султан приурочивал к этой дате переезд на летнюю резиденцию...

Кто же он был, этот Победоносец? И в чем состояла его Победа?

...В год 284-й, 29 августа (первое число месяца Тота по египетскому календарю) состоялось восшествие на престол императора Диоклетиана. Коптская Церковь в Египте и сегодня ведет свое летосчисление не от Рождества Христова, а от этого дня (так называемая «эра Диоклетиана»).

Сын вольноотпущенника, вчерашнего раба, умнейший политик и совсем не злой человек, Диоклетиан мог бы войти в историю с доброй славой лучшего из императоров. Полководец, отразивший натиск

врагов на всех рубежах, реформатор, смело поделивший бремя высшей императорской власти с тремя избранными им соправителями (тетрархами) и осуществивший новое административное деление империи на провинции и диоцезы, сохранявшие свое значение на протяжении нескольких веков после его смерти; «царь-социалист», сумевший в условиях непрерывных войн и всестороннего кризиса быстро и решительно переключить хозяйственную жизнь страны с «рыночной экономики» на рельсы административно-командной системы, почти экономической диктатуры; обеспечивший рабочими местами сотни тысяч безработных и социальной помощью миллионы обездоленных, — таков Диоклетиан в продолжение 20 лет своего правления.

Все эти годы он относился к христианству вполне толерантно. Достаточно сказать, что его собственные жена и дочь были христианками. Впрочем, некоторые историки полагают, что он просто откладывал решение религиозных вопросов до более благоприятного времени.

В 303 году наступило это «благоприятное» время. Один за другим были опубликованы три указа — эдикты Диоклетиана, положившие начало десятым в истории, самым масштабным и жестоким гонениям на Церковь.

Первым из них повелевалось по всей империи, на западе и востоке, разрушить церкви, конфисковать и сжигать священные книги, а самих христиан лишать гражданских прав. Второй указ предписывал арестовывать и сажать всех представителей духовенства — от епископа до псаломщика. Третий требовал применения пыток к упорствовавшим христианам.

Взвзвись за что-либо, император любил доводить дело до конца. Своей задачей, пишет историк, Диоклетианово гонение имело совершенное подавление

христианства, искоренение самого имени христианского. «*Nomen christianorum deleto*» — «Да погибнет имя христианское».

Не правда ли, до боли знакомый лозунг? «К первому мая 1937 года имя Божие должно быть забыто на территории СССР». Века идут, а цели не меняются. И средства палаческие те же...

Но цели врагов Церкви со времен Рима до наших дней потому и не меняются, что никакому Диоклетиану не удастся их осуществить. Не хочет и не может мир забыть Имени Божиего, встают к трибуналу новые и новые Его свидетели. По-гречески «мученик» называется «мартис», то есть «свидетель», человек, свидетельствующий об истине веры не словами, а своей кровью.

И христианские мученики несут свое свидетельство миру.

И побеждают.

...Так обстояло дело и той далекой весной — тысяча семьсот лет назад.

Святой великомученик Георгий, родом из Каппадокии, города в Малой Азии, вырос в христианской семье. Его отец принял мученическую смерть, когда Георгий был еще ребенком. Поступив на военную службу, красивый и мужественный юноша был как-то замечен Диоклетианом и принят в его гвардию. Когда весной 303 года был разрушен по приказу императора соборный храм Никомидии, а на утро издан эдикт о гонениях на Церковь, Георгий смело явился в Сенат и открыто выступил против замыслов правителей.

— Кто ты такой? — спросил один из сенаторов.

— Я раб Христа, Бога моего, и, уповая на Него, предстал среди вас по собственной воле, чтобы свидетельствовать об Истине.

— Что есть истина? — невольно повторил кто-то вопрос Пилата.

— Истина есть Христос, гонимый вами, — отвечал юноша.

Изумленный император, который знал и возвышал Георгия, попытался воздействовать на него посулами, уговорами, потом угрозами. На это последовал ответ:

— Никто не ослабит моей решимости служить Богу.

Тогда Георгий был взят под стражу. Его вели, подталкивая остриями копий, а он был весел, так что стражникам казалось, будто сама смертоносная сталь гнулась и мягчала, касаясь исповедника, чтобы оставить его невредимым.

Назавтра начались пытки. Георгий недаром сказал императору: «Скорее ты устанешь, мучая меня, чем я, мучимый тобою». Заплечных дел мастера применили к нему полный традиционный набор: клали под пресс (под большой камень), зарывали в ров с негашеной известью, колесовали — протаскивали на колесе под закрепленным рядом ножей. А мученик, говорят, слышал голос: «Не бойся, Георгий, Я с тобою», — и у колеса появлялся в незримом сиянии Ангел, исцелявший его раны...

После коротких передышек мучения возобновлялись. Его обули в железные сапоги с раскаленными на огне гвоздями и в них погнали в камеру. Обернувшись в дверях, Георгий просил передать Диоклетиану, что сапоги ему впору...

Под впечатлением виденного исповедали себя христианами присутствовавшие на пытках придворные сановники Анатолий и Протолеон. Им пришлось тут же разделить не только веру, но и мученическую участь Георгия...

Порывалась разделить его подвиги и царица Александра. Но ее не допустили. Ее вместе с дочерью Валерией умертвит через десять лет Лициний...

Церковь назвала святого Георгия великомучеником. Список мучений Георгия особенно велик. В прошлом веке кому-то из историков некоторые из пыток, само число их — могли казаться невероятными. Думали, что составители древнего жития все-таки, наверно, «преувеличивают». Нам, пережившим гестапо, ГУЛАГ, сегодня уже так не кажется.

...В последнюю ночь после молитвы мученик, задремав, увидел в тонком сиянии Христа, Который поднял его с каменного пола темницы, обнял и поцеловал, сказав: «Дерзай — будешь царствовать со Мною». На другой день спокойно и мужественно Георгий преклонил голову под меч. На календаре стояло 23 апреля 303 года.

В растерянности взирали на своего Победителя палачи и судьбы. В кровавой агонии и бессмысленных метаниях кончалась эра язычества. Через два года Диоклетиан, как бы признав правоту и победу Распятого и прошедших его путем бесчисленных мучеников, отречется от престола (1 мая 305 года), удалится на виллу в Далмации сажать салат и капусту и в конце концов, по древнему патрицианскому обычаю, примет яд, измученный и опустошенный...

— Ты измучишься раньше, мучая меня, — предсказал ему Георгий...

А еще через восемь лет святой Константин, один из преемников царя-мучителя, прикажет начертать на знаменах Крест и завет Победоносца: «Сим победиши!»

Н.Н. Лисовой

IV ВЕК

Равноапостольный император Константин

1 мая 305 года император Диоклетиан, организатор самых жестоких в истории гонений на Церковь, после двадцати лет правления, как и обещал, вместе со своим соправителем Максимианом, императором Запада, отрекся от престола. Императору, показавшему достойный пример всем престарелым политикам, кстати, едва исполнилось в то время 55 лет. Когда лет пять спустя Максимиан, пытаясь вернуться к власти, будет приглашать к тому же своего великого соправителя, тот прикажет ответить, что если бы он, Максимиан, мог только видеть, какую превосходную капусту выращивает Диоклетиан у себя на огородах в Сплите, то, конечно, не стал бы предлагать ему таких глупостей.

...Он был еще жив, когда 30 апреля 311 года его преемник, император Востока Галерий, пораженный неизлечимым недугом, за несколько дней до мучительной смерти издал эдикт о прекращении гонений. «Пусть будут христиане», — как бы со вздохом, махнув в отчаянии рукой, провозглашает в своем указе зять Диоклетиана, который, по мнению историков, как раз и был непосредственным виновником и инициатором жестоких и бесполезных гонений.

Между тем на Западе империи в 312 году продолжалась борьба за власть. В октябре битва за Рим

между императором Запада Константином и — тоже императором — Максенцием вступает в решающую фазу.

В канун битвы у Мульвианского моста, у самого порога Вечного города, «когда день клонился к вечеру», Константину было пророческое видение. Он увидел «выше солнца» знамение креста с надписью: «Сим победиши» (то есть под этим знаком одержишь победу). Наутро он приказывает изобразить крест и монограмму Христа на своем штандарте. Войска его одерживают победу, Максенций убит, а Константин с победой вступает в Рим.

А полгода спустя, в марте 313 года, Константин, император Запада, встретившись в Милане с Лицинием, преемником Галерия на Востоке, подписал вместе с ним так называемый «Миланский эдикт», провозгласивший свободу христианской Церкви в Римской империи и означавший историческую победу христианства над язычеством.

Но победа не была мгновенной. Апостольская мудрость Константина состояла в том, что он не навязывал согражданам новой религии грубыми принудительными мерами. Лишь через восемь лет, в 321 году, был издан закон о праздновании воскресного дня. «Все судьи, городское население и ремесленники в досточтимый День Солнца пусть покоются (т.е. не выходят на работу)».

Как и во многих других постановлениях Константина Великого, указ сформулирован так, чтобы нововведение было приемлемо как для христиан, так и для язычников. Характерно, что во многих европейских языках, в частности в немецком и английском, воскресенье и сейчас именуется «днем Солнца». В других языках — греческом, итальянском, воскресный день называется «днем Господа». В славянских языках удачно совмещены древнее языческое и

новое евангельское значения праздника. «Воскресение» — это и восстание Христа из Гроба, и воскресение (возжигание нового Солнца).

В год 324-й, 18 сентября, в сражении при Хризополисе разгромлены войска императора Лициния, упорного продолжателя диоклетиановской борьбы с христианством. Константин стал единственным повелителем империи. Теперь можно было подумать о созыве Первого Вселенского Собора — для решения назревших проблем церковной жизни.

Торжественное открытие Собора под председательством императора состоялось в Никее 14 июня 325 года. Со всех концов ойкумены (Вселенной), совпадавшей отныне с пределами империи, прибыли 318 епископов и священников.

Поводом для созыва Собора явились так называемые «арианские споры». Арий, священник из Александрии, учил, что Сын Божий — Иисус Христос, является хотя и высшим, но сотворенным Существом, что было будто бы время, когда Сына не было, и будет время, когда Его не будет. Арианская ересь возникла из трудности — даже логической невозможности — для выучеников античной философии принять формулу Троицы — Единицы. В признании единосущности, равной Божественности Трех Лиц — Отца, Сына и Духа Святого, им виделся возврат к многобожию. Рационализм еретиков противостоял на Соборе духовному опыту Богообщения и обожения — главной цели христианской жизни. Если Сын не одной сущности, не одной природы с Отцом, то обожение человека во Христе и Его Церкви невозможно. И тогда, как сказал апостол Павел, «тщетна вера наша» и ложно упование.

Этим объясняется чрезвычайный накал страстей на Соборе, посвященном, казалось бы, абстрактным богословским проблемам.

Существует предание, что святитель Николай, архиепископ Мир Ликийских (города в Малой Азии), не сдержался, ударил при всех по щеке упорствовавшего в своей ереси Ария.

Главным деянием Собора стало принятие обязательного для всех Символа веры — краткого, в нескольких фразах, изложения христианского вероучения. Никейский Символ веры вместе с дополнениями, внесенными на Втором Вселенском Соборе, доныне является главным вероучительным документом Православной Церкви.

Каждый день эта молитва звучит в храме на литургии. Ее называют, по первому слову, «Верую» (в латинском варианте «Credo», — откуда современное выражение «кредо» в значении личных убеждений).

Ключевым понятием Никейского символа является единосущие. Мы веруем «во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного (рожденного) от Отца прежде всех веков, Бога истинного, рожденного от Бога истинного, единосущного Отцу». Термин «единосущный», «омозсиос», был предложен лично императором. Это был первый — и редкий по удачности — случай прямого вмешательства высшей светской власти не только в дела Церкви, но и в обсуждение и решение собственно богословских вопросов.

«Арианская смута» продлится еще целых полстолетия, а в отдельных регионах, среди германских племен, арианские общины будут существовать до VII века. Но для Православной Церкви вопрос о единосущии был решен раз и навсегда.

Другим важнейшим решением Собора было определение времени празднования Пасхи — также единое для всех христиан империи. Установленным тогда календарным правилом Православная Церковь

руководствуется и сегодня: Пасха празднуется в первое воскресенье после первого весеннего полнолуния, всегда позже Пасхи иудейской. Поэтому — в силу Никейского определения — для православных невозможен переход на новый, григорианский стиль...

11 мая 330 года торжественно празднуется рождение Константинополя — новой столицы империи. Древний город Византий на берегу Босфорского пролива, неоднократно разрушенный, был восстановлен и перестроен императором. Так воплотилась идея исторической эстафеты центров Всемирной империи: от Рима к Новому Риму — Константинополю. Пройдет тринадцать веков, и наследие Второго Рима перейдет к Третьему — Москве.

...Император Флавий Валерий Константин умер 21 мая 337 года. История назовет его Великим, Церковь — равноапостольным (т.е. равным апостолам по святости и масштабу исторического подвига).

Лишь перед самой смертью «благочестивый и самодержавный» принял крещение. Он все откладывал его, говорил, что хочет креститься лишь в священных водах реки Иордан. Даже на Вселенском Соборе император председательствовал, не будучи христианином. Но есть и другое объяснение. Как мудрый политик, Константин не желал даже актом собственного публичного крещения оказывать давления на религиозную совесть своего народа. «Уверуют — крестятся сами», — считал он.

Н.Н. Лисовой

Обретение святынь

Торжество христианства, ставшего при Константине государственной религией Римской империи, сделало актуальным вопрос о христианских святы-

нях. Вспомним желание апостола Фомы: дайте дотронуться, прикоснуться, осязать лично. А римляне, создатели классического «римского права», были особенно точны и дотошны во всем, что касается источников и вещественных доказательств.

Таким был и сам равноапостольный Константин. Двадцатилетие своего царствования (он вступил на престол в 305 году) император отметил созывом Первого Вселенского Собора в 325 году. 25-летие — основанием новой столицы — Константинополя. К 30-летию юбилею он решил приурочить создание величайшего святилища на земле — храма Воскресения над Гробом Господним в Иерусалиме.

Для подготовки этого строительства мать императора Елена отправилась в Палестину.

Но возможно ли было узнать точное расположение евангельских святынь через 300 лет после событий, описанных евангелистами? Христиане все эти годы скрывались в катакомбах. Евреев пускали в Иерусалим только раз в год — помолиться у Стены Плача. Даже города с именем Иерусалим в империи уже не существовало. Исполнению планов Константина и Елены могла помочь лишь та таинственная, поверх воли человеческой действующая в истории сила, которую верующие называют Промыслом Божиим.

...Подавив в 135 году очередное восстание иудеев под руководством Бар Кохбы, император Адриан повелел на месте разрушенного Иерусалима отстроить новый, вполне римский город под названием Элиа Капитолина.

«Элиа» — потому что полное имя императора было Публий Элий Адриан.

«Капитолина» — потому что город и главный его храм посвящались «Капитолийской троице»: трем римским языческим божествам — Юпитеру, Юноне и Минерве, — общее празднество которым

совершалось в сентябрьские иды (13 сентября). Запомним эту дату.

В языческой религии римлян существовал особый ритуал основания города. Городскую межу — линию будущих стен — пропахивали плугом, запряженным белым быком и коровой. Этот обряд был совершен в 135 году и в Иерусалиме. Мы знаем об этом по сохранившимся в большом числе специально отчеканенным монетам. Ритуальный плуг с древних монет и послужил источником легенды о том, как по приказанию Адриана был «распахан» разрушенный Иерусалим.

Но сначала жрецы-авгуры должны были определить по небесным знакам (полету птиц) наиболее «правильную» ориентацию будущих стен города и храма.

Место, указанное авгурами Адриана, в точности совпало с местоположением известного нам сегодня храма Гроба Господня. Если от Голгофы провести на восток прямую линию, она пройдет через Храмовую гору — в точке, где, по археологическим данным, находилось «Святая Святых» Соломонова храма, — далее через Золотые ворота, через которые Господь совершил свой Вход в Иерусалим, наконец — через вершину Елеона, место Вознесения. Оказывается, авгуры Адриана хорошо знали иерусалимские древности и четко следовали желанию заказчика: «нагаданная» ими ориентация Капитолийского святилища определялась «политикой десакрализации», как интеллигентно пишут историки. Или, сказать грубее и точнее, сознательной установкой просвещенного императора, философа и поэта, на осквернение как христианских, так и ветхозаветных святынь.

Блаженный Иероним, живший в Палестине в конце IV века и много лет посвятивший изучению истории и топографии святых мест, писал: «Со вре-

мен Адриана до царствования Константина, почти 180 лет, стоял на месте Воскресения идол Юпитера и на Голгофе — мраморная статуя Венеры, ибо язычники, виновники сего надругательства, думали, что они смогут истребить нашу память и веру в Крест и Воскресение, если осквернят святые места своими требищами».

По тому же принципу на месте, где Пилат вывел к народу истерзанного мучениями Спасителя со словами: «Се Человек!», Адриан воздвиг триумфальную арку, представлявшую собой восточные ворота Элии Капитолины.

Но вопреки желанию царственного язычника, думавшего своим строительством уничтожить память о Распятом, Бог и история распорядились иначе: именно монументы и идольские капища, воздвигнутые им, помогли документально зафиксировать святые места Иерусалима.

Елене оставалось только разрушить эти помпезные нагромождения, раскопать до основания искусственно насыпанные Адрианом платформы, чтобы в первозданной простоте и величии предстали миру пещера Гроба Господня и Жертвенная Голгофа, вертеп Рождества в Вифлееме, след стопы Возносящегося Спасителя на Елеоне...

Одного лишь открытия святых мест хватило бы, чтобы обеспечить человеку самое почетное место в ряду святых поборников Православия. Но другой важнейшей заслугой Елены стало также обретение Животворящего Креста.

...Нужное место, по преданию, она увидела во сне. Место раскопок находилось в нижней части восточного склона Голгофы. Вскоре под завалами мусора обнаружили массивы древней каменной кладки — остатки когда-то стоявшей здесь, а потом снесенной городской стены. Под ними шла нетронутая

скала, и тут — в точности в том месте, которое указала Елена, — рабочие наткнулись на вырубленные ступеньки и низкую арку.

Дальше проход был завален землей до самого верха; по приказу Елены кирки и лопаты были отложены в сторону, и рабочим выдали деревянные совки, чтобы не повредить Животворящего Древа, если они на него наткнутся. Землю, насыпаемую в корзины, тщательно просматривали и выбирали из нее все деревянные обломки. Так продвигались они понемногу все глубже и глубже, пока в конце апреля 327 года, к удивлению всех, кроме Елены, не докопались до цистерны. При свете факелов можно было разглядеть обширное подземелье, заваленное до половины камнями, вывалившимися из ветхих сводов. Похоже, это и было то, что они искали.

Елена велела принести для себя кресло и часами сидела в полумраке, дыму и пыли, глядя, как идут раскопки, и торопила рабочих, бросая им золотые монеты. Теперь это место, в храме Гроба Господня, в приделе равноапостольной Елены, отмечено мемориальной нишей.

...Но распятых было трое, и крестов было найдено три. Как узнать, на каком именно был распят Иисус Христос?

Мимо шла похоронная процессия. И святитель Макарий, глава Иерусалимской Церкви, предложил дерзновенное решение. По очереди каждый из крестов возложили на усопшую женщину. И когда ее коснулось Животворящее Древо, мертвая воскресла.

Узнав о чуде, народ иерусалимский, верующие и неверующие, спешили к месту находки. Все просили епископа и духовенство поднять, воздвигнуть Крест, чтобы каждый мог хотя бы издали видеть его. Поддерживаемый под руки, святитель медленно начал поднимать Крест и, наконец, простер, воздвиг его высо-

ко над толпой. Потому и церковный праздник обретения Креста называется Воздвижение.

Оставив часть Животворящего Древа в Иерусалиме, Елена другую часть отправила в Константинополь, третью взяла с собой в Рим. Большой крест с частью подлинного Животворящего Древа и сегодня хранится как великая святыня в ризнице храма Гроба Господня.

Освящение храма состоялось уже после кончины Елены — 13 сентября 335 года. День освящения был избран Константином не случайно. Помните? Это по римскому календарю «сентябрьские иды» — праздник языческой Капитолийской троицы — «храмовый праздник» того идольского капища, что соорудил когда-то Адриан над Гробом Воскресшего. Император Константин поступил более мудро: приурочил храмовый праздник христиан к тому же дню, укоренив отныне и навсегда славу Воскресения в самой толще религиозной памяти вчерашних язычников.

Н.Н. Лисовой

Святая равноапостольная Нина

Просветительница Грузии, святая равноапостольная Нина, появилась на свет в конце III века нашей эры. Ее родиной была небольшая провинция Каппадокия, что на территории нынешней Турции. Отец Нины, военачальник Завулон, был родственником святому Георгию Победоносцу. А мать ее, Сусанна, приходилась родной сестрой Иерусалимскому Патриарху. Нина была единственным ребенком в семье.

Отец святой Нины оставил о себе добрую память. Он одержал победу над галлами, а потом проявил милосердие к поверженным врагам. Завулон освободил пленных галльских воинов, которых обратил в

христианство. И по примеру своего отца Нина с детства мечтала отдать себя делу просвещения язычников светом Христовой веры. Однажды Нина читала Евангелие от Иоанна и плакала над рассказом о казни Иисуса Христа. «Воины же, когда распяли Иисуса, взяли одежды Его и разделили на четыре части, каждому воину по части, и хитон; хитон же был не сшитый, а весь тканый сверху. И так сказали друг другу: не станем раздирать его, а бросим о нем жребий, чей будет». Святая Нина задумалась: «Где же теперь обретается Хитон Господа нашего Иисуса Христа, вытканый руками Пресвятой Богородицы?» Престарелая христианка, воспитательница юной Нины, рассказала: «Далеко-далеко, к северо-востоку от Иерусалима, есть страна Иверия, а в ней — город Мцхета. Иудейский священник из этого города присутствовал при казни Спасителя. Он-то и выкупил Святой Хитон Господень у римского воина и отнес его в Иверию. Но жители этой страны остаются язычниками, поклоняются идолам. Самой Пресвятой Богородице во время Ее земной жизни выпал апостольский жребий: идти в Иверию и просветить эту страну верой христианской. Но Ангел явился к Деве Марии и предрек, что Иверия станет Ее земным уделом впоследствии, а проповедь Евангелия придет на эту землю в свое время».

Святая Нина день и ночь молилась Пресвятой Богородице, чтобы Она помогла ей отыскать Хитон Господень и обратить в христианство жителей Иверии. Предание повествует, что однажды девушке в тонком сне явилась Дева Мария, вручила ей крест, сплетенный из виноградных прутьев, и сказала: «Иди в страну Иверскую, благовествуй там Евангелие Господа Иисуса Христа, Я же буду тебе Покровительницей». Пробудившись, святая Нина нашла возле себя крест, виденный ею во сне. Девушка срезала прядь

волос со своей головы и для прочности перевязала ими чудотворный крест.

Святая Нина рассказала о явлении своему дяде, Иерусалимскому Патриарху. Взяв его благословение, девушка отправилась в неведомую страну, которую ныне именуют Грузией. Опаснейшими горными тропами, минуя перевалы и ущелья, добиралась до Мцхеты святая Нина. В дороге одинокую путницу кормили сердобольные пастухи, они же указывали ей путь в древнюю столицу Иверии.

Согласно преданию, Нина пришла в Мцхету в тот самый день, когда христиане всего мира отмечали Преображение Господне. Но жители города, будучи язычниками, собрались в этот день для поклонения своему идолу Армазу и другим истуканам, установленным на высокой горе. Ужасное зрелище варварского празднества повергло святую Нину в слезы. Она взмолилась: «Господи, яви силу Свою, низвергни бездушных истуканов, которым поклоняются эти неразумные люди!» И тотчас же, согласно преданию, поднялась страшная буря, повалившая идолов в пропасть. Разъяренные язычники подступили к незнакомке, которую сочли колдуньей. Но тут кто-то увидел, что прядь волос на ее голове срезана. В те времена это означало, что девушка является рабыней. Послышались голоса: «Мы не имеем права убивать ее! Скажи, девица, кто твой господин? Мы выкупим тебя за любые деньги, а потом казним за поругание наших богов!»

Святая Нина отвечала: «Мой Господин — Христос, я — Его раба!» Жители Мцхеты никогда не слышали о Христе. Возникло недоумение, и несколько добрых горожан, пожалев беззащитную незнакомку, воспользовались замешательством и спасли ее из рук озверелых жрецов. Святая укрылась в избушке садовника. Он и его жена полюбили Нину, как свою дочь.

А вскоре по молитвам святой Нины супруга садовника избавилась от бесплодия и родила мужу сына.

Молва о необыкновенной девушке разнеслась по округе. Согласно сказанию, святая Нина излечила смертельно больного ребенка, возложив на него свой крест из виноградных прутьев, что вручила ей Пресвятая Богородица. А тут вдруг тяжело заболела жена царя Мириана, царица Нана. Она сама пришла в избушку святой Нины, и та своими молитвами избавила ее от недуга. Царица стала ревностной христианкой. По наущению приближенных, царь Мириан хотел казнить святую Нину. Однако, как говорит предание, он был внезапно поражен слепотой, а на землю спустилась мгла. Царская свита, объятая ужасом, стала призывать своих идолов. Летописец повествует: «Но глухи были к мольбам людей бездушные истуканы, и мрак умножился. Тогда уstraшенные вельможи единогласно воззвали к Богу, Которого проповедовала святая Нина. Мгновенно рассеялся мрак, и солнце осветило все своими лучами».

Это событие свершилось 6 мая 319 года. Царь Мириан принял Святое Крещение вместе со своими приближенными.

«По его приказу низвергались идолы, жителей крестили в стремительных водах Арагвы и Куры. Исполненный божественного усердия, царь отправился к благоверному императору Константину Великому. Тот снабдил Мириана богослужебными книгами и сосудами, отрядил в страну Иверскую епископа, священников и дьяконов». Так говорит летописец.

А святой равноапостольной Нине было открыто местонахождение Хитона Господня. Издревле рос в городе Мцхете величественный кедр, возле которого люди получали облегчение в страданиях. Царь Мириан употребил ствол этого почитаемого дерева в качестве опорной колонны для строящегося храма Двенад-

цати Апостолов. Но, согласно преданию, землекопы так и не сумели выкорчевать мощный пень векового кедра. Чудесным образом святая Нина уразумела, что под корнями дерева покоится Хитон Иисуса Христа, сшитый руками Пречистой Девы Марии.

К 324 году христианская вера утвердилась по всем долинам Грузии. Лишь дикие горные племена оставались в плену языческих обычаев. И святая Нина отправилась в горы, чтобы проповедовать тамошним жителям Евангелие. «Многие из них уверовали во Христа и крестились. Оттуда проповедница пошла на восток, в Кахетию, и поселилась в местечке Бодба, в маленькой хижине на склоне горы. Здесь она вела подвижническую жизнь, пребывала в постоянных молитвах, обращая ко Христу окрестных жителей».

Среди обращенных была и царица Кахетии Соджа, принявшая Святое Крещение с именем София. А с ней — множество кахетинского народа.

В Бодбе святая Нина завершила свое апостольское служение. Она мирно отошла ко Господу около 335 года, после 35 лет неустанных просветительских трудов.

А.А. Аннин

Святитель Афанасий Великий

Святитель Афанасий Великий родился в конце третьего века в египетском городе Александрия незадолго до начала страшных гонений на христиан со стороны императора Диоклетиана. Эти преследования были одними из самых жестоких за все время существования христианской Церкви. Целью их было полное физическое уничтожение всех верующих во Христа. Святитель Афанасий вспоминал впоследствии, что «даже язычники, жалея христиан, укрывали

их от воинов, чем подвергали себя смертельной опасности за помощь гонимым».

Уже после прекращения гонений будущий святитель получил образование в своем родном городе. Александрия считалась в то время средоточием учености и славилась своими школами. Как и все ученики, Афанасий традиционно изучал античную философию, литературу, риторику, а также Библию. Именно в Александрии впервые появилась школа по изучению христианских священных книг. Большинство учителей особо выделяли Афанасия среди прочих учеников обширностью его познаний, глубиной рассуждений, бесстрашием и бескомпромиссностью в отстаивании своего мнения.

В тот период в Александрии появилось новое учение, подрывавшее основы христианской веры. Один из александрийских священников по имени Арий стал проповедовать о том, что «Иисус Христос по своему существу не Бог, а всего лишь человек». Этот священник славился своей ученостью, и многие люди с большим доверием относились к его словам. Сомневавшиеся же в его правоте боялись открыто вступать с ним в споры. Александрийский епископ старался вразумить лжеучителя проповедью и наставлениями, надеясь, что тот послушается авторитета епископа и прекратит смущать неученый народ. Однако Арий упорствовал и даже привлек на свою сторону некоторых священников. Тогда епископ собрал Собор Александрийской Церкви, который осудил учение Ария как ересь и низложил как самого пресвитера Ария, так и всех его последователей. Поставил свою подпись под осуждением арианства и Афанасий, к тому времени бывший уже диаконом Александрийской Церкви и помощником престарелого епископа.

Афанасий оказался одним из немногих соратников александрийского епископа в борьбе против ари-

ан, как стали называть последователей Ария. Именно в споре с ними родилось бессмертное произведение Афанасия Великого «О воплощении Слова». Он сумел противопоставить Арию целостное учение, которое связывало насущные проблемы жизни Церкви и учение апостолов прочной цепью духовного опыта и церковного Предания. «Бог стал человеком для того, чтобы человек стал богом» — эта простая истина, высказанная Афанасием, на многие века стала «маяком» православного богословия.

Заблуждение Ария было столь опасно для всего христианства, что в 325 году в Никее византийский император Константин Великий созвал Первый Вселенский Собор для общецерковного разрешения вопроса с Арием. На нем от лица Александрийской Церкви выступал диакон Афанасий. 318 епископов — участников Собора из разных частей света — осудили арианство, а сам Арий по повелению императора был сослан в заточение. Принеся на родину радостную весть об осуждении ереси, Афанасий нашел своего престарелого епископа умирающим. «Афанасий, Афанасий! — зывал старец. — Ты думаешь убежать. Нет! Не убежишь! Только тебе я могу поручить эту кафедру». Афанасий был потрясен этими словами. Ведь он был еще слишком молод и неопытен в управлении огромной Александрийской Церковью. Зная волю почившего и личность Афанасия, народ поднял волнение. Люди скандировали: «Афанасия в епископы! Это христианин, муж благоговейный, один из подвижников, истинно епископ», и не успокаивались до тех пор, пока епископы не дали согласия на поставление 27-летнего дьякона Афанасия на Александрийскую кафедру.

Однако ариане не хотели сдавать своих позиций. Возобновились смуты, причиной чему послужило

ходатайство за Ария его давних друзей. Они обладали влиянием при императорском дворе и сумели убедить василевса простить притворно кающегося Ария, вернув его из ссылки. Эта милость к обманщикам обернулась страшной бедой и неразберихой в Церкви. В городах стали ходить по рукам книги арианского содержания. На рынках и в домах стала слышна клевета на православных. И основным объектом ложных наветов и доносов стал новый Александрийский епископ Афанасий — главный противник ариан. Они делали все возможное, чтобы повсюду распространять любую клевету на Афанасия. Несмотря на следовавшие одно за другим оправдания святителя, он стал известен как лицо, замешанное во множестве скандалов. Десять лет ариане добивались суда и ссылки Афанасия по ложным обвинениям и, наконец, достигли желаемого. Император признавал, что, как ни значительна личность Афанасия, связанные с его именем скандалы свидетельствуют о противоречиях церковной жизни, что является угрозой для авторитета самой Церкви.

Около 50 лет святитель Афанасий Великий управлял Александрийской кафедрой. В течение этого времени его четырежды пытались сместить с кафедры. В общей сложности более 12 лет он провел в ссылках и заключении. Уже глубоким старцем его опять хотели удалить с кафедры, но город пришел в смятение. Народ отказался отпустить любимого архипастыря в ссылку. И его оставили. Это вызвало невиданный всплеск народной радости. И даже враги Афанасия, в конце концов, устрашились народной любви к нему.

Множество богословских и исторических трудов написал Афанасий Великий для наставления своей паствы. Неизмеримы его заслуги и в умиротворении

Церкви. Претерпев гонения и ненависть клеветников, святитель Афанасий Великий сохранил для Церкви главное — чистоту христианской веры.

М.В. Первушин

Святитель Василий Великий и Юлиан Отступник

После Первого Вселенского Собора на греческом Востоке еще долго продолжались споры о Символе веры. Лишь полвека спустя святой Василий Великий со своим братом Григорием, епископом Нисским, и ближайшим другом Григорием Богословом положат конец смуте. Их называли «младоникейцами», потому что защищали они Никейский символ и стоявшее за ним «никейское богословие», хотя и родились через несколько лет после Никейского Собора.

...Василий, родом из Каппадокии, был сыном знатных и богатых родителей. Всегда первый в учении и в кругу соратников, получивший образование в лучших училищах Афин, еще блиставших тогда языческой греческой ученостью, он был талантлив во всем — в философии, поэзии, красноречии, математике, музыке. И он ничего не отринул из сокровищницы языческого знания — все взял на вооружение, соединив с библейской традицией, сверив с духовным опытом православных подвижников.

Интересно, что в Афинах он учился в одно время и у одних наставников с Юлианом — будущим императором, племянником Константина Великого. Юлиан, как и Василий, приехал в Афины с целью завершения образования. Он тоже любил первенствовать и не уступать никому ни в философском диспуте, ни в спортивных состязаниях. Но духовный склад его был

другой. Рано осиротевший, оттесненный кузенами от трона и едва не убитый в борьбе за власть, он с детства привык смотреть на христианство как на религию убийц его отца и его личных врагов.

В Афинах он знакомится с философом-неоплатоником Максимом Ефесским и входит в его религиозно-философский кружок, объединенный почитанием Гекаты — древней богини чародейства и колдовства. Культ Гекаты, «ночной богини», которую в классическое время страшились благочестивые эллины, был даже для языческих времен своеобразной формой сатанизма. Максим Ефесский, мастер магии и оккультизма, становится духовным отцом, «вожатым» будущего императора Юлиана, которому суждено войти в историю с именем Отступника.

...Василий, завершив образование, вернулся в родной город, стал адвокатом, в 359 году принял крещение.

Юлиана в том же году галльские легионы провозгласили императором Запада.

В год 361-й Юлиан становится повелителем всей империи.

Это был нестандартный, талантливый, одинаково склонный к философии, боям и походам, астрологии и мистике молодой человек. Интеллигенция могла радоваться: впервые за сто лет во главе государства оказался образованный лидер, человек утонченной культуры. Легионы тоже могли радоваться — они знали молодого императора как полководца, победителя галлов и германцев.

Все могли радоваться, но...

Первым его эдиктом стал указ о возобновлении языческих жертвоприношений в качестве государственного культа. Юлиан задался невозможной целью: повернуть колесо истории, восстановить язычество и возродить весь основанный на нем уклад религиоз-

ной, культурной, политической жизни. Он пытался реформировать языческую жреческую касту по образцу христианской церковной иерархии, и место верховного жреца оставлял за собой.

Попытка заведомо была обречена на неудачу. «Гибель богов» в античном мире уже произошла. Язычество перестало служить основой для жизни самих язычников. Император не сумел найти поддержки и опоры среди тех рядовых язычников, о «культуре» и «радостном мирозерцании» которых больше всего заботился. Его «неоязычество» опиралось лишь на окружавших его философов-неоплатоников да мистов-теургов.

...Говорят, когда Юлиан, уже император, впервые вступил в Константинополь, бывший со времен Константина христианским городом, его встретил старец-слепец и стал обличать, именуя безбожником. «Ты слеп, — сказал ему император, — и твой галилейский Бог не вернет тебе зрения». «Слава Богу, что я слеп, — отвечал старец, — и не могу видеть твоего нечестия, отступник». Юлиан ушел, ничего не ответив. Но кличка Отступник навсегда осталась за ним в истории.

В тот же год, стремясь ослабить христианство, Юлиан приказывает восстановить в Иерусалиме разрушенный еще Титом в 70 году ветхозаветный храм. При начале строительных работ из-под фундаментов храма вырвались языки пламени. Юлиан не сразу поверил в это, но когда поступило официальное сообщение префекта, работы были остановлены.

... Он умер 26 июня 363 года, в полночь, в походной палатке, во время похода в Персию. Умер от раны, полученной в бою, — копьё пронзило легкие. Ему не было и тридцати двух. Правил он империей всего 20 месяцев. Усталый и разочарованный, убедившись в бесплодности «языческого ренессанса»,

Юлиан бросился в свой последний бой без доспехов, ища смерти. «Ты победил, Галилеянин!» — сказал он, обращаясь ко Христу. Это были его последние слова.

А его однокашник по языческой академии Василий в 370 году, сорока лет отроду, стал архиепископом Кесарийским, главой большого церковного округа. Его энциклопедическая эрудиция, культурная широта, готовность к диалогу способствовали тому, что он быстро сделался духовным лидером православного Востока.

Это было время созревания и подготовки Второго Вселенского Собора, и Василий возглавил поколение богословов, призванное после десятилетий арианских смут и юлианских гонений возобновить работу над Символом веры.

Василий не доживет до Собора одного года — как и до собственного 50-летия. Но вся богословская работа по формулированию утвержденного Собором учения была им проделана.

Убедительность философских и богословских утверждений Василия подкреплялась глубиной его духовного опыта. Изучение иноческой жизни в монастырях Египта, Сирии, Палестины позволило каппадокийскому святителю создать нормативные правила, по которым во многом строится жизнь монастырей до наших дней.

Имя Василия Великого носит и составленный им чин литургии.

В феврале 380 года император Феодосий Великий издает эдикт, запрещающий ереси как государственное преступление. Единство веры провозглашается основой единства империи. Каждый гражданин отныне должен верить так, как верует император и как веруют все. С эдиктом Феодосия наступает новая эпоха: христианство действительно становится государственной религией.

Годом позже в Константинополе, в храме святой Ирины, начинает заседать Второй Вселенский Собор. Его главным итогом стало завершение работы над Символом веры. Именно теперь в Символ были внесены слова о Святом Духе. Другим важным результатом стало 3-е правило Собора, утвердившее за Константинопольской кафедрой первенство чести наравне с кафедрой Римской. Константинополь отныне провозглашался «Новым Римом».

Н.Н. Лисовой

Святитель Григорий Нисский

Григорий, епископ города Ниссы (ныне небольшое селение в Малой Азии), был человеком скупым на автобиографические признания, и потому крайне трудно представить его жизненный облик. Однако его труды говорят нам, что он был одним из самых оригинальных мыслителей в истории Церкви. Никто из отцов золотого века святоотеческой письменности не сумел так убедительно применить философию к объяснению тайн христианского Откровения, как это сделал святитель Григорий. У него не было церковно-административных талантов святителя Василия Великого, он не обладал поэтичностью святителя Григория Богослова, на церковное поприще литературной борьбы он выступил не как святитель Афанасий Великий, в ранние годы своей жизни, а уже убеленный сединами. Но его литературное наследие, глубина его умозаключений, широта образования, многогранность интересов превосходят во многих отношениях всех трех названных писателей золотого века христианской литературы.

Родился святитель Григорий около 335 года. Его семья была удивительной: из десяти детей, в ней

воспитанных, трое — епископы, четверо — святые. Мы мало знаем о его юности, его увлечениях. Известно, что он не выезжал из Каппадокии, был учеником кесарийской школы, рано женился. Его супруга была широко образованной женщиной с удивительной духовной чуткостью. Григорий Богослов, близкий друг и тезка нисского епископа, писал ему в связи со смертью жены в 385 году. В письме Богослов называет покойную «подлинной святой и истинной супругой священнослужителя». Супружеская жизнь не стесняла духовного развития Григория. Их семья жила вдали от активной мирской деятельности, «предавшись занятиям и жизни духовной». Он оставался женатым человеком и после 371 года, когда его брат, святитель Василий Великий, став епископом Каппадокии, возвел Григория в епископа городка Ниссы. Глубокие чувства к своей супруге он хранил всю жизнь.

Григорий Нисский согласился стать епископом крайне неохотно: «По принуждению своего брата Василия», — как отмечает он в одном из писем. Во времена арианских споров, которые захлестнули всю империю, Василий Великий понимал, что только с помощью надежных в вере и образованных епископов можно активно противостоять ереси. Григорий же был посредственным администратором, в нем не было и намека на житейскую практичность, порой он просто бывал неуклюж, но зато веры держался твердо, а ученость его была признана повсюду. Несмотря на свое нежелание принять сан, он в конечном итоге стал ревностным епископом, преданным пастве, которая его высоко чтит. Он умел говорить просто и без обид. Его проповеди представляют собой образец такта, дружелюбия и назидания, приспособленного к народному слуху.

Вступив в борьбу с арианами, Григорию пришлось претерпеть от них. Три года он провел в изгнании и

только со смертью императора-арианина вернулся к своей пастве и был встречен с ликованием.

В 381 году святитель Григорий стал участником Второго Вселенского Собора. Ему было поручено открыть Собор вступительной речью. На Соборе император назначил Григория одним из блюстителей православного вероучения в империи. Его имя было включено в список епископов, общение с которыми обязательно для всех православных. Нисский епископ возглавил несколько миссий, побывал в Аравии и Иерусалиме. Однако доверие императора и отцов Собора, не сделало Григория ни более дипломатичным, ни менее суровым. По натуре святитель Нисский был замкнут, скрытен и сдержан. Обычно он не выдает своих чувств, но иной раз они прорываются. Столь умеренный в речах, в письмах он резок и язвителен. Особенно это открывается при описании паломничества в Иерусалим. «Безобразий здесь куда больше, нежели благочестия, — пишет святитель Григорий. — Лучше быть простым отшельником, чем показным паломником». И действительно, нравственное состояние палестинской паствы, долгие годы лишенной епископа, было крайне расстроеным. Поэтому из Святой Земли святитель Григорий вынес тяжелые воспоминания и не одобрял обычая паломничать туда: «В Палестине изобилует грех и всякое нечестие... Зачем стараться делать то, что не приближает к Царствию Небесному? Ведь Господь не заповедовал путешествия в Иерусалим, как доброго дела... если внутренний человек твой полон лукавых помыслов, то хотя бы ты и был на Голгофе, ты столь же далек от Христа, как и тот, кто не исповедовал и начала веры... И напротив, поистине в сердце того, кто имеет Бога, находится и Вифлеем, и Голгофа».

Святитель Григорий в значительной степени был затенен славою своего старшего брата Василия

Великого и своего тезоименного друга Григория Богослова, к которым он навсегда сохранил особое почитание. По смерти Василия Григорий стал его наследником в богословии. Пока старший и знаменитый брат был жив, младший не дерзал братья за перо, и только после смерти первого епископ Нисский начинает свою литературную деятельность. С этих пор ему предстояла первостепенная роль защитника Православия. Он считал себя призванным продолжать дело умершего брата, взявшись прежде всего за его неоконченные труды. Святитель Григорий — один из тех людей, кто становится тем интереснее, чем ближе узнаешь их по написанным трудам.

Последнее известие о жизни нисского епископа — 394 год. В этом году он снова был на соборе в Константинополе по делам порученной ему миссии. Дальнейший след его совершенно теряется. Вероятно, вскоре он скончался. Те немногие отрывочные сведения, которые сохранились о последних годах его жизни, свидетельствуют о его высоком авторитете и влиянии в Церкви. Современники видели в святителе Григории великого защитника чистоты Православия от ариан и других вероотступников. Его называли «столпом Православия» и «отцом отцов».

Однако последующая история была несправедлива к Григорию Нисскому. Его труды упускали из виду, не всегда оценивали по заслугам, имя его нередко упоминалось лишь в связи со спорами вокруг наследия его учителя Оригена. Лишь в новое время на его наследие вновь обратили внимание, и к нему возвратилась былая слава одного из самых серьезных мыслителей золотого века христианской письменности.

М.В. Первушин

Святитель Кирилл Иерусалимский

В середине IV века в христианском мире на какое-то время набрала силу ересь александрийского священника Ария. Этот проповедник отрицал единство Сына Божия и Бога Отца, называл Иисуса Христа творением и не признавал в нем Божества, равного Отцу. На Первом Вселенском Соборе в 325 году в городе Никее арианство было осуждено. Самого Ария отлучили от Церкви. Но среди власть имущих и даже среди епископов и священников оставалось еще немало его тайных и явных последователей.

Святой Кирилл, будущий архиепископ Иерусалимский, родился в Иерусалиме в 315 году. Он был воспитан в апостольских правилах христианской веры и благочестия. Уже в возрасте 35 лет Кирилл был избран епископом Иерусалимским. В то время Иерусалимская епархия подчинялась Церкви Кесарийской. И получилось так, что святого Кирилла рукополагал во иерусалимского архиерея не кто иной, как митрополит Акакий Кесарийский. Акакий открыто исповедовал арианскую ересь. Он сказал святому Кириллу: «Вот, я оказываю тебе великое доверие, посвящая в архиепископы. Надеюсь, ты станешь моим верным соратником». Ничего не ответил святитель Кирилл, а вскоре Акакий понял, что просчитался. Всю свою жизнь, несмотря на перенесенные страдания, святой Кирилл боролся с арианской ересью и отстаивал чистоту апостольского вероучения. И делал это бесстрашно, невзирая на чины и звания еретиков.

Гонения на архиепископа Кирилла начались уже через год после занятия им Иерусалимской кафедры. Тогда, в день празднования Сошествия Святого Духа на апостолов, произошло необычайное знамение, документально зафиксированное историками и

астрономами того времени. Около трех часов дня в небе над Иерусалимом появилось ослепительное начертание креста. Святой Кирилл написал об этом императору Констанцию, который притеснял православных и всячески поддерживал ариан. Архиепископ Кирилл убеждал повелителя империи: «О, царь! Оставь свои еретические заблуждения и обратись в истинное Православие!»

Это была неслыханная дерзость со стороны Иерусалимского архиепископа.

Еретик митрополит Акакий был в дружеских отношениях с императором-еретиком. Даже когда церковный Собор низложил Акакия и лишил его митрополичьего звания, император Констанций отменил это соборное решение и восстановил Акакия в управлении Кесарийской Церковью. После того как святитель Кирилл отказался подчиняться незаконному митрополиту, Акакий стал искать повод низложить самого Кирилла Иерусалимского. И такой повод вскоре нашелся.

В Иерусалиме разразился страшный голод. Падающие с ног люди шли к своему любимому архипастырю, святому Кириллу. Они взывали: «Спаси нас от голодной смерти, Божий человек Кирилл! Погибаем и мы, и дети наши». Святитель Кирилл раздал все свои скромные сбережения, доставшиеся от родителей, но этого было явно мало. И тогда, исполненный христианского сострадания к умирающим от голода людям, архиепископ купил на церковные деньги пшеницу и разделил ее среди нуждающихся. Однако люди продолжали погибать от истощения. И святой Кирилл, исполненный Божиего дерзновения, пошел на крайний шаг. Он стал менять на хлеб церковные сокровища, не имеющие богослужебного применения. Акакий, узнав об этом, возликовал: «Архиерей Кирилл продает священные предметы. Отныне он низ-

вергнут с архиепископского престола и будет отправлен в ссылку». Святой Кирилл поселился в городе Тарсе, на родине апостола Павла, где жил милостыней.

После этого собрался Поместный церковный Собор, на который счел нужным приехать и святой Кирилл Иерусалимский. Незаконный митрополит Акакий потребовал удалить его с Собора, однако большинство епископов не согласилось с этим. Честные архиереи не видели за святым Кириллом никакой вины. Ведь он спас множество людей от голодной смерти! Тогда Акакий поехал в Константинополь к своему другу императору Констанцию и рассказал ему о мнимых преступлениях святого Кирилла. Император пришел в бешенство: «Да этот Кирилл — настоящий злодей! Приказываю бросить его в темницу на вечное заточение!»

В каземате святитель Кирилл пробыл недолго: император Констанций умер, и гвардейцы возвели на престол нечестивого Юлиана Отступника. В первый год своего царствования он ради приобретения популярности отменил все антицерковные постановления Констанция. Оклеветанные православные епископы вышли из заточения. Святой Кирилл был возвращен на Иерусалимскую кафедру. Однако вскоре Юлиан громогласно отрекся от Христа и принялся восстанавливать язычество по всей империи. Святитель Кирилл вновь был отправлен в изгнание, и место иерусалимского архиепископа занял святой Кириак. Но уже через несколько месяцев святой Кириак был замучен по приказу Юлиана Отступника. А вслед за этим и сам нечестивый император погиб в походе против персов. Святой Кирилл вновь стал архиепископом Иерусалимским, и опять — ненадолго: новый император Валент, будучи последователем Ария, в который раз отправил святителя Кирилла в ссылку за

его смелые обличения еретиков. Наконец, святой благоверный император Феодосий Великий окончательно восстановил святителя Кирилла на Иерусалимской кафедре, которой он мудро управлял вплоть до своей мирной кончины в 386 году.

В 381 году архиепископ Кирилл принимал участие во Втором Вселенском Соборе в Константинополе. Собор осудил еретиков и утвердил дополненный Символ веры. Святитель Кирилл также внес вклад в соборные решения. Он определил христианскую Церковь как «Единую Святую Соборную».

В своих проповедях святой Кирилл раскрывал смысл Таинства Крещения как уподобление смерти и Воскресению Спасителя. Он говорил тем, кто собирался креститься: «Великое дело — предстоящее крещение. Оно — освобождение пленным, оставление прегрешений, обновление души, святая нерушимая печать, усыновление Богу. В крещении все, что в действительности произошло со Спасителем, происходит и с нами, но безболезненно, без мучений. И мы в крещении делаемся причастниками страданий Христа».

А.А. Аннин

Святитель Иоанн Златоуст

Среди великих святых древности лишь трое носят наименование вселенских учителей и святителей, и один из них — Иоанн Златоуст. Вся жизнь этого святого являет собой ярчайший пример жертвенного служения Богу и Церкви.

Святитель Иоанн был родом из Антиохии. «Царица Востока» — так современники называли этот один из самых красивых городов Римской империи. В то же время Антиохия была одним из первых центров

христианства. Именно здесь, в Антиохии, последователи Христа впервые стали именоваться христианами, а апостол Петр поставил на служение первого по времени епископа в христианской истории.

Будущий Златоуст родился в середине IV века в благородной семье римского военачальника-христианина. Его отец умер вскоре после рождения сына, и все тяготы по воспитанию и образованию мальчика легли на мать. Она с необычайным достоинством несла это тяжелое бремя, отвергая предложения о повторном браке и вызывая восторженную молву среди знатных горожан. «Ах, какие женщины бывают у христиан!» — восклицал о ней знаменитый римский оратор. Благодаря ей Иоанн был воспитан в христианской вере и благочестии.

В возрасте шести лет он был отправлен в школу. Для Златоуста обучение в школе имело огромное значение. Его учителем стал прославленный ритор Либаний, о котором современники говорили как о самой большой достопримечательности Антиохии. Златоуст почитал своего учителя всю жизнь, а сам Либаний особо выделял Иоанна среди своих учеников. Когда он умирал, его спросили, кого бы он хотел видеть преемником в созданной им школе. Он ответил: «Иоанна, если бы его не похитили христиане!» (сам знаменитый учитель оставался язычником). Существует предположение, что своим прозвищем «Златоуст» Иоанн обязан именно Либанию.

С юных лет Иоанну были свойственны решительность, последовательность и целеустремленность. Его первое знакомство с жизнью христианских аскетов — монахов — вдохновило Иоанна на личный подвиг. Однако он встретил неожиданное сопротивление со стороны матери. «Не делай меня вдовой второй раз, — просила она его, — пока я не умру, побудь со мной». Златоуст не мог послушаться. Только после ее

смерти, когда Иоанну было около 25 лет, он становится монахом.

Удалившись в пещеру, Иоанн взял на себя самые изнурительные физические подвиги — сон только в сидячем положении и не более двух-трех часов, пищевой рацион самый скудный. Однако через два года ему пришлось прервать свои аскетические труды из-за крайнего истощения организма. Вернувшись в Антиохию, Иоанн принимает сан диакона, а через 5 лет — священника. Это время стало для Златоуста не только временем активной богослужебной и социальной деятельности. В это время он создает свои первые проповеди, заложившие основу богатейшего письменного наследия. Сохранилось около 600 проповедей Златоуста. Основой для них выступает Священное Писание. Главная цель проповедника была заставить священный текст «заговорить» для простого человека, донести до слушателя живой голос Христа или Его апостолов. Проповеди Златоуста вызывали восторг и часто прерывались аплодисментами. Подобные реакции темпераментной паствы порой доходили до абсурда. Златоуст как-то произнес специальное слово против обычая аплодировать в церкви. И проповедь эта вызвала настолько положительные эмоции, что завершилась рукоплесканиями, несмотря на свое содержание.

Проповеди Златоуста принесли ему известность во всей империи, повлияли они и на выбор его епископом столицы. Однако Иоанна из-за глубокой привязанности антиохийцев к своему проповеднику пришлось похищать из города тайно ночью. Только по дороге ему сообщили, что он избран епископом столицы. Златоуст увидел в этом Божий знак и подчинился.

Скоро оказалось, что Златоуст совсем не соответствует тому образу блистательного иерарха столицы,

который уже сложился к этому времени. Вот как описывает Златоуста один древний источник: «Иоанн Златоуст был очень маленького роста, с большой головой, изборожденной многочисленными морщинами, борода — маленькая и очень редкая, с проседью. Худой до крайности... со впалыми углами глаз. Он сильно щурился... Его мимика располагала к себе, хотя все черты лица выражали скорбь». Как отзывались практически все знавшие Иоанна лично, общение с ним всегда производило неизгладимое впечатление. Златоуст был человеком незаурядного обаяния. Вместе с тем он был человеком принципиальным и никогда не шел на компромисс со своими убеждениями. Он всегда противостоял греху, никогда не потакал человеческой слабости. Он считал, что мы не можем молчать тогда, как речь идет о нашей верности Христу. От него ожидали компромиссных позиций по всем основным направлениям общественной и государственной жизни города и империи. Менее всего Златоуст был дипломатом. Меньше всего он искал компромисса с властью. Более всего он настаивал на соблюдении норм христианской нравственности, в чем далеко не всегда были заинтересованы государственные, а порой и церковные люди.

Это привело к конфликту. Златоуста обвиняли в вещах самых нелепых, начиная от измены государству и заканчивая «обжорством» и оргиями. Решение было однозначное — ссылка. Это вызвало недовольство среди простого населения Константинополя. Начались массовые беспорядки и даже столкновения между населением и правительственными войсками. Но все напрасно. Три последних года жизни Златоуст провел в ссылке как гонимый преступник, хотя для всех была очевидна политическая подоплека процесса.

Святитель Иоанн скончался в 407 году на пути в Пицунду, конечное место его ссылки. В небольшой

часовне, напутственный Святыми Дарами, он произнес свои последние слова: «Слава Богу за все!» Через несколько лет его имя вернули в список столичных архиереев, а останки были всенародно перенесены в Константинополь и положены в кафедральном соборе столицы.

М.В. Первушин

Святитель Амвросий Медиоланский

Много веков подряд имя святителя Амвросия привлекает внимание не только христиан, но и светских ученых: историков, филологов, философов. Это был один из самых замечательных людей своего времени: писатель, поэт, композитор, христианский епископ... прославленный святой с необычной и в то же время удивительной судьбой.

Точная дата рождения святителя Амвросия неизвестна. Он родился около 340 года на территории нынешней Германии. Святитель принадлежал к одной из аристократических семей Рима. Его отец занимал высокий пост префекта Галлии и управлял западными провинциями. Высокородность семьи Амвросия не мешала ей быть благочестивой.

Амвросий готовился стать государственным чиновником и получил соответствующее тому образование. Вместе со своим братом он изучал грамматику, риторику, юриспруденцию, хорошо говорил не только на латинском, но и на греческом языке. Светская карьера Амвросия началась со службы адвокатом в судебном ведомстве. Талантливый адвокат был вскоре замечен и назначен сначала личным советником императора, а затем сенатором с административным центром в Милане. Примечательны напутственные слова императора, сказанные Амвросию перед

его отъездом к месту назначения: «Поступай не как судья, а как епископ». Этим пророческим словам суждено было вскоре сбыться.

После смерти медиоланского епископа в городе начались беспорядки. Амвросий по долгу службы должен был вмешаться в спор и попытаться урегулировать конфликт. Он сам лично явился в собор, где уже несколько дней проходили беспокойные выборы, и обратился с увещательной речью к народу. Блестящего оратора слушали, затаив дыхание. И вдруг в одной из риторических пауз, сделанных Амвросием для усиления внимания, детский голосок на весь собор четко произнес: «Амвросий — епископ!». Все приняли это за чудесный Божий знак и, прервав красноречивую речь сенатора, стали громко повторять слова ребенка. Сам Амвросий никак не предполагал, что спор разрешится таким образом. На момент избрания он не был даже крещен. Народ же, воодушевленный столь необычным поворотом, не хотел слушать доводов Амвросия против своего избрания.

Горожане написали императору письмо с просьбой разрешить поставить их сенатора епископом. Пока шел ответ, Амвросий всячески старался себя скомпрометировать. Он сурово поступал с осужденными и демонстративно приглашал к себе публичных женщин. Однако горожане, хорошо его зная, понимали смысл этого неестественного для Амвросия поведения и кричали ему: «Грех твой на нас!» Когда же пришел императорский указ с одобрением его кандидатуры, Амвросий покорился воле императора и народа, приняв ее как указание Божие. Уже через неделю после крещения Амвросий был рукоположен во епископы в присутствии самого императора.

Став епископом, Амвросий вкладывает весь свой ораторский талант в проповеди о христианской вере. Сохранились воспоминания современника о

проповедях Амвросия: «Слова его проникали в душу так глубоко, что заставляли следовать им беспрекословно. Его горячая вера, глубокое убеждение в том, что он говорит, и пример собственной строгой жизни творили настоящие чудеса».

В реальной жизни внутренняя строгость Амвросия к себе сочеталась у него с необыкновенной добротой. Он мог не только строго вразумлять грешников, но и умел плакать вместе с ними. Особое сострадание вызывала у него участь пленных. Святитель старался любыми способами выкупать их у варваров, отдавая не только все свои собственные средства, но и церковные украшения. Часто в произведениях Амвросия повторяется мысль, что «Церковь имеет золото не для того, чтобы его копить, но чтобы раздавать его для блага людей».

Кротость и горячая любовь к ближним сочетались у святителя с непоколебимой твердостью духа. Так дружба и глубокое уважение по отношению к византийскому императору Феодосию не мешали Амвросию иногда открыто выступать против его решений. Например, когда Феодосий жестоко подавил восстание против своего военачальника, медиоланский епископ, исполненный пастырского дерзновения, написал императору негодующее письмо. Он предложил ему публично покаяться и наложил запрет на вход в храм. Феодосий подчинился. Восемь месяцев он не присутствовал на богослужениях в храме, стоя на паперти вместе с кающимися. Лишь после публичного покаяния император был принят Амвросием в церковное общение.

Для святителя не было различия между царем и простолюдином. До того времени кесарь в воображении подданных казался существом высшего порядка, стоявшим над любыми законами. И не удивительно, что образ Амвросия в воображении народа обретал

масштаб личности Иоанна Крестителя. И в других случаях святитель Амвросий неизменно напоминал императорам, что они, как и прочие христиане, в вопросах религии и нравственности обязаны признавать непререкаемое главенство Церкви.

Всю свою жизнь Амвросий Медиоланский напряженно работал, хотя и был человеком слабого здоровья. Его литературная одаренность нашла выражение не только в богословских и гомилетических произведениях, но и в поэтическом творчестве. Из-под его пера вышло множество литургических гимнов и музыки к ним, которые исполнялись еще в период его епископства, исполняются они и сегодня.

К концу жизни святитель Амвросий пользовался всенародной любовью. Его блистательное красноречие, христианское мужество и подвижническая жизнь, увенчанная высокими добродетелями, стяжали Амвросию заслуженную славу вселенского святого. Медиоланский епископ стал для Западной Церкви равным по значению и достоинствам святителю Иоанну Златоусту на Востоке.

Святитель Амвросий умер в 397 году. Последними его словами были: «Я не так жил между вами, чтобы мне стыдиться жить. Но я не боюсь и умереть, так как у нас есть милосердый Господь».

М.В. Первушин

Блаженный Августин, святитель Гиппонский

28 августа 430 года скончался 76-летний епископ североафриканского города Гиппон Августин. С его смертью завершился золотой век святоотеческой письменности, в котором он увенчал созвездие великих богословов и мыслителей христианской Церкви

этого времени. Уже при жизни Августин стал самым авторитетным наставником, за советом к которому шли со всего христианского мира. А после смерти его читали, ему подражали, его обсуждали и превозносили. Он стал наиболее почитаемым учителем Западной Церкви в эпоху Средневековья. Он оставался в центре споров во времена Реформации. Причем на его авторитет ссылались как католики, так и протестанты. Первое собрание его сочинений было издано еще в XVII веке и с тех пор непрерывно обогащается новейшими дополнениями. Интересно, что постоянное влияние Августина в культуре Средневековья привело к парадоксальным результатам. Когда несведущий переписчик бывал поражен неизвестным произведением, то он, конечно, приписывал его Августину. И без того обширные творения гиппонского епископа постепенно пополнялись большим числом апокрифов. Исследования его жизни и творчества столь многочисленны, скольких не удостоился ни один богослов. К тому же он остается одним из тех немногих христианских мыслителей, о котором нехристиане знают и помнят и кому они отводят особое место в истории развития человечества. Нет необходимости доказывать влияние Августина на западноевропейскую культуру последних 16 веков, отделяющих его от нашего времени. Один западный ученый писал про Августина: «Отец и учитель Церкви! Что за унылые слова! Какая сухость и холодность! — скажут те, кто никогда не читал сочинений блаженного. Но как бы удивились они, если бы увидели в этих сочинениях гораздо больше мастерства и изящества, деликатности и чувства, богатства выражения и силы убеждения, чем в большинстве книг нашего времени, которые читаются с удовольствием, создают имена своим авторам и льстят их тщеславию! Какое наслаждение любить религию и видеть, как она поддержива-

ется и разъясняется такими прекрасными и основательными умами. Когда вдруг понимаешь, что по широте знаний, глубине и проникновенности, по точности заключений и достоинству речи, красоте чувств и величию морали Августина можно сравнить лишь с Платоном и Цицероном».

Блаженный Августин родился 13 ноября 354 года в небольшом городке на границе современного Алжира и Туниса. Его отец был закоренелым язычником, мать — ревностной христианкой. Сам он стал христианином только в 32 года. Знаменитая «Исповедь» блаженного Августина — одна из самых волнующих книг христианской древности, и наиболее полная его автобиография сполна открывает нам этого человека. «Душа моя не знала покоя, ни в чем не находила удовлетворения, — пишет он о своей юности, — я желал одного, а устремлялся к другому, плоть пребывала в постоянном борении с духом. Два человека жили во мне...» Когда он заводил речь о сладострастии, уже будучи епископом, сердце его содрогалось при одном воспоминании о том, каких невероятных усилий стоило ему высвободиться из этих пут. Сладострастие было для него не отвлеченным понятием, но фактом собственной жизни. Отсюда и суровость его аскезы, его духовность, которая не была чужда человечности. Напротив, он был озарен пониманием нравственной хрупкости человека. Грешник казался ему больным, запустившим свою болезнь человеком, которому непременно предстоит еще не одна вспышка этой болезни. Он и сам был восприимчив ко многому: к похвале, к аплодисментам, к почестям... С одной стороны, он все это очень ценил, с другой — укорял себя даже за то, что его услаждали литургические песнопения. И такое смирение перед собственной естественной слабостью трогает душу читателя даже больше, чем любой аскетизм.

Он был углублен в себя и робок, ему легче было с книгами, нежели с людьми. Он притягивал людей, но сближался далеко не с каждым. Если же кому-то доверял, то был редкостным другом. В нем всегда чувствовалось скромное провинциальное происхождение, не было благородства крови, но было всеопределяющее благородство духа.

Окончательное обращение Августина необычайно. Однажды, когда сомнения и печаль о грехах терзали его, произошло следующее. «Слышу я голос из соседнего дома, — вспоминает Августин, — голос ребенка, повторяющий нараспев слова: “Во-озьми, чи-и-итай! Во-о-озьми, чи-и-итай!” Это, наверно, дети напевают в какой-то игре, подумал я. Но нигде ранее не доводилось мне слышать такой игры... А пение все продолжалось и продолжалось. Я встал, истолковывая эти слова как откровение Бога, и взяв Писание, прочел строки, первыми попавшимися мне на глаза: “Будем вести себя благочинно, не предаваясь ни пированиям и пьянству, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти... облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа, и попечения о плоти не превращайте в похоти”. Я не захотел читать дальше, да и не нужно было: после этого текста сердце мое залило свет и покой; исчез мрак моих сомнений». Это событие перевернуло всю жизнь Августина.

Он принимает крещение, а уже через восемь лет становится епископом Гиппона. Для него, ищущего уединения и созерцания, это была тяжелая и неожиданная «епитимья». И он жертвует собственными пристрастиями ради обременительных обязанностей. Он погружается в реальную жизнь епархии с ее немощами и невзгодами, не единожды замечая, что «удручен своими епископскими заботами». Можно только оценить ту душевную щедрость и безграничное милосердие блаженного Августина, который отдался служе-

нию христианской общине с безграничной любовью и попечением о ее нуждах. Об этом ярко свидетельствуют его письма, в которых нет изящества или язвительности, а лишь неиссякаемое благодушие, доброжелательность, душевная теплота и понимание, желание утешить и дать наставление. Он часто повторял: «Назначение всякого епископа не руководить, а служить». В продолжение 35 лет он нес бремя своего тяжелого послушания, оставаясь епископом Гиппонийским. Таков был этот замечательный человек, столь богато одаренный и столь честный во всех своих поступках.

М.В. Первушин

Блаженный Иероним Стридонский

IV столетие в истории Церкви носит наименование золотого века христианской письменности. Такого расцвета богословской мысли Церковь не знала ни до, ни после этого столетия. Именно в это время христианская вера получает свободу исповедания, выходит из катакомб и из гонимой становится господствующей. Без боязни преследований лучшие умы христианской Церкви занялись созидательной работой в области богословия. Одним из тех, кто прославил это столетие, был экзегет и переводчик Библии блаженный Иероним Стридонский — монах, ученый, аскет, писатель. Его называли «учителем всего Востока». Популярность Иеронима была столь велика, что иконография его выглядит как история средневекового просвещения, живописи и гравюры. Немногие святые удостоились такого внимания. Лишь ленивый не брался писать портрет или сюжет из жизни блаженного Иеронима. Он приносил отраду и вдохновение всем великим художникам эпохи

Возрождения — Леонардо, Рафаэлю, Эль Греко, Рубенсу, Перуджино, Кранаху, Дюреру... Его почитали более всех иных мужей христианской древности.

Никто не знает точно, где и когда он родился. Наиболее вероятным считается, что он происходил из далматского города Стридона на территории современной Хорватии и является одним из немногих святых в Древней Церкви славянского происхождения. С детства он получил христианское воспитание и хорошее классическое образование. Он был одаренным, но трудным учеником. Живое воображение и цепкая память мальчика сочетались в нем с восприимчивым, пылким и порывистым характером, от которого он потом страдал всю жизнь. Для завершения учебы юного Иеронима отправили в Рим. Вечный город произвел неизгладимое впечатление на уроженца далекой Далматии: «О могучий город, владыка мира, восхваленный апостолом!» Здесь он приобщился столличному красноречию, жадно вчитывался в латинских классиков, которые определили его слог и дух. Сначала он вел рассеянный образ жизни. Параллельно с упорным трудом он отдавался безудержным развлечением со всей пылкостью своей натуры. Но постепенно в нем произошел переворот, приведший Иеронима к изучению Библии и богословия. В итоге он принял крещение от римского епископа, после чего отправился путешествовать на Восток.

Именно там он ощутил всю притягательность монашеской жизни и решил посвятить себя Богу. Он жаждал одиночества, бдений, покаяния и трудов. Но как тяжело ему давались духовные подвиги. Иероним пытался побороть как свой огненный темперамент, так и интеллект. Вот как он сам вспоминает в письме об этом периоде жизни: «Меня преследовали видения и кошмары. Дни и ночи смешались; опомнившись, я испускал крики. Я непрестанно бил себя в грудь. Мне

становилась ужасна и сама моя келья, сообщница моих мечтаний... Гневаясь и негодуя на себя, я все дальше углублялся в пустыню, я бросался к Писанию, жадно читал пророков и... говорил себе: “О сколь же грубы и дики их речи!” После ночи, проведенной в бдении и молитвах, вновь возвращался я к Виргилию, Цицерону, Платону... Однажды в полубреду я увидел Престол и Сидящего на нем:

— Кто ты? — спросил Восседавший.

— Я христианин.

— Ты лжешь, — возразил Он, — не христианин ты, а цистеронианец. Где твоё сокровище, там и сердце твоё...»

Спасением для Иеронима оказался умственный труд, которому он предался с самозабвением.

В 35 лет блаженный Иероним вновь прибывает в Рим на Собор в составе делегации от Антиохийской Церкви. Римский папа заметил молодого и образованного монаха. И по окончании Собора взял его к себе в секретари. Вскоре он поручил Иерониму грандиозную задачу — пересмотреть латинский перевод Евангелий, а затем и всей Библии. Это дело заняло у Иеронима более двадцати лет. Однако при его жизни этот поистине великий труд не был полностью и по-настоящему оценен. Только после смерти Иеронима перевод будет собран, одобрен и под названием Вульгаты введен во всеобщее употребление в Западной Церкви. Но пока Иероним, пользуясь покровительством папы, работал над переводом, о нем поговаривали как о возможном преемнике папы на римский престол. Как только папа скончался, Иерониму пришлось покинуть Рим. Его вспыльчивый характер и неумный темперамент были помехой лучшим начинаниям. Он был гневлив, непримирим, насмешлив. Его словесные портреты светских грамотеев были столь язвительны и беспощадны, что вызывали ответную ярость.

«Теперь можешь быть спокоен, двуногий осел, — писал Иероним одному из них, — злодеяния твои прославят тебя». Нравственность его была безупречна, но язык несдержан. Придворные не простили ему и благорасположения папы.

Иероним снова отплыл на Восток, избрав для своей жизни Вифлеем — город рождения Спасителя. Именно здесь в течение долгих лет он переводил Ветхий и Новый Завет на латинский язык. Не было человека более эрудированного, более научно организованного, более подходящего для такой грандиозной работы, которую проделал вифлеемский старец. Он явился отцом науки о Священном Писании. Подход Иеронима вызвал бурю протестов у его современников. Иеронима обвиняли в своевольном обращении с каноническими текстами, запрещали и проклинали, а он работал, несмотря ни на что. Его трудолюбие и ученость были направлены к разъяснению Писания. Его суровая жизнь внушала уважение и отводила клевету. Его любовь к Церкви и бережное отношение к ее учению не подвергали сомнению его веру.

Последние годы жизни Иеронима были горестны. Его одолевали болезни. Он почти ослеп и потерял самых близких друзей. Он был потрясен падением Рима под натиском варваров в 410 году. Его любовь к Вечному городу оставалась неизменной. Даже тогда, когда он пишет, что «тому, кого не покидает мысль о смерти, часто не до земных забот...», вдруг восклицает: «Но Рим осажден! Мне не хватает голоса. Я диктую, и рыдания прерывают мои слова. Он захвачен, город, который властвовал над вселенной». Обессиленный, слепой и одинокий старец упокоился 30 сентября 420 года.

Рождение монашества

По образному выражению русского богослова Георгия Флоровского, между двух магнитных полюсов Православия — империей и пустыней — живет и действует православное монашество. Время его рождения — между Первым и Вторым Вселенским Собором.

Зов пустыни... Бывают души, которые слышат его почти с колыбели. Из вельмож и ученых, купцов и крестьян, духовных и военных, порывая домашние и сословные связи, такие люди идут в монастырь — ради молитвы и аскетического подвига.

Образцом жизни для монахов всегда были Иоанн Предтеча и Дева Мария. Своей жизнью в храме Дева Мария прообразовывала путь иноческого подвига: целомудрие, послушание, молитву, пост.

Но был и другой фактор. В эпоху Константина и в последующие десятилетия только что выведенная из катакомб Церковь и каждый из верующих оказались в сложной ситуации. Во время гонений все было просто: есть гонители и есть гонимые. Теперь оказалось, что вчерашние гонители стоят в храме рядом с исповедниками веры. Более того, решение церковных вопросов нередко берут на себя императоры — приемники Великого Константина, даже в десятую долю не обладавшие его святой ревностью, религиозной мудростью и тактом. Осужденная Церковью на Вселенском Соборе и, казалось, преодоленная арианская ересь подняла голову, пользуясь поддержкой первых лиц государства.

Неудивительно, что желавшим избежать этого соблазна захотелось назад в катакомбы. Но и в катакомбы было теперь нельзя, это выглядело бы мятежом против власти. Единственным способом внутреннего протеста со стороны христиан оставался

духовный подвиг. Бог и географические обстоятельства подсказали выход. Это был, говорит историк, «впечатляющий исход»: пустыни Египта и Палестины процвели монашеством.

... Впрочем, слово «монах», в переводе с греческого «один», изначально содержит в себе некое противоречие. Действительно, как можно сказать, что человек один, если он живет за крепкими стенами, в составе сплоченного, нередко многочисленного коллектива, особенно в так называемых «общежительных» монастырях? Очевидно, «один» означает в данном случае не только и не столько «единственный» или «одинокий», но скорее и преимущественно «живущий наедине с Богом».

Лучше проясняет существо дела русское слово «инок» — в народном понимании от прилагательного «иной». Для иноческого сознания иным делается весь мир. Там — все мирское, грешное, чувственное, здесь — «иное», очищенное, преображенное.

Поселившиеся в пустыни монахи жили трудом своих рук — трудом самым простым, чтобы ничто не отвлекало от молитвы. Самое распространенное рукоделье — плетение корзин, рогож и лестниц из ивовых прутьев. И тяжело, и полезно против плотской страсти, и умом в сердце предстоишь Богу. Иной, забыв обо всем в молитве, перебирая ступеньки, словно четки, сплетет лестницу в сотню метров...

Не потому ли и книга игумена Синайской обители Иоанна, посвященная монашескому духовному восхождению, называлась «Лествица»?

Начало второго периода в истории монашества следует связывать с деятельностью великих основателей древних египетских обителей: Антонием и Пахомием. Уже устав Пахомия Великого (346 году) написан для киновитов — «общежительников». Именно этот тип иноческой организации имеют в виду и пра-

вила Василия Великого, и уставы Иоанна Кассиана и Венедикта Нурсийского. В этот ранний период монашество характеризуется полной независимостью от иерархии и даже демонстративным отчуждением от занятия монахами каких-либо церковных должностей. Пахомий Великий в своем уставе вообще запрещает монашествующим вступать в клир, т.е. в число священнослужителей.

Исторической родиной монашества был Египет, и создатели первых египетских монастырей — Антоний Великий, Макарий Великий, Онуфрий Великий — доныне остаются для нас непревзойденными учителями духовной жизни, молитвы и иноческого подвига. Все они по этническому происхождению были копты. Слово «копты» — того же корня, что Египет, — это название народа, прямых потомков древних египтян.

«Житие святого Антония Великого», написанное его учеником святителем Афанасием Александрийским, стало для последующих поколений образцом житийной литературы. Испытания святого Антония всегда были привлекательной темой для писателей и художников. В многолетнем полном одиночестве, простым самодельным крестом подвижник разрушает приходящие со всех сторон соблазны и помыслы блуда, чревоугодия, корыстолюбия. Когда все, казалось, преодолено — остается гордыня: «я святее всех». И тогда Господь направляет Антония в еще более глубокую пустыню для встречи с великим подвижником-простецом Павлом Фивейским. У самого Красного моря, в соседстве с жилищем Павла, и основал Антоний свой монастырь.

Следующим поколением, продолжившим иноческое преемство, стали отцы Нитрийской пустыни, или Нитрийской горы. Здесь сложилась большая и стройная система монастырей, основанных и руководимых преподобным Макарием Великим.

...Когда едешь сегодня из Каира в Александрию, один за другим, оазисами, возделанными среди пустыни, возникают перед тобой древние обитатели Амбы Макария, Суреян. Амба Макарий — это преподобный Макарий Великий, один из самых проникновенных учителей православной аскетики. Это он, Макарий, рассказывал о себе, что однажды пришел ему на ум дерзновенный помысел, будто своими подвигами в пустыне он достиг уже величайшей степени святости. И тогда явился ему Ангел и сказал: «Макарий, ступай в Александрию. Там на окраине города живут две женщины, свекровь и невестка, которые за тридцать лет совместной жизни не сказали друг другу грубого слова. Ты еще не достиг их меры святости».

В другой раз, рассказывают, шел авва Макарий, неся пальмовые ветви для работы, и на пути встретил его диавол. И нечистый сказал: «Великое насилие я терплю от тебя, потому что нет у меня против тебя сил. Все вещи, которые ты делаешь, я делаю тоже. Ты постишься днями, я не ем вообще. Ты совершаешь ночные бдения, я не сплю никогда. В одном ты сильнее меня». — «В чем?» — спросил авва Макарий. Тот сказал: «В твоём смирении. Я не могу смириться никогда, поэтому бессилён против тебя».

В соседнем монастыре Суреян, что, собственно, означает «сирийский», некоторое время подвизался другой великий подвижник IV века — преподобный Ефрем Сирин. Преподобный Ефрем был одним из виднейших представителей сирийской христианской литературы. Из огромного проповеднического и поэтического наследия Мар-Ефрема, как называли его на Востоке, наибольшей популярностью пользовались слова о покаянии. «Отними у меня, Господи, смех и дай мне плач» — этим основным настроением определялось творчество сирийского подвижника.

Многим известна великопостная молитва Ефрема Сирина, гениально переложенная в стихи А.С. Пушкиным:

Владыко дней моих! Дух праздности унылой,
Любоначалаия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух терпения, смирения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.

Н.Н. Лисовой

Христологические споры

С завершением Второго Вселенского Собора оканчиваются арианские смуты, беспокоившие Церковь около двух веков. Однако новый V век принес и новые споры, которые волновали церковное сознание более трех столетий. Эти споры назовут потом христологическими, так как их предметом был Богочеловек Иисус Христос.

Некоторым богословам казалось нелогичным учение Церкви об образе соединения в Иисусе Христе Божественной и человеческой природы. Они не понимали, как неограниченная природа Бога и ограниченная природа человека могут существовать в одном Лице Богочеловека. Желая дать этому учению разумное и понятное объяснение, они отошли от истинного учения Церкви.

Первыми, кто стал сомневаться в церковном учении, были два епископа Диодор Тарсийский и Феодор Мопсуетский. Они учили, что Пресвятая Дева Мария родила человека Христа, с Которым Бог был соединен только нравственно и обитал в Нем, как в храме. Поэтому они называли Иисуса Христа богоносцем,

а не Богочеловеком, а Пресвятую Деву Марию — Христородицей, а не Богородицей. Их ученик Несторий, ставший к тому времени Константинопольским патриархом, решил сделать это учение достоянием всей Церкви.

Главным защитником православного взгляда о Богочеловечестве Христа стал епископ Александрийский Кирилл. Благодаря ярким и запоминающимся посланиям ему удалось убедить императора Феодосия созвать в 431 году Третий Вселенский Собор. На нем около трехсот епископов отвергли учение Нестория и определили, что Господь Иисус Христос есть совершенный Бог и совершенный Человек, а Пресвятую Деву Марию достойно и праведно именовать Богородицей.

Император не захотел утверждать решения Собора, так как они были направлены против его друга Нестория. Более того, он повелел всех активных деятелей Собора взять под стражу. После таких решительных действий пришли в волнение константинопольские монастыри. Знаменитый в то время подвижник преподобный авва Далматий собрал иноков столичных монастырей и при многочисленном стечении народа, с пением псалмов, с горящими светильниками, отправился ко дворцу императора. Он просил у Феодосия освободить православных епископов из заключения и утвердить определения Вселенского Собора.

Появление аввы Далматия, всеми уважаемого старца, который 48 лет не выходил из своего монастыря, произвело сильное впечатление на императора, и он согласился с решениями Собора.

Самым яростным противником Нестория среди столичного монашества был Евтихий, монах одного из константинопольских монастырей. Опровергая Нестория, он впал в противоположную крайность.

Евтихий стал учить, что в Иисусе Христе человечество было поглощено Божеством и потому в Нем следует признавать только одну Божественную природу. Это учение известно в церковной истории под именем монофизитства (от греческого «монос» — «один» и «фисис» — «природа»).

В 451 году, через двадцать лет после Третьего Вселенского Собора, православные святители вновь собрались, чтобы разобрать взгляды Евтихия и опровергнуть другую (монофизитскую) крайность в понимании природы Богочеловека. Это был самый многочисленный церковный Собор. В его заседаниях участвовали более шестисот епископов. Они отвергли учение Евтихия и его единомышленников, а также сформулировали православное вероучение, чуждое крайностей несторианства и монофизитства. Оно состоит в понимании личности Иисуса Христа как истинного Бога и истинного Человека, в Котором Божество и человечество соединяются неслитно, нераздельно, неизменно и неразлучно.

Собор закончил свою работу, однако волнения в Церкви не прекратились. Большинство сторонников Евтихия не желали принимать соборного постановления, считая его возвратом к несторианству. В результате продолжавшихся споров на христианском Востоке родились и до наших дней существуют крупные национальные Церкви, находящиеся в разделении с Церковью Православной.

Коренные жители Египта, известные под именем коптов, образовали Коптскую монофизитскую Церковь. Вместе с ними уклонились в монофизитство абиссинцы (эфиопы).

Армянская Церковь также не приняла постановлений Четвертого Вселенского Собора, но скорее по недоразумению, чем из-за приверженности монофизитству. Армянские епископы не смогли

присутствовать на Четвертом Вселенском Соборе. В это время их страна была захвачена персами. В плену был замучен армянский патриарх. Между тем в Армению приходили монофизиты и распространяли слух, что на Четвертом Соборе восстановлено несторианство. Эти недоумения усиливались благодаря преследованию императорскими властями тех, кто не желал отречься от монофизитства. Монофизитские беженцы спасались в Армении. В результате этих событий на Соборе армянских епископов в 491 году были отвергнуты постановления Четвертого Вселенского Собора. С этого времени Армянская Церковь отпала от союза с Церковью Вселенской.

М.В. Первушин

V ВЕК

Святитель Кирилл Александрийский

Первая половина V века была временем утверждения Христовой веры как в Европе, так и на Ближнем Востоке. В эту непростую для христиан эпоху на исторической арене выдвинулись наиболее деятельные, образованные пастыри. Одним из них стал святитель Кирилл Александрийский.

Он был племянником египетского архиепископа Феофила, однако воспитывался в строгости и непрестанных трудах. С детства будущий святитель изучал естественные науки, философию и Священное Писание. Когда Кирилл стал юношей, его дядя, архиепископ Феофил, сказал: «Итак, образование ты получил. Теперь же я хочу, чтобы ты познал суровость жизни египетских монахов. Отправляйся в пустынные горы, в скит святого Макария».

В аскетических лишениях монастырской жизни юный Кирилл провел шесть трудных лет. Закалившись физически и духовно, он по приказу дяди вернулся в Александрию, где был рукоположен во диакона. А в 412 году, когда Кириллу было только 35 лет, архиепископ Феофил умер, и святой Кирилл был возведен на Александрийскую кафедру. Став архиепископом, святитель Кирилл с первого же дня столкнулся с противоречиями внутри Церкви. Один из священников, по имени Новациан, произвел раздор среди христианских пастырей.

«Во время гонений на Православие многие отпали от Бога, отреклись от Христа и Его учения. А теперь, когда гонения кончились, эти люди хотят вернуться в лоно Церкви, просят простить их. Не бывать этому! Предателям нет прощения!»

Так проповедовал Новациан. Он и его сторонники не пускали раскаявшихся отступников в храмы. Это разрушало единство Православной Александрийской Церкви. Святитель Кирилл правильно оценил опасную ситуацию и осудил позицию Новациана. Архиепископ говорил: «Многие отреклись от христианства под пытками, в тюремных казематах. Ведь далеко не все способны вынести лютые страдания. И мы по любви к ближнему должны простить их».

Тем временем Новациан ввел и другие неразумные нововведения. Так, его единомышленники из числа священников не позволяли христианам вступать во второй брак после смерти супруга.

«Второй брак для христианина — это не что иное, как прелюбодейание!»

Святитель Кирилл обстоятельно и доходчиво разоблачил все заблуждения Новациана и восстановил единство Александрийской Церкви. Покончил он и с остатками язычества в городе Александрии. Святитель Кирилл превратил древнее языческое капище в христианский храм.

Казалось бы, изнурительная борьба осталась позади. Но судьба готовила святителю Кириллу новые испытания.

В то время ректором знаменитого Александрийского университета стала женщина-ученый по имени Ипатия. Пожалуй, это была самая образованная женщина тех лет. Она являлась автором нескольких научных открытий и основателем философских направлений. У Ипатии был огромный авторитет не только среди ученых, но и среди властителей. С премудрой

Ипатией любил беседовать правитель Египта Орест. Между христиан пошли толки: «Правитель гораздо чаще прислушивается к советам этой женщины, чем к словам архиепископа Кирилла!»

Обстановка накалялась. Вот что сообщает тогдашний историк, знаменитый Сократ Схоластик: «Несколько “горячих голов”, именующих себя христианами, подкараулили Ипатию и жестоко убили ее. Святитель Кирилл не имел никакого отношения к этому злодеянию. Он тяжело скорбел по поводу случившегося, а в проповедях говорил, что убийство вообще несовместимо с христианской верой».

Однако правитель Египта Орест возложил моральную ответственность за совершенное злодеяние на святителя Кирилла. Правитель стал открыто защищать недругов александрийского архиепископа. Озлобясь на святого Кирилла, Орест начал покровительствовать явным врагам Церкви. Справедливость восторжествовала: святой благоверный император Феодосий Великий отстранил Ореста от управления Египтом.

Однако близилось очередное испытание для христианской Церкви. В 428 году архиепископом Константинопольским стал Несторий. Это был богослов, создавший свое собственное учение о Христе и Пресвятой Богородице.

«Деву Марию нельзя называть Богородицей, так как Она была человеком. Каким же образом может родиться Бог от плоти человеческой? Поэтому правильно называть Деву Марию Христородицей. Христос родился обыкновенным человеком, и лишь позже в Нем воплотился Бог».

Так утверждал Несторий. Став константинопольским архиепископом, он принялся широко насаждать свои ложные воззрения, рассчитанные на необразованных людей. Многие епископы во главе с

Кириллом Александрийским восстали против лжеучения Нестория. Именно святитель Кирилл в 431 году был инициатором созыва Третьего Вселенского Собора в городе Эфесе. Собор единодушно осудил Нестория и его богохульные заявления. А святой Кирилл вошел в историю Церкви как автор учения о Христе: Богочеловеке, в Котором Бог воплотился с момента зачатия Пресвятой Девы Марии.

Не сразу восторжествовала истина, проповеданная святителем Кириллом и его сторонниками. Поначалу император Феодосий не сумел разобраться в сути церковной дискуссии. Царь объявил: «Все эти споры только вредят христианской Церкви. Повелеваю низложить обоих — и Нестория Константинопольского, и Кирилла Александрийского. И того, и другого приказываю заточить в каземат!»

Но затем, вникнув в смысл учения архиепископа Кирилла и лжеучения Нестория, император Феодосий признал справедливой позицию святителя Кирилла. Святой Кирилл был освобожден из-под стражи и восстановлен на Александрийской кафедре. А Несторий отправился в пожизненную ссылку.

Кирилл Александрийский в своих трудах говорил о единстве Святой Троицы. Также он написал толкование на Ветхий и Новый Заветы. Скончался святитель Кирилл в 444 году, в возрасте шестидесяти восьми лет.

А.А. Аннин

Преподобный Симеон Столпник

Когда мы слышим, что о ком-то говорят: «Вот, это святой человек», перед нашим мысленным взором обычно встает образ смиренного христианина, живущего по заповедям Божиим. Образ человека, посто-

янно пребывающего в молитве, телесном воздержании, творящего добро и милостью людям. Недаром Православная Церковь испокон веков призывает верующих подражать таким подвижникам. Но при этом предупреждает: «Среди прославленных святых есть и такие, жизнь которых не может служить примером для всеобщего подражания. Почему же? Да потому, что их подвиги столь велики, что даже мысленно представить эти деяния невозможно».

Таких подвижников в истории Церкви — единицы, и явлены они человечеству как свидетельство безграничной силы Божией.

«Господь зримо помогает своим избранникам возвышаться над естественными законами человеческого бытия. Потому и называют этих подвижников земными ангелами».

Одним из таких земных ангелов, чьи подвиги не может вместить человеческий рассудок, был преподобный Симеон Столпник, которому посвящено множество храмов во всем христианском мире. Современники называли святого Симеона не только земным ангелом, но и небесным человеком.

Восемьдесят лет без перерыва простоял преподобный Симеон на высоком столбе посреди каменистой и знойной пустыни — практически без сна и отдыха, лишь раз в неделю вкушая кусок хлеба и выпивая немного воды.

Родился святой Симеон в середине IV века в Каппадокии — крупной провинции на территории современной Турции. Его подвижнический путь к Богу начался в 13 лет. Однажды после посещения церковной службы Симеон, потрясенный Божественным откровением, не вернулся домой, а отправился в монастырь. Прожив в обители пять лет, Симеон был пострижен в монахи. Монастырь был очень строгим, но юный Симеон взял на себя столь непомерные

аскетические подвиги, что игумен попросил его покинуть обитель: «Симеон, ты не можешь оставаться среди нас. Я, как игумен, опасаюсь, что многие братья захотят подражать тебе, и тогда они либо умрут от истощения, либо подорвут свое здоровье».

И Симеон продолжил свой путь к святости в одиночку. То он жил в высохшем колодце среди змей, то провел весь Великий пост в пещере без единой крошки хлеба и глотка воды.

Мысль построить высокий столб и не сходить с него до конца жизни пришла к Симеону после того, как слава о нем разнеслась по окрестностям. Толпы людей из ближних и дальних стран стали приходить к нему в пещеру за благословением, советом или словом утешения. Многие просто не верили, что видят перед собой человека из плоти и крови, и потому постоянно ощупывали святого Симеона, желая убедиться, что это не дух, а такой же смертный, как они. Потому-то Симеон и вознес себя на столб, чтобы стать недостижимым для прикосновений многочисленных паломников. С этого столба он проповедовал людям Слово Божие, мирил ссорящихся, давал душеполезные советы. Раз в неделю кто-нибудь из пришедших подавал ему на веревке кусок хлеба и немного воды.

Узнали о неслыханных доселе подвигах преподобного Симеона святые старцы, жившие в пустынных пещерах, и дивились безмерно. Потому что никто еще не изобрел себе такого жестокого жития, чтобы годами стоять на столбе под палящим солнцем. Старцы пришли к тридцатиметровому столбу, на котором неподвижно стоял Симеон, и спросили святого: «Отчего не идешь ты путем отцов наших, но изобрел другой — новый? Сойди со столба и последуй житию древних пустынников».

Старцы уже заранее решили, что если Симеон их не послушается, то они силой совлекут его со столба.

Ибо если нет у человека смирения и повиновения старшим, то нет и не может быть Божиего благословения на столь дерзновенный подвиг. И значит, подвиг совершается по гордыне и ради людской славы. И вот, когда старцы возвестили Симеону соборное решение, согласно которому он должен сойти со столба, преподобный, не раздумывая, проявил послушание и уже ступил ногой на лестницу, ведущую вниз. И тогда пришедшие к нему старцы, видя христианское смирение Симеона, закричали: «Нет, не сходи, святой отче, но пребывай на столбе. Теперь мы убедились, что начатое тобой дело — от Бога. Да будет же Он тебе помощник до конца».

Смысл подвига столпничества, который принял на себя Симеон, высказал один епископ: «Ты, Симеон, стоишь на столбе, как свеча на подсвечнике. Стоя много лет на одном месте, ты привел к Христовой вере столь многих людей, как если бы исходил всю вселенную, уча и проповедуя».

Некоторые из пришедших пожелали навсегда остаться возле святого Симеона. Так около столпа преподобного возник мужской монастырь.

Шли к Симеону Столпнику и персы, и арабы, и армяне. Видя в жизни святого Симеона откровение силы Божией, многие принимали Святое Крещение.

Святость Симеона Столпника чувствовали даже дикие звери. Позабыв свой хищный нрав, они приползали к столбу, и святой Симеон исцелял их от ран и болезней силой своей молитвы.

Отец святого Симеона к тому времени давно умер, а мать, несмотря на свои старческие немощи, разыскала его и пришла к монастырю, раскинувшемуся вокруг знаменитого столба. Монахи доложили Столпнику: «Отче! Твоя родная мать пришла, хочет говорить с тобой. Как нам поступить? Ведь женщинам

вход в монастырь запрещен. Сделаем ли для матери твоей исключение?»

Святой Симеон заплакал. Потом долго молился: «Братья! Скажите моей матушке, что я не забыл ее и очень люблю. Все эти годы молился о ней непрестанно. Передайте ей мое благословение и поселите за оградой монастыря».

Так и поступили. А вскоре мать святого Симеона мирно скончалась в своей хижине и была погребена неподалеку, так, что преподобный со своего столба мог видеть ее могилу.

Он так и умер, стоя на столбе, закрыв глаза и сложив руки крестом. Блаженная кончина величайшего подвижника произошла в 460 году, когда Симеону Столпнику минуло более ста лет от роду.

А. Аннин

Преподобный Савва Освященный

Один из столпов палестинского монашества, преподобный Савва Освященный, родился в середине V века в Малой Азии. Его отец был военачальником. Как-то отец пришел домой и сказал жене: «Меня переводят на службу в Египет. Путь неблизкий, да и опасный. Давай пока оставим маленького Савву у твоего брата. А там видно будет».

Так пятилетний Савва оказался в чужом доме. Дядя хорошо относился к мальчику, но тетка с первых же дней невзлюбила племянника. И Савва не выдержал: сбежал к другому своему дяде, брату отца. Тот обрадовался: «Правильно сделал, что пришел ко мне, мой милый Савва! Здесь тебя никто не обидит!» Причина такой бурной радости была проста: заполучив к себе мальчика Савву, брат его отца становился управляющим богатого поместья. Отец

оставил его для Саввы, чтобы тот ни в чем не нуждался.

Дядя жестоко поссорились. Маленький Савва плакал, умолял их не ругаться из-за него. Ребенок не понимал, что они спорят за право опекуинства. И однажды Савва ушел куда глаза глядят. Его, оборванного и голодного, подобрал на улице монах близлежащей обители. Привел в монастырь. Добрые иноки приютили мальчика. Настоятель тут же написал письмо его отцу в Египет. Отец прислал ответ: «Я согласен, чтобы Савва воспитывался в монастыре. Держите его в строгости, ведь когда он подрастет, то пойдет на военную службу».

10 лет Савва исполнял все возлагаемые на него труды, изучал Священное Писание. Однажды он пришел к настоятелю: «Отче, дозволь мне поехать в Святую Землю, ко Гробу Господню».

Игумен боялся гнева родителей Саввы, но все-таки отпустил его в Иерусалим. Там юноша поклонился святыням и отправился к Евфимию Великому: «Преподобный отец, возьми меня к себе послушником!»

Долго умолял святого Евфимия 17-летний Савва. Но в лавре Евфимия Великого жили только многоопытные иноки. И святой старец отправил юношу в соседний монастырь, где был чуть менее суровый устав. Там преподобный Савва пробыл до 30 лет, и лишь в этом возрасте его постригли в монахи. Ему разрешили стать отшельником, и Савва затворился в пещере. Он молился и трудился: в день плел по 10 больших корзин и раз в неделю относил их в монастырь.

Один из монахов узнал о смерти своих богатых родителей и отпросился у настоятеля, чтобы распорядиться наследством: «Отец настоятель, отпусти вместе со мной отшельника Савву. Он сильный и поможет мне в дороге». Игумен согласился.

Путь двух монахов лежал в Египет, в Александрию. И надо же такому случиться, что в этом огромном городе преподобный Савва случайно встретил своих родителей. Они страшно обрадовались, а отец стал убеждать: «Сын мой Савва, ты закалился в суровых испытаниях, стал мудрым. Я помогу тебе стать военачальником. К тому же ты не получил моего родительского благословения на иноческий постриг. И мы можем законным образом аннулировать твоё монашество. Послушай меня. Что может быть почтнее, чем служить царю?» Горько было святому Савве от таких речей: «Отец, я уже и без того служу Царю, только не земному, а Небесному. Я принес Ему присягу и не могу изменить ей. Как человек военный, ты должен понять меня. Все эти годы я скорбел, что постригся в монахи без твоего разрешения. Поэтому благослови меня сейчас».

И отец сдался, обнял сына и благословил на иноческое житие. Савва вернулся в свою пещеру. Шли годы. Преподобный Евфимий высоко ценил подвижническую жизнь своего ученика. Он стал брать с собой в безлюдную пустыню монаха Савву. Там они подолгу питались одними лишь кореньями и травами. Но вот преподобный Евфимий отошел ко Господу, и через какое-то время, как говорит предание, святому Савве было откровение свыше. Мысленно увидел он горную долину, по которой протекал поток Кедрон. Савва услышал голос: «Если хочешь заселить эту долину монахами, то найди в ее восточной части пещеру и живи там». Так и поступил святой Савва. А вскоре в долине стали собираться те, кто желал иноческой жизни под его руководством. Он принимал всех, и его ученики строили себе кельи. Как-то ночью преподобному было видение в виде огненного столба. Святой Савва пошел на то место и набрел на прекрасную, обширную пещеру. Здесь устроили нерукотворную церковь.

Преподобный Савва, несмотря на просьбы учеников, отказывался принять сан священника. Некоторые монахи, недовольные слишком строгим уставом святого Саввы, решили воспользоваться скромностью своего руководителя. Они пошли к Иерусалимскому Патриарху и попросили поставить им другого настоятеля вместо святого Саввы, который не был иереем. Патриарх послал за преподобным Саввой и против желания святого рукоположил его во священника: «Вот вам отец ваш и игумен вашей лавры, избранный Богом, а не людьми. Я, Патриарх Иерусалимский, только утвердил Божественную волю».

С тех пор преподобный Савва стал именоваться Освященным, поскольку принял священный сан. Вскоре к святому Савве пришла его престарелая мать. Она сообщила о смерти отца и отдала своему сыну-игумену огромное наследство умершего родителя. Эти деньги преподобный Савва употребил на постройку монастырских зданий, а для матери устроил келью неподалеку от своей лавры, где она в монашестве провела остаток жизни. Всего святой основал 7 монастырей, главный из них — лавра преподобного Саввы Освященного. В этих монастырях еще при жизни основателя подвизались свыше 5000 монахов. И для всех без исключения святой Савва был добрым и заботливым отцом.

Преподобный Савва немало потрудился для блага всей христианской Церкви. В 517 году трон занял император Анастасий, разделявший ересь монофизитов. Это лжеучение было осуждено на Четвертом Вселенском Соборе. Однако император Анастасий вновь принялся насаждать ересь. Тогда престарелый игумен Савва пришел в Иерусалим, встал посреди храма и громогласно объявил: «Знайте, христиане, чему учит наша святая Церковь. У Господа нашего Иисуса Христа — две природы: Божественная и

человеческая. Поэтому Он именуется Богочеловеком. Прошу вас, не слушайте еретиков, даже если с ними — сам царь!»

Авторитет Саввы Освященного был так велик, что с учением монофизитов в Иерусалиме было покончено. Савва Освященный остался в истории христианской Церкви и как автор первого богослужебного устава, называемого Типикон. В Русской Православной Церкви устав преподобного Саввы Освященного, называемый Иерусалимским, принят с XIV века.

Святой Савва умер в 532 году, прожив без малого сто лет.

А.А. Аннин

Монофелитство и преподобный Максим Исповедник

Несмотря на усилия Церкви и государства преодолеть религиозный раскол, богословские споры не утихали. Они разделили империю на две половины — православную и монофизитскую. Император Ираклий хорошо понимал вред религиозного разделения и желал покончить с ним любыми способами.

В начале VII века несколько монофизитских епископов объявили императору, что согласятся присоединиться к Церкви, если она признает, что в Иисусе Христе при двух природах действует только одна Божественная воля.

Этот сложный догматический вопрос не был еще раскрыт Церковью. Однако православные богословы понимали, что в признании двух природ и одной воли заключено противоречие. Признавая во Христе два естества — Божественное и человеческое, Церковь признавала вместе с тем две воли. При наличии одной

воли — Божественной, необходимость в человеческой природе отпадала.

Однако императора Ираклия мало интересовала суть учения. У него была одна цель — восстановить единство веры в империи. Средство к достижению этой цели он видел в утверждении учения о единой воле. Впоследствии приверженцев нового учения стали называть монофелитами.

Первым в защиту Православия выступил Иерусалимский патриарх Софроний. Он созвал в Иерусалиме Собор, на котором осудил монофелитство. Послания патриарха Софрония с изложением православного учения о двух волях во Христе произвели большое впечатление.

Император Ираклий, видя, что вместо единства еще более взволновал церковное сознание, издал свое «Изложение веры». В нем он вообще запрещал говорить о волях во Христе. Но было уже поздно, споры не утихали. Несмотря на запрет, церковные Соборы в Западной Африке и Риме осудили монофелитство. Конфликт с окраинами империи был слишком опасен для государства. Им пользовались захватчики, угрожавшие с разных сторон единству империи.

Преемник императора Ираклия Константин разделял взгляды предшественника. В 648 году он издал документ, получивший название «Образец веры» («типос»). В нем император обязывал подданных прекратить спор о волях. Запрет был расценен как покровительство монофелитству. Горячим защитником Православия в это время стал монах Максим, получивший за стойкость в вере наименование Исповедник.

Преподобный Максим родился в одной из аристократических семей Константинополя. Он получил прекрасное образование и был при императоре Ираклии в числе царских советников. Затем Максим

оставляет мир и уходит в один из константинопольских монастырей. Однако его затвор продолжался недолго. Философский ум и ораторский талант Максима покорили всех: «Не только клирики и епископы, но и народ, и власть смотрели ему в рот и тянулись к святому, как железо к магниту, увлекаясь его речами», — говорит жизнеописатель Максима. Доводы преподобного Максима в пользу Православия были так сильны, что после публичного диспута о вере с Константинопольским патриархом Пирром последний отрекся от монофелитства.

В борьбе за Православие Максима поддержал римский епископ Мартин. После избрания на Римскую кафедру папа Мартин первым делом созвал Собор. На нем был отвергнут «типос» императора Константа. Акты Собора были отправлены императору с требованием восстановить Православие. Констант счел такой поступок возмущением против государства и решил подавить оппозицию.

Папу Мартина ложно обвинили в политических преступлениях. Императорским указом его низложили с кафедры и доставили в Константинополь вместе с другими участниками Собора. После нескольких месяцев тюрьмы и суда папу Мартина сослали в Крымский Херсонес, где он умер от голода. Император Констант понимал, что авторитет преподобного Максима способен умиротворить Церковь. Поэтому Максиму не сразу были предъявлены обвинения в государственной измене. Его несколько раз отправляли в ссылку, угрожали, избивали, обещали славу и почет, но он оставался непоколебим. Только после того, как преподобный Максим заявил, что «даже если и вся вселенная начнет причащаться с патриархом, я не буду иметь с ним причастия», участь его была определена. Максим Исповедник был бит воловьими жилами, ему отрезали до основания язык и от-

секли правую руку. Он был сослан на Кавказ, где и скончался.

Императорский террор привел всех в оцепенение.

Наконец, император Константин Пагонат решил созвать в 680 году Шестой Вселенский Собор. После прений Собор осудил монофелитство и подтвердил как православное учение о двух волях в Иисусе Христе.

Лишь небольшая часть христиан, живущих до сих пор в Ливане и называемых маронитами, не захотела прислушаться к соборному голосу Церкви.

М.В. Первушин

VI ВЕК

Преподобный Бенедикт Нурсийский

На Востоке — в Египте и Палестине — первые монастыри появились еще в конце III — начале IV столетия. Но в Европе организованных по единому уставу монашеских общин не было вплоть до VI века. В западных странах уход человека от мира имел, как правило, форму отшельничества. Родоначальником европейского монашества, то есть иноческих общежитий со своим единым внутренним уставом, считается преподобный Бенедикт Нурсийский. Русская Православная Церковь называет его святой Венедикт, что в переводе с греческого означает «благословенный».

Некоторые светские историки говорят: «Бенедикт Нурсийский лишь по стечению житейских обстоятельств оказался у истоков западного монашества».

Отчасти это правда. Но факт остается фактом: именно вокруг его загадочной личности в Италии возникли первые строгие обители.

Преподобный Бенедикт родился в 480 году близ городка Нурсии, что в Сабинских горах Средней Италии. Была у Бенедикта и сестра-близнец по имени Схоласстика, ставшая впоследствии прославленной святой.

Сабинские горные жители испокон веков отличались суровостью нрава и исключительной добросовестностью во всякой работе. Именно в этих традициях и воспитывали Бенедикта его родители — мелкие землевладельцы.

Когда Бенедикт стал юношей, отец сказал ему: «Я хочу, чтобы ты вышел в люди. Ты не будешь пахать землю, как я. Так что вот тебе деньги, поезжай в Рим и выучись там на врача».

Но скромный и замкнутый Бенедикт не выдержал зрелищ разгульной студенческой жизни и попросту сбежал из Рима, куда глаза глядят. Беглец остановился в небольшой деревеньке. Но вскоре он понял, что хочет бежать вовсе не от столичной суеты, а от суеты вообще. Даже от суеты тихой деревни. В памяти Бенедикта всегда был пример его любимой сестры Схоластики, которая еще раньше посвятила себя Богу, поселившись при храме и исполняя там всякую работу. Бенедикт избрал другой путь: он ушел в безлюдные горы, где случайно наткнулся на некоего Романа, проводившего жизнь в молитвах и трудах. Бенедикт поведал Роману, что тоже хочет стать отшельником, и тот показал ему уединенную пещеру на вершине скалы. Святой Бенедикт прожил там три года, закаляясь духовно и физически. Он во всем старался подражать великим египетским пустынножителям. Хлеб и воду ему на веревке спускал Роман. Однако Роман в конце концов не выдержал и проговорился людям, что в уединенной пещере живет святой отшельник-чудотворец. И к Бенедикту потянулись паломники.

«Хотим увидеть какое-нибудь знамение от святого подвижника!»

А группа монашествующих из небольшого городка Виковаро позвала Бенедикта возглавить их маленькую общину и дать им устав. «Мои правила жизни вам не подойдут, братья» — так отговаривался Бенедикт. Но его все-таки упростили возглавить общину Виковаро. И очень скоро горько пожалели об этом. С первых дней своего начальствования Бенедикт ввел в общине строжайший пост, запретил братьям жить по своей воле. «Делать что бы то ни было можно

только с моего благословения. Теперь вы будете жить своим трудом, копать огороды, а не бродить по окрестностям в поисках подаяния».

Обленившиеся монахи Виковаро люто возненавидели святого Бенедикта. Святитель Григорий Двоеслов сообщает такую историю: «Не выдержав непривычной для них суровой жизни, братья задумали отравить святого Бенедикта. Они смешали яд с вином и дерзнули подать смертоносную чашу преподобному отцу во время обеда. Он же своею честною рукой сотворил над чашею крестное знамение, и сосуд силою святого креста тотчас разбился, как от удара камнем». Преподобный Бенедикт понял, что чаша была отравлена. Он призвал к себе братию и сказал безо всякой злобы, даже с улыбкой: «О, чада мои! Да помилует вас милосердный Господь. Разве я не говорил вам, что мои нравы не подойдут вашим?»

И вернулся обратно в свою пещеру на вершине скалы. Но слава святого Бенедикта была уже повсеместной. К его скале стали стекаться многие люди, желающие поселиться рядом с преподобным. Они строили себе кельи, и через несколько лет число братии преподобного Бенедикта столь умножилось, что он разделил всех иноков на 12 частей, и каждая вновь образованная община стала жить в отдельном монастыре. Начальниками этих обителей святой Бенедикт поставил своих самых опытных учеников.

Был в тех краях некий авторитетный священнослужитель, и он жестоко позавидовал славе святого Бенедикта среди прихожан. Чтобы изгнать преподобного из тех мест, завистник принялся строить всяческие козни его монастырям. Не желая быть причиной раздора, святой Бенедикт с несколькими учениками удалился в Монте-Кассино — местечко неподалеку от Неаполя. Здешний помещик подарил преподобному участок земли и дал денег на строительство монасты-

ря. Вскоре был воздвигнут храм во имя Иоанна Крестителя, появились хозяйственные постройки и братские корпуса, которые быстро заселились сотнями иноков. Девизом монастыря святой Бенедикт объявил принцип: «Молись и трудись».

Здесь, в Монте-Кассино, святой Бенедикт написал свой знаменитый Устав для западных монастырей. Этот замечательный документ, состоящий из 73 коротких главок и вступления, оставался непререкаемой нормой для всех монахов в Западной Европе на протяжении пяти веков. Практически во всех европейских странах, а затем и в Новом Свете стали возникать бенедиктинские монастыри. Они считались и считаются очень строгими, хотя в сравнении с крайне суровыми правилами жизни восточного монашества устав святого Бенедикта относительно мягок.

«Главное средство достижения святости жизни — это принцип монашеского общежития, исполнение добродетелей смирения и послушания. Все имущество монастыря является общим, и никто из братьев не может иметь ничего своего. Но бедность монахов не означает бедности монастыря». В этом — основа устава святого Бенедикта.

Помимо осуществления полного суточного круга богослужений, монахи обязаны трудиться. А еще — учиться: постигать Священное Писание, сочинения отцов Церкви, жития святых. «Моя задача была сделать монастыри школами служения Господу». Так подытожил свой многолетний труд святой Бенедикт. Он отошел ко Господу в 547 году и похоронен в монастыре Монте-Кассино — в одной могиле со своей сестрой, святой Схоластикой, которая за несколько лет до кончины преподобного Бенедикта почувствовала приближение смерти и пришла умирать возле монастыря своего брата.

VII ВЕК

Преподобный Иоанн Лествичник

К VII веку нашей эры восточное монашество достигло своего духовного расцвета. Многие благочестивые люди желали спастись в монастырях и скитах, повсеместно возникавших в Палестине, Сирии, Египте и Аравии. Естественно, что у монахов разрозненных пустынных обителей назрела необходимость в письменном руководстве, изложенном доходчиво, конкретно и опирающемся на Священное Писание. Эта миссия — создание настольной книги монаха — выпала на долю игумена Синайской горы, преподобного Иоанна Лествичника. Было это на рубеже VII века.

Историки сходятся во мнении, что святой Иоанн был сыном богатых константинопольских вельмож Ксенофонта и Марии, впоследствии также прославленных в лике преподобных. Был у Иоанна и младший брат Аркадий, через много лет достигший святости на Синайской горе. Когда братья вступили в отроческий возраст, отец их, святой Ксенофонт, сказал: «Дети мои! Должно вам получить хорошее образование. Отправляйтесь в Палестину, в город Бейрут. Там находится прославленный университет».

Но недолго проучились братья в Бейруте: мать их, преподобная Мария, вызвала сыновей домой по случаю опасной болезни отца. Иоанн и Аркадий ухаживали за отцом вплоть до его полного выздоровления. А потом заспешили обратно в университет.

Они плыли морем, как вдруг налетела жестокая буря и разбила корабль. Физически крепкие и выносливые братья спаслись на обломках утонувшего судна, и каждого из них порознь прибило к палестинскому берегу. Полагая, что Аркадий, возможно, погиб, Иоанн решил стать монахом. Чтобы, во-первых, до конца дней благодарить Бога за свое спасение, а во-вторых, молиться о своем брате — живом ли, мертвом ли. Точно такое же решение принял и Аркадий, постригшись в одном из палестинских монастырей с именем Георгий.

А Иоанн направил свой путь на Синайскую гору. Было ему всего 16 лет, когда он достиг уединенного местечка Фола, где еще святая равноапостольная царица Елена воздвигла небольшой храм. А спустя два столетия, уже в VI веке, здесь возник монастырь.

Святого Иоанна привлекла сюда молва о строгом иноческом житии синайских подвижников. Духовным наставником юного послушника стал многоопытный старец Мартирий. Он-то и постриг Иоанна в монахи на 20-м году его жизни. Вот что вспоминает жизнеописатель преподобного Иоанна Лествичника, монах Даниил: «Многие синайские старцы прозревали в юноше Иоанне будущего игумена всей Синайской горы. Так, старец Савваит, когда Иоанн пришел к нему за духовным наставлением, самолично умыл ноги неопытному монаху. Савваита спросили с недоумением, отчего он поступил так? Старец отвечал: “Поверьте мне, чада мои, я не знал, кто этот юный инок. Я видел перед собой игумена Синайского, и умыл ноги игумену”».

Однако пройдет долгих 59 лет в трудах и молитвах, прежде чем святой Иоанн согласится принять игуменский сан. Вплоть до 75-летнего возраста он почитал себя недостойным быть наставником множества синайских монахов, среди которых встречались и

столетние старцы. 19 лет преподобный Иоанн Лествичник был в послушании у аввы Мартирия, а когда тот умер, то Иоанн удалился в пустыню. В келью, которая находилась в восьми верстах от монастыря. И провел здесь сорок безмолвных лет.

Любопытны и поучительны воспоминания монаха Даниила о том, какой образ жизни избрал для себя святой Иоанн в пустыне. Возможно, некоторым он вовсе не покажется идеалом аскетизма. «Святой Иоанн в отличие от суровых постников вкушал хлеб, рыбу, мед. Так он премудро сокрушал гордыню, чтобы ум не кичился чрезмерным аскетизмом. Но ел он очень мало, дабы смирить чревоугодие. Редко посещающая кого-либо, а еще реже говоря что-либо, он умертвил в себе тщеславие».

Спал преподобный Иоанн достаточное количество времени, чтобы принудительным бодрствованием не притупить остроту ума.

Тем не менее слава о синайском отшельнике распространилась по всему Востоку. Его брат, инок Георгий, сердцем почувствовал, что подвижник, о котором все говорят, — это его спасшийся брат Иоанн. И он оставил свой палестинский монастырь и пришел на Синай, в обитель Фолу, чтобы подвизаться рядом с великим своим братом. Отсюда Георгий написал в Константинополь Ксенофонту и Марии, и родители узнали, что их старший сын, как и младший, благополучно спасся. Ксенофонт и Мария поспешили в Фолу, обняли Иоанна и, благодаря Господа, постриглись в разных монастырях.

Когда в 75-летнем возрасте преподобный Иоанн стал игуменом Синайской горы, он получил письмо от настоятеля Раифского монастыря, расположенного на берегу Красного моря. Раифский настоятель просил игумена Синайского написать для всех монахов общее руководство ко спасению. Он же подсказал

и название книги: «Лествица», что на современном языке означает «лестница», то есть путь восхождения в Царство Небесное. Потому-то создателя этого бессмертного труда потомки именуют Иоанном Лествичником.

Сам образ лествицы заимствован из Ветхого Завета, где описано видение праотца Иакова — лестница, по которой Ангелы восходят на небо.

В книге Иоанн Лествичник собрал воедино духовные и аскетические традиции египетских монастырей, и труд его представляет собой руководство к духовному восхождению. Таких ступеней совершенства — тридцать, согласно возрасту Иисуса Христа, когда Он начал Свое общественное служение. Святой Иоанн пишет в предисловии: «По мере скудного ведения, которое дано мне, соорудил я лествицу восхождения. После этого пусть каждый смотрит сам, на какой он ступени».

Первой ступенью лествицы восхождения Иоанн ставит отречение от земных пристрастий, а на самой высоте ее указывается союз трех высших добродетелей — веры, надежды и любви.

Святые Феодор Студит и Иосиф Волоцкий называли «Лествицу» лучшей книгой для монахов. Но время показало, что и миряне, думающие о вечной жизни, непременно почерпнут в этой книге немало откровений и полезных советов.

Закончив свой труд, преподобный Иоанн Лествичник отошел ко Господу в возрасте около 80 лет, выполнив главное предназначение всей своей жизни.

А.А. Аннин

VIII ВЕК

Иконоборчество и Седьмой Вселенский Собор

Необходимым отличием любого православного храма является наличие икон. Изображения, которые Церковь стала позднее называть священными, стали появляться в местах богослужения с первых веков христианства. Одни из первых икон мы видим в римских катакомбах.

Повсеместно же почитание икон вошло в церковную жизнь к V веку. Однако нередко в народной жизни почитание священных изображений принимало искаженные формы. Церковь, преодолевая язычество, порой сталкивалось с заблуждениями, которые граничили с идолопоклонством. Это не могло не волновать отцов Церкви. Видя искаженные формы почитания икон, некоторые священнослужители прямо называли иконопочитание идолослужением.

Такое отношение к иконам разделял и император Лев Исаврянин. Задумав истребить иконопочитание, император полагал, что это поможет ему вернуть утраченные империей области, а иудеи и мусульмане, не почитающие изображений, сблизятся с христианством.

Уничтожение икон император начал в 726 году, издав указ против поклонения им. Он приказал поднимать все иконы в храмах на такую высоту, чтобы народ не смог к ним прикоснуться. Распоряжению

императора воспротивился патриарх Константинопольский Герман. Патриарха поддержал и Римский папа Григорий. Он написал императору, что Рим уйдет из-под его власти, если он будет настаивать на уничтожении иконопочитания.

Предостережения не подействовали. В 730 году император велел воинам снять и разбить особо чтимую икону Христа над воротами его дворца. Один из воинов поднялся по лестнице, чтобы выполнить приказ, но толпа не дала закончить издевательство. Народ в пылу негодования опрокинул лестницу и предал смерти упавшего воина. По приказу императора главные виновники расправы были казнены, патриарх Герман низложен. По указу императора иконы были вынесены из храмов и сожжены, а епископы, противившиеся этому, изгнаны.

Но иконы можно было удалить из храмов только в пределах восточной части империи. В Сирии, которая находилась под властью мусульман, а также в Риме Лев не мог заставить выполнить свой указ. Против гонения выступил знаменитый Иоанн Дамаскин, бывший статс-секретарем при халифе Дамасском. Его замечательные слова в защиту святых икон привлекли всеобщее внимание. Желая отомстить Иоанну, Лев оклеветал его, написав халифу, что его министр — изменник. Впоследствии Иоанн принял монашество и удалился в один из палестинских монастырей.

После смерти императора Льва его сын Константин Копроним с еще большей настойчивостью и жестокостью продолжил преследовать иконопочитание. Он хотел осудить и уничтожить иконопочитание как ересь. Несколько лет Константин готовился к созыву церковного собора. За эти годы происходил подбор на епископские кафедры согласных с ним лиц. Когда все было подготовлено, иерархия по зову императора

прибыла в столицу. Покорившись воле своего кесаря, епископат определил, что иконопочитание есть идолопоклонство.

Определения лжесобора приводились в исполнение с необыкновенной жесткостью. Не останавливаясь на иконопочитании, Копроним пошел дальше. Он хотел уничтожить почитание святых и их мощей, монашескую жизнь, считая все это суеверием. По его приказу мощи святых или сжигались, или сбрасывались в море. Монастыри были обращены в казармы или конюшни. Монахи изгнаны, а те, кто открыто порицал действия императора и защищал иконопочитание, предавались мучительной смерти.

После смерти Константина его сын Лев Хазар, по завещанию отца, должен был продолжить борьбу с иконами. Но Лев оказался человеком слабохарактерным. Большое влияние на него имела его жена Ирина, тайно поддерживавшая иконопочитание. Под ее покровительством изгнанные монахи опять стали появляться в городах и даже в самом Константинополе, епископские кафедры стали замещаться тайными приверженцами иконопочитания. Только найдя в спальне Ирины иконы, Лев начал было крутыми мерами подавлять иконопочитание, но в том же году умер. По малолетству его сына управление государством взяла в свои руки Ирина. Она решительно объявила себя защитницей икон.

Новым Константинопольским патриархом был избран Тарасий, приверженец иконопочитания. Монахи беспрепятственно заняли свои монастыри. В 787 году Ирина созвала Седьмой Вселенский Собор. Согласно его постановлению, иконопочитание было восстановлено. Отцы Собора разделили понятия «служение» и «поклонение». Было определено, что «служение» подобает одному лишь Богу. Иконам же подобает «поклонение». Поклоняясь образу, верую-

щие воздают честь Первообразу — Христу, Богородице и святым. Иконоборчество не сразу сдало свои позиции, оно еще 25 лет волновало Церковь. Лишь при императрице Феодоре оно было окончательно преодолено. В честь этой победы был установлен праздник Торжества Православия, который совершается в Православной Церкви в первое воскресенье Великого поста.

М.В. Первушин

Преподобный Феодор Студит

В 758 году в Константинополе в семье императорского чиновника, сборщика царских податей, родился сын Феодор. Стараниями своих благородных и богатых родителей он получил прекрасное систематическое образование у лучших риторов, философов и богословов столицы. А пример его родителей, благочестивых христиан, и родного дяди, игумена монастыря, привили ему искреннюю любовь к христианству. В то время в империи стало широко распространяться движение иконоборчества, поддержанное самим императором. Взгляды императора решительно противоречили религиозным представлениям отца Феодора, и он оставил государственную службу. По обоюдному согласию родители Феодора приняли монашеский постриг.

Их сын Феодор избрал путь семейной жизни. Он женился и вскоре стал широко известным в столице ритором. Владение ораторским искусством, терминологией и логикой философов и, самое главное, глубокое знание христианского учения, буквы и духа Священного Писания не могли быть не замечены. Его участие в многочисленных диспутах о почитании икон неизменно заканчивались торжеством над

иконоборцами. Отсутствие детей и глубокая религиозность привели Феодора и его супругу Анну к решению посвятить себя иноческой жизни. На 32-м году жизни они приняли монашеский постриг.

Феодор, воспитанный «в мягкости и покое» и никогда не знавший тяжелого физического труда, «брался в монастыре за самые низкие, грязные работы и был всем слугою», как пишет о нем биограф. Через 14 лет после пострига Феодор против своей воли принял управление монастырем. Вся братия обители единодушно избрала его своим игуменом.

Став настоятелем, Феодор не мог обойти молчанием нарушителей церковных уставов и правил, особенно среди первых лиц империи. Он мужественно выступил против незаконного с канонической точки зрения развода и нового брака византийского императора, даже несмотря на то, что этот брак был одобрен патриархом и возводил на престол близкую родственницу Феодора. За пренебрежение каноническими постановлениями о христианском браке преподобный объявил императора отлученным от Церкви. Феодора и нескольких его сподвижников отправили в ссылку.

После смерти гнавшего его императора Феодор был возвращен из изгнания и поставлен начальником опустевшего Студийского монастыря в Константинополе, в котором оставалось только двенадцать иноков. Первое, что сделал Феодор для новой обители, — благоустроил и оградил иноческое житие строгим уставом, известным под именем Студийского. Этот устав получил широкое распространение на всем православном Востоке. А для Руси он имел такое же значение, как для западного монашества устав святого Бенедикта. Студийский устав вводил строгий порядок во все области монастырской жизни. Монахам, например, воспрещалась всякая собственность. Они должны были обучаться различным профессиям,

нужным для монастыря, и сами производить все необходимое для обители. Зброшенный монастырь начал быстро возрождаться. Через несколько лет число иноков достигало уже тысячи человек.

Литературное наследие Феодора огромно. Несколько крупных богословских трудов, более двухсот поучений братии, тысяча писем, множество богослужебных гимнов. Но более всего известны его эпиграммы — краткие стихотворения, посвященные монастырской жизни, которые отличаются «простотой и непосредственностью». Вот одно из них — к монастырскому повару:

О чадо, как не удостоить повара
Венца за прилежанье целодневное?
Смиранный труд — а слава в нем небесная,
Грязна рука у повара — душа чиста,
Огонь ли жжет — геенны огонь не будет жечь.
Спеши на кухню, бодрый и послушливый,
Чуть свет огонь раздуешь, перемоешь все,
Накормишь братью, а послужишь Господу.
Да не забудь приправить труд молитвою,
И воссияешь славою Иакова,
В усердьи и смиреньи провожая жизнь...

Вот как отзывается об этих наставлениях ученик преподобного: «Столько в них небесной, благодатной мудрости, столько света и столько сокрушения... Они сильны своей искренностью».

Феодор отзывался на все главные вопросы текущей политической и общественной жизни. Когда очередной византийский император, оказавшись иконоборцем, созывал Собор против почитания икон, Феодор написал ему: «Не нарушай мира Церкви... Оставь ее пастырям». Он выступил со множеством посланий и проповедей против иконоборцев, получив от современников прозвище «пламенного учителя».

Церкви». В результате Феодор был схвачен и по приказу императора отправлен в ссылку. Претерпевая голод и жажду, покрытый ранами и язвами от постоянных побоев, Феодор продолжал проповедью бороться с ересью. Его переводили с места на место, не давали покоя ни днем, ни ночью. «С радостью принимаю я эти испытания», — писал Феодор ученикам. В итоге его поместили в непрветриваемую темницу без права выхода из нее. Зимой преподобный изнывал от стужи, летом — от зноя, претерпевая еженедельные побои. При этом в темнице было огромное количество насекомых. В таких условиях его тело стало заживо гнить. Чтобы не умереть, Феодор отрезал небольшим ножом «посинелые и согнившие части своего тела». Более пяти лет прожил преподобный в этой темнице.

Новый император прекратил преследования. Феодор не вернулся в Студийский монастырь, не имея сил управлять столь большой обителью. В 826 году, через два года после освобождения, на шестьдесят восьмом году жизни он скончался в уединенном скиту, окруженный верными учениками. Среди современников Феодор пользовался громадным влиянием; завещание его несколько веков ежегодно читалось во время службы в Студийском монастыре. Для потомков Феодор является одним из главных учителей аскетизма и апологетом иконопочитания.

М.В. Первушин

IX ВЕК

Предпосылки великого раскола в христианской Церкви

Основания к разделению христианской Церкви на Западную и Восточную были заложены давно. Само мироощущение людей на Западе и на Востоке было различным.

Восточная половина империи была наследницей древней греческой культуры. Ее богатство активно использовали восточные отцы Церкви во время оживленных споров об истинах веры.

Мироощущение восточных христиан имело созерцательный характер. Именно на Востоке зарождается институт монашества. Здесь мы встречаем множество примеров высокой личной святости, а также создание целой науки аскетики о том, как эта святость достигается.

Западная часть империи унаследовала римские традиции — путь деятельного мировосприятия, авторитет права и власти. Запад сторонился исследований о догматах веры и не интересовался отвлеченными богословскими вопросами. Зато он обращал внимание на внешнюю сторону христианства — обряды, дисциплину, управление, отношение Церкви к государственной власти и обществу. Римляне были тем народом, который создал самое образцовое государственное право. Поэтому в их понимании христианство являло собой богооткровенную программу

общественного устройства. Там, где Восток видел религиозную идею, Запад начал создавать институт. Первенство Римской кафедры Запад понял не духовно, как Восток, а юридически.

Началом разногласий стало возвышение на Востоке Константинопольского патриарха. Рим так и не смог с этим примириться. Именно здесь проходит одна из самых глубоких трещин, предопределивших великое разделение.

Время и ход исторических событий не устранили ее, а еще более углубили. Один из первых серьезных конфликтов на пути к великому расколу случился в IX веке.

В отношениях между Востоком и Западом уже давно установилась атмосфера недоброжелательности и недопонимания. Многие римские епископы открыто показывали свое стремление к власти как церковной, так и светской. Одним из ярких представителей такого направления был папа Николай. Он считал своей задачей возвышение папского престола над всей Вселенной: как Бог господствует над миром, так и папа, его наместник, должен стоять во главе земных царств и Церквей. В знак своего царского достоинства Николай первым из пап венчался трехъярусной короной (тиарой). Раздробленная Европа была бессильна перед умным и волевым «атлетом Божиим», как его назвал летописец.

Диктаторским стремлениям римского епископа на Востоке противостоял Константинопольский Патриарх Фотий. Фотий происходил из богатой и знатной семьи и получил блестящее образование. Он сделал придворного головокружительную дипломатическую карьеру. Не менее блестящей была и его образованность. Ученики Фотия были интеллектуальной элитой столицы.

Фотий был избран в патриархи из мирян. За шесть дней он прошел все церковные степени от чтеца до епископа. Фотий первым из восточных иерархов обратил внимание на отклонение римской церковной практики от норм Вселенской Церкви.

Обострил имевшиеся противоречия болгарский вопрос. Римский епископ принял в свое ведение Болгарию, что привело Фотия в крайнее негодование. Он посчитал, что папа посягает на исконно восточные земли.

В 867 году Фотий отправил послание восточным епископам, где жаловался на «латинян», затаптывающих истинную христианскую веру. В этом послании он указывал на отличия римской обрядовой практики от практики восточных Церквей. В их числе назывались такие, как целибат, то есть обязательное безбрачие священства, пост в субботу, разрешение на употребление молока и яиц Великим постом. Но главное, что патриарх Фотий первым ясно указал на нововведения в учении Западной Церкви: первенство («примат») папы и учение об исхождении Святого Духа не только от Отца, но и от Сына («филиокве»). Эти изменения веры и составляли главную угрозу единству христианской Церкви.

Понимая серьезность расхождений, Фотий созвал Собор, на котором папа Николай был осужден.

В последующем из-за политических интриг патриарх Фотий был смещен со своего поста. Спор между Римом и Константинополем несколько затих. Однако через полтора столетия конфликт вновь обострится и закончится самым печальным образом.

Святые равноапостольные братья Кирилл и Мефодий

В дружной и счастливой семье знатного военачальника Льва, жившего в греческом городе Салоники, было семеро детей. Всех их отличало трудолюбие и усердие к учебе. Все они кроме родного греческого языка прекрасно говорили по-славянски, общаясь со своими сверстниками-славянами. В то время в Салониках жило много славян, бывших пленных и рабов, захваченных греками в постоянных войнах.

Когда самый младший из детей Льва Константин только научился читать, старший — Мефодий, уже покинул отчий дом, отправившись на государственную службу. Он был назначен императором воеводой в Македонию благодаря своему знанию славянского языка.

Младшего, Константина, отличало от других детей как слабое здоровье, так и незаурядные умственные способности. Уже к пятнадцати годам он свободно читал философские и богословские трактаты не только на греческом, но и на латинском языке. Способный мальчик был взят ко двору. Вместе с детьми императора он стал учиться в высшей императорской школе. Здесь Константин изучил литературу, диалектику, астрономию, еврейский и арабский языки, музыку и другие науки. Его наставниками были лучшие учителя империи, в числе которых знаменитый Фотий, будущий Константинопольский патриарх. За свою любовь к философии Константин получил прозвище «философ», которое осталось за ним на всю жизнь.

Старший брат Константина Мефодий, прослужив в должности воеводы около десяти лет, оставляет службу и уходит в монастырь. Вскоре к нему приходит и младший брат, отказавшись от блестящей карьеры при дворе и выгодного брака.

Зная образованность братьев, их преданность Церкви и Отечеству, император посылает их в Хазарию для налаживания дипломатических связей с соседним государством. Оно включало в себя много народностей, в том числе и славян. Ради них Константин и Мефодий создали свою знаменитую славянскую азбуку, чтобы перевести на славянский язык священные книги. Ведь проповедовать только устно, по словам Константина, все равно что «писать пальцем по воде». Летописец сообщает, что первые слова, написанные братьями на славянском языке, были из Евангелия от Иоанна: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

Поездка оказалась удачной. Братья сумели установить дружеские отношения с хазарами, добиться разрешения христианам иметь свои церкви и обратили около двухсот семей в христианство. После этого состоялось еще несколько путешествий к южным славянам, в том числе к недавно крестившимся болгарам. За время этих переездов Константин надорвал свое и без того слабое здоровье.

В 862 году в Константинополь явились послы от моравского князя Ростислава с просьбой прислать к ним христианских учителей-славян. У императора Михаила не было лучших кандидатов, чем Константин и Мефодий. Зная слабое здоровье Константина, он обратился к нему не как император, а как бывший товарищ по школе: «Константин, философ мой, я знаю, ты болен, ты устал, но твоя работа так нужна! Князь Моравский Ростислав просит нас прислать ему христианских миссионеров. Как могу я отказать ему? Эту работу никто не сможет сделать так, как сделаешь ее ты!» На эту просьбу своего товарища больной и слабый Константин с самоотвержением отвечал: «С радостью пойду туда!»

В 863 году братья отправились в Моравию. Там они с большим успехом проповедовали христианство,

совершая богослужения на славянском языке. В Моравию приходили миссионеры и из Германии, которым было непривычно слышать славянское богослужение. Литургия на славянском языке казалась им кощунством. На Западе установился обычай читать Библию и совершать богослужение только на трех языках — еврейском, греческом и латинском. Немецкие проповедники пожаловались на двух братьев Римскому папе Николаю. Папа пожелал видеть славянских благовестников. Надеясь найти у него защиту и понимание, братья отправились в Рим. Прибыв туда, они не застали в живых папу Николая. Его преемник папа Адриан принял братьев с великим почетом. Он вышел к ним навстречу за город, сопровождаемый духовенством и множеством народа. Он освятил принесенные ему славянские книги и одобрил труды братьев по переводу богослужения и Священного Писания на славянский язык. Папа Адриан разрешил даже совершить литургию в нескольких римских храмах на славянском языке.

Вскоре по прибытии в Рим слабый здоровьем Константин занемог и, приняв монашеский постриг с именем Кирилл, скончался 14 февраля 869 года. Его брат Мефодий был рукоположен папой Адрианом в архиепископа Моравии, с разрешением служить службу в епархии на славянском языке. Еще пятнадцать лет до своей смерти Мефодий трудился над просвещением славян. Из Моравии христианство еще при жизни Мефодия проникло в Чехию, а затем в Польшу.

Дальнейшее развитие деятельность солунских братьев получила у южных славян — сербов и болгар, куда также направились их ученики. Уже оттуда славянская азбука пришла в Киевскую Русь. Сегодня в современном мире более 70 национальных языков построено на кириллической азбуке.

М.В. Первушин

Х ВЕК

Преподобный Иоанн Рыльский

Преподобный Иоанн Рыльский — духовный покровитель болгарского народа. Известный при жизни, он еще больше прославился после своей смерти. Будучи духовным руководителем сотен, после смерти он стал духовным покровителем миллионов. Не каждая историческая личность может похвастаться таким огромным влиянием как на своих современников, так и на последующие поколения. Основанный преподобным Иоанном Рыльским монастырь стал очагом духовного просвещения на протяжении многих веков. Он оказал такое мощное религиозное, национальное и культурное воздействие на болгарский народ, что подготовил эпоху нового возрождения и ускорил день освобождения от чужеземного ига. Даже те, кто с сомнением относится к вере и мало ценит подвиги отшельников, признают значение Иоанна Рыльского в истории болгарского народа. Почитание преподобного Иоанна в Болгарии настолько велико, что его можно сравнить только с почитанием преподобного Сергия Радонежского в России.

Родившись около 876 года, Иоанн рано потерял родителей и добывал себе пропитание нехитрой работой пастуха. Однажды хозяин сильно избил его за то, что он потерял корову с теленком. Вместо того чтобы идти искать пропажу, Иоанн всю ночь проплакал перед иконой Спасителя, а наутро корова нашлась.

После этого случая Иоанн ушел в монастырь, где принял иноческий постриг. Через некоторое время он поселился в окрестном лесу в самодельной хижине, питаясь лишь дикими растениями. Как только молва о нем стала распространяться по окрестным селениям, Иоанн покинул свое прибежище, перейдя в еще более глухие, нехоженые места. Несколько раз преподобному приходилось менять место своих подвигов, убегая от людской славы. В конце концов, он поселился на Рыльских горах.

Как-то раз местные пастухи в поисках разбежавшихся овец набрали на хижину преподобного Иоанна. Они увидели поразившую их картину: белобородый старец, с непокрытой головой, босой, в ветхих лохмотьях стоял с распростертыми руками, а испуганные овцы лгнули к его ногам. Пастухи удивились, обнаружив человека так далеко в горах. Иоанн угостил их простой пустынноческой пищей — бобами, смешанными с кореньями и травой, а затем с миром отпустил. Эти пастухи были первыми, кто сообщил весть, что на горе Рила живет удивительный Божий угодник. Туда через некоторое время стали приходить искавшие уединенной жизни подвижники. Ради них преподобный Иоанн основал монастырь у подножия скалы, на которой он жил. Согласно монастырскому преданию, вначале в нем подвизалось около семидесяти иноков. Много лет преподобный Иоанн был игуменом основанной им обители, наставляя братию примером святой жизни и душеполезными назиданиями.

Однажды вместе с другими жаждущими уединенной пустынноческой жизни к Иоанну пришел жить и сын его брата Лука. Видя в молодом еще юноше искреннее желание монашеской жизни, преподобный с любовью принял его. Но недолго им пришлось жить вместе. Брат Иоанна пришел в обитель и

силой увел сына, несмотря на все уговоры преподобного. Однако до дому им не суждено было дойти. По пути из расщелины скалы выползла змея, которая укусила Луку, и тот скончался. Несчастный отец вернулся к святому в горьком раскаянии. Пустынник часто ходил потом на могилу праведного юноши, где впоследствии выстроил храм.

Преподобный часто покидал своих учеников, ища то, к чему он стремился всю свою жизнь, — полного уединения, безмолвия и сердечной молитвы. За пять лет до кончины преподобный Иоанн оставил своим ученикам «Завет», в котором преподавал правила иноческой жизни и духовные наставления. Это произведение считается одним из лучших творений староболгарской письменности и свидетельствует о высокой культуре и глубокой богословской мудрости автора. Последние пять лет земной жизни преподобный Иоанн провел в полном безмолвии и молитве, скончавшись 31 августа 946 года.

Уже в XI столетии многие болгары, убегая от преследований захватчиков, переселялись на Русь. С ними покинули родной монастырь и рыльские монахи, взяв с собой правую руку преподобного Иоанна. Именно с этого времени в Киевской Руси появляется упоминание в летописях о постройке Рыльска — города, ныне находящегося в Курской области.

Первый храм, который построили жители этого города, был освящен во имя преподобного Иоанна Рыльского, в нем же хранилась и его десница. Таким образом, преподобный Иоанн стал первым южнославянским святым, которому на русской земле был воздвигнут храм и который стал одним из небесных покровителей Руси. Не раз преподобный Иоанн и воздвигнутый в честь него город встречается в русских летописных памятниках. Так, например, именно в них сохранилась точная дата кончины преподобного

Иоанна. «Только Рыльск, — по словам летописца XIII столетия, — остался нетронутым на пути погрома Батыевой рати». В XVII веке именно на Руси появилось первое печатное издание жития святого и служба ему.

В честь этого святого был назван и особо почитаемый русским народом святой праведный Иоанн Кронштадтский, родившийся в день памяти преподобного Иоанна. В память своего небесного тезоименного покровителя он основал в начале XX века в Петербурге женский Иоанновский монастырь на Карповке, где впоследствии был погребен.

И сегодня в городе Рыльске чтят память болгарского святого. Он считается покровителем города. В его честь построен храм Иоанна Рыльского и названа наиболее высокая часть береговой гряды — гора Ивана Рыльского, на которой стояла в древности Рыльская крепость. Сейчас на горе возведена часовня в честь преподобного Иоанна, а в Рыльском монастыре хранится частица его мощей.

М.В. Первушин

Начало христианства на Руси

Древнее предание гласит, что начало христианской проповеди на Руси было положено еще в I веке апостолом Андреем Первозванным. Ученые до сих пор спорят об его истинности. Предание повествует о том, что апостол Андрей прошел с проповедью Евангелия до днепровских гор, на которых позже возник Киев. Затем поднялся вверх по Днепру, дошел до Новгорода и вернулся обратно в Рим.

На одном из киевских холмов апостол Андрей установил крест и предсказал величие и красоту будущей столицы Древней Руси. Про посещение апосто-

лом Новгорода в нашей летописи осталось лишь одно упоминание об удивившем апостола обычае новгородцев париться в банях. Вот как он, со слов летописца, вспоминал свои впечатления: «Удивительное видел я в славянской земле... Бани деревянные разожгут до красна, разденутся донага, обольются квасом, поднимут на себя прутья молодые и бьют сами себя до тех пор, пока чуть живые не слезут и не обольются водою студеною, и только так оживут. И творят это никем не понуждаемые, но сами себя мучат...» О проповеди же христианства новгородцам летописец ничего не сообщает.

После этого апостольского путешествия еще долго не встречается в источниках никаких признаков христианства на территории будущей России. Исключение составляли только Крым и Черноморское побережье Кавказа. Это были приграничные территории Византийской империи. Сюда обычно ссылали неугодных правительству церковных иерархов и политических деятелей. Здесь окончил свои дни епископ Римский Климент, святитель Иоанн Златоуст, Максим Исповедник и другие.

Славянские племена, издавна жившие на территории России, были знакомы с Византией. Через славянские земли проходил знаменитый торговый путь «из варяг в греки». Они сами торговали с империей, а также служили в качестве наемников в византийской армии.

Наиболее благоприятные условия для распространения христианской веры среди славянских племен возникли с усилением их военной мощи и началом государственности. Славяне стали совершать набеги и грабить приграничные территории Византийской империи, делая это с варварской жестокостью. Они разоряли города и селения, монастыри и храмы, забирая имущество и никого не оставляя в живых.

К IX веку подобные набеги славян на греческие города участились. Летописные хроники того времени называют славян «злюбийственным народом», опустошавшим все на своем пути.

Но были случаи и принятия христианства славянскими дружинами в результате таких набегов. Так, в жизнеописании Стефана, епископа города Сурож (ныне Судак) в Крыму, сообщается о нападении на город славяно-варяжских дружин. Около 790 года, вскоре после смерти святителя Стефана, под предводительством новгородского князя Бравлина славяне захватили и разграбили Сурож. Сам князь Бравлин ворвался в храм, где был погребен епископ Стефан, и хотел ограбить его могилу, но был поражен чудесной силой. Вернув награбленное и освободив город, он и его дружина крестились.

Похожий случай описан и в житии святителя Георгия, епископа города Амастриды, находившегося на южном берегу Черного моря. Около 842 года «руссы», так называли греки славян, напали на город и хотели раскопать гроб святого Георгия, но, пораженные чудом, освободили пленных, заключили с жителями союз и просили крещения.

Венцом этих разбойничьих походов славян стала осада Константинополя дружиной киевских князей Аскольда и Дира в 860 году. Греки, застигнутые врасплох, обратили свою последнюю надежду к Богу. Совершив богослужение, жители города с патриархом и императором вышли крестным ходом на берег Босфора и погрузили в море ризу от иконы Богоматери. Поднялась сильнейшая буря и потопила суда руссов. Многие из них погибли. Те же, кто остался в живых, отступили, пораженные этим чудом. Вернувшись домой, Аскольд и Дир отправили в Византию посольство просить крещения и наставления в христианской вере.

В честь чудесного избавления Константинополя был установлен праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Сегодня этот праздник практически забыт греками, но в России считается великим и до сих пор торжественно празднуется. В честь этого праздника построены многие храмы, в том числе и знаменитый храм Покрова на Нерли. Удивительное состоит в том, что для русских битва закончилась поражением. Ни у одного народа в мире не найдется праздника в честь военного поражения.

После крещения Аскольда и Дира с их дружиной христианство постепенно входит в религиозную орбиту Древней Руси, но окончательно утверждается только более чем через сто лет при князе Владимире.

М.В. Первушин

Святая равноапостольная княгиня Ольга

Старинное предание рассказывает, что славяне, устав от внутренних раздоров, решили призвать на княжение в Новгород варяжского князя Рюрика. После смерти первого русского князя престол перешел к его сыну Игорю.

Однажды молодой князь Игорь охотился на берегу реки Великой, и ему понадобилось переправиться через реку. Увидев лодку, он окликнул лодочника и приказал ему перевезти себя на другой берег. Не сразу князь заметил, что гребцом была девушка небесной красоты. Эта короткая встреча произвела на Игоря сильное впечатление, и потом, когда ему пришло время жениться, он вспомнил о ней.

Кто же была эта девушка, так поразившая молодого князя? Предание говорит, что это была правнучка

новгородского правителя Гостомысла — будущая равноапостольная княгиня Ольга. Существует несколько версий о месте рождения Ольги, но большинство из них указывают на Псков или его окрестности.

Брак Ольги и Игоря был счастливым. Счастье сопутствовало им и в делах государственных. Но вот в 939 году хазарский царь Иосиф неожиданно напал на русские земли и обложил их данью. Игорь обещал «платить дань кровью», то есть выставлять свою дружину в войнах на стороне хазар. Истощив свою казну из-за военных походов, князь Игорь обложил дополнительной данью древлян. Это славянское племя Игорь не любил. Они бунтовали при восшествии его на великокняжеский престол и сеяли раздор между другими племенами. Возмущенные незаконными поборами, древляне решили убить Игоря, осуществив свой замысел с языческой жестокостью: разорвали его тело пополам, привязав к двум согнутым деревьям. Это произошло в 945 году. Боясь мести за убийство князя и желая укрепить свое положение, древляне отправили послов к Ольге, предлагая ей вступить в брак со своим правителем. Ольга отвергла их предложение. Заманив в Киев знатных мужей древлян, она убила их. Затем захватив столицу, сожгла ее дотла. Будучи еще язычницей, Ольга не знала заповеди о прощении и любви.

Сыну Ольги и Игоря, Святославу, не исполнилось и десяти лет, когда был убит его отец. За него русской землей стала управлять Ольга. Она объезжала все русские земли, наводила порядок, судила мудро и справедливо, чем приобрела себе славу и уважение.

Ольга была язычница, но имя христианского Бога уже славилось в Киеве. Среди киевлян в то время было много христиан. Известен храм пророка Божия Илии, построенный еще при князе Игоре, в дружине которого были христиане. Она могла видеть торжес-

твенность обрядов христианства, могла из любопытства беседовать с церковными пастырями и, будучи одаренной необыкновенным умом, почувствовать правду евангельского учения. Результатом этого было желание Ольги стать христианкой.

Древнее предание говорит, что для этого она отправилась в Константинополь. Русскую княгиню в Византии встретили с честью и торжественно. Таинство Крещения над ней совершил сам Константинопольский Патриарх, а крестным отцом стал император. Ольга получила в Крещении имя в честь царицы Елены, матери императора Константина Великого. После совершения Таинства Патриарх обратился к русской княгине со словами: «Благословенна ты в женах русских, так как возлюбила свет и оставила тьму. Благословят тебя сыны русские до последних поколений внуков твоих». Вместе с княгиней крестились и многие из ее свиты.

Вернувшись в Киев, Ольга начала строить храмы. Ею были построены церкви в Киеве, в Витебске и в Пскове. Но, заботясь о распространении христианства на Руси, Ольга так и не смогла обратить своего сына Святослава к истинной вере. Напрасно она говорила ему о том мире и радости, которым наслаждалась ее душа с того времени, как она приняла Святое Крещение. Святослав отвечал ей так: «Могу ли принять новый закон, чтобы дружина моя посмеялась надо мною?» Он был непоколебим в своем мнении и следовал обрядам язычества. Утешалась Ольга лишь тем, что сын ее не запрещал другим принимать христианскую веру.

Когда при князе Владимире, Ольгином внуке, встал вопрос: какую принять веру, то люди вспомнили княгиню Ольгу и говорили: «Если бы не добра была греческая вера, то мудрая Ольга не приняла бы ее».

Ольга скончалась 24 июля 969 года. Ее смерть была тиха и безмятежна. Все русичи, и христиане, и язычники, оплакивали смерть великой княгини. «И плакался о ней, — говорит летописец, — сын ее и внуки и люди все плачем великим».

Великая княгиня Ольга вошла в историю не только как первая русская святая. Ее называют создательницей государственной жизни и культуры русского народа.

М.В. Первушин

Святой равноапостольный князь Владимир

Владимир был младшим сыном Святослава, храброго и воинственного киевского князя, прозванного в народе «диким вепрем». Святослав не желал принимать христианскую веру, в которую крестилась его мать — княгиня Ольга. Он оставался язычником, таким вырос и Владимир.

В 9 лет Владимир потерял отца и получил в удел Новгород, куда отправился княжить под опекой своего дяди, воеводы Добрыни.

В результате княжеских междоусобиц Владимир в 980 году занял Киев. Первые пять лет своего киевского княжения он провел в походах, лично руководя дружиной и объединяя Русь. При нем все славянские племена от Карпат до Волги стали составлять одно целое — Русскую землю и называться русскими. Владимир стал полновластным правителем этого древнерусского государства.

В благодарность за дарованные победы Владимир собрал в Киеве множество идолов, которым поклонялись покоренные им славянские племена. Он строго соблюдал языческие законы и приносил богам щед-

рые дары. После одного из удачных военных походов Владимир дал добро на принесение и человеческой жертвы.

По языческому обычаю, бросили жребий, который указал на юного христианина Иоанна, сына варяжского ратника Феодора. Киевляне-язычники шумной толпой окружили дом Феодора, чтобы забрать намеченную жертву. Однако здесь они встретили неожиданный отпор. Воин-христианин твердо заявил: «Один Бог, сотворивший небо и землю. Не дам сына моего бесам. Если идолы ваши действительно боги, пусть сами придут и возьмут его». Язычники так и не смогли захватить их живыми. Феодор доблестно отражал натиск толпы, пока кто-то из осаждавших не подрубил сваи его жилища. Христиане-мученики были погребены под развалинами.

Князь Владимир был потрясен случившимся. Но не убийство ошеломило бесстрашного и жестокого князя-воина, а то мужество, с которым варяг Феодор в одиночку противостал тысяче разъяренных киевлян. Ведь такое мужество могло быть явлено только при защите правого дела. К тому же Феодор был известен как благородный, честный и умный воин. Он был одним из лучших княжеских дружинников. Владимир глубоко задумался над словами воина-христианина о «Едином Боге, сотворившем небо и землю».

Сомнения князя в языческой вере, которую Владимир до сих пор так ревностно исповедовал, стали скоро известны. К нему начали приходять с проповедью миссионеры различных вероисповеданий. Но дружина и бояре предостерегали Владимира: «Ты сам знаешь, князь, что никто своего не хулит, а всегда хвалит. Если хочешь испытать доподлинно веру их, пошли людей разумных испытать на месте, чья вера лучше». По их совету Владимир отправил послов в разные страны. Вернувшись, они рассказали, что

более всего поразила их вера греческая. «Когда стояли мы на их богослужении, — говорили они, — то не знали, где были, на небе или на земле. Воистину, там был Сам Бог». Тут и бояре вспомнили о княгине Ольге, сказав Владимиру: «Если бы плох был закон греческий, то Ольга, бабка твоя, мудрейшая из всех людей, не приняла бы его». В Киеве было немало христиан как среди горожан, так и среди княжеской дружины. Владимир мог сам видеть те преимущества, которыми отличалась жизнь христиан от жизни язычников. И он принимает решение креститься. Вместе с ним крестятся его сыновья, а затем многие бояре и княжеская дружина.

После крещения Владимир истребил всех идолов и уничтожил языческие капища. Главного идола славян — Перуна — по приказу Владимира привязали к конскому хвосту и, волоча через весь город, били палками, а затем бросили в Днепр. После этого сам Владимир вместе с христианскими священниками, прибывшими из Византии и Болгарии, ходил по Киеву с евангельской проповедью. И вот в один из летних дней 988 года Владимир объявил в Киеве, чтобы все жители явились на реку для принятия крещения, те же, кто не придет, «будут не любы мне», — сказал князь. Многие киевляне повиновались, рассуждая, что если бы новая вера не была лучше, то князь и бояре не приняли бы ее, но некоторые шли со страхом, боясь оказаться в немилости у князя. В назначенный день епископы и священники совершили крещение над народом в присутствии Владимира. «В этот день небо и земля ликовали», — говорит летописец.

Жестокий и мстительный в язычестве, Владимир после крещения сделался образцом кротости и любви. Он не хотел наказывать даже преступников, а его сказочная щедрость поражала сердца простого народа. Сама летопись не без удивления сообщает о том,

что Владимир повелел всякому нищему и убогому приходить на княжеский двор и брать то, что ему требуется, — деньги, еду, питье... А для тех, кто сам не может прийти, — развозить все необходимое по улицам, расспрашивая горожан о больных, старых и немощных. Такую милостыню Владимир творил не только на княжеском дворе или в Киеве, но по всей земле Русской, во всем государстве.

Этот неслыханный опыт — во всем государстве утолить всякую нужду — до сих пор поражает народное воображение. Недаром народные предание и былины прозвали Владимира «ласковым князем», «Красным Солнышком земли Русской».

В этом особом внимании к милостыне, доброте и любви к ближнему выразилось русское понимание христианства.

Святая Церковь, празднуя память равноапостольного князя, воспевает: «Радуйся, слава России!»

М.В. Первушин

Распространение на Руси христианской веры

«Ангельская труба и евангельский гром гремят по всем городам русским» — так охарактеризовал древний писатель события, которые происходили во время крещения князем Владимиром Русской земли. По княжескому указу ставились храмы, назначались священники, открывались епархии и приводились ко крещению люди во всех русских городах и селах. Но не одно только духовенство участвовало в проповедовании новой веры. Если Владимир лично не мог присутствовать во время крещения какой-либо из областей государства, то присылал им в помощь своих посадников и тысяцких как представителей высшей

государственной власти. Потому что для Владимира крещение Русской земли было делом первостепенной государственной важности.

Только в Киеве Владимир сам построил два храма, отдав на содержание одного из них десятую часть всех княжеских доходов. Уже в конце правления Владимира в древнерусской столице насчитывалось более ста церквей.

В киевских землях, на юге и юго-западе Руси, люди еще до Владимира были знакомы с христианством, потому и крещение принималось ими легко. Не так обстояло дело на русском севере. Там сильны были языческие верования.

В Новгороде Великом перемена веры не обошлась без сопротивления. В северную столицу Древней Руси в 991 году из Киева Владимиром был послан епископ Иоаким вместе с княжеской дружиной для обращения новгородцев к христианской вере. По приказу Иоакима княжеские дружинники сначала разрушили языческие капища. Затем, обвязав главного идола Перуна веревками, стащили его с горы и долго таскали по нечистотам, пока не утопили в реке. В летописи рассказывается эпизод, который имел место на следующий день после этих событий в пригороде Новгорода.

Местный горшечник утром собирался в город для продажи горшков и вдруг увидел Перуна, подплывшего к берегу. Он с негодованием оттолкнул идола шестом от берега и с упреком за дорогие пищевые жертвы сказал ему: «Ты, Перунице, досыта ел и пил, а теперь плыви прочь!» Однако большинство жителей не так спокойно отнеслись к ниспровержению старых богов. Действия княжеского посольства вызвали бунт среди новгородцев. Тогда тысяцкий князя Владимира, Путята, во главе своей дружины выступил против восставшего народа. А дядя Владимира, Добрыня,

поджег городские дома. Жители, бросив мечи и колья, кинулись тушить пожар. Перевес остался на стороне князя. Новгородцы крестились. Так появилась пословица о крещении Новгорода: «Путьята крестил их мечом, а Добрыня огнем».

Сопротивление новой вере было оказано не только в Новгороде. Летописец отмечает столкновения с язычеством и в других городах на севере Руси. Например, в Ростове христианство появилось с первым епископом Феодором, который благодаря княжеской дружине построил там дубовую соборную церковь во имя Богоматери и совершил крещение местных жителей. Однако после ухода дружины народ прогнал и Феодора. Его преемник епископ Иларион, не в силах более терпеть неверие и досаждения людей, сам ушел из Ростова. Третий епископ Леонтий не убежал от вверенной ему паствы, хотя язычники и его выгнали из города. Поселившись за городом, он стал привлекать к себе детей и учить их грамоте по христианским книгам. Видя успех Леонтия, язычники решили убить его. Толпой они пришли к его дому. Леонтий вышел к ним в святительском облачении, с крестом в руках, в окружении священников. Его решимость принять смерть испугала жителей, а убедительная речь, обращенная к ним, так подействовала на толпу, что многие тут же изъявили готовность креститься.

Сыновья князя Владимира, которым он раздал княжеские уделы, также ревностно заботились о распространении и утверждении христианства в областях, им подвластных. Так в X веке кроме Киева, Новгорода и Ростова христианская вера была проповедана в Полоцке, Луцке, Смоленске, Пскове и других городах Древней Руси. Так благодаря усилиям великокняжеской власти и силе духа православных пастырей к концу XI века христианство господствовало уже по всей Русской земле.

Для более прочного усвоения новой христианской веры Владимир открыл сначала в Киеве, а затем и в других городах школы. Князь приказал набирать в них детей бояр для обучения грамоте. Летописец говорит, что матери, отпуская детей в неизвестные до той поры школы, плакали о них, как о мертвых.

Сын Владимира, Ярослав Мудрый, продолжил дело отца, приказав открывать при храмах школы для простого народа. Он также основал в Киеве большую публичную библиотеку, которой мог пользоваться каждый желающий.

В быстро возникавших монастырях сосредотачивались основные силы ученых, писателей, художников того времени. Церковные писцы, зодчие, иконописцы приезжали из Византии и других стран и передавали русским секреты мастерства. Вскоре русские мастера уже самостоятельно воздвигали храмы, писали фрески и иконы, которые приводили в восхищение иностранцев и вошли в золотой фонд мировой культуры. Таким образом, русским, как и всем европейским народам, первую письменность, культуру и просвещение принесла христианская Церковь.

М.В. Первушин

XI ВЕК

Великий церковный раскол 1054 года

Причины для разделения единой христианской Церкви на Западную и Восточную формировались на протяжении всего первого тысячелетия существования христианства. Поводом же к церковному расколу стал конфликт первоиерархов двух столиц — Рима и Константинополя.

Римским первосвященником был Лев IX. Еще будучи немецким епископом, он долго отказывался от Римской кафедры и лишь по неотступным просьбам духовенства и самого императора Генриха III согласился принять папскую тиару. В один из дождливых осенних дней 1048 года в грубой власянице — одежде кающихся, с босыми ногами и посыпанной пеплом головой он вступил в Рим, чтобы занять Римский престол. Такое необычное поведение польстило гордости горожан. При торжествующих криках толпы его немедленно провозгласили папой. Лев IX был убежден в высокой значимости Римской кафедры для всего христианского мира. Он всеми силами старался восстановить ранее поколебавшееся папское влияние как на Западе, так и на Востоке. С этого времени начинается активный рост и церковного, и общественно-политического значения папства как института власти. Папа Лев добивался уважения к себе и своей кафедре не только путем радикальных реформ, но и активно выступая защитником всех притесненных и

обидимых. Именно это и заставило папу искать политического союза с Византией.

В то время политическим врагом Рима были норманны, которые уже захватили Сицилию и теперь угрожали Италии. Император Генрих не мог предоставить папе необходимой военной поддержки, а отказываться от роли защитника Италии и Рима папа не хотел. Лев IX решил просить помощи у византийского императора и Константинопольского патриарха.

С 1043 года Константинопольским патриархом был Михаил Керулларий. Он происходил из знатного аристократического рода и занимал высокий пост при императоре. Но после неудавшегося дворцового переворота, когда группа заговорщиков попыталась возвести его на престол, Михаил был лишен имущества и насильно пострижен в монахи. Новый император Константин Мономах сделал гонимого своим ближайшим советником, а затем, с согласия клира и народа, Михаил занял и патриаршую кафедру. Отдавшись служению Церкви, новый патриарх сохранил черты властного и государственно-мыслящего человека, который не терпел умаления своего авторитета и авторитета Константинопольской кафедры.

В возникшей переписке между папой и патриархом, Лев IX настаивал на первенстве Римской кафедры. В своем письме он указывал Михаилу, что Константинопольская Церковь и даже весь Восток должны слушаться и почитать Римскую Церковь как мать. Этим положением папа оправдывал и обрядовые расхождения Римской Церкви с Церквями Востока. Михаил готов был примириться с любыми расхождениями, но в одном вопросе его позиция оставалась непримиримой: он не желал признавать Римскую кафедру выше Константинопольской. Согласиться на такое равенство римский епископ не хотел.

Весной 1054 года в Константинополь прибывает посольство из Рима во главе с кардиналом Гумбертом, человеком горячим и высокомерным. Цель визита была обсудить возможности военного союза с Византией, а также примириться с патриархом, не умаляя при этом первенства Римской кафедры. Однако посольство с самого начала взяло тон, не соответствующий примирению. Послы папы отнеслись к патриарху без должного почтения, надменно и холодно. Видя такое отношение к себе, патриарх отплатил им тем же. На созванном Соборе Михаил выделил папским легатам последнее место. Кардинал Гумберт счел это унижением и отказался вести какие-либо переговоры с патриархом. Пришедшая из Рима весть о смерти папы Льва не остановила папских легатов. Они продолжали действовать с прежним дерзновением, желая проучить непослушного патриарха. 15 июля 1054 года во время богослужения в Софийском соборе они обратились с проповедью к народу, жалуясь на упорство патриарха. Окончив речь, кардинал Гумберт положил на главный престол собора акт отлучения патриарха и его приверженцев. Выйдя из храма, папские послы отрясли прах со своих ног и воскликнули: «Пусть видит и судит Бог».

Храм был переполнен людьми, но все настолько были поражены увиденным, что стояла гробовая тишина. Акт передали патриарху. Прочитав документ, Михаил распорядился огласить его. Послы слышали крики возмущения. Народ поддержал своего патриарха. В Константинополе поднялся мятеж, который чуть не стоил жизни как папским послам, так и самому императору. 20 июля 1054 года патриарх Михаил созвал Собор, на котором была произнесена встречная анафема. Деяния Собора были разосланы всем восточным патриархам. Так начался великий раскол. Попытки договориться о воссоединении

предпринимались еще в течение полутора веков. Окончательное же разделение между Востоком и Западом произошло после захвата и разорения Константинополя крестоносцами в 1204 году.

М.В. Первушин

Ансельм Кентерберийский

Было это почти тысячу лет назад. Маленькому мальчику Ансельму из итальянского города Аосты приснился сон. Будто должен он подняться на самую высокую гору в их окрестностях, ибо там, на горе, обитает Сам Господь Бог. «И взошел я в Царство Небесное, где Господь накормил меня хлебом». Так, пробудившись, ребенок рассказывал о своем видении.

Этим мальчиком был не кто иной, как будущий философ и богослов, учитель Католической Церкви святой Ансельм, архиепископ Кентерберийский.

Когда Ансельму минуло 15 лет, умерла его мать, а отец, уважаемый и богатый горожанин, стал вымещать свое горе на безответном подростке. Не выдержав упреков и побоев, Ансельм решился на побег. «Старый слуга согласился уйти вместе со мной, чтобы я не пропал на чужбине. Когда мы шли через горный перевал во Францию, я совсем ослабел от голода и ел снег. Слуга заплакал и в отчаянии стал рыться в пустой сумке. И — о чудо! — там невесть каким образом оказался кусок белого хлеба. Старик протянул его мне, и я вспомнил свой детский сон. Господь снова накормил меня хлебом!»

После трех лет скитаний Ансельм оказался в Нормандии, в Бекском монастыре Девы Марии. Настоятелем обители был в то время ученый муж по имени

Ланфранк, который открыл при монастыре свою знаменитую школу. И вскоре святой Ансельм стал ее лучшим учеником. А в 28 лет он принял монашеский постриг. Ансельм во всем старался подражать жизни святых отцов: согласно преданию, он пребывал непрерывно в посте и молитвенном бдении, а также прославился как непревзойденный проповедник. Будучи рукоположен в священный сан, святой Ансельм вскоре занял место своего учителя, Ланфранка, когда того перевели на должность настоятеля в другой монастырь. Именно там, в обители Девы Марии, Ансельм начал писать свои выдающиеся богословские труды.

В области христианского вероучения святой Ансельм предложил совершенно новое по тем временам понимание догмата искупления. Ансельм вопрошал: «Так зачем же приходил на землю Христос? Чтобы принести искупительную жертву. Но эта жертва вовсе не была выкупом, заплаченным дьяволу за согрешившее человечество. Крестная смерть Спасителя была искуплением, принесенным за человечество Самому Богу».

Толкование святого Ансельма получило всеобщее признание в христианском мире. К мнению авторитетного богослова стали прислушиваться во всей Европе. В своих трудах святой Ансельм пытался дать ответ на самые важные философские вопросы. Он рассуждал: «Что лежит в основе познания мира? Вера или разум? Очевидно, вера. Ибо, подобно тому как весь мир возник из ничего, из одной только Божественной идеи, так и постижение этого мира начинается с идеи. С веры в Бога. Вера — необходимое условие для познания». Это учение святого Ансельма, которое выражается девизом: «Верую, чтобы понимать», — привлекло многих сторонников. Впоследствии среди

них были такие великие ученые, как Декарт, Лейбниц, Гегель.

В те времена, в XI веке, на Европу обрушились тяжкие испытания. Войны, эпидемии, неурожаи... «Да есть ли на свете Бог?» — вопрошали друг друга несчастные и обездоленные. Люди жаждали ответа на этот самый важный вопрос. И главной заслугой святого Ансельма до сих пор считается сформулированное им доказательство бытия Божия. В богословии это доказательство именуется онтологическим, оно основано на реалиях человеческой жизни. «Наш разум не способен вообразить то, чего не может быть. Следовательно, раз понятие о Боге заложено в нашем сознании с самого рождения, то это само собой доказывает существование Бога, Творца всего сущего».

Земной путь святого Ансельма трудно назвать счастливым, хотя, казалось бы, в своей карьере он достиг высот церковной иерархии.

В 1066 году, после знаменитой битвы при Гастингсе, герцог Нормандии Вильгельм Завоеватель покорил Англию. Предстоятелем Католической Церкви в Англии, архиепископом Кентерберийским, стал сподвижник Вильгельма, уже упоминавшийся Ланфранк. Святой Ансельм не раз бывал в Англии вместе со своим учителем, и местные христиане полюбили этого благочестивого пастыря. После того как умер Ланфранк, английские священнослужители желали провозгласить святого Ансельма архиепископом Кентерберийским. Однако новый король Англии Вильгельм Второй, прозванный Рыжим, не любил Ансельма. Ведь святой критиковал порочную жизнь, царившую при дворе, обличал пороки самого короля. Четыре года пост архиепископа был не занят. Но вот Вильгельм Рыжий тяжело заболел и, ожидая смерти, убоялся кары небесной за свои грехи. Он наконец-то

дал согласие на избрание святого Ансельма архиепископом Кентерберийским. И — о чудо! — вскоре после этого король выздоровел. Но вместо благодарности Господу за свое исцеление Вильгельм Рыжий вновь погрузился в порочную жизнь. И еще сильнее возненавидел святого Ансельма.

Скромный по натуре, Ансельм не стремился к титулам и почестям. Он безо всякого притворства отказывался от поста архиепископа. И говорил при этом: «Отцы и братья! Раз уж вы настаиваете, чтобы я руководил вами, я вынужден согласиться. Но посох и кольцо архиепископа должны вручаться от имени Церкви, а не из рук земного короля». Согласно преданию, святой Ансельм так и не разжал свой кулак, чтобы принять посох от Вильгельма Рыжего, и тот лишь символически коснулся посохом его сжатых пальцев.

Святой Ансельм также выступал против симонии, то есть купли-продажи церковных должностей. И через четыре года из-за притеснений со стороны короля Ансельм Кентерберийский добровольно отправился в изгнание, из которого окончательно вернулся в Англию только спустя десять лет.

Борьба за инвеституру, то есть спор о том, кто должен назначать священнослужителей на епископские должности — Церковь или монарх, — развернулась по всей Европе. В начале XII века было достигнуто соглашение. «Епископы должны оказывать надлежащие почести правителям своей страны, однако символы их духовного сана им может вручать только Церковь».

Ансельм Кентерберийский умер в Англии в 1109 году, а в конце XV столетия Католическая Церковь причислила его к лику святых.

Христианство и язычество

Славянское язычество во времена князя Владимира было религией семейной. Русский народ жил отдельными общинами, со своими племенными и кровными связями. Каждая семья имела своих совершителей религиозных обрядов в лице ее старейших членов. Жрецов почти не существовало, поэтому не было особо ревностных защитников язычества. Принимая по княжеской воле крещение, многие не находили его противным старой вере. В своем большинстве народ не понимал смысла Таинства.

Борьба язычества с христианством выражалась не в активной борьбе, а, скорее, в сохранении наряду с новой христианской верой прежних языческих верований. Христианство с его общественным характером богослужений не мешало людям в домашнем быту соблюдать семейные обряды предков. Потому на Руси христианство и язычество смешались в народном сознании. Древние русские источники называют этот период двоеверием.

Двоевер одновременно мог быть и благочестивым христианином, и истовым язычником. Он соединял множество старых верований и обрядов с христианством, которые придавали ему своеобразную народную окраску, сохранявшуюся еще долго после князя Владимира. К примеру, жития и повествования о христианских подвижниках превращались у двоевера в героические эпосы и саги, а сами святые — в героев и полубогов. Их память на Руси порой чтилась плясками и жертвенными тризнами. В то же время на мифические существа языческого пантеона распространялись христианские обряды. Так, домовому и лешему приносили освященные в храме пасхальные куличи и яйца. Существовал даже особый обряд христосования с самым злым из

мифических обитателей славянского дома — ови́нником.

Принято было на Светлое Христово Воскресение выходить всей семьей к трущобам и буреломам, чтобы громкими криками донести «благую весть» о Воскресении Христа хозяевам полей, лесов и вод. Да и в самом храме, на колокольне, как виделось двоеверу, должно было обитать загадочное и небезопасное существо «колокольный ман».

Таким образом, появился целый мир фантастических образов и обрядов, в которых христианская вера участвовала лишь материалами, именами, а содержание было языческим.

Однако тихое противостояние двух вер порой прерывалось открытой борьбой за возврат идолов. Происходило это во времена народных бедствий по подстрекательству волхвов. Они настраивали народ против княжеской власти и представителей христианства как виновников гнева покинутых богов.

Так, в Великом Новгороде в 1071 году один волхв «обманул чуть ли не весь город», — сокрушается летописец. Кудесник много пророчествовал о будущих временах и гневных забытых идолов. В знак верности своих предсказаний он пообещал перейти реку перед всем народом, не замочив ног. На берегу собрался весь город. Был там и князь с дружиной. Пришел и епископ с крестом в руках. Он обратился к собравшимся: «Кто хочет верить волхву, пусть идет за ним, кто же верует Богу, пусть по кресту идет». И разделились люди надвое. Князь с дружиной встали около епископа, а народ весь пошел к волхву. «И начался мятеж великий...» — замечает летописец. Видя это, князь выступил вперед. Шумная толпа затихла, ожидая, что скажет он в защиту себя и новой веры.

— Знаешь ли, что завтра случится и что потом будет? — спросил он у волхва.

— Знаю все! — ответил самоуверенно волхв.

— А знаешь ли, что будет с тобою сегодня, сейчас? — не отступал князь.

— Чудеса великие сотворю!

Князь, убедившись, что слова волхва услышаны всеми, выхватил из ножен меч и разрубил его пополам. Мятеж кончился. «Люди разошлись», — подводит итог летописец.

Таких известий о кровопролитных стычках с волхвами в летописи встречается только три. Все они датируются XI веком. Согласно летописцу, во всех трех случаях князь или его дружина применяли оружие лишь тогда, когда волхвы сеяли смуту, запугивали народ и угрожали государственной власти.

В целом особенностью русского христианства была терпимость в отношении к традициям Древней Руси. Введение христианства на Руси осуществлялось более мягким путем, чем, к примеру, на Западе, где попытки полностью искоренить религиозные обычаи приводили лишь к многолетним войнам и исчезновению отдельных культурных слоев.

Православная Церковь не разрушала некоторые языческие обряды. Церковь вкладывала в них христианское содержание. Так, праздник Коляды слился с Рождеством Христовым и Крещением. Сохранился и праздник Масленицы, который доныне отмечается перед Великим постом.

Но главное, что под воздействием Православия изменились русский характер, представления о человеке и его месте в обществе, о природе и Боге.

Благодаря новой вере сплотились разрозненные объединения восточных славян. И это, в конечном счете, привело к образованию древнерусской народности.

Первые русские святые Борис и Глеб

Летом 1015 года умер князь Владимир. Никто из его окружения не ожидал такой скорой кончины князя. В Киеве воцарилось смятение. Но еще более поразила русский народ гибель его младших сыновей — Бориса Ростовского и Глеба Муромского. Их смерть последовала почти сразу после смерти отца. Это было злодейское убийство. Борис и Глеб пали жертвами преступления, совершенного по приказу их старшего брата Святополка.

Сколько злодейских убийств совершалось и совершается в мире! Борьба за власть унесла жизни многих людей как до, так и после Бориса и Глеба. Однако именно их гибель произвела огромное впечатление на древнерусское общество. Их посмертное почитание в короткие сроки распространилось по всей Руси, опережая церковное прославление.

О жизни братьев до их гибели нам известно немного. Они были самыми младшими из сыновей Владимира и, помимо славянских имен Борис и Глеб, имели христианские имена — Роман и Давид. Но об их последних днях жизни сохранилось более двухсот литературных памятников — житий, сказаний, летописей. Все это свидетельствует о том, что не мирское благочестие, а именно смерть стала причиной их прославления. В чем же народ русский увидел святость двух князей и смысл их христианского подвига?

Известие о смерти отца застало Бориса в походе на печенегов. Одолев врага, он возвращался к Киеву и дорогой узнал о намерении Святополка убить его, как конкурента на киевский престол. Борис решает не противиться брату, несмотря на уговоры дружины, которая после этого оставила его. Борис проводит ночь в своем шатре на молитве, ожидая убийц. Древний автор подробно останавливается на событиях этой ночи.

Борис размышляет о суетности мира и бессмысленности власти. Он напоминает себе об основных христианских добродетелях — смирении и любви. Но всего сильнее переживается Борисом мысль о мученичестве. Он вспоминает страдания святых мучеников Никиты, Вячеслава и Варвары, погибших от руки отца или брата. Утверждаясь в мысли, что вольное мучение есть подражание Христу, Борис дважды повторяет: «Если кровь мою прольет, мученик буду Господу моему». Однако древнерусский автор показывает не только желание Бориса принять мученический венец, но и ярко рисует всю трудность прощания Бориса с жизнью. Не только об умершем отце плачет Борис, но и о своей погибающей юности.

На рассвете сообщники Святополка ворвались в шатер Бориса и пронзили его копьями. Верный слуга, пытавшийся прикрыть князя своим телом, был убит на его груди. Завернув тело Бориса в шатер, на телеге его повезли в Киев. Под городом, увидев, что Борис еще дышит, два варяга добивают его мечами.

Второго брата, Глеба, убийцы настигают на Днепре. Святополк обманом вызывает его в столицу. Предупреждение брата Ярослава не останавливает князя. До последнего момента он не хочет верить в коварство Святополка. Завидев лодки убийц, Глеб «возрадовался душою, желая принять от них целование». Но поняв, что они пришли его убить, Глеб молит их о помиловании «юности своей».

Описание убийства Глеба пронзает сердце читателя острой жалостью. Юноша, почти мальчик, трепещет под ножом убийцы. Ни одна деталь храброго и добровольного принятия своей доли не смягчает ужаса этого убийства. По приказу убийц собственный повар Глеба перерезает ножом ему горло. Предсмертная мольба Глеба оканчивается его уверенностью, что всякий ученик Христов оставляется в мире для

страдания и всякое невинное и вольное страдание в мире есть страдание за имя Христово. Этот дух вольного страдания торжествует и в Глебе над его человеческой слабостью и желанием жить.

Тело князя было брошено на берегу, и лишь через несколько лет найдено Ярославом, который похоронил его рядом с Борисом.

Мученичество святых князей лишено всякого подобия героизма. Это не твердое ожидание смерти и не вызов силам зла, который столь часто слышится в страданиях древних мучеников. Напротив, идея жертвы, отличная от героического мученичества, выступает с особой силой. И подвиг двух юных князей заключался в том, что перед лицом смерти для каждого из них оказалось важным только одно — быть со Христом, быть как Христос. Русская Церковь не делала различия между смертью за веру во Христа и смертью в последовании Христу, особо почитая последнюю.

Подвиг непротивления злу стал национальным русским подвигом, подлинным религиозным открытием русского народа. Через святых страстотерпцев Бориса и Глеба, как через Евангелие, образ кроткого и страдающего Спасителя вошел в сердце русского народа, как самая заветная его святыня.

Христианская кротость и смирение двух братьев помогали русскому народу в течение веков сохранять терпение и мудрость в самые трудные моменты истории.

М.В. Первушин

Начало монашества на Руси

Начало монашеству на Руси было положено еще князем Владимиром. При нем чернецы и черницы (так называли тех, кто принимал монашество и

облекался в черные одежды) селились около построенных храмов, образуя небольшие безымянные монастыри. При его сыне Ярославе Мудром начали строить отдельно стоящие «именные» монастыри. В основном их возводили князья или бояре в честь своих небесных покровителей. Такие монастыри строили на помин души и для того, чтобы принять предсмертный постриг. В то время каждый православный христианин, будь то князь или простолюдин, желал если не жить, то умереть монахом. Однако, как замечает летописец, эти монастыри были поставлены «от богатства», а не «слезами, молитвой и постом».

Первыми, кто основал монастырь своими трудами и подвигами, были преподобные Антоний и Феодосий Печерские. Именно они справедливо считаются основателями русского монашества, несмотря на то что и до них на Руси монашество существовало уже более полувека.

Преподобный Антоний родился в Черниговской области и, достигнув совершенных лет, ушел на Афон. Там, приняв постриг, он стал жить отшельником в пещере. Через некоторое время Антоний получает благословение вернуться на Русь и там насадить иночество. По возвращении с Афона Антоний обошел все существующие киевские монастыри и ни в одном не нашел себе «тихого пристанища». Он видел смысл монашеского подвига в стремлении удалиться от общества и его суеты. За чертой города он нашел небольшую пещеру, выкопанную в холмистом берегу Днепра. Здесь Антоний и поселился в 1051 году. Так возник Печерский (то есть пещерный) монастырь, впоследствии получивший название Киево-Печерской Лавры.

Слава об отшельнике вскоре разнеслась не только по Киеву, но и по другим городам. Многие стали при-

ходить к нему за духовным советом. Некоторые же оставались, деля с ним трудности пещерного подвига. Когда число сподвижников Антония значительно увеличилось, он удалился в затвор на соседнюю гору, не оставляя в то же время духовного окормления братьев нового монастыря.

Одним из первых учеников преподобного Антония был Феодосий. Вскоре после удаления Антония он был избран игуменом. Постепенно Феодосий перенес монастырь из пещер на гору. Пещеры остались для Антония и тех, кто желал затвора. Феодосий же не только не изолировал монастырь от мира, но поставил его в самую тесную связь с ним, предназначая для общественного служения.

Феодосий и сам идет в мир. Мы видим его в Киеве, на пирах у князя, в гостях у бояр. Духовничество в то время было сильным средством нравственного влияния на общество. Зная это, Феодосий умел соединять со своими посещениями кроткое учительство и христианскую проповедь. Он строит рядом с монастырем богадельню для нуждающихся. Каждую субботу он посылает в город воз с хлебом для заключенных в тюрьмах. Осуждаемые находили в лице Феодосия справедливого заступника перед князем и судьями. Однажды явилась в Печерский монастырь неправедно осужденная вдова. Встретив Феодосия и не узнав его, она попросила проводить ее к игумену. На вопрос Феодосия: «Зачем тебе он нужен, ведь он человек грешный?» — вдова отвечала: «Я не знаю этого, но точно знаю, что он многих избавил от печали и напасти, и пришла просить его защиты перед судом». Чрезмерная благотворительность Феодосия вызывала ропот у некоторых иноков, тем более что сам монастырь оставался порой без куска хлеба. Однако в своих поучениях Феодосий напоминал братии, что сами они пользуются жертвой мирян и что платить

миру должны не одной только молитвой, но и милостью.

Личный подвиг Феодосия был глубоко сокрыт. Он всегда весел лицом, но под верхней одеждой у него колючая, грубая рубаха — власяница. Монах, подошедший ранним утром к его келье, слышит его «молящегося слезно и совершающего земные поклоны». Услышав шум шагов, Феодосий притворяется спящим и отвечает лишь на третий оклик, словно проснувшись от сна. Но больше всего бросается в глаза непрерывность его трудов. Феодосий работает и за себя, и за других. Он всегда готов взяться за топор, чтобы нарубить дров или натаскать воды из колодца. По ночам он мелет жито для всей братии. Повару, просившему у него послать кого-нибудь из свободных монахов наколоть дров, он отвечает: «Я свободен».

Вместе с этим Феодосий кроток и любвеобилен. Он не любит прибегать к наказаниям. Его мягкость к покинувшим монастырь изумительна. Он плачет о них, а возвращающихся принимает с радостью. Был один брат, который «часто убегал» из монастыря, и всякий раз, возвращаясь, находил радостную встречу. Кротким остается Феодосий всегда и ко всем. Таков он и к разбойникам, пытающимся ограбить монастырь, таков он и к слабым инокам.

Феодосий вместе со своим учителем Антонием в своей жизни явил русским людям путь новой, святой, христианской жизни. Первого из них отличала жертвенная любовь и служение людям, второго — суровость иноческого подвига. Они создали целую дружину духовных богатырей. Благодаря им русское монашество сразу же начало свой золотой век.

М.В. Первушин

Золотой век русского иночества

В средние века те иностранцы, кто ближе знакомился с русскими людьми, писали, что этот народ — самый религиозный в Европе. Одним из доказательств этого утверждения служит расцвет монашества в Древней Руси. Монастыри оказали благотворное влияние на нравственное состояние еще языческого по сути общества. Они наглядно демонстрировали ему идеал христианского самоотречения.

В сознании современников Печерский монастырь с его подвигами, мученичеством и чудесами стал «подобен небу». Поэтому неслучайно иноков стали называть «земными ангелами» или «небесными людьми». То, что сохранила нам история о киево-печерских подвижниках, их количестве и видах их подвигов, лишней раз подтверждает сказанное.

Повсеместно распространенный образ пещерной подвижнической жизни, принятый на Востоке, становится у нас вследствие суровых климатических условий особым подвигом. Монах обрекался на крайне изнурительное существование среди вечной сырости, при отсутствии света и свежего воздуха. Пещерничество как специальный подвиг продолжалось и после того, как монастырь был уже выстроен над землей. Но теперь оно, как правило, соединялось с другим подвигом — с затворничеством.

Наиболее известные печерские затворники — Исакий, Никита, Лаврентий — проводили в молчании десятилетия, посвящая свою жизнь молитве и телесным подвигам. Например, Иоанн Многогерпеливый провел в затворе более 30 лет. И за все это время никто не слышал от него ни одного праздного слова, лишь слова молитвы. До сих пор в Киево-Печерской Лавре можно увидеть железные вериги этого подвижника, которые он никогда не снимал.

Помимо пещерного, сурового направления духовной жизни, восходящего к преподобному Антонию, существовал и путь кротости и смирения, восходящий к преподобному Феодосию. Так, своеобразное служение миру несет монах Прохор Лебедник. Он получил свое прозвище от изобретенной им формы постничества: не есть другого хлеба, кроме приготовленного из собранной им самим лебеды. Во время голода Прохор кормил многих нуждающихся незатейливыми продуктами своей аскетической кухни.

Инок Алимпий иконописец — труженик, не дающий отдыха своей руке, кроткий, никого не карающий и возлагающий надежды лишь на одного Бога. Он раздавал бедным все свои средства. По зависти Алимпий был оклеветан и гоним своими братьями. Его чудесные краски совершали исцеления.

Подражает Феодосию в своем смиренном трудничестве Никола Святоша, бывший князь Святослав Черниговский, первый князь-инок на Руси. Как простой монах, он проходил послушание на братской кухне, шил одежды и работал на огороде. Не довольствуясь такими послушаниями, Николай просил у игумена назначить его привратником. Став им, он кланялся каждому входившему в монастырь и просил молитв за себя — грешного и убогого привратника. Такое смирение князя-инока вызвало бурю негодования его братьев-князей, которые просили у игумена прекратить унижения родственника и не назначать их брату никакого послушания. Однако Николу никто и никогда не видел праздным, а работая, он непрестанно произносил молитву Иисусову. После его смерти брат Изяслав, получивший исцеление от власяницы Николы, всегда надевал ее на себя перед битвой. Свои немалые княжеские средства Никола Святоша употребил на церковное строительство и на помощь бедным. Он пожертвовал в монастырь также немало книг.

Еще преподобный Феодосий положил много трудов для создания монастырской библиотеки. Инок Иларион все дни и ночи проводил за писанием книг. Монах Никон переплетал книги, а сам Феодосий пряд для этого нити. Несмотря на низкий уровень образованности народа, в монастыре почти все были грамотны. О неграмотном иноке летописец сообщает как о явлении редком. Книголюбие и любовь к духовному просвещению с самого начала пресекают на Руси соблазн аскетического отвержения культуры.

Основанная преподобным Антонием и устроенная преподобным Феодосием, Киево-Печерская обитель сделалась образцом для остальных русских монастырей. По ее образцу возводились обители в других землях Древней Руси.

М.В. Первушин

Книжное просвещение в Древней Руси

До принятия христианства на Руси существовала письменность, но она была неорганизованной. Древний летописец отмечает, что «славяне писали чертами и резами, но без устроения». С христианством на Русь пришла письменность иного рода. Это была письменность с устроением: со знаками препинания, с определенной грамматикой и разделением на слова. Она практически сразу стала письменностью богатейшего литературного языка.

Одним из первых славянских переводов, после перевода богослужебных книг, стал «Источник знания» святого Иоанна Дамаскина. Из него древнерусский книжник мог узнать об основных понятиях философских систем Аристотеля, Платона и других античных мыслителей. Здесь же содержались сведения об

основных науках. Таким образом, с принятием христианства Русь получила доступ к сокровищнице знаний христианской Европы и Византии, за которыми стоял тысячелетний опыт античной цивилизации.

В то же время Древняя Русь очень быстро перешла от усвоения опыта других народов к самобытному развитию. Уже в середине XI века, при Ярославе Мудром, в творчестве русских зодчих, художников наметился свой, оригинальный почерк, проявилось ни с чем не сравнимое собственное «лицо» — взять хотя бы новгородский собор святой Софии, построенный в 1050 году.

То же можно сказать и о древнерусской литературе. Уже в 1045 году, всего через полстолетия после обретения письменности, появилось «Слово о законе и благодати». Оно было написано священником Иларионом, будущим первым киевским митрополитом русской национальности.

В форме торжественной проповеди, разделенной на три части, Иларион развивает три идеи: о духовном превосходстве Нового Завета (то есть «благодати») над Ветхим Заветом («законом»), о великом значении крещения Руси и роли князя Владимира в достижении величия земли Русской. Постепенно переходя от общего к частному, Иларион соединяет богословскую мысль и политическую идею. Его рассуждения представляют стройное и органическое развитие одной идеи — прославления Руси. В то же время Илариону чужда мысль о национальной ограниченности. Он все время подчеркивает, что русский народ есть только часть человечества. «Слово о законе и благодати» — произведение единственное в своем роде. Таких трудов не знала Византия. Это историческое сочинение, утверждающее существование Руси, ее связь с мировой историей, ее место в мировой истории. Из него, как из семени, выросло

гигантское древо русской литературы и философской мысли.

Другим знаменитым древнерусским мыслителем был митрополит Климент Смолятич, о котором летописец говорит, что такого мудрого философа Русь еще не видывала. К сожалению, до наших дней сохранилось лишь одно его сочинение, которое свидетельствует о блестящем знании автором греческих и александрийских источников. Работ другого древнерусского мыслителя — епископа Кирилла Туровского — сохранилось значительно больше. По его проповедям видно, что это был выдающийся оратор, подражавший знаменитым греческим риторам. На севере Руси выделялся новгородский епископ Лука. Его стиль не так изящен, как у южан, зато этика поучительна, предметна, конкретна. Следует отметить, что на севере Руси богословская и философская мысль выражалась не столько в литературных памятниках, сколько в храмостроительстве и иконописи, достигших большого художественного совершенства.

Огромное значение для русской культуры имели летописи. Подобно «Слову» Илариона, летописание было проникнуто стремлением осознать текущие события через обращение к прошлому. Поэтому интерес монахов-летописцев к истории своего народа выразился не только в прославлении деяний христианских подвижников, но и подвигов древних языческих князей.

Летописцы в своем повествовании опирались как на исторические документы, так и на устные предания. Для них характерен народный фольклор, прямая речь героев, использование пословиц и поговорок. В начале XII века киево-печерский монах Нестор собрал летописные своды воедино. Этот свод получил название «Повесть временных лет» и является

основным источником сведений для современных ученых-историков.

На Руси понимали необходимость книжного учения. Вот как оценивает летописец важность книги: «Великая польза от книжного учения. Книги есть пища обильная, реки, питающие всю вселенную, в них неизмеримая глубина. Из книг мы учимся, в словах книжных обретаем мудрость, ими утешаемся в печали, они — узда воздержания». Неслучайно умение читать и переписывать книги расценивалось в Древней Руси как великая добродетель, дело, угодное Богу.

Один из солунских братьев, святой Кирилл, создав славянскую азбуку, сказал: «Славянское племя летит теперь вперед, словно на крыльях». Доказательством этому служит краткий, но потрясающий по своему культурному взлету период древнерусской книжности, названный «золотым веком древнерусской литературы».

М.В. Первушин

ХІІ ВЕК

Влияние христианства на русскую государственность

С принятием Русью христианства традиционно связывается начало русской государственности. Нелучайно Петр Чаадаев, характеризую влияние и значение крещения Руси, воскликнул: «Целый народ, одним христианством созданный». Такая характеристика отражает мысль о глубинном, неразрывном союзе церковных и светских институтов. Государственный строй Древней Руси, несомненно, был подвержен влиянию Византии, в которой идеалом церковно-государственных отношений была «симфония властей».

Одним из выразителей идеи симфонии Церкви и государства был император Юстиниан, живший в VI веке. Он известен как строитель знаменитого храма Святой Софии Константинопольской, а также как ревностный борец с язычеством и церковными расколами. Юстиниан выразил идею, которая в течение веков стала определяющей как для Византийской, так и для Российской империи. Согласно его мысли, есть два величайших блага, дарованных людям от Бога, — священство и царство. Первое заботится о делах Божественных, второе — о делах человеческих. В их связи и согласии состоит благоденствие государства.

В Византии эта симфония часто нарушалась императорами, которые в ущерб церковным интересам претендовали на решающую роль в устройстве

церковных дел. Симфония же в древнерусском государстве осуществлялась в более правильных формах. Многие историки отмечают, что в тот период на Руси существовала небывалая в истории Православия гармония власти и Церкви.

Князь Владимир после крещения вводит систему социальной защиты беднейших слоев населения, приступает к бурному строительству храмов и школ при них. Он издает свой «Устав», который предоставлял Церкви широкие гражданские права и полномочия. Помимо этого, как сообщает летописец, Владимир часто собирал у себя в палатах епископов и советовался с ними в делах государственных. Владимир примером собственной жизни старался указать своим подданным на евангельские идеалы. Так, проявляя любовь к ближнему и «боясь греха», Владимир не хотел наказывать даже преступников. Злодейства умножились, и епископы указывали князю, что строгие меры правосудия необходимы. Послушав их, он стал наказывать преступников, но весьма осторожно и без жестокости.

Дальнейшее развитие «Устав» Владимира получил в «Русской правде» Ярослава Мудрого. В этом законодательном сборнике юридические правила тесно связаны с религиозно-нравственными. Все преступления нравственного характера, а также семейное право передаются церковному суду. Князь, согласно закону, становится главным защитником правды и справедливости в государстве. Одновременно и от него самого требуется пример справедливости и нравственности. Историки указывают на то, что семейное право России опиралось на основные положения этого устава около девяти веков, вплоть до революции 1917 года.

Венцом церковно-государственных отношений стало правление внука Ярослава Мудрого — Владимира Мономаха. Его «Поучение к детям» свидетельствует, насколько глубоко в сознание образованного

русского человека вошли к тому времени основные христианские понятия. Оно проникнуто кротостью, добротой и любовью. Мономах решительно выступает против пролития крови, указывая на единственно надежный путь победы над противником — путь покаяния, слез и милостыни. Он отвергает смертную казнь, о чем и не помышляли в то время на Западе. Он учит не пренебрегать бедными, давать милостыню, никого не обижать, постоянно творить молитву и иметь основой всей жизни страх Божий.

К тому времени церковные законы считались непререкаемыми. Церковь воспринималась властью как органическая часть общества, его необходимая опора. Часто духовенство активно противодействовало княжеским междоусобицам, вменяя себе в обязанность содействовать примирению враждовавших сторон. Например, Святослав, младший брат киевского князя Изяслава, прогнал брата из столицы и сам занял великокняжеский стол. После победы он устроил пир, куда был приглашен и преподобный Феодосий. Однако Феодосий не только отказался от трапезы, но и не согласился поминать Святослава в молитвах, пока тот не примирится со своим старшим братом.

Церковь во всех спорных делах всегда выступала не как власть имеющая, а как воплощение «кроткой силы Христовой». Поэтому нравственный авторитет Церкви был очень высок. А он, согласно «Русской правде», стоял выше земной власти.

М.В. Первушин

Культура Древней Руси

«С крещения Руси начинается история русской культуры», — утверждает академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. Безусловно, культура в широком

смысле этого слова восходит к более древним временам существования славянской нации. Однако свои характерные черты восточнославянская культура приобрела только тогда, когда христианство сменило собой язычество.

Христианская Церковь становится просветительницей новокрещеного государства, и в этом ее поддерживает великокняжеская власть. Летописец сравнивает князя Владимира с пахарем, который «распахал сердца людей, просветив их крещением», а его сына Ярослава с сеятелем, который «засеял их книжными словесами». Из варварской страны на краю цивилизации вдруг появилась держава с мировой религией и культурой.

Тридцатипятилетнее княжение Ярослава Мудрого справедливо расценивается историками как редкий в истории пример христианского культурного развития государства. Необычайный культурный расцвет виден уже по строительству Софийского собора в Киеве. Этот поразительной красоты храм, по отзывам современников, считался одним из самых красивых и богатых в Европе. Он и до сих пор является центральным архитектурным сооружением в городе. Аналогичные соборы строятся в Полоцке, Великом Новгороде, Чернигове, Владимире... Повсюду на Руси возникают храмы, равных которым не было в соседних государствах.

Вместе со строительством храмов развивались и другие стороны древнерусского искусства. Храмы украшались фресками, мозаикой, иконами. Церковные писцы, зодчие, иконописцы приезжали из Византии и других стран и передавали секреты мастерства русским. Вскоре русские мастера уже самостоятельно воздвигали храмы, писали фрески и иконы, которые приводили в восхищение иностранцев и вошли в золотой фонд мировой культуры. При Софийском

соборе Ярослав открыл доступную всем библиотеку и ставшую благодаря этому чрезвычайно популярной.

Ярослав хотел сделать свою столицу такой же великой, как и Константинополь, построив великолепный княжеский дворец и золотые ворота. Киев времен Ярослава считался культурным центром Европы. Западные рыцари восхищались его блеском, государи считали за честь породниться с великокняжеской фамилией.

Сам Ярослав был женат на дочери шведского короля Олафа, который предпочел выдать свою дочь (будущую святую княжну-инокиню Анну) за русского князя, а не за соседнего норвежского короля, считая Ярослава более знатным государем. Дети Ярослава породнились с королевскими дворами Византии, Германии, Венгрии, Польши, Франции, Норвегии, поражая порой высшую знать другого государства своей образованностью и культурой.

Так, например, король Франции Генрих I в 1048 году выслал в Киев посольство, чтобы просить руки Анны Ярославны. Согласившись на брак и приехав во Францию в 1052 году, княжна Анна поразила всех своей образованностью, тогда как сам король едва умел подписывать свое имя. Славянское Евангелие, которое привезла с собой русская княжна и на котором она приносила клятву верности, стало национальной святыней Франции. На нем в течение многих столетий клялись французские императоры. После смерти Генриха королева Анна долго управляла страной во время малолетства своего сына Филиппа.

Просветительская деятельность Ярослава простиралась не только на столицу, но и на всю Русь, которую он сумел освободить от печенегов и объединить под своей властью. Ярослав не только строил соборы и монастыри, но, заботясь о народном образовании, открывал при них школы.

Таким образом, первые древнерусские книжники прошли выучку в монастырских кельях. Здесь же трудились и первые русские художники, создавшие с течением времени прекрасную школу иконописи. К примеру, в Ватикане хранятся пять икон, поднесенных Петром I графу Капони и написанных в Киеве в начале XII века. Эти иконы не уступают по технике работам итальянских мастеров того времени. Монахами же в основном являлись и те, кто создавал замечательные летописные своды, разного рода светские и церковные сочинения, поучительные беседы и философские трактаты.

Монастыри сыграли в жизни Руси огромную роль, став центрами духовного просвещения, национальной святыней, знаменем единства русских людей. В них была заложена основа того, что теперь является русской национальной культурой.

М.В. Первушин

Святые князья Древней Руси

Мстислав Великий

Воодушевление христианской верой, которое охватывало весь русский народ и отдельных граждан на всем историческом пути России, особенно ярко проявлялось в жизни его правителей.

В большинстве русских князей мы видим одну замечательную черту — преданность своему долгу, убеждение, что дело правления ниспослано им от Бога, как жизненная задача, за которую Бог спросит у них ответа. Они понимали, что служить Руси — значит служить славе Божией, и отдавали на это служение все свои силы. В свою очередь и народ Древней Руси доверял и повиновался своим вождям, в кото-

рых видел Божиих избранников. И по этой вере народа Бог подавал ему хороших правителей. Неслучайно, что в русских святцах находится более шестидесяти княжеских имен.

Сын и преемник Владимира Мономаха Мстислав, названный в народе Великим, начал свое служение с двенадцати лет в Новгороде. Все его правление было полно подвигами высокой воинской доблести и самоотверженного служения на благо своих подданных.

Еще в юности Мстислав показал благородство и истинно христианское отношение к своим врагам. Князь Олег Черниговский убил его брата и захватил принадлежащие ему земли. Похоронив брата, Мстислав пишет Олегу: «Ты убил моего брата, но на войне гибнут и цари, и князья. Будь доволен тем уделом, который достался тебе в наследство, и тогда я упрошу отца моего помириться с тобой». Олег не пожелал слушать молодого и неопытного племянника и продолжил захват земель. Тогда Мстислав собрал войско и вынудил Олега отступить. Юный князь снова предложил мир своему дяде, прося у своего отца забыть поступки Олега. Владимир Мономах, как отмечает летописец, сознался, что сын пристыдил его своим великодушием. В результате этого и великий князь послал Олегу предложение о мире. Обманно приняв это предложение, Олег дождался, пока Мстислав распустит войско, и напал на него. В один день молодой князь собрал дружину и полностью разбил Олега, который бежал с поля брани и скитался в отчаянии, боясь мести Мстислава. Снова благородный князь послал сказать своему дяде: «Я буду твоим ходатаем перед отцом, и он не лишит тебя Русской земли. Властвуй спокойно в своем уделе, только смирись». И действительно, Мстислав примирил Олега с Владимиром Мономахом.

Новгородцы любили Мстислава и дорожили им. Когда один из князей с согласия Владимира Мономаха хотел прислать в Новгород своего сына, а Мстислава перевести поближе к столичному граду, новгородцы ответили: «Если у сына твоего две головы, то присылай его нам, а если нет, то Новгороду нужен Мстислав, а сына твоего не хотим».

Управляя Новгородом, Мстислав неоднократно защищал русские земли от набегов чуди, финнов, ливонцев. По приказанию отца он ходил в поход на греческие колонии, завоевав Фракию. После этого победоносного похода устрешенный греческий император прислал богатые дары Владимиру Мономаху с предложением мира.

После смерти отца Мстислав в 1125 году занял великокняжеский престол. Семь лет княжил он в Киеве. Летописцы отмечали в нем твердость его отца, соединенную с нежной, чувствительной христианской душой. По характеру своему он был неудержимо милостив ко всякому, не принимал серебра и золота в руки, потому что не любил богатства. Победоносный князь был защитой, славой и утешением Русского государства.

Проявлял Мстислав усердие и в строительстве храмов. Так, в Великом Новгороде были построены каменные храмы в честь Благовещения и святителя Николая на княжьем дворе. В Киеве он построил храм во имя привезенной из Константинополя иконы Богородицы, а также устроил монастырь в честь своего небесного покровителя — великомученика Феодора. В этом монастыре он и был погребен, преставившись в один из дней Святой Пасхи 1132 года.

Мстислав искренне верил в Бога, и эта вера не была мертвой, потому что она никогда не отделялась от его дел. Он в течение всей своей жизни старался жить согласно евангельским заповедям, не

для себя, а со всеми и для всех. Он жертвовал своими выгодами во имя братолюбия, стараясь, как и его отец Владимир Мономах, быть миротворцем для русских земель. И в то же время он был грозным защитником Отечества от внешних врагов. Несмотря на постоянные военные походы и другие княжеские заботы, Мстислав сумел воспитать в своих детях те положительные черты, которыми обладал сам. Его сыновья Всеволод Псковский и Ростислав Смоленский причислены Русской Церковью к лику святых.

Мстислав Великий осуществил в своей жизни все то, что всегда было дорого, близко и понятно русскому человеку. Неслучайно поэтому, что уже современники Мстислава Великого начали чтить память великого князя как память святого.

Игорь Ольгович Черниговский

Со смертью Мстислава Великого наступила печальная эпоха для Русской земли. Князья из-за личных расчетов терзали междоусобием всю Русь. С этого периода из-за возрастающих усобиц в княжеской среде значение и уважение к княжескому имени на Руси стало быстро падать.

Еще недавно, например, жители Новгорода, когда к ним в плен попал полоцкий князь, причинивший им много зла, с почетом отпустили его «ради Бога», высоко уважая его княжеское происхождение. С началом же княжеских раздоров жители больших городов стали открыто выражать недовольство князьями. Особо это видно в Киеве, где мнение горожан начало приобретать большое значение при занятии тем или иным князем старшего стола.

Среди тех междоусобий, которые велись князьями из-за обладания киевским престолом, принял

мученическую кончину великий князь Игорь, в крещении Гавриил.

Он был сыном мятежного князя Олега Черниговского, которого столько раз прощал великодушный Мстислав Великий. Старший брат Игоря в результате междоусобиц занял киевский престол. Умирая, он призвал влиятельнейших киевлян и сказал им:

— Я очень болен, вот брат мой Игорь, возьмете его себе в князя?

И те отвечали:

— Возьмем с радостью!

«Но они обманывали его», — прибавляет летописец.

После похорон киевляне принесли обет верности новому князю, прося его заменить вельмож брата, которые грабили народ. Игорь пообещал, но исполнение его обещания ждать не стали. Киевские бояре тайно предложили престол переяславскому князю Изяславу. Столичные жители стали считать себя главными вершителями вопроса о том, кто у них должен быть князем. Изяслав, видя поддержку горожан, смело выступил в поход против Игоря. Когда началась битва, Игорь увидел явную измену — в киевских полках развивались знамена Изяслава. Рать Игоря была разбита, сам он, будучи больной ногами, был схвачен в болоте, где увяз его конь. Так великое княжение Игоря продолжалось всего двенадцать дней. Схватив, его держали несколько дней в Киевском Выдубицком монастыре, а потом заточили в темнице в Переяславле.

Тяжко заболев в заточении, Игорь просил разрешения у нового великого князя принять иноческий постриг. Изяслав ответил ему: «В своем желании постричься ты волен. Я же тебя и без того выпускаю, ради твоей болезни». Игорь вышел из тюрьмы еле живой и принял схиму в Киевском Феодоровском монастыре, основанном Мстиславом Великим.

Вновь вспыхнувшие междоусобицы заставили Изяслава покинуть киевские пределы, а затем и просить помощи у киевлян ратными людьми.

— Идем за тебя и с детьми, — кричали горожане в ответ на речь посла Изяслава.

Но в это время нашлись в толпе люди, которые стали разжигать ненависть к Игорю и ко всему роду Олеговичей.

— Мы рады идти, — говорили они, — но вспомните, что враг князя и народа не в темнице сидит, а живет спокойно в монастыре. Умертвим его и тогда пойдем спокойно на помощь нашему князю.

Эти слова произвели сильное впечатление. Толпа бросилась к Феодоровскому монастырю. Напрасно брат Изяслава Владимир пытался удержать народ, убеждая, что Игоря «стерегут крепко». Не помогли увещевания митрополита и киевских тысяцких. Толпа ворвалась в храм, где в это время совершалась литургия, и с криками потащила Игоря за ворота. Князь Владимир с трудом отбил князя-инока у разъяренных мятежников, закрыв его своей одеждой. Он спрятал Игоря в доме своей матери. Узнав об этом, толпа выломала ворота и ворвалась в дом. Игоря безжалостно били. Привязав к ногам веревку, таскали по улицам города, пока он не умер, а затем бросили на торговой площади. Игорь был убит 19 сентября 1147 года.

Только на следующий день тело убитого князя было перенесено в монастырский храм и облачено в соответствующую одежду. Совершая погребение, игумен Феодоровского монастыря, постригавший Игоря в монашество, воскликнул:

— Горе живущим ныне! Горе веку суетному и сердцам жестоким!

В день погребения князя-инока, отмечает летописец, «небо рыдало, и был гром великий», что напугало

киевлян и полностью изменило отношение к убитому. Уже тогда многие начали чтить его как святого страстотерпца. Останки Игоря через три года после убийства были перенесены в Чернигов и погребены в кафедральном соборе.

В Русской Церкви почитается икона Богородицы Игоревская. Она названа так потому, что этот образ Божией Матери был келейной иконой князя-инока, перед которой он молился и в день своего убийства.

Андрей Юрьевич Боголюбский

Чем больше проходило времени со дня смерти последнего единовластного правителя Руси Владимира Мономаха, тем чаще нарушался порядок восхождения на киевский стол его потомками. Великое княжение, которое по праву должно принадлежать старшему в роде, стало предметом раздоров и братоубийственных войн между князьями. «Сильно измаялась земля Русская от брани междуусобной», — скорбел летописец. Одним из главных героев этой брани в середине XII века был ростово-суздальский князь Юрий, прозванный за свое активное вмешательство в южнорусские земли — Долгоруким. До конца своей жизни он вел тяжелую борьбу из-за Киева, а утвердившись в нем, сделал все, чтобы после его смерти столица досталась его старшему сыну Андрею.

Но иных взглядов и устремлений был Андрей Юрьевич. До тридцати лет он безвыездно жил в Суздальском крае, любовь к которому сохранил на всю жизнь. Его тяготили те усобицы, которые непрерывно вели отец и дяди на юге Руси. Однако, будучи послушным, Андрей не раз возглавлял по приказу своего отца суздальские полки, участвующие в княжеских раздорах. Описывая ход военных действий, древний писатель восторгается молодым Андреем, поражав-

шим неприятеля своим бесстрашием и отвагой. Он всегда первым врзался в стан неприятеля; не дожидаясь отставшей дружины, мог с небольшим отрядом принять бой против много превосходящей его силы. И всегда, как отмечает летописец, «был не величав на ратном поле, ища похвалы только от Бога». Показывая храбрость в битвах, Андрей в то же время не раз пытался установить мир между спорившими князьями, но все было напрасно. Междоусобию, казалось, не будет конца даже тогда, когда его отец занял великокняжеский стол.

Именно поэтому, когда Юрий Долгорукий ставит Андрея князем в Вышгород, он оставляет этот второй по значению город Киевской Руси и удаляется в родную ему суздальскую землю. Уезжая, он забрал из Вышгородского женского монастыря образ Пресвятой Богородицы, присланный его отцу из Константинополя. Эта икона, поставленная им во Владимире и названная по месту своего пребывания Владимирской, в дальнейшем станет одной из главнейших святынь всей Русской земли, а затем и символом Российского государства.

Андрей Юрьевич старался не вмешиваться в бурную вражду южнорусских князей, заботясь о процветании своего удела. На время его правления приходится расцвет каменного строительства в Северо-Восточной Руси. Знаменитые Успенский собор Владимира и церковь Покрова на Нерли — это те символы Древней Руси, которые известны сегодня всему миру и которые появились благодаря заботам и усердию Андрея Юрьевича. Помимо них было построено и украшено множество храмов и монастырей по всей суздальской земле. Особой любовью у Андрея пользовалось основанное им село Боголюбово, где, по преданию, Богородица явилась князю. Это село и дало ему в истории прозвище Боголюбского. Здесь он

основал монастырь, построил каменную церковь во имя Рождества Богородицы и сам часто подолгу жил. Богато украсив ее золотом и драгоценными камнями, он приказал каждого, кто бы ни приходил к нему из русской ли земли или из иных стран, вести сначала в украшенный храм. «Пусть и христианин, и нехристь дивятся истинному христианству», — говорил Андрей Юрьевич. «И бывало, — замечает летописец, — что некоторые, видя славу Божию, крестились».

Управляя своей вотчиной, Андрей Боголюбский видел причину всех государственных бед Южной Руси в отсутствии единой власти. Желая спасти свою землю от возникновения междоусобиц, он уничтожил все уделы и княжил единовластно. Небольшой городок Владимир на Клязьме он сделал главным городом всей северо-восточной земли, принизив тем самым старые города Ростов и Суздаль. Возвышение Владимира объяснялось тем, что в старых городах были старые предания и привычки, которые ограничивали власть князя. Усиление власти давало его вотчине значение сильнейшей между русскими землями, но, с другой стороны, и увеличивало число врагов Андрея, которые были готовы при случае погубить его всеми возможными средствами. Что и произошло в ночь с 29 на 30 июня 1175 года.

В заговоре против князя участвовали двадцать человек, некоторые из них были близки к князю и пользовались его доверием. Летописец подробно описывает свершившееся злодеяние. Злоумышленники, напившись для смелости вина, зарезали сторожей и, сломав дверь, ворвались в опочивальню князя. Первые два заговорщика были отброшены князем, но силы были неравные. Ворвавшиеся следом бросились на Андрея Юрьевича, и, израненный мечами и саблями, он упал. Думая, что он умер, они ушли. Однако князь, собрав последние силы, сумел выбраться из

опочивальни. Убийцы, услышав его стоны, вернулись и по следам крови нашли князя: он сидел, прижавшись за лестничным столбом, и молился. Здесь один из бояр отсек ему правую руку, а другие добились Андрея. Князь лишь успел проговорить: «Господи, в руки Твои передаю дух мой!» — и окончил жизнь. Нагое тело князя несколько дней пролежало в огороде. Боясь убийц, духовенство не решалось отпеть убитого. Лишь на третий день монастырский игумен положил князя в гроб, отпел его и сказал: «Пусть лежит здесь, пока злоба перестанет: тогда приедут из Владимира и понесут его туда».

После того как волнение, вызванное заговорщиками, утихло, тело князя было перенесено во Владимир с честью и плачем. Насильственная смерть Андрея Боголюбского произвела такое впечатление на его современников, что уже тогда подробное сказание о ней было внесено в летописи. В нем он назван святым страстотерпцем, а его смерть сравнивается со смертью первых святых князей Бориса и Глеба.

Петр и Февронья Муромские

История жизни муромского князя Петра и его супруги Февроньи довольно долго существовала в устных преданиях муромской земли. Со временем подлинные события приобрели сказочные черты, слившись в народной памяти с легендами и притчами этого края. В XVII веке эта история была записана, благодаря чему мы сегодня можем восстановить некоторые подробности их жизни.

Князь Петр был вторым сыном муромского князя Юрия Владимировича. Он вступил на муромский престол в 1203 году после смерти своего старшего брата Павла. За несколько лет до этого Петр заболел проказой. Все его тело покрылось струпами и

язвами. Никто из княжеского окружения не мог излечить его от этой болезни. По приказу князя были разосланы гонцы во все земли с целью найти врача, который взялся бы вылечить страждущего князя.

В одной из деревень рязанской земли княжеский посланник нашел пчеловода, дочь которого, Февронья, славилась способностью врачевать. Придя в дом к пчеловоду и познакомившись с его дочерью, он был поражен ее благочестием и рассудительностью. Княжеский слуга рассказал Февронье о цели своего путешествия и просил помощи у мудрой девицы. На это она ответила: «Приведи князя твоего сюда. Если будет он чистосердечным и смиренным в словах своих, то будет здоров». Возвратившись к князю, гонец подробно рассказал ему о своей встрече. Князь Петр, который из-за болезни сам ходить уже не мог, повелел везти себя к дочери пчеловода.

Приехав к Февронье, Петр был удивлен, видя благочестие, мудрость и доброту крестьянской девушки. Он полюбил ее и дал обет жениться, если она исцелит его. Февронья вылечила князя и вышла за него замуж, став княгиней. «И прибыли они в вотчину свою, город Муром, — говорит летописец, — и начали жить благочестиво, ни в чем не нарушая заповеди Божии».

Однако бояре и их жены не любили новую княгиню, потому что стала она княгиней не по происхождению своему. Однажды они обратились к Петру с просьбой: «Князь, мы готовы служить тебе верой и правдой, но не хотим, чтобы княгиня Февронья повелевала женами нашими. Возьми себе в жены настоящую княгиню, а эту крестьянку отпусти с миром, наградив богатством». Князь Петр, кротость и незлобие которого особо подчеркивает древний писатель, посоветовал боярам: «Скажите об этом Февронье, послушаем, что она скажет?» Услышав просьбу бояр уйти из города, взяв, что ей будет угодно, княгиня

ответила: «Ничего иного не прошу, только супруга моего». Они же сказали: «Если сам захочет, ни слова тебе не скажем». Петр же предпочел власти и богатству добровольное изгнание. Он не пожелал нарушить того обета верности, который дал перед Богом, венчаясь со своей супругой. Муромские бояре обрадовались такому развитию событий. Ведь теперь предстояли выборы нового князя, а каждый из них надеялся, что изберут именно его.

Князь Петр и Февронья отправились из города на ладьях по реке. «Что теперь с нами будет?» — с грустью размышлял Петр, а Февронья, мудрая и добрая жена, ласково утешала его: «Не скорби, княже, милостивый Бог не оставит нас в беде!» И действительно, через некоторое время их догнали послы из Мурома. Они рассказали им, что бояре, желая властвовать, устроили в городе кровавую распрю. Со слезами умоляли они Петра и Февронию вернуться в свой удел, говоря: «От всех бояр и жителей города пришли мы к тебе с просьбой. Хоть и прогневали мы тебя тем, что не захотели принять супругу твою, но теперь раскаиваемся и просим простить нас. Вернись на свое княжение с супругой твоей, мы же будем верно служить тебе и ей». Петр и Февронья простили бояр и вернулись в свой город.

По возвращении князь Петр правил своей вотчиной справедливо и милостиво. Супруга же его была благочестива и целомудренна, заботилась о попавших в беду горожанах и окормляла монастыри. Однажды княгине надо было переправиться через реку. Лодкой управлял молодой кормчий. Будучи женатым, он воспытал к Февронье блудной страстью. Февронья, заметив это, попросила его: «Зачерпни воды с одной стороны лодки и с другой и попробуй ее». Он повиновался ей. Тогда она спросила его: «Одинакова ли по вкусу вода или одна слаще другой?» Он ответил:

«Одинакова, госпожа». «Так и естество женское одинаково, — сказала ему Февронья, — потому напрасно ты, позабыв про свою жену, о чужой помышляешь».

Идеальная жизнь этой семейной пары и мудрое управление заслужили любовь народа. Они явили образец христианского супружества не только в жизни, но и в смерти. Скончались они в один день и час — 25 июня 1228 года, тела их были положены в одном гробе.

В жизнеописании этих святых нет подвигов монашества и мученических страданий за веру Христову. Однако Церковь прославляет их как святых, являющих собой образец христианского супружества, которые пронесли свою любовь через многие испытания.

Князь Петр и его супруга Февронья Муромские — ярчайшие личности Древней Руси, своей жизнью отразившие ее духовные ценности и идеалы.

М.В. Первушин

Бернард Клервосский

Жизнь Европы средних веков навеивает образы благородных рыцарей, бродячих трубадуров. Европейские монархи вели бесконечные войны. Вместе с тем эта эпоха была отмечена и настоящим взлетом христианской духовной жизни. Одним из видных представителей Католической Церкви в это время был святой Бернард Клервосский.

Родился он в 1090 году в семье знатного бургундского дворянина. «Ты, Бернард, должен стать настоящим рыцарем, благородным и бесстрашным». Так воспитывал его отец. Мать, родившая мужу немало детей, с некоторых пор проводила в своем замке монашеский образ жизни. Она склоняла Бернарда к служению Господу. Именно под ее влиянием Бернард в

возрасте 22 лет ушел в только что образованный монастырь Ситэ. У него было множество друзей среди юных, образованных дворян. И Бернарду, обладавшему великим даром красноречия, удалось увлечь за собой в монастырь Ситэ 27 своих друзей. А также четырех родных братьев, впоследствии провозглашенных Католической Церковью блаженными. Новоначальный монах Бернард стал руководителем монастыря. И не только потому, что привел в Ситэ три десятка молодых рыцарей, но и благодаря своему беспримерному образу жизни. Монах Бернард приводил в недоумение, а порой даже в трепет своих собратьев по монастырю. Он почти не спал, проводя круглые сутки за изучением Священного Писания и чтением молитв. «Я иду из царства неподобия в Царство Подобия Божия».

Наконец, аббат монастыря Ситэ приказал святому Бернарду покинуть обитель и основать монастырь в Шампани, в местечке Клерво, на диком лесистом берегу реки. Так, уже в 25 лет Бернард Клервосский стал аббатом. Очень скоро у монастыря Клерво появилось целых 66 дочерних обителей, и все эти монастыри стали называться бернардинскими. Секрет такого чуда был довольно прост. Монастырь Клерво был построен на землях и на деньги родного дяди святого Бернарда, виконта Дижонского. Он обладал огромнейшим состоянием. Вверив себя в полное повиновение племяннику, виконт Дижонский по указанию святого Бернарда строил все новые и новые обители. Имея в подчинении почти 70 монастырей, Бернард Клервосский активно включился в общественно-политическую жизнь Европы.

«Этот обаятельный аббат Бернард превращается прямо-таки в свирепого льва, когда публично защищает евреев от погромов или выступает против ересей». Так говорили о святом Бернарде современники.

Авторитет Бернарда Клервосского, не достигшего еще и 30 лет, был велик не только в церковных, но и в дворянских кругах. Сотни рыцарей отправлялись тогда в Иерусалимское королевство, образованное после Первого крестового похода. И они считали своим долгом благословиться на предстоящее служение у аббата Клервосского монастыря. Святой Бернард, напутствуя крестоносцев, говорил: «Вы обязаны создать на святой палестинской земле духовно-рыцарский орден Храма Господня». Так Бернард Клервосский стал идейным вдохновителем ордена храмовников, или тамплиеров. Он был образован в Иерусалиме уже в 1118 году. Первоначальной целью ордена была защита и расширение завоеваний крестоносцев в Палестине. Однако вскоре тамплиеры распространились и во Франции, быстро набрав политическую силу. Среди явных и тайных тамплиеров были герцоги и графы, епископы и аббаты. Своим духовным вождем тамплиеры считали Бернарда Клервосского. Имея такую мощную поддержку, он обрушился на выдающегося богослова того времени Абеяра, который проповедовал научный рационализм в вопросах веры. «Понимаю, чтобы верить, — таков мой девиз». Так говорил Абеяра. Среди его сторонников было немало католических иерархов. Но святой Бернард, споря с Абеяром, утверждал, что постичь сущность Бога для человеческого разума невозможно. Главное — это сердечная, а не умственная вера. И Бернард Клервосский добился того, что на церковном Соборе 1121 года, а затем — на Соборе 1140 года, учение Абеяра было осуждено, а сам он ушел в монастырь.

Под конец жизни Бернарда Клервосского ожидало жестокое разочарование. Именно он был вдохновителем Второго крестового похода 1147–1149 годов. Поход закончился бесславно для крестоносцев.

После этого святой Бернард отошел от общественно-политической жизни, посвятив себя исключительно богословским трудам. По всей Европе распространились письма и сочинения святого Бернарда, в которых он превозносил аскетический образ жизни монахов. Но главной темой размышлений Бернарда Клервосского была любовь к Богу.

«Любовь к Богу превыше всего. Причина этой любви — не корысть и не страх, а Сам Бог, бесконечно привлекательный для каждого живого существа. А желание даровать эту любовь человеку — одна из главных причин воплощения Христа». Комментируя Песнь песней Соломона, Бернард Клервосский сравнивает воссоединение души с Богом, эту высшую цель жизни человека, с супружеским союзом. «Через любовь ко Христу человек восходит к духовной любви к Святой Троице, и тогда все у них становится общим, как у супругов, и душа решается произнести дерзновенные слова из Песни песней: “Возлюбленный мой принадлежит мне и я Ему”». Проповедуя смирение, Бернард Клервосский писал: «Бог стал послушен женщине, чистой и непорочной Деве Марии — смирение беспримерное! Женщина повелевает Богу — величие несравненное. Стыдись, гордый пепел! Бог смиряется, а ты превозносишься? Бог подчиняется людям, а ты, стремясь господствовать над людьми, ставишь себя выше Создателя своего?» Эти высказывания святого Бернарда стали откровением для многих искателей истины.

А.А. Аннин

Петр Абеляр

Одним из самых заметных представителей средневековой философии и богословия был француз Петр Абеляр. Он родился в 1079 году в семье богатых

дворян. «Я был старшим сыном своих родителей. И меня готовили к военной карьере. Однако с детства я так любил науки, а в особенности философию, что безо всякого сожаления отказался от рыцарского звания. А вместе с ним — и от права наследовать отцовское состояние».

Петр Абеляр твердо решил стать ученым-богословом. По воспоминаниям современников, он был крайне честолюбивым и тщеславным юношей. Это раздражало его знаменитых учителей. И Абеляр, быстро усвоив достижения тогдашней философии, уже в 22 года открыл собственную школу в провинции. Уже тогда Абеляр мечтал возглавить богословскую школу при соборе Парижской Богоматери. Но он понимал, что еще слишком молод.

«Все тоскуют об ушедшей юности, а мне бы поскорее состариться!»

Человек действия, он основал свою школу философии и богословия в Латинском квартале Парижа. Впоследствии эта школа стала ядром, вокруг которого сформировался Парижский университет — знаменитая Сорбонна. Главным в учении Абеляра было найти правильное соотношение между верой и разумом. При этом Абеляр отдавал предпочтение именно разуму. «Верую, потому что понимаю». Таков был девиз Абеляра. Но рассудочная вера в Бога, которую проповедовал Абеляр, должна основываться на изучении Библии. Он говорил: «Тот, кто не понимает Священного Писания, подобен ослу, стремящемуся извлечь из лиры стройные звуки, ничего не понимая в музыке».

Абеляр призывал также к осмысленному, научному усвоению христианских догматов. Уже тогда рационализм Абеляра вызвал критику со стороны многих известных богословов. И все-таки в 1113 году, когда Петру Абеляру было 34 года, он достиг своей

цели: возглавил школу собора Парижской Богоматери. При этом он получил звание каноника, то есть члена церковного совета при соборе.

И тут в его жизни произошло непредвиденное событие — роковая любовь.

«Когда я выбрал для себя путь духовного служения, это означало принять обет безбрачия и целомудренного образа жизни. И я всей душой готов был сдержать данный мною обет. Вплоть до того дня, как я встретил Элоизу».

16-летняя Элоиза была сиротой и воспитывалась дядей Фульбертом, тоже каноником собора Парижской Богоматери. Она получила небывалое для девушки тех времен образование в прославленном женском монастыре. Говорила и читала по-латыни, на греческом и древнееврейском. Элоиза приехала погостить к дядюшке, и гордый каноник Фульберт не упустил случая представить своим коллегам умную и красивую племянницу. Среди приглашенных на ужин был и 38-летний Петр Абеляр.

«Увидев Элоизу, я вспыхнул к ней страстью. Я снял в доме Фульберта комнату и стал давать Элоизе уроки богословия».

Их любовь имела закономерные последствия. Абеляр увез Элоизу к своей сестре. Там Элоиза родила сына, который так и остался у сестры Абеляра. Ни отец, ни юная мать больше никогда не виделись с мальчиком. Абеляр и Элоиза просто забыли о нем.

Меж тем дядя Элоизы был вне себя. И Абеляр тайно обвенчался с Элоизой в присутствии Фульберта. После этого Петр Абеляр продолжал преподавать в школе собора Парижской Богоматери, а Элоиза по-прежнему жила у дяди.

Но слух о любовной связи Абеляра и Элоизы дошел до родственников Фульберта. Они разгневались. И тогда Фульберт нарушил тайну: объявил об их

законном браке. Элоиза, не желая причинить зла своему возлюбленному, стала отрицать факт венчания с Абеляром. Дядюшка посадил ее под замок.

«Темной ночью я выкрал собственную жену из дома ее дяди и увез Элоизу в женский монастырь. Там я иногда навещал ее».

Фульберт решил, что Абеляр хочет заставить Элоизу принять монашество, и тогда их брак будет аннулирован. В отместку Фульберт с тремя наемниками и врачом проник в спальню Абеляра. Его связали и оскостили. По тогдашнему закону, кастрат не мог служить в Церкви. Но церковные начальники были так возмущены совершенным изуверством, что сделали для Абеляра исключение: его оставили в прежней должности. А Фульберт был пожизненно заключен в сумасшедший дом. Его сообщников, по средневековому обычаю, не только кастрировали, но и ослепили.

В том же роковом для него 1119 году Петр Абеляр принимает монашеский постриг и покидает собор Парижской Богоматери. Перенесенное унижение и сознание своей неполноценности приводят Абеляра в стан противников официальной Церкви, которая столько ему дала. Один за другим Абеляр пишет трактаты «Познай самого себя», «Христианская теология» и другие.

«Всякое знание есть благо, даже знание зла. Творить зло — это грех, но познать зло — это благо». На этом Абеляр не остановился: «Сам по себе ни один поступок не является ни добрым, ни злым. Все зависит от намерений. Греховный поступок — лишь тот, который совершен против собственных убеждений». Так, Абеляр утверждал, что язычники, которые преследовали Христа и Его учеников, не совершали никаких греховных действий.

Абеляр все больше и больше отклоняется от общепринятого вероучения. Он заявляет, что в мире су-

ществует только Бог Отец, а Иисус Христос и Святой Дух — это лишь проявления Его всемогущества.

На церковном Соборе 1121 года учение Абеляра было осуждено. Он публично сжег свои труды и признал их антицерковными. И Абеляра простили.

Ему даже позволили какое-то время быть настоятелем монастыря. Но Абеляр не поладил с братией и ушел из обители.

В глухом лесу Петр Абеляр построил из камыша молельню в честь Святого Духа Утешителя. Но отшельничество Абеляра было недолгим. К нему стали стекаться его прежние ученики. И он не устоял: вновь стал проповедовать. Чему же он учил?

«Христианство не может считать, что оно — единственная истинная религия. Что касается истины, то ее может постичь только философия. Нравственный рост человека состоит в том, чтобы следовать естественным законам».

Церковный Собор 1140 года объявил Петра Абеляра еретиком. Абеляр поехал к папе римскому, чтобы протестовать против этого соборного решения. В дороге он умер. Так закончилась жизнь этого одаренного, но глубоко несчастного человека.

А.А. Аннин

ХІІІ ВЕК

Святитель Савва, первый архиепископ Сербский

Родился будущий святитель в семье сербского самодержца Стефана Немани и в крещении был назван Ростиславом. Ему дали доброе христианское воспитание, но готовили совсем не для духовного пути. Отец, имевший еще двух старших сыновей, готовил к престолонаследию именно Ростислава. Он видел душевные и умственные дарования младшего сына и полагал, что он станет лучшим правителем, чем его старшие братья. И действительно, Ростислав стал впоследствии владыкой Сербии, но не мирским, а духовным.

С детства он любил богослужение и часто посещал храмы, всегда с благоговейным трепетом относился к монахам. В богатстве и роскоши великокняжеского двора он жил своей, обособленной от всякого мирского попечения, жизнью. И вот, когда родители Ростислава всерьез задумались о поиске сыну невесты, он познакомился с русскими иноками, прибывшими с Афона. Тогда ему только исполнилось 17 лет. Биограф святителя пишет, что «слова юного княжича поразили афонского старца. После рассказа о Святой Горе Афон и населявших ее подвижниках Ростислав сказал: “Бог, зная болезнь сердца моего, послал твою святость утешить меня. Теперь я понял, чего так сильно желал. Если бы не препятствия

со стороны своих родителей, я бы ни дня не остался здесь”».

Видя в юноше искреннее желание иноческой жизни, старец взялся сопроводить его до Афона. Под предлогом охоты за оленями Ростислав покинул дом отца и, встретившись в условленном месте со старцем, бежал на Афон. Когда исчезновение княжича было обнаружено, его родителям нетрудно было догадаться, куда он скрылся. Его отец послал одного из главных своих сановников отыскать и вернуть сына, и если понадобится, то силой. Беглеца нашли в русском Пантелеимоновом монастыре. Он был еще в мирской одежде, что обрадовало искавших. Его стали убеждать вернуться к отцу, пригрозив, что если он не сделает этого добровольно, то его заставят силой. Видя их непреклонность, Ростислав ответил: «Да будет воля Божия!» Успокоив этим бдительность послов, юноша вымолил у игумена благословение на постриг, который и был совершен, пока слуги отца спали. Теперь послы уже ничего не могли сделать. Они забрали с собой только мирскую одежду, остриженные волосы и письмо юного инока к отцу. В письме он просил своих родителей не скорбеть о нем, не считать его погибшим, а лучше молить Бога, чтобы Он даровал ему благополучно совершить путь, на который он вступил.

Молодой инок Савва поселился в русском монастыре, где снискал у братии большую любовь и уважение. Ревностный к подвигам, он пешком, босой обошел весь Афон. Днем он служил братии, ночью молился, часто ходил к отшельникам и раздавал им милостыню из богатых приношений, которые ему присылал отец из Сербии. Одно только беспокоило Савву — письма родителей, которые молили его вернуться домой или хотя бы навестить их. Но не хотел будущий святитель оставлять Афон даже на самый

короткий период. И он написал престарелому отцу письмо с предложением отказаться от царской власти и принять постриг. «Молю тебя, — писал Савва, — оставь земное царство, поселись со мной в пустыне. Здесь ясно уразумеешь Бога. А если не пожелаешь, то знай — я не покину Афон». И самодержец Стефан внял сыновнему совету. Он собрал вельмож, а также выборных из народа и объявил им свое желание отречься от мира и царства. Подданные молили остаться, но Стефан передал власть своему среднему сыну, а сам принял иночество с именем Симеон.

Встреча двух царственных иноков — отца и сына — на Святой Горе после многолетней разлуки произвела на окружающих глубокое впечатление. По их просьбе им отдали развалины покинутого монастыря Хиландар, который они восстановили на средства сербских князей. Эта обитель стала центром монашеской жизни сербов. Она и сейчас остается одним из самых известных монастырей Афона. Отец Саввы лишь восемь месяцев прожил на Афоне, скончавшись в уже восстановленном Хиландаре. Через некоторое время он был прославлен в лике святых, а Савва написал в память об отце его биографию — «Житие Симеона Мироточивого».

В 1208 году Савва вынужден был вернуться в Сербию, чтобы прекратить гражданскую войну между старшими братьями. На родине Савва не оставил своего афонского образа жизни, изнуряя плоть постом и ночными стояниями. К подвигам иноческим он присоединил труды пастырские и апостольские. Он сумел не только окончательно прекратить вражду между братьями, но и предотвратить нападение внешних врагов. Так, ведя переговоры с венгерским королем, объявившим войну Сербии, Савва не только добился мира своему отечеству, но и обратил в Пра-

вославие венгерского монарха. Заслуги Саввы уже при жизни снискали ему любовь народа. Поражали и мудрость его ума, и богатство его знаний, и чистота его жизни, и благородство его сердца, и величие души.

Понимая необходимость иметь независимую Церковь, Савва убедил в этом Константинопольского патриарха, и тот в 1219 году выдал грамоту, по которой в Сербии учреждалась автокефальная архиепископия. Первым главой Сербской Церкви патриарх поставил самого Савву, несмотря на уговоры последнего найти более молодого и не менее достойного кандидата из своего окружения. По возвращении на родину архиепископ Савва занялся не только устройством Церкви, но и укреплением сербской государственности. Он венчал на царство брата Стефана, а по его смерти сыновей последнего, что способствовало подъему национального и религиозного духа сербского народа. Святитель Савва перевел на славянский язык гражданские и церковные законы Византии. Благодаря его трудам появилась новая редакция славянской Кормчей — книги, необходимой для церковного управления. Эта Кормчая стала самой востребованной не только в Сербии, но и в Русской Церкви, в которой она переиздается до сих пор.

Четырнадцать лет управлял Савва Сербской Церковью. Однако, стремясь к уединенному молитвенному подвигу и желая «окончить дни свои странником в земле чужой», он назначил себе преемника и отправился в последнее паломничество. Пройдя Святую Землю, Сирию и Египет, святитель окончил свое странствие в Болгарии. Он скончался в доме своего родственника — болгарского царя — 14 января 1236 года. Память о первом сербском архиепископе осталась в его делах, в народных песнях и

народных обычаях. И в наши дни каждый православный серб наизусть знает гимн своему национальному герою — святителю Савве Сербскому.

М.В. Первушин

Святой Доминик

Великий поэт эпохи Возрождения Данте такими словами восхвалял деяния святого Доминика:

С железной волей, праведен и строг,
Он ринулся, как с гор крутых поток,
В открытую борьбу с еретиками,
Которые зловредны для других,
Которые над слабыми умами
Имели власть и развращали их.

Так родилась ложная легенда о том, что святой Доминик стоял у истоков инквизиции. Огромным авторитетом святого Доминика не преминул воспользоваться самый жестокий инквизитор всех времен и народов — Фома Торквемада. Он приказал изобразить на красном знамени испанской инквизиции изображение святого Доминика.

Но на самом деле святой Доминик не имел никакого отношения к инквизиции с ее кровавыми трибуналами. При жизни святого главным средством борьбы с инакомыслящими был публичный диспут католических проповедников с представителями сект катаров и альбигойцев. Какую же ересь проповедовали эти сектанты? «Воплощения Христа вообще не было, а миром на равных правах управляют два бога — добрый и злой» — так утверждали катары и альбигойцы.

После проповедей святого Доминика тысячи людей, колеблющихся в вере, возвращались в лоно христианской Церкви. Святой Доминик, милосерд-

ный до самопожертвования, не признавал методов насилия. Этот проповедник обладал огромной силой нравственного воздействия. Вот как скажет о нем духовная дочь Доминика, блаженная Цецилия: «От лба его и из точки между бровями исходила сила, подобная лучу света и наполнявшая людей любовью и благоговением».

Святой Доминик родился в 1170 году в небольшом городке Старой Кастилии. Оба его брата стали священниками. Предание повествует, что маленький Доминик так жалел нищих и бездомных, что стремился, как мог, разделить их страдания: ночью выползал из кровати и спал на голом полу.

В 14 лет Доминик поступил в университет, где изучал естественные науки, риторику и богословие. А в 1191 году в Кастилии разразился ужасающий голод. Бедный и вечно недоедающий Доминик продал все свои вещи, одежду и даже книги, по которым учился, и раздал деньги голодающим. Товарищи упрекали Доминика: «Брат Доминик, ведь без книг ты не сможешь получить образование!» Он отвечал со слезами: «Неужели вы думаете, что я буду учиться на мертвой коже, когда живые люди умирают от голода?» Пристыженные его примером, профессора и студенты собрали огромную милостыню, благодаря которой сумели выжить тысячи людей.

Милосердие святого Доминика подчас приобретало героический характер. У одной бедной женщины мавры взяли в плен единственного сына. И студент Доминик вызвался добровольно идти в рабство вместо совершенно незнакомого юноши. И пошел бы, но благочестивая женщина не приняла великодушное предложение Доминика.

Десять лет учебы в университете превратили Доминика в выдающегося богослова. «Путь моей жизни — это странствия и проповеди. Ибо что может

быть выше, что может быть важнее спасения человеческих душ?» — восклицал святой Доминик.

В 1203 году король Кастилии послал Доминика провести переговоры о браке наследника кастильского престола и дочери французского графа де ла Марша. Доминик прибыл на юг Франции, где особенно свирепствовала ересь альбигойцев. Он был потрясен увиденным. Разрушенные церкви, аббатства и монастыри, ужасающее падение нравов.

Он остановился на ночлег в Тулузе. Выяснилось, что хозяин гостиницы — убежденный еретик. И святой Доминик, буквально падающий с ног от усталости, так и не лег спать: всю ночь он убеждал хозяина гостиницы порвать с сектантами и вернуться в лоно христианской Церкви. И добился своего: утром трактирщик пошел в маленькую, чудом уцелевшую церковь и раскаялся в своем заблуждении.

Доминик выполнил поручение кастильского короля и отправился в Рим, к папе Иннокентию. Он просил папу позволить ему вступить в борьбу с еретиками на юге Франции. Папа, видя искренний порыв молодого проповедника, отправил его в Тулузу. Простые люди Тулузы очень скоро полюбили этого скромного, доброго проповедника. Главные еретики, озлобленные тем, что им не удается одолеть Доминика в открытых диспутах, дважды пытались убить его, но всякий раз, встретив его кроткий взгляд, опускали оружие.

Однажды к святому Доминику пришли девять богатых женщин, склонившихся в ересь. «Мы слышали твои проповеди, Доминик, — сказала старшая, — и поняли, что твоими устами говорит Господь. Но если мы вернемся домой и отречемся от ереси, нас смогут убить».

Доминик спрятал женщин, а сам отправился к епископу Тулузы. Тот с готовностью выделил учас-

ток земли под строительство женского монастыря. Возводился он наспех, даже стены были глинобитными. Но все великое начинается с малого. Эта первая женская община стала родоначальницей могучего ордена доминиканцев. Уже вскоре возле женского монастыря возник мужской — туда стекались люди, осознавшие свое заблуждение. Так появилась община братьев-проповедников, получившая впоследствии название Доминиканского ордена. Папа отдал ордену Доминика римскую церковь святого Сикста, затем передал доминиканцам крупный монастырь в Риме. Но святой Доминик понимал, что евангельская проповедь особенно важна в университетах Европы. Так возникло братство доминиканцев в Парижском университете, затем — в университете Болоньи.

Многoletние труды подорвали телесное здоровье святого Доминика. Он скоропостижно скончался в своем монастыре в Болонье, где и был погребен. Перед самой смертью Доминик, как когда-то в детстве, попросил положить его на голый пол. Это случилось в 1221 году, когда святому Доминику едва исполнилось 50 лет.

А.А. Аннин

Фома Аквинский

Будущий философ и святой Католической Церкви Фома Аквинский родился примерно в 1225 году на юге Италии. Он был седьмым сыном графа Аквинского, отсюда и его прозвище: Аквинат.

Карьера Фомы, казалось, была predeterminedена с самого рождения: отец мечтал, чтобы он со временем стал аббатом бенедиктинской обители Монте-Кассино, расположенной неподалеку от их родового замка. Уже в пятилетнем возрасте мальчика отправили жить

и учиться в этом прославленном и богатом монастыре.

Уже тогда Фома задавался недетскими вопросами: «Что есть Бог? И можем ли мы, простые смертные, познать Его своим разумом?»

Поискам ответов на эти вопросы Аквинат посвятил всю свою жизнь.

Повзрослев, Фома продолжил свое образование в университете Неаполя. А в 19 лет юноша вдруг вышел из повиновения отцу и матери. «Я желаю стать монахом, но вовсе не бенедиктинского монастыря, а нищенствующего ордена святого Доминика». Влиятельные и богатые родители пришли в ужас. Доминиканцы были известны своим суровым, аскетическим образом жизни. В то время они воспринимались высшим светом как некие бродяги, которые ходят по миру и проповедуют Евангелие простым мужикам. И для отца Фомы, аристократа графа Аквинского, была унижительной сама мысль о том, что его сын может стать монахом нищенствующего ордена. Фома отвечал на эти родительские слова: «Отец, меня несколько не интересует карьера. Я хочу всю жизнь бескорыстно служить Церкви».

Доминиканский орден послал прилежного и скромного юношу на учебу в Париж, в знаменитую Сорбонну. Но по дороге Фому настигли старшие братья, связали его и увезли в родительский замок. Там Фома был заточен в башню. В каземате юноша продолжал учиться: читал «Метафизику» Аристотеля и практически выучил наизусть Священное Писание. Так прошло больше года. Каждый день родные приходили к нему и слезно убеждали изменить свое решение. Фома был непреклонен. Тогда братья решили скомпрометировать Фому — в первую очередь, в его собственных глазах. Они подослали к нему в каземат красивую куртизанку, которая попыталась совратить

юношу. Тот выхватил из камина горящее полено и закричал: «Если эта блудница немедленно не уйдет, то, клянусь, я подожгу весь замок!» Девушка в страхе убежала, а потрясенные родные смирились с жизненным выбором Фомы и выпустили его на волю.

Обретя свободу, он принял монашеские обеты Доминиканского ордена и отправился в Парижский университет. Там Аквинат стал учеником Альберта Великого, одного из классиков средневекового богословия. Студента Фому, толстого и медлительно увальня, однокашники прозвали быком, а его молчаливость они воспринимали как отсутствие интереса к учебе. Видимо, так поначалу считал и Альберт Великий. Но после неожиданного для всех блестящего выступления Фомы на семинаре Альберт воскликнул: «Мы называем этого человека немым быком, однако уж если он замычит, то его мычание услышит весь мир!»

Семь лет спустя, победив в открытом диспуте десяти докторов богословия, Фома Аквинский стал преподавателем Сорбонны. Также он читал лекции по теологии в университетах Кельна и Неаполя. А в 1259 году папа Римский Урбан IV вызвал Аквината в свою резиденцию. Ватикану был нужен ученый-богослов, способный переосмыслить труды древнегреческого философа Аристотеля в духе католицизма. А Фома Аквинский к тому времени уже перевел на латынь труды Аристотеля и составил к ним свои комментарии. В обширных трактатах «Сумма философии» и «Сумма теологии» Фома применил аристотелевский метод логических построений. Он смог из божественных озарений отцов Церкви вывести систему христианской философии, которую впоследствии назовут «томизмом» — в честь ее основателя, святого Фомы. В своих трудах Аквинат, прозванный «ангельским доктором», логическим путем вывел пять

разумных доказательств бытия Божия. Фома создал более 60 богословских произведений, а также стихотворные сочинения для католической мессы.

В 1262 году Фома был направлен в Париж для борьбы с вольнодумцами, обосновавшимися в Сорбонне. В богословских диспутах никто не мог сравниться с Фомой по мощи интеллекта и образованности. Король Франции Людовик IX пригласил известного философа на ужин. За шумной и веселой королевской трапезой Фома был погружен в свои размышления. Присутствующие вельможи позабыли о нем. Вдруг Фома вскочил, треснул кулаком по столу и возгласил: «Мы разоблачим ересь манихеев и вернем их в лоно Католической Церкви!» И отчасти это удалось Аквинату. Его вдохновенные, аргументированные выступления вывели многих ученых и студентов Сорбонны из плена еретических заблуждений. Однако некоторые упорствовали в ереси. Тогда Фома сказал Людовику IX: «Государь, коль скоро вы наказываете фальшивомонетчиков, то не следует ли тем более наказывать людей, искажающих веру христианскую?»

Фома возвратился в Италию. В конце его недолгой жизни Аквината стали посещать Божественные озарения. Согласно преданию, однажды монахи ордена святого Доминика оказались свидетелями необычайного явления. Их брат Фома стоял на молитве, и вдруг от Святого Распятия послышался голос: «Ты хорошо написал обо Мне, Фома. Какую награду ты хочешь за это?» Он ответил: «Ничего мне не надо, кроме Тебя Самого, Господи».

После этого события Фома прекратил заниматься философией и богословием. Его спрашивали: почему? «Для меня открылись такие тайны, что все, что я писал прежде, кажется мне теперь имеющим немного цены».

Ему было 49 лет, когда он пешком отправился в Лион, чтобы участвовать в церковном Соборе. В дороге Фома перенес сердечный приступ, от которого так и не смог оправиться. Смерть постигла великого философа в мае 1274 года, в монастыре святого Бернарда. Уже через полвека Фома Аквинский был причислен к лику святых Католической Церкви.

Пожалуй, самым главным в трудах святого Фомы было то, что он «реабилитировал» физическую природу человека и его земную жизнь. «Тело — это почти такая же важная часть человеческого существа, как и его душа. Нормальный, благочестивый человек должен активно заниматься земными делами, вести общественную жизнь, а не только предаваться размышлениям о спасении души».

Вслед за Аристотелем Фома Аквинский утверждал, что государственная власть существует для блага людей. «Если правитель нарушает законы Божеские и человеческие, то такого правителя можно и должно сместить. Но только, разумеется, с согласия Церкви».

Философ ответил на очень важный вопрос о взаимоотношениях религии и науки. «Вера и разум, наука и религия отнюдь не противоречат, а дополняют друг друга. Наука — это всего лишь еще один способ познания Бога и Его творения». Эти идеи Фомы Аквинского остаются актуальными по сей день.

А.А. Аннин

Святой Франциск Ассизский

Многие историки называют первые двенадцать столетий нашей эры в жизни Западной Европы «темными веками».

И вот в начале XIII столетия в Западной Европе на смену «темным векам» пришла эпоха Возрождения.

Приход этого нового периода в истории Запада совпал с появлением Франциска Ассизского, прославленного святого Католической Церкви. Франциск так рассказывал о своем детстве и юности: «Я появился на свет в 1182 году в итальянском городе Ассизи, в семье торговца тканями. Отец назвал меня Франциском, потому что он торговал с Францией. В школе меня так и звали — «французик», ибо я с детства любил французскую поэзию трубадуров».

Этот дух рыцарства, дух романтических песен бродячих певцов Франциск Ассизский пронес через всю свою короткую жизнь.

«Дама моего сердца — самая прекрасная дама на свете. И зовут ее — Нищета».

Это он поймет и выскажет позже. А в юности Франциск, единственный и потому избалованный сын своих родителей, тянулся к обществу молодых дворян, где можно было по очереди читать вслух французские стихи. Он устраивал для бедных, но титулованных юношей поэтические посиделки с обильной трапезой, за что Франциска всегда провозглашали «царем пира». Впоследствии, уже будучи аскетом, Франциск сочинил много стихов, в которых славит Господа. Современники называли его «творцом поэзии Возрождения».

Франциск Ассизский с юных лет не делал различия между знатными и незнатными, бедными и богатыми. Все были для него просто людьми, достойными того, чтобы общаться с ними на равных. Однажды Франциск стоял на базаре и продавал ткани. К нему подошел богач и начал беседовать с ним о качестве и цене материи. И тут же рядом возник оборванец, который стал грубо требовать подаяния. Франциск не знал, кого слушать. Богач оскорбился невниманием к нему со стороны продавца и ушел, ничего не купив. Франциск кинулся было его догонять, но тут заметил,

что ушел и нищий, которого он так и не дослушал. И Франциск, бросив товар, побежал за оборванцем. «Вот, возьми деньги. И я торжественно клянусь перед Богом, что больше никогда не обижу бедного человека!»

Франциск до конца жизни так и не понял, что такое деньги, в чем их власть и могущество. Вся его жизнь состояла из безрассудных клятв и обетов, и все эти клятвы он неизменно выполнял. Он не был бесплодным мечтателем-фантазером, это был человек действия. И вот к чему это привело.

Молодой Франциск, как и все городские юноши, мечтал о воинской славе. И вот по призыву папы Римского он вместе с другими добровольцами едет воевать в Сицилию, чтобы поддержать французского кандидата на королевский престол.

Франциск не попал на войну. Еще по пути на корабль он упал с лошади, сильно разбился и вынужден был воротиться домой. Это был позор. В глазах горожан Франциск выглядел трусом. Ему, словно прокаженному, никто не подавал руки. Он целыми днями бродил по полям вдали от людей и вот однажды встретил настоящего прокаженного. В порыве братского чувства Франциск обнял и расцеловал больного, дал ему денег. И поклялся служить прокаженным. Вскоре он организует для них приют, где ухаживает за больными без страха и брезгливости.

Избегая людей, Франциск любил молиться в одиночестве в полуразрушенной, заброшенной церкви. И вдруг он загорелся желанием восстановить этот маленький храм. Не думая о том, что делает, Франциск украл деньги у отца. Отец узнал об этом и потащил сына на суд к епископу. Добрый епископ, видя рассерженного старика-торговца, приказал Франциску вернуть отцу все деньги. Франциск вернул и

сказал: «У меня больше нет отца по имени Пьетро Бернадоне. Отныне я слуга Господень».

Епископ благословил пылкого юношу на подвиг добровольной нищеты. И тут Франциск понял: для того чтобы отстроить заново храм, не надо искать деньги. Надо собирать камни! Это был единственный во всей округе нищий, который просил не хлеба, не денег, а больших камней. Люди спрашивали: зачем тебе? Он говорил зачем, и крестьяне бесплатно помогали ему. Люди нуждались в делах покаяния. И храм в короткий срок был восстановлен.

«Я следую за нищим, странствующим Христом. Кто желает, может пойти со мной». И тут же в лесную глушь, где возле своей любимой церкви Франциск со своими помощниками построил хижины для прокаженных, потянулись люди. Пришел богач, отрекшийся от всего своего имущества, пришел священник — чтобы исповедовать и причащать прокаженных, и многие другие. Пришла 18-летняя дочь помещика, будущая святая Западной Церкви Клара, ее младшая сестра Агнесса. Франциск постриг их в монахини, уже имея на то папское благословение. И отдал этим девам восстановленный храм святого Дамиана, при котором возник знаменитый впоследствии на весь мир женский монашеский орден кларисс.

Вокруг Франциска Ассизского сложился монашеский орден нового типа: орден нищенствующих монахов-проповедников. Есть легенда о том, как святой Франциск пришел к римскому папе, чтобы тот благословил устав нового ордена. Папа был не в духе и, увидев оборванного Франциска, послал его к свиньям. Франциск выполнил приказ буквально: пошел ухаживать за свиньями. Папа узнал об этом, растрогался и утвердил устав монашеского ордена. Члены ордена имели особую одежду. Как-то один крестья-

нин отдал Франциску длинную бурую рубаху, и Франциск подпоясал ее веревкой. Через 10 лет такая рубаха и веревка станут одеянием 5 тысяч францисканских монахов. А еще через 100 лет в этой одежде похоронят великого Данте.

Франциск Ассизский умер от тяжелой болезни в 1226 году. Он не дожил до тех времен, когда созданный им орден францисканцев стал могущественной силой. Франциск не мечтал об этом. Однако и по сей день его вспоминают простые люди. Они пересказывают своим детям легенды о том, как святой Франциск кормил медом диких пчел, как выкупил ягненка, которого вели на убой, как выпустил на волю зайца, попавшего в капкан... За эту доброту и милосердие и любят святого Франциска миллионы христиан.

А.А. Аннин

Эпоха крестовых походов

В истории средневековой Церкви нет эпохи более противоречивой и в то же время более захватывающей, чем эпоха крестовых походов. Она продолжалась с конца XI до XIV века. Начало крестовых походов провозгласил Римский папа Урбан II. 26 ноября 1095 года он обратился к представителям высшей знати и клирикам Римской Церкви с призывом начать освободительную войну за Святую Землю. Вся Палестина к тому времени была под властью мусульман. Он обещал всем, кто возьмется за это «святое дело», множество льгот со стороны Римской Церкви. Имущество и семьи участников похода на время их отсутствия находились под охраной Церкви. «Принявшие крест» освобождались от уплаты долгов. Крепостные, отправлявшиеся в поход, освобождались от власти своих господ. Всем участникам обещалось

отпущение грехов, а погибшим — рай. В ответ на призыв папы несколько тысяч его слушателей скандировали: «*Deus vult!*» («Бог того хочет!»). Эти слова стали боевым кличем крестоносцев. Тысячи людей тут же дали обет, что отправятся на войну.

Прежде всего в поход ринулась крестьянская беднота, привлеченная обещаниями свободы и прощения долгов. Многие из них продавали имущество и с семьями направлялись в дальние края. Этот поход бедноты не принес ожидаемых результатов, а лишь настроил против крестоносцев мирное население. Неорганизованная толпа крестьян в поисках пропитания зачастую дотла разоряла местности, через которые проходила. Оказавшись на азиатском берегу без должного вооружения, не имея четкого руководства и плана действий, отряды бедноты вскоре стали жертвой турок-сельджуков.

Вышедшие вслед за бедняками хорошо вооруженные и организованные отряды рыцарей оказались более удачны. В 1099 году Иерусалим был захвачен крестоносцами, которые создали несколько вассальных княжеств на палестинской территории. Во главе их стоял король Иерусалимский. С завоеванием Гроба Господня была достигнута основная цель крестового похода. Однако из-за стремления к богатству, могуществу и славе в среде рыцарства постоянно возникали ссоры. Этим пользовались турки для возврата захваченных территорий.

Все крестовые походы, кроме первого, возглавлялись коронованными особами. Так, наиболее знаменитыми участниками их были — английский король Ричард Львиное Сердце, французский король Людовик Святой, германский император Фридрих Барбаросса. Во втором крестовом походе помимо мужчин приняли участие и многие супруги европейских феодалов. Для знатных дам это предприятие поначалу

казалось увеселительной прогулкой. Многие из них взяли с собой лучшие наряды, а также придворных поэтов. Но ошеломленные невиданными трудностями, они остановились на полпути.

Военные неудачи крестоносцев в Святой Земле породили идею о том, что Иерусалим не может быть освобожден усилиями взрослых в силу их непомерной греховности, и «святое дело» спасут только невинные дети. В 1212 году состоялся детский крестовый поход. Римский папа и французский король попытались противодействовать предприятию, но безуспешно. Около 20 тысяч французских детей под предводительством маленького пастушка Этьена прибыли в Марсель, где их погрузили на корабли. Два корабля затонули во время шторма на Средиземном море, а остальные пять дошли до Египта, где предприимчивые судовладельцы продали детей в рабство. Подобное явление наблюдалось и в Германии, где десятилетний мальчик Николас из Кельна собрал около 10 тысяч детей, и они пешком направились в Рим за благословением к папе. При переходе через Альпы две трети отряда погибло от голода и холода. Оставшаяся часть детей, не получив папского благословения продолжать поход, рассеялась по дорогам Италии. Лишь единицы вернулись домой.

Самым бескровным был Шестой крестовый поход в 1228 году. Его называют еще «дипломатическим». Германский император Фридрих II, используя противоречия между двумя мусульманскими державами, добился мирной уступки Иерусалима и ряда других святых мест в Палестине. Однако после возвращения Фридриха в Германию все из-за тех же раздоров между крестоносцами Иерусалим вновь отошел к мусульманам.

Фактически эпоха крестовых походов завершилась в 1270 году. В это время французский король,

окончательно забыв о провозглашенных когда-то лозунгах освобождения Святой Земли, решил направиться в Тунис для ведения боевых действий в этом регионе. Однако поход быстро закончился: в войске началась эпидемия, от которой скончался и сам король. Его войско ни с чем вернулось во Францию.

Искренность порыва западных христиан в Святую Землю ради возвращения Гроба Господня не подлежит сомнению. Первый крестовый поход наиболее сильно отразил идею крестоносного движения. Однако, как отмечают историки, экономические явления также сыграли весьма значительную роль в его проведении. С каждым новым крестовым походом мирская струя пробивалась в них все сильнее, чтобы одержать, наконец, окончательную победу над первоначальной идеей движения во время Четвертого крестового похода, когда крестоносцы захватили Константинополь.

М.В. Первушин

Четвертый крестовый поход. Завоевание Константинополя

Самая печальная страница в истории крестовых походов та, которая повествует о четвертом из них. Этот крестовый поход вышел за рамки освободительного движения Святой Земли. Он показал, что жажда наживы и власти затмила собой религиозные лозунги и освободительные цели первых походов. Более того, крестоносцы, разбив своих же братьев христиан, основали на обломках Византийской империи новое латинское государство.

«Епископы и клирики сообща говорили нам, — вспоминал один из участников этого похода, — что можно смело нападать на византийцев, так как

раньше они повиновались римскому закону, а теперь ему не подчиняются. Битва против них не только не будет грехом, но делом великого благочестия». Однако лишь некоторые религиозно настроенные рыцари понимали всю нелепость нападения на христианское государство. Большинство же крестоносцев не мучились сомнениями по поводу захвата Константинополя. Наоборот, те несметные богатства, которые хранились за его стенами, еще более возбуждали в них зависть и ненависть к жителям города.

Множество восхищенных описаний Константинополя было оставлено теми, кто во времена первых крестовых походов шел через него в Палестину. Европа по сравнению с Византией в бытовом смысле могла быть названа варварской. Тесные и грязные европейские города с населением 2–3 тысячи человек, мрачные и неудобные рыцарские замки. Все это меркло перед восточной роскошью Константинополя с его миллионным населением. Рассказы людей, посетивших Константинополь, сводились к описанию того блистательного богатства, которое они наблюдали в Византии. Вот что пишет один из посетивших столицу Византии: «Ни один человек на земле, сколько бы он ни пробыл в городе, не сумел бы ни назвать, ни рассказать о том громадном количестве богатств, которое имелось здесь. И если бы кто-нибудь поведал хоть о сотой его доли, то его сочли бы лжецом. Думаю, что и в сорока самых богатых городах мира едва ли нашлось бы столько добра, столь благородного и ценного, сколько было в Константинополе».

Четвертый крестовый поход начался в 1202 году. По первоначальному плану крестоносцы должны были достичь Святой Земли по морю. Однако они не располагали флотом и вынуждены были обратиться за помощью к Венецианской республике. Ее жители потребовали за корабли и снаряжение огромную

сумму, которой у крестоносцев не оказалось. Тогда венецианцы предложили компенсировать недоимки захватом портового города Задара, подвластного венгерскому королю. Купцы этого города были главными конкурентами венецианцев по торговле на всем Средиземноморье. Рыцари согласились, и первоначальный план крестового похода в Палестину был на время отложен.

В ноябре 1202 года объединенная армия захватила и разграбила Задар. Легкая победа и большая нажива вскружили головы крестоносцам. Венецианцы вновь предложили им отклониться от маршрута и повернуть к Константинополю. Там они рассчитывали восстановить на троне свергнутого императора Исаака Ангела и получить за эту услугу торговые льготы, а также дополнительные средства для продолжения экспедиции. Таким образом, маршрут крестового похода был изменен во второй раз. Однако император не торопился с выплатой обещанного вознаграждения, а после того, как в Константинополе произошло очередное восстание и императора опять сместили, надежды на компенсацию у крестоносцев исчезли.

Разгневанные таким поворотом дела, «освободители Святой Земли» в апреле 1204 года штурмом взяли Константинополь. Все жители города вышли навстречу рыцарям с крестами, иконами и хоругвями, как это делается в торжественных и праздничных случаях. Но это зрелище не смягчило латинян. Было убито более половины всех жителей. Город подвергся погрому и разграблению. Византийский историк, свидетель завоевания Константинополя, пишет с укором про крестоносцев: «Вот эти ревнители, взявшие на плечи крест и многократно клявшиеся им проходить христианские страны без кровопролития... Вот эти люди, которые учили нас своей вере, говоря, что они более благочестивы и правдивы, гораздо более точ-

ные блюстители Христовых заповедей, чем мы, греки... Все они оказались полнейшими лицемерами. Вместо отмщения за Гроб Господень неистовствовали против Бога. Убивая христиан, они подняли руку на самого Христа, уподобляясь римским воинам, его распявшим».

До Святой Земли участники Четвертого крестового похода так и не добрались, показав свои мирские цели и земные интересы. На месте Византийской империи была создана империя Латинская. Римский папа Иннокентий III принял ее под свое покровительство. Он надеялся укрепить союз Православной и Католической Церкви, но союз этот оказался непрочным, а существование Латинской империи способствовало углублению раскола. Государство латинян просуществовало до 1261 года, когда окрепшая византийская армия под предводительством императора Михаила смогла вернуть себе Константинополь.

М.В. Первушин

Монгольский период истории Русской Православной Церкви

Мужество русских людей

Русская земля слабела от нескончаемых войн, которые вели удельные князья между собой. В этих междоусобицах заглушался голос совести, ни во что вменялись клятвы, а общерусское единство приносилось в жертву частным княжеским стремлениям. Видя такое несогласие, народ перестал уважать княжескую власть. Все чаще можно было встретить своеволие и мятежи посадских людей против неугодных им князей. В этих бессмысленных войнах гибло множество русских людей. Брат восставал на брата, сын — на отца, одно княжество — на другое. Русский

историк Сергей Соловьев приводит статистику, согласно которой каждый из уделов в течение года хотя бы раз опустошался усобицами. Этим Киевская Русь обрекала себя на самоистребление, но не от этого суждено было ей погибнуть.

«Обрушилась беда на Русь, — сообщает летописец о нашествии монгол, — привел Бог на нас “поганых”, не им покровительствуя, а нас наказывая за множество беззаконий». Летописи и сказания не щадят мрачных красок в описании разрушений и опустошений, произведенных нашествием Батыева войска. За три года, с 1237-го по 1240-й, двухсоттысячная армия монгол разорила всю Русь от Рязани до Киева. Страшную картину описывает итальянский путешественник и миссионер Карпини, проезжавший через Русскую землю спустя пять лет после катастрофы: «От русского стольного града Киева, некогда поражавшего своим величием и богатством, осталось не более двухсот строений, большинство жителей убито или угнано в рабство, окрестности усеяны изрубленными человеческими костями».

Множество русских городов были совсем стерты с лица земли. Одним из них была Рязань, первая принявшая на себя удар неприятеля. Подойдя к границам рязанской земли, монголы отправили послов к рязанскому князю Юрию с требованием подчиниться хану и платить ему дань. Князь же ответил послам, как всегда и везде отвечал русский князь: «Коли нас не будет, то все ваше будет». Получив ответ князя, монголы двинулись на русские земли. Понимая, что помощь от великого князя не успеет подойти вовремя, Юрий послал для переговоров к Батю своего сына Феодора, чтобы хоть как-то оттянуть время. Хан, прослышав о красоте супруги Феодора Евпраксии, пожелал видеть его жену. Но Феодор ответил хану, что не в обычае христианском показывать своих жен,

тем более нечестивым язычникам. Батый велел варварски убить Феодора и начать наступление. Узнав о причине гибели своего мужа, Евпраксия, дабы избежать насилия и сохранить чистоту брака, ринулась вниз с высокой колокольни вместе со своим малолетним сыном. Как пишет о ней летописец: «Она заразилась», что значит — разбиться на смерть. С тех пор это место так и зовется — Зарайск. Имена этой благочестивой княжеской четы, которая избрала лучше умереть, чем нарушить обеты брака, помещены в числе рязанских святых.

Пять дней стояли жители Рязани, защищая свой город, но силы были неравные. Рязань пала. После нескольких дней разграбления и убийств весь город превратился в пепел. «Исчез вопль отчаяния. Все стихло. Некому было стенать и плакать», — восклицает летописец. Позднее Рязань была отстроена заново, но уже на другом месте в нескольких десятках километров от старой Рязани.

За Рязанским княжеством были сожжены Коломна, Москва, Суздаль. Батый подступил к Владимиру. Город можно было спасти ценой рабства, которое предлагал хан, но жители предпочли смерть. В последние часы перед взятием Владимира оставшиеся жители затворились в Успенском соборном храме вместе с владимирским епископом Митрофаном. Монголы, ворвавшись в город, подожгли храм, где совершалось последнее богослужение.

Перед лицом страшной трагедии, разыгравшейся на Русской земле, все были уравнены. И князья, которые не жалели отчизны в кровавых междоусобицах, заботясь только о личной выгоде, и простые горожане — все сделались рабами ханов. Исчезла русская государственность, начатки просвещения, промышленности, торговли. Разрушены города, храмы, иноческие обители. Русь лежала в руинах.

Погибло все земное, все временное, все дела рук человеческих. Уцелело только то, что вечно и неизменно, — вера православная, Церковь Христова. Именно она и стала опорой русского народа в постигшем его бедствии.

Мученичество русских князей

«Пало иго монгольское на землю Русскую, и покорилась ему Русь», — восклицает летописец. Тяжелые дни наступили для тех, кто уцелел. И в это страшное время проявляется вся любовь русского народа к Богу, верность Его Церкви. Все прекрасное, что было раньше затоптано проявлением взаимной вражды, теперь явилось в чудном свете верности Богу и любви к людям, не только у простого народа, но и у его князей.

Монгольское иго создало условия для настоящего мученичества за Христа. Непобедимые ханы Золотой Орды убедились в невозможности заставить русских людей отречься от православной веры. И первый пример такого мученичества явили святой благоверный князь Михаил Черниговский и его боярин Феодор. Князь был вызван в ставку хана. Прежде чем предстать перед его лицом, монгольские жрецы потребовали от князя и боярина подчиниться языческому обычаю. Они должны были поклониться изображениям умерших ханов, солнцу и войлочным идолам. Михаил ответил:

— Христианин должен поклоняться Творцу, а не творению. Такова христианская вера!

Узнав об этом, Батый велел Михаилу выбирать одно из двух: или исполнить требование жрецов, или принять смерть. Михаил ответил, что он готов поклониться хану, которому Сам Бог предал его во власть, но не может исполнить того, чего требуют жрецы. Присутствовавшая княжеская свита, бояре умоляли

Михаила побережь свою жизнь. Они предлагали принять на себя ответственность за этот грех, но Михаил не хотел слушать никого. Он сбросил с плеч княжескую шубу и сказал:

— Не погублю души моей! Прочь, слава тленного мира!

На сторону князя встал лишь его верный боярин Феодор.

Их схватили, начали бить палками, затем топтали ногами и, наконец, отсекали голову. Последние слова святого князя были: «Я христианин». Произошло это в сентябре 1246 года. Их тела были привезены в Чернигов, а в XVI веке перенесены в Архангельский собор Московского Кремля. Князь Михаил и боярин Феодор стали самыми почитаемыми святыми на Руси после Бориса и Глеба.

Еще одним ярким примером мученичества за веру был подвиг Романа Олеговича Рязанского. Этот князь, видя бесчеловечные издевательства ханского сборщика дани, заступился за своих подданных. Тот же оклеветал князя перед ханом в хуле на их веру. Вызвав Романа в Орду, хан предоставил ему выбор: либо принять их веру, либо мучительная смерть.

— Я покорен воле Божией и повинуюсь власти хана, но никто не принудит меня изменить моей вере. На что хан ответил:

— Пусть умрет мучительной смертью.

Князю сперва отрезают язык, чтобы он не смог проповедовать веру Христову, а затем подвергают медленному четвертованию. Подробное описание в летописи казни Романа оставляет впечатление страшной жестокости ордынских ханов. В конце казни отрубленную голову князя воткнули на копьё для всеобщего обозрения.

Как мученичество за веру стал восприниматься русскими людьми и ратный подвиг — смерть в бою.

Народное почитание вносило в число русских святых многих князей, погибших в Батыево нашествие. Особо же отмечали тех из них, чей подвиг и смерть были доподлинно известны.

Таким, например, был князь Василько Константинович Ростовский. Он был взят в плен после битвы при реке Сити в 1238 году. Князь, изнуренный жестоким боем, израненный, томимый жаждой и голодом, не захотел принять пищи из рук врагов. Зная на опыте мужество и силу Василия, Батый предложил ему воевать под его знаменами. Но русский князь отверг это предложение, сказав: «Враги моего Отечества и Христа не могут быть мне друзьями». Его убили недалеко от Калязина, в Шеренском лесу. Отыскав тело князя, его перенесли в Ростов и погребли под сводами соборного храма.

Невольно поражаешься мужеством и преданностью Православию русского народа. Перечисленные в летописях народные бедствия, достаточные для полного уничтожения любой нации, сроднили между собой целые области, укрепили русский национальный дух и еще более приобщили народ к церковной жизни, ставшей для него неотъемлемой частью бытия. Русская Церковь, столь претерпевшая от погрома, лишившаяся множества прекрасных храмов и обителей, стала для народа хранительницей духовных ценностей и источником крепости в постигших его испытаниях.

М.В. Первушин

Великий князь Александр Ярославович Невский

Древняя Русь, как и Византия, в XIII веке испытала на себе удары крестоносцев. Еще в 1207 году папа Иннокентий III, воодушевленный захватом Констан-

тинополя, обратился к русским князьям с посланием. В нем он описывал Византию в самом жалком виде, уверяя, что церковная зависимость от этой униженной нации недостойна славного русского народа. Он призывал Русскую Православную Церковь, называя ее «дочерью», «вернуться к своей матери — Церкви Римской». Однако папское послание осталось без ответа. Сначала междоусобная брань не давала князьям задуматься о судьбе Церкви, а затем и страшное нашествие монгольских кочевников.

Монгольское иго дало надежду Риму воспользоваться ослаблением Руси для того, чтобы попытаться навязать русским силой оружия латинскую веру. В 1237 году папа объявляет новый крестовый поход для обращения в латинство северных областей, обещая всем его участникам отпущение грехов. Наступление на Русь началось сразу с нескольких сторон. И лишь благодаря подвигу Александра северо-западные княжества удалось сохранить в составе Русского государства.

Александр был сыном великого князя Ярослава Всеволодовича и родился в Переяславле-Залесском 30 мая 1219 года. С ранней юности он был посажен своим отцом княжить в Новгороде — единственном крупном княжестве, избежавшем разорения. Однако вскоре после нашествия монгол в Новгород прибыли ханские слуги и потребовали с новгородцев такой же дани, как и с покоренных русских земель. Одновременно с этим началось вторжение в северо-западные княжества крестоносцев. Сражаться одновременно на два фронта было невозможно. Александр предпочел подчиниться верховной власти хана и, не оказывая сопротивления монголам, согласился платить дань. Такое решение объясняется тем, что ханы брали дань, но не вмешивались во внутреннюю жизнь Руси и ее Церкви. Цель же соседей-рыцарей состояла

не только в том, чтобы привести русских под власть папы, но и основать новую латинскую империю, разрушив русскую государственность. Немецкие рыцари стремились сломить православный Новгород точно так же, как их собратья-крестоносцы на юге сломили православный Константинополь.

В 1240 году на новгородские земли напали почти одновременно немецкие рыцари, шведские крестоносцы и литовцы. Князь Александр действовал решительно и быстро. Не дожидаясь помощи, он с небольшой дружиной двинулся навстречу шведам. Шведы не сомневались в своей победе, зная о своем превосходстве над новгородским войском. Слова князя Александра: «Не в силе Бог, а в правде!» — вызвали, со слов летописца, воодушевление в его войске и вселили веру в будущую победу. Рано утром подойдя незаметно к стану врага, Александр ударил по беспечным шведам. Неожиданное появление русских произвело полное смятение в их рядах. Лишь ночь спасла остатки шведских крестоносцев от полного истребления. Потери же со стороны новгородцев были так малы, что им дивились даже современники. Александра за эту блестящую победу прозвали «Невским».

Воспользовавшись отсутствием князя, немецкие рыцари захватили псковские земли и подошли к Новгороду. В 30 километрах от столицы своего княжества Александр остановил немцев, а затем освободил от них и Псков. Чтобы положить конец агрессии крестоносцев и окончательно очистить от них русские земли, Александр Невский вошел в земли рыцарского ордена. На льду Чудского озера 5 апреля 1242 года произошло знаменитое Ледовое побоище. Разгромленные крестоносцы бежали. Их потери были настолько значительны, что крестоносцы не посмели больше касаться русских областей. Покончив с нем-

цами и шведами, Александр Невский устремил свои войска против литовцев, упорно осаждавших полоцкие и новгородские окраины Руси. Русские одержали над ними ряд побед и окончательно разбили их в 1245 году.

В 26 лет Александр Невский стал великим князем Владимирским. Слава о его победах распространилась далеко за пределами Руси. Удивленный окончательным провалом крестового похода, Римский папа пишет восторженное письмо Александру, предлагая ему принять католичество и царскую корону. Хан Батый устроил в честь победителя крестоносцев прием в Орде, а ордынские женщины, по словам летописца, «пугали своих непослушных детей, говоря им: “Александр едет!”».

Ценой внешней покорности жестокой власти хана Александр Ярославович сохранил и укрепил внутреннюю духовную силу Руси для будущей победы над ордынским игом. Он понимал, что мощь Руси заключается, в первую очередь, в объединяющей все русские княжества православной вере, а потому лично свидетельствовал веру и послушание Церкви и был до конца верен Православию.

М.В. Первушин

Лионская уния

После разрыва отношений между Западной и Восточной Церквами не раз возникали попытки их примирения. Однако главным камнем преткновения был вопрос о первенстве римского епископа. Если для Востока примат Римской кафедры оставался нравственным понятием и опирался на церковное предание, то Запад воспринимал первенство юридически. Народы Западной империи были мало расположены к

созерцательному богословию, как это было на Востоке. Они были создателями римского права и строгого государственного строя, поэтому воспринимали христианство как систему общественного устройства, необходимую для спасения. Восточная Церковь признавала за папой первенство чести, но не превосходство над другими Церквями. Римский епископ считал, что окончательное решение любого вопроса веры остается за ним. Византийские же епископы были убеждены, что это решение должно принадлежать собору всех епископов Церкви. Захват крестоносцами столицы Восточной империи в начале XIII века привел к окончательному разрыву Восточной и Западной Церквей. После этого попытки объединить две ветви христианства предпринимались с помощью унии.

Слово «уния» в переводе с латинского языка означает единство. В практическом плане это означало слияние Католической Церкви с Православной на условиях признания главенства папы римского. Римские первосвященники не теряли надежды подчинить своей власти Православную Церковь. Именно для этих целей и была задумана уния. Уния упрощала переход христиан из Православия в Католичество, так как православные обряды и богослужение оставались без изменений, а в вероучительные вопросы простые христиане зачастую не вникали. Интерес к унии византийцев был чисто политическим. Положение Восточной империи было крайне тяжелым, и чтобы защитить государство от вторжений западных правителей, требовалась поддержка папы.

Первой такой попыткой объединения двух Церквей была Лионская уния. Отвоевав в 1261 году Константинополь, император Михаил Палеолог восстановил Византийскую империю. Однако за время западного владычества былое величие Византии было утрачено. Латинские императоры постоянно находи-

лись на грани банкротства и продавали все, что только продавалось. Церкви опустошались, дворцы разрушались; даже свинец с крыш императорского дворца был ободран и распродан. Новому императору требовались огромные средства не только для восстановления утраченного, но и для обороны отвоеванной империи. Ждать помощи можно было только от папы ценой соединения Церквей под властью Рима.

В результате переговоров император Михаил согласился подчинить Константинопольскую Церковь папскому престолу вопреки сопротивлению духовенства и народа. В 1274 году папа созвал Собор в Лионе. Делегация, представлявшая Константинопольскую Церковь, была крайне непредставительной и возглавлялась низложенным патриархом Германом. Зато папу представлял целый сонм знаменитых богословов. Однако никаких богословских дебатов на Соборе не было. Константинопольская делегация привезла с собой письмо императора, соглашавшегося на все условия папства. Так, Константинопольская Церковь формально вступила в унию с Римским престолом.

Однако вскоре стало очевидным, что принять папские условия императору оказалось гораздо легче, чем навязать их Церкви и народу. Практически вся империя отвергла унию. Патриарх Иосиф отлучил императора от Церкви. Тем не менее император остался верным подписанной им унии и использовал всю мощь государственной машины, чтобы навязать ее народу. Императору удалось низложить патриарха. Многие епископы, священники и монахи, отказавшиеся принять унию, были сосланы, брошены в темницы и замучены. Император пытался навязать унию и путем уговоров, объясняя ее политическую необходимость. Но он оказался бессилён. Странники унии служили в пустых храмах. Сестра императора,

заявив, что «пусть лучше погибнет империя моего брата, чем православная вера», удалилась ко двору болгарского царя.

Пять папских посольств, побывавших в Константинополе, докладывали папе, что Православная Церковь фактически не приняла унию. В 1281 году новый папа Мартин IV разорвал союз с Михаилом и отлучил его от Церкви. Через год со смертью императора Михаила Палеолога Лионская уния закончилась.

Спасший Византийскую империю, до конца жизни хранивший верность унии, дважды отлученный от Церкви, император Михаил Палеолог был оставлен без церковного погребения. Взойдя на престол, его сын Андроник II созвал Собор в Константинополе, на котором Лионская уния была осуждена и отвергнута. За этим Собором еще дважды на соборах подтверждалось отречение от унии.

Первая попытка искусственного соединения Западной и Восточной Церквей так и не удалась.

М.В. Первушин

Святой благоверный князь Даниил Московский

Конец XIII века был сложным временем не только для Византии, где император согласился на церковную унию вопреки желанию народа и духовенства. Это время было непростым и для нашего Отечества. Русь лежала под тяжелым ордынским игом, с севера рыцари-крестоносцы грабили и разоряли ее города, а внутри страны «брат восставал на брата» — междоусобица раздирала русские княжества.

Однако в борьбе с внешними врагами русские князья не шли на компромиссы в вере. Одни, как Александр Невский, боролись за независимость Ро-

дины, сохранение ее святынь и умножение земель искусной политикой и воинским подвигом, другие созидали величие России мудростью, кротостью и смирением. Таким князем был младший сын Александра Невского — Даниил. Он первый положил начало собиранию русских земель в единое государство.

Даниилу едва исполнилось два года, когда неожиданно умер его отец. Старшие братья начали междоусобную брань за великокняжеский престол. Про младенца Даниила в начавшихся усобицах забыли, и он долго не получал своей доли наследства. Только через десять лет по смерти отца, в 1272 году, ему выделили в удел городок Москву. Это был самый маленький и самый бедный удел из всего наследия Александра Невского. Однако Даниил остался доволен и этим. Он не стремился искать себе иных приобретений, отнимать города у других князей, а вместо этого попытался превратить свою вотчину в цветущий удел. Ко времени Даниила относится первое каменное строительство в Москве и расширение границ города. Он украсил Москву многими зданиями и храмами. Основал первый московский монастырь, названный Даниловским, в котором была собрана единственная в то время в Москве библиотека.

Подобно своему отцу, князь Даниил отличался не только воинской удалей и храбростью, но кротостью и миролюбием. Именно благодаря этим качествам князя ему часто удавалось предотвратить кровопролития между братьями. Так, однажды, желая восстановить справедливость, он поддержал своего брата Андрея в его борьбе против другого брата — Дмитрия. Однако при первой же встрече у города Дмитрова три брата заключили мир, не вступая в военные действия.

В другой раз уже Андрей проявил несправедливость и хотел завладеть городом Переславлем-Залесским, вотчиной брата Дмитрия. Князь Даниил смело

встал на защиту справедливости, не считаясь с тем, что Андрей был его недавним союзником. Он собрал вместе с братьями ополчение и вышел на встречу Андреевых войск. Но и в этот раз стремление к миру победило, и кровопролития удалось избежать. Братья признали правоту Даниила и заключили мир. В 1301 году на съезде русских князей в Дмитрове опять разгорелась ссора между братьями, и вновь Даниил призвал к справедливости и убедил братьев разойтись полюбовно.

Даниил никогда не брался за оружие, чтобы захватить чужие земли, никогда не отнимал собственности у других князей. В 1300 году рязанский князь Константин решил подчинить себе Московское княжество и призвал себе на помощь ордынское войско. Не дожидаясь нападения, князь Даниил пошел с войском к Рязани, разбил неприятеля, взял в плен Константина и истребил множество ордынцев. Это была первая победа над войском Золотой Орды. Победа негромкая, но замечательная — как первый порыв к свободе Руси от монгольского ига. Разбив рязанского князя, Даниил не воспользовался победой, чтобы отобрать его земли или взять богатую добычу, как это было принято в те времена, а показал пример истинного нестяжания и братолюбия. Он держал у себя в Москве брата не как пленника, а как гостя, тем и примирил его с собой.

За это неустанное стремление к единению и миру уважали и любили князя Даниила. Его приглашали на княжение в Великий Новгород, племянник Даниила князь Иван Дмитриевич, умирая бездетным, завещал ему Переяславское княжество. Даниил остался верен Москве. Он не стал переносить столицу княжества в более сильный и многолюдный Переяславль. Этим было положено начало объединению Русской земли в единую державу. Так из бедной деревушки на бере-

гах реки Москвы выросла первопрестольная столица. Скудный московский удел еще при жизни Даниила сделался великим княжеством Московским, а сам он без кровопролития и междоусобных браней стал первым московским великим князем.

Князь Даниил в самом расцвете своих лет оставил княжество сыну и удалился в основанный им монастырь, приняв иноческий постриг. В 1303 году он скончался, завещав похоронить себя не по-княжески, а как простого инока на монастырском кладбище.

Русские митрополиты поддержали начинание Даниила. Уже при его сыне Иване в Москву переехал жить и русский первосвятитель — митрополит Петр, поддержав тем самым стремление московских князей в деле собирания русских земель вокруг Москвы.

М.В. Первушин

XIV ВЕК

Святитель Алексей, митрополит Московский

XIV век — век возвышения Москвы, которая до этого была маленьким и незначительным городком. Первый московский князь Даниил начал собирание русских земель в единое государство вокруг Москвы. Его потомки приложили немало усилий для продолжения этого дела. Более же всех потрудился на поприще создания Московского государства митрополит Алексей, первосвятитель Русской Церкви, управлявший ею с 1354 по 1378 год.

Митрополит Алексей был сыном черниговского боярина, перешедшего на службу к Даниилу Московскому после разорения области ордынцами. Доказав свою преданность князю, отец святителя Алексея и здесь занял видный пост при княжеском дворе. Сам будущий святитель получил блестящее образование. Казалось бы, что судьба молодого боярина уже решена. Однако на 20-м году жизни Алексей оставляет мир и постригается в монахи. Став монахом по призванию, он прошел строгую аскетическую школу в Московском Богоявленском монастыре. В течение двадцати лет он несет различные послушания: от уборки конюшен до работ на поварне. В 1340 году престарелому митрополиту Феогносту потребовался помощник для ведения церковного суда. Митрополит, зная добродетельную жизнь монаха Алексея и

его образование, повелел будущему святителю заведовать судебными делами Церкви. Двенадцать лет Алексей жил в святительском доме в звании митрополитского наместника. Незадолго до кончины митрополита Феогноста Алексей был возведен в сан епископа Владимирского, а после его смерти сделался предстоятелем Русской Церкви.

Митрополит Алексей стал во главе Русской Церкви в то время, когда власть великого князя, утвердившаяся сначала в Москве, перешла в другие руки. Страшная моровая язва, свирепствовавшая в русских землях, унесла жизни многих представителей московской великокняжеской семьи. Наследником Московского княжества остался лишь восьмилетний князь Димитрий Иванович (будущий Донской), а великокняжеский титул перешел к суздальскому князю. Москва, казалось, утратила свое прежнее значение. Однако святитель Алексей, несмотря на просьбы нового великого князя переехать в новую столицу, сохранил положение церковного центра за Москвой.

По завещанию последнего московского великого князя митрополит Алексей назначался регентом над его малолетним наследником и главой боярской думы, которая правила княжеством. Это единственный в истории нашего Отечества случай, когда предстоятель Церкви стал одновременно и главой государства. Митрополит Алексей был охранителем интересов московского князя и прилагал усилия, чтобы сохранить отрока и удержать за ним страну и власть. Уже через два года после потери великокняжеской власти она вновь перешла к московскому князю благодаря стараниям митрополита.

Особенно деятельное участие принимал митрополит Алексей в деле собирания национальных сил вокруг Москвы, понимая, что освобождение от

ненавистного ига зависит от объединения Руси. Он старался не только подчинить великому князю строптивых князей, но и примирить их между собой. При посредстве митрополита заключались все княжеские договоры. Он употреблял свою духовную власть и для того, чтобы заставить князей соблюдать договоры, предавая церковному отлучению тех, кто их нарушал. Усилия первосвятителя не пропали даром. К концу XIV века большинство русских княжеств сплотились вокруг Москвы. Их объединение легло в основу великой победы русского народа на Куликовом поле в 1380 году. Эта победа подвела итоги государственной деятельности митрополита Алексия. Его справедливо называют отцом Куликовского сражения, потому что именно он воспитал Дмитрия Донского для подвига, заложившего основы будущего величия России.

Митрополит Алексей старался защитить еще неокрепшее Московское государство и от внешних врагов. Трижды святитель ездил в Орду для ходатайства за русские земли. Ему удалось отвратить опасность монгольского набега при хане Бердибеке. Святитель не только усмирил пыл этого хана, но и привез от него подтверждение прав и свобод Русской Церкви. При нашествии с запада литовских войск митрополит Алексей поднял дух Москвы и своей твердостью сокрушил честолюбивые замыслы литовского князя, подвергнув церковному отлучению его союзников.

Политическая деятельность митрополита Алексия не заглушила в святителе церковного иерарха и смиренного инока. Об этом красноречиво свидетельствуют его послания пастве, сохранившиеся до наших дней. Пользуясь веротерпимостью Орды, Православная Церковь в лице святителя Алексия достойно исполняла свою роль духовного воспитателя народа и носительницы национального патриотизма. Перед

своей кончиной 12 февраля 1378 года святитель Алексей имел утешение видеть великокняжеский престол упроченным за Москвой и Россию на пути к освобождению от ордынского ига.

М.В. Первушин

Преподобный Сергей Радонежский

Великие князья и правители Московского княжества были созидателями военного, экономического и политического могущества Москвы, на котором строилось объединение русских земель и создание единого государства. Преподобному Сергию Радонежскому выпала роль собирателя духовной мощи Святой Руси. Те духовные ориентиры, проповедником которых был Сергей и его ученики, имели не меньшее значение в возрождении России, чем активная деятельность московских князей на поле брани и за столом переговоров.

Преподобный Сергей родился в Ростове в 1314 году и в крещении был назван Варфоломеем. Его отец, ростовский боярин, вынужден был переселиться в пределы Московского княжества из-за разорения Ростова междоусобицами. Варфоломей с отрочества желал монашеской жизни, и родители не противились выбору сына, прося его лишь об одном — исполнить свое призвание после их смерти.

Похоронив родителей, Варфоломей поселяется в «месте пустынном» — в лесном урочище Маковец. Ему едва исполнилось 20 лет. С юношей удалился от мира и его брат Стефан, который к этому времени овдовел и принял постриг. Братья поставили посреди леса келию и деревянную церковь, которую освятили во имя Святой Троицы. Стефан хотя и был старше годами, но не смог терпеть тягот пустынножительства.

«Житие жестоко, отовсюду теснота, отовсюду недостатки», — говорил Стефан, покидая брата.

Годы провел преподобный Сергей в одиночестве, ища утешения лишь в молитве. Много духовных искушений и страхов претерпел он, находясь среди диких зверей и суровой природы, выйдя победителем из этой борьбы. Так, к Сергию ежедневно стал наведываться медведь, с которым отшельник делил свою скудную пищу. «Когда же не было еды, то голодали и он, и зверь», — пишет бытописатель преподобного.

Прослышав о святой жизни отшельника, к нему начали приходиться искавшие духовного подвига. Не без сожаления встречал преподобный первых своих учеников. Однако никого из приходивших он не прогнал от себя. Со временем братия увеличивалась, и преподобный, уступая мольбам своих учеников, со смирением согласился принять священство и игуменство. Так, шаг за шагом, преподобный Сергей возвращается из излюбленной им пустыни в человеческий мир, отдавая свое духовное богатство делу духовного возрождения русского народа.

Подвиг Сергия напоминает подвиг первого русского игумена — преподобного Феодосия. Смиренная кротость — вот основа монашеского делания Сергия. Мы никогда не видим его наказывающим своих духовных чад. Когда его родной брат Стефан, вернувшись, вступил с ним в спор за старшинство в новой обители, преподобный Сергей тайно оставляет монастырь и удаляется, чтобы найти себе новое место подвигов. И только благословение митрополита Алексия заставило его вернуться в свой монастырь. Лишь однажды преподобный изменил своему смиренному правилу. Когда святитель Алексей перед кончиной хотел избрать Сергия своим преемником на Русской митрополии, он оказался непреклонным.

Слава о монастыре и его игумене широко распространилась на Руси. К Сергию приходили за духовным советом и благословением множество русских людей, от князей и бояр до крестьян. Преподобный не отказывал никому, принимая всех для беседы. Сергий брал на себя выполнение и политических поручений по воле митрополита Алексия, совмещавшего управление Церковью и государством. Однажды преподобный поехал в Нижний Новгород к рассорившимся братьям-князьям, чтобы заставить младшего брата покориться. В другой раз преподобный Сергий ездил к суровому и непримиримому князю Олегу Рязанскому и «кроткими словами» уговорил его на мир и союз с великим князем Дмитрием.

Результатом укрепления нравственных сил народа явилась победа на Куликовом поле. Преподобный Сергий благословил на эту битву князя Дмитрия Донского, сказав: «Иди смело, без колебания, и победишь!» По просьбе князя он дал ему двух иноков, Пересвета и Ослябю, из бывших бояр. Эти иноки-воины вдохновили дружины Дмитрия и стали героями Куликовской битвы. Историк Ключевский называет преподобного Сергия «благодатным воспитателем русского народного духа. Ведь он своей жизнью дал увидеть русскому народу, что в нем еще не все доброе погасло и замерло. Он открыл им глаза и помог заглянуть в свой собственный внутренний мир».

Скончался преподобный Сергий 8 октября 1392 года. Он не оставил после себя писаний. Потому что его учение во всем его облике, во всей его жизни. Одним он утешение, другим — немой укор. Безмолвно Сергий учит самому простому: правде, прямоте, мужественности, труду, благоговению и вере. Основанная им обитель была и до сих пор остается одним из важнейших духовных центров Руси.

М.В. Первушин

Святитель Стефан Пермский

Вместе со святителем Алексием и преподобным Сергием в XIV веке просиял еще один святой Русской Церкви — Стефан, епископ Пермский. Однако его труды отличались как от первосвятительского служения митрополита, так и от духовных подвигов Радонежского пустынника. Святитель Стефан был миссионером. Он отдал свою жизнь для просвещения светом Христовой веры языческого народа.

В XIV веке еще многие языческие племена, жившие на северо-востоке нашей страны, были лишь формально зависимы от Новгородского княжества. Молодое Московское государство только начинало формироваться, постепенно приводя к присяге малые народности, населявшие эти территории. Одним из приграничных городов великого княжества был Устюг, родина святителя Стефана, вокруг которого начинались поселения западных пермяков — зырян. Язычники по вере, они промышляли охотой на пушного зверя, продавать которого приходили в Устюг. Здесь будущий святитель и познакомился с этим народом, его языком и обычаями.

Святитель Стефан еще с юности отличался любознательностью и необыкновенными научными дарованиями. Не достигнув еще двадцатилетнего возраста, он уходит в Ростовский монастырь святителя Григория Богослова. Со слов его биографа Епифания, хорошо знавшего Стефана, выбор монастыря не случаен. Помимо того что эта обитель отличалась строгостью иноческого устава и была прозываема в народе «затвором», в ней находилась богатейшая библиотека греческих книг и рукописей. Под руководством опытных наставников Стефан овладел греческим языком. Знание это открывало ему путь к великой византийской культуре и греческой мудрости. Одна-

ко он избирает для себя иной путь. Отказывается от высокого идеала познания ради любви к тем диким язычникам, встреча с которыми в родном Устюге некогда пронзила жалостью его сердце. Для них он совершает свое исхождение из ученого затвора, не оставляя в то же время ученых трудов.

Стефан не пожелал соединить дело крещения язычников с их обрусением. Он сделал для зырян то, что Кирилл и Мефодий сделали для славян. Он создал зырянскую письменность. Сохранившиеся образцы древнего пермского письма показывают, что он воспользовался для этого не русским и не греческим алфавитом, как славянские первоучители, а местными рунами — знаками для зарубок на дереве. На эту новую азбуку, не имеющую аналогов в других языках, он перевел богослужение и Священное Писание.

Заручившись поддержкой священноначалия и получив охранную грамоту от великого князя, Стефан смело встал на путь трудов, лишений и скорбей. «Благослови меня, Владыка, — говорил Стефан первосвятителю Русской Церкви, — идти в страну языческую, великую Пермь. Хочу учить вере людей неверных, привести их ко Христу или же пострадать за Христа моего». Прибыв в главное поселение зырян Усть-Вымь, Стефан начинает проповедь Евангелия. Сначала большинство зырян было настроено против проповедника новой веры. Когда их озлобление достигло предела, они собрались вокруг его хижины с кольями и топорами. Но никто не решился напасть на Стефана. Смелость ли миссионера, бесстрашно вышедшего к толпе с проповедью, или природная кротость этого народа, имеющего обычай «не творить начало бою», сохранило жизнь Стефану.

Переломным моментом в обращении зырян к христианской вере стала победа Стефана в споре с языческим жрецом Памом. После долгих споров

жрец в оправдание своей веры вызвался пройти невредимо сквозь огонь и броситься в прорубь, но того же потребовал от Стефана. «Я не повелеваю стихиями, — отвечал Стефан, — но Бог христианский велик, и я иду с тобой». Собравшийся народ зажег крайнюю хижину. Когда пламя охватило ее, Стефан взял за руку Пама, чтобы вместе идти на суд Божий. Старый колдун не выдержал и отказался. Народ уже был готов убить обманщика, еще вчера имевшего неограниченное влияние по всей пермской земле, но Стефан упросил их отпустить Паму, говоря: «Христос послал меня учить, а не убивать людей, пусть Бог накажет его, а не я». Шаман был выгнан из пермской земли, а проповедь христианства пошла намного успешнее.

Стефан построил в Усть-Выме прекрасный храм, куда приходили и некрещенные зыряне подивиться красоте церковного убранства. Это была настоящая проповедь красотой. Стефан по всему Пермскому краю строил церкви, для которых сам писал иконы. При храмах открывал училища, где зыряне учились пермской азбуке. Все богослужение велось на пермском языке. Вплоть до конца XVIII века в этих землях сохранялось зырянское пение. Так вместе с Христовой верой в глуши первобытных лесов зажегся очаг христианской культуры.

Миссионерская деятельность Стефана сочеталась со служением пермскому народу. Во время неурожая он закупал хлеб в Вологде и Устюге и раздавал своей голодающей пастве. Он ходатайствовал пред великим князем о льготах для края. Он просил Новгородское вече обуздать наглость своих приказчиков, которые с военными дружинами производили разбойничьи набеги и грабежи, опустошая мирные зырянские селения. Теснее же всего он, конечно, был связан с Москвой. В Москве он и скончался во время одной из

своих поездок 26 апреля 1396 года, проведя около двадцати лет в апостольских трудах.

Своим миссионерским подвигом святитель Стефан сумел показать наднациональный характер христианства, в силу которого каждый народ может и должен по-своему переживать истины Христовой веры. Он сумел основать Церковь, поставив во главу угла не свое национальное сознание, а национальную идею другого, пусть малого, народа. Великое дело было совершено им благодаря силе веры и христианской любви.

М.В. Первушин

Евфросиния Московская

Великая княгиня Московская Евдокия, в иночестве Евфросиния, — удивительная святая, имя которой старательно замалчивали в советское время. Первая княгиня-правительница Московской Руси, многодетная мать, воспитавшая восьмерых сыновей и четырех дочерей, монахиня, создательница храмов и монастырей — все это о преподобной Евфросинии. Она жила в нелегкое время становления Российского государства в борьбе с ордынским игом. Она терпела множество горестей и невзгод, обладая великокняжеской властью. И при этом служила образцом для окружающих и в великокняжеских чертогах, и в тиши монастырских стен. Она сумела соединить подвиг гражданского служения своему народу и родной земле с монашеским подвигом. Она не только выстояла в этом тяжелом служении, но и смогла стать святой.

Евдокия была дочерью нижегородско-суздальского князя. Точная дата ее рождения неизвестна, как ничего неизвестно и о ее детских годах. 18 января 1366 года Евдокия вышла замуж за московского князя

Дмитрия Ивановича, впоследствии прозванного Донским. Этот брак начинался как династический, имевший прямую политическую цель: обеспечить мирные отношения между княжествами Московским и Суздальским, которые боролись за право первенства. В то время обоим молодоженам было около 15 лет от роду. Смиренно согласившись на этот брак лишь благодаря желанию своих близких, Дмитрий и Евдокия встретились только у венца. А встретившись, полюбили друг друга с первого взгляда и на всю жизнь. Колокольным звоном и всеобщим ликованием встретила Москва юную княжескую чету. Народ смотрел на Дмитрия и Евдокию, надеясь, что их брак подарит долгожданный мир многострадальному Отечеству, и летописец, описывая это событие, отметил: «Преисполнились тогда радостью сердца людей русских». И действительно, удивителен оказался этот брак. Описывая жизнь великокняжеской четы, летописец отмечал: «Еще мудрый сказал, что душа любящего в теле любимого. И я не стыжусь говорить, что они носят в двух телах единую душу и одна у них добродетельная жизнь...»

Трудное время пришлось пережить Евдокии в конце августа 1380 года. Тогда у стен Московского Кремля она провожала на Куликово поле любимого мужа. Вот как описывает древнерусский книжник трогательную картину проводов: «Княгиня же великая Евдокия... и многие жены стояще и провожающе, в слезах не могуще ни слова изрещи, отдавающе последнее целование... Великий князь Димитрий, видя то, сам едва удержался от слез, не прослезившись лишь народа ради... утешив супругу свою словами: “Жено, аще Бог с нами, то кто на нас!”» Уже после, в память победы на Куликовом поле, Евдокия построила внутри Московского Кремля храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы — дня битвы Дмитрия с Мамаем.

Однако московской княгине предстояли еще более тяжелые испытания. 19 мая 1389 года на тридцать девятом году жизни умер Дмитрий Донской. За четыре дня до этого Евдокия родила ему младшего сына Константина. Современник записал проникновенный «Плач великой княгини по умершем муже», который стал одним из красивейших поэтических творений Древней Руси: «Зачем умре, жизнь моя дорогая, меня едину вдовою оставив! Солнце мое, рано заходиши, месяц мой светлый, скоро погибаеши, звездо восточная, почто к западу грядеши? Как теперь буду миловать тебя, жизнь моя, как повеселюся с тобою, радость моя! Свете мой светлый, зачем помрачился? Гора великая, зачем гибнеши?»

Дмитрий Донской передал престол своему сыну Василию, завещав, чтобы соправительницей ему была мать. Другим же детям в своем завещании несколько раз повторил фразу: «А вы, дети мои, матери слушайте». Евдокия стала первой женщиной, которая правила Московской Русью, и этот период продолжался около 20 лет. И хотя великая княгиня воздерживалась от непосредственного участия в государственных делах, с ее именем связано одно из значительных событий в истории России. Именно благодаря влиянию матери Василий проявил твердость духа, собрал «малое войско» и вышел навстречу полчищам Тамерлана, подошедшим к границам Руси. Видя такую смелость русских, орда повернула вспять. Евдокия являлась и строгой блюстительницей престолонаследия среди сыновей, сдерживая княжеские междоусобия. Она проявила себя и как умелая хозяйка многочисленных княжеских вотчин. Об этом свидетельствует, в частности, ее активная строительная деятельность, на которую требовались солидные средства.

После кончины супруга Евдокия повела строго монашескую подвижническую жизнь, одела власяницу,

носила под роскошной одеждой тяжелые вериги. Устраивая в великокняжеском тереме званые обеды, сама она не прикасалась к яствам. Даже перед близкими она не хотела раскрывать свои подвиги. Однако однажды ей пришлось, опровергая злые наветы и слухи, открыться перед детьми. Под великокняжескими одеждами они увидели иссохшую и почерневшую от поста и подвигов плоть, власяницу и вериги. Сыновья желали отомстить за клевету, но мать запретила им и думать о мести. «Я с радостью претерпела бы унижение и людское злословие ради Христа, — сказала она, — но видя, дети мои, смущение ваше, решила открыться вам свою тайну».

Когда сыновья великой княгини повзрослели, она удалилась в монастырь, приняв монашество с именем Евфросинии. Помяная своего покойного супруга, она постоянно делала вклады в монастыри, одаривала бедных деньгами и одеждой. Она не могла остаться безучастной и к народным бедствиям, выделяя из казны немало средств на восстановление построек и хозяйства подданных. Для каждого пострадавшего Евдокия находила время и силы, чтобы ободрить, утешить, помочь. И народ, чувствуя заботу великой княгини, тянулся к ней, черпая у государыни веру и надежду. 7 июля 1407 года инокиня Евфросиния скончалась, но народная любовь к ней не иссякла. Свидетельством тому стихотворение русской поэтессы Анны Ахматовой:

Плотно сомкнуты губы сухие,
Жарко пламя трех тысяч свечей.
Так лежала княжна Евдокия
На душистой сапфирной парче.
И, согнувшись, бесслезно молилась
Ей о слепеньком мальчике мать,
И кликушка без голоса билась,

Воздух сияясь губами поймать.
А пришедший из южного края
Черноглазый, горбатый старик,
Словно к двери небесного Рая,
К потемневшей ступеньке преник.

Память о великой княгине проходит через столетия. За ее любовь и милосердие еще при жизни преподобную Евфросинию называли матерью, а после смерти — покровительницей России.

М.В. Первушин

Богословские споры XIV века. Святитель Григорий Палама

Во второй половине XIII века, после освобождения Константинополя от латинских захватчиков, Византия переживает возрождение интереса к греческой культуре, философии, искусству, богословию. Тогда же происходит расцвет и греческого монашества. Этот общественный институт распространяет свое влияние как на жизнь в самой империи, так и далеко за ее пределами.

Монашеское движение того времени связано с понятием «исихазма». Слово это происходит от греческого слова «исихия», означающего «тишина», «молчание». Первоначально исихастами (т.е. молчальниками) назывались монахи, ведущие одинокий созерцательный образ жизни, в отличие от монашества общежительного. Вся жизнь исихастов была посвящена исключительно молитве. Эта молитва называется «умной», так как чтобы преуспеть в ней, необходимо было целиком сосредоточить внимание на произносимых словах, отрешившись от всего окружающего. В связи с возросшим влиянием монашества традиция «умной» молитвы была знакома не только отшельникам,

но считалась основным «деланием» даже среди мирян. Однако никакой теоретической базы исихазма не существовало.

Первым, кто сумел богословски обосновать это движение, был святитель Григорий Палама. Он происходил из знатной семьи византийского сенатора. Его отец был очень набожным человеком. Сохранились сведения, что он практиковал «умную» молитву и иногда даже во время заседаний сената погружался в нее. Рассказывают, что в одном таком случае император Андроник II сказал: «Не беспокойте его, пусть молится». Григорий Палама получил образование в Константинополе и завоевал репутацию блестящего знатока Аристотеля. После смерти отца, когда Григорию было около 20 лет, все оставшиеся члены семьи удалились жить в монастыри. Около 1315 года он и его брат стали монахами на Афоне, который к тому времени уже был крупным монашеским центром.

Возможно, Григорий никогда бы не стал христианским писателем, если бы ему не довелось войти в полемику с Варлаамом Калабрийцем. Варлаам был итальянским греком, воспитанником Запада. По приезде в Константинополь Варлаам сделал молниеносную карьеру, став профессором богословия и советником императора. В это время вновь возобновились попытки объединить восточное и западное христианство, а Варлаам как нельзя лучше подходил для диалога с латинянами. Он был хорошо знаком с культурными особенностями двух частей когда-то единой Римской империи.

В связи с предстоящим диалогом Варлаам опубликовал несколько трактатов. Они-то и возмутили афонских монахов. Григорий Палама составил в противовес им «Святогорский томос», под которым подписались все афонские игумены на нескольких языках. Сущность полемики между Варлаамом и Паламой

сводилась к теме богопознания. Варлаам утверждал, что человеку недоступно реальное общение с Богом: «Мы не можем участвовать в Божественной жизни. Христос принес в наш мир лишь прощение грехов, своего рода амнистию, и только!» Григорий же, ссылаясь на афонских исихастов, напротив, утверждал, что «во Христе нам открылась возможность Божественной жизни. Бог не есть идея. Он — личный Бог. Общаясь с Ним посредством молитвы, человек способен достигнуть обожения. И когда мы почитаем святых, мы на самом деле чтим Божественное присутствие в том или ином праведнике... Поэтому и в своем ближнем мы можем увидеть Христа».

В конце концов, спор был представлен на рассмотрение Собора, который состоялся в Константинополе в 1341 году и осудил Варлаама. Он немедленно покаялся и принес свои сожаления, которые вряд ли были искренними. В тот же вечер Варлаам отплыл в Италию, где вскоре был рукоположен в епископы. Собор 1341 года подтвердил учение Григория Паламы о возможности непосредственного познания Бога. Полное же торжество паламитского богословия последовало только в 1351 году на Константинопольском Соборе, после окончания гражданской войны. Сам же Григорий был поставлен митрополитом Фессалонийским.

Сущность учения Варлаама схожа с пониманием христианства современной западной культурой. Отвергая возможность приобщения к Божественной жизни, доступного всем людям во Христе, христианский Запад видит необходимость внешнего авторитета для христианской веры. Так, одни западные христиане видят его в формальном авторитете буквы Писания, другие — в установлении незыблемого папского авторитета. Оба этих взгляда чужды восточному христианству. Православие учит о возможности

каждого члена Церкви приобщиться к ее живому опыту.

Исихазм как учение сформировался в то время, когда в Европе началась эпоха Возрождения. К этому периоду относится начало секуляризации западной культуры. В то время как на Востоке снова расцвела религиозная мысль, основанная на духовном опыте, западная мысль, отстранившись от Бога, занялась решением исключительно земных проблем. Учение Григория Паламы не умаляет значения земного мира. Оно дает ключ к пониманию наших взаимоотношений с Богом. Дает осознание того, что познание Бога осуществляется не столько через изучение богословских книг, сколько путем живого религиозного опыта.

М.В. Первушин

Предшественники Реформации. Джон Виклиф

К эпохе Возрождения Западная Церковь превратилась в мощную светскую монархию. Рим жестко и настойчиво распространял свою власть не только в церковной, но и в политической сфере. Это глубоко искажало духовную сущность Церкви и удаляло ее от евангельских начал. С XIV века появляются ростки недовольства этим ненормальным положением. И первым, кто открыто выступил с идеями реформировать западное христианство, был английский богослов Джон Виклиф.

Он родился около 1320 года в небольшом селении на юге Англии. Образование Джон получил в обычной сельской школе. Но благодаря своему стремлению к учебе ему не составило труда поступить в самый престижный в то время Оксфордский университет. «В университете, — как вспоминает сам

Виклиф, — я с жадностью изучал все, что там преподавали, слушая лекции по физике, математике, юриспруденции, филологии и философии». Однако больше всего он увлекался богословием. Еще будучи студентом, Джон получил прозвище «доктор Евангелия» за свою любовь к Священному Писанию. В 27 лет он стал профессором университета, а затем и ректором одного из колледжей Оксфорда. Тогда же Виклиф принял священный сан.

В это время в Англии началась эпидемия «черной чумы» — страшной болезни, унесшей множество жизней. Люди умирали, прося и не получая никакой помощи, ища и не находя утешения. Из-за боязни заразы двери многих храмов, монастырей и аббатств были закрыты. Равнодушие духовенства поражало так же, как и тысячи трупов, лежавших вдоль дорог по всему королевству. Одновременно с этим бедствием папа Римский потребовал от английского короля выплаты ежегодной подати, которую Англия не платила уже в течение тридцати лет. Такую подать папа собирал со всех европейских государств как свидетельство их подчинения Римскому престолу. Предстоятель Западной Церкви указывал английскому монарху, что именно из-за оставления выплат Риму Бог попустил эту страшную болезнь его подданным. Английский парламент был в нерешительности. У правительства и так не хватало средств для борьбы с эпидемией. Однако то, что могло грозить за отказ Риму, было страшнее любой эпидемии.

Именно этот момент стал переломным в отношении Виклифа к Римскому престолу. Он смело выступил против уплаты подати в папскую казну. Виклиф утверждал, что в случае нужды государство имеет право лишить Церковь ее владений, а посягательство папы на светскую власть противоречит основам христианства. Такая поддержка ученого священника

воодушевила короля и парламент. Они отвергли требования папы. А Виклиф благодаря этому стал самым популярным богословом Оксфордского университета. Его слова студенты воспринимали как богодухновенные писания, а его самого они называли «пятым евангелистом». «На его воскресные проповеди соби­рались тысячи горожан, — вспоминает один из современников Виклифа, — а когда он приезжал проповедовать в Лондон, весь город приходил в движение».

Первоначально критика Виклифа касалась только политической деятельности римского епископа на территории Англии. Он не собирался противоборствовать Риму в вопросах вероучения. Однако, получив поддержку светской власти, он уже не смог остановиться. Назвав папу предтечей антихриста, он отверг все церковные Таинства. Перестал признавать почитание святых и поклонение иконам. Требовал запретить монашество и забрать все монастырские земли в пользу английской короны. Царившая в Риме смута и наличие нескольких претендентов на папский престол не позволили сразу пресечь деятельность английского священника. Лишь только тогда, когда Виклиф начал посылать по всей Англии своих учеников — так называемых «бедных священников», — Рим возвысил голос.

Папа разослал указы в университет, королю и духовенству с требованием принять решительные меры против нового учения и его проповедника. В них он назвал Виклифа «лоллардом», то есть лжецом, дословно — «сеятелем плевел». Но было уже поздно. Это прозвище стало почетным именем сторонников Виклифа, а Оксфордский университет — их центром. «Каждый второй человек в Англии — лоллард», — писал один из современников тех событий.

Дважды против Виклифа собирался папский трибунал. Однако благодаря заступничеству короля,

парламента и простого народа он не смог вынести осуждающий приговор и арестовать проповедника. Епископам оставалось лишь осудить само учение оксфордского богослова. В третий раз он предстал перед высшим духовным судом королевства. После продолжительных дебатов Виклиф спросил заседавших: «Как вы думаете, с кем вы боретесь? Со стариком, стоящим на краю могилы? Нет! Вы боретесь с истиной, но истина сильнее вас, и она победит». С этими словами толпы людей ворвались в зал заседаний, чтобы освободить своего учителя, и никто не осмелился их остановить.

После этого английский реформатор был вызван в Рим, но удар паралича помешал Виклифу предстать перед папой. Суд провели у постели больного, но и здесь духовная власть ограничилась только допросом об убеждениях. Виклифа не отлучили от Церкви и даже не лишили права священствовать, боясь народного возмущения. Однако в конце жизни Виклиф дошел до отрицания всей многовековой христианской традиции, признавая авторитет лишь одного Евангелия. Это учение осудили в Оксфорде, и многие последователи Виклифа отошли от него. Он удалился в свой приход, где скончался в полном забвении в 1384 году. Уже посмертно Джон Виклиф был осужден Римской Церковью как еретик. Его останки были вырыты из могилы и сожжены. Однако учение Виклифа получило распространение за пределами Англии на европейском континенте. Именно оно дало ту малую трещину, которая через полтора столетия привела Западную Церковь к расколу и возникновению нового христианского вероучения — протестантизма.

М.В. Первушин

XV ВЕК

Николай Кузанский

XV век дал миру немало великих ученых, первооткрывателей и религиозных деятелей. Одним из них стал епископ Николай Кузанский. Этот немецкий философ и богослов был чем-то сродни великому русскому мыслителю Михаилу Ломоносову. Ведь им обоим с юных лет пришлось отчаянно бороться за свое право учиться грамоте и заниматься науками.

Николай родился в простой семье из южной Германии, в селе под названием Куза. Потому-то впоследствии его и прозвали Кузанским. «Я появился на свет в 1401 году. Отец мой занимался рыбной ловлей и, кроме того, возделывал виноградник. Родители даже не помышляли отдать меня в школу — сызмальства я трудился наравне со взрослыми».

Так вспоминал свое тяжелое детство прославленный деятель христианской Церкви. Но Николай с раннего возраста тянулся к знаниям. И, будучи подростком, он попросту сбежал из отчего дома. Способный мальчик сумел найти приют в Голландии. Там он и учился в школе. А потом поступил в знаменитый Гейдельбергский университет в Германии, где, как особо талантливый студент, учился за казенный счет. Но даже окончив университет с отличием, Николай Кузанский стремился умножить свои знания. «Я поехал в Италию, в богословский институт города Падуи. Я хотел как можно глубже постичь Бога и Его

творение — человека и природу». Позже Николай Кузанский напишет в одном из своих философских трудов: «Все люди, в отличие от животных, по природе своей стремятся к знанию и ищут ему применение».

Уже в 22 года этот исключительно одаренный юноша стал доктором канонического права. А в 25 лет, получив сан священника, был назначен секретарем легата, то есть полномочного представителя Римского папы, в Германии. Еще через два десятка лет Николай Кузанский в сане кардинала сам стал папским легатом.

Это была стремительная для тех времен карьера. Но имя Николая Кузанского осталось в веках вовсе не из-за его высокой должности. Этот человек всю жизнь исследовал законы мироздания. И достиг высот познания, совершив немало великих открытий. Николая Кузанского называют одним из крупнейших философов эпохи Возрождения. Многие афоризмы этого мыслителя остались в обиходе до сих пор. Например, известное изречение: «Мы живем в придуманном мире» — не что иное, как цитата из его трудов.

В 39 лет мыслитель написал свою основную книгу «Об ученом незнании». Там Николай Кузанский впервые выдвинул философский тезис о единстве противоположностей. «Посмотрите на обычный волчок. Если сильно раскрутить его, то кажется, что игрушка неподвижна. Таким образом, чем выше скорость движения, тем отчетливей кажется нам состояние покоя. И наша Земля в действительности движется, хотя мы этого не замечаем. Двигается Солнце, перемещаются звезды».

Философ вывел принцип перехода от простого к сложному. От наблюдений за детским волчком Кузанский переводит читателя к размышлению о Боге и мироздании. «Бог-Творец составляет основу всего сущего. Ошибочно думать, что Господь пребывает на небе. Бог — нигде, и в то же время — везде. Бог един и бесконечен

одновременно. Так же и мироздание. Мир Божий на имеет ни центра, ни границ. У вечно движущейся Вселенной нет ни верха, ни низа. Она однородна, и в разных частях ее господствуют одинаковые законы».

Такое мнение Николай Кузанский высказал за сто лет до Коперника. Это было очень опасное утверждение. Ведь в XV веке считалось, что Земля и есть центр Вселенной, что она неподвижна. Но Кузанский пошел еще дальше. Будучи видным представителем Церкви, он сделал рискованное предположение, что на других планетах тоже есть жизнь. Через 150 лет за высказывание подобных мыслей будет сожжен на костре Джордано Бруно.

Для Николая Кузанского провозглашение столь смелых идей прошло безнаказанным. И дело тут не только в его высоком сане. Этот кипучий, жизнерадостный человек вызывал симпатии всех, с кем ему доводилось общаться. Он буквально заражал своими теориями ученых мужей Европы — будь то светские или церковные деятели.

Николай Кузанский очень любил путешествовать. Он постоянно мирил враждующих государей, но главным образом его усилия были направлены на то, чтобы прекратить церковные раздоры. Так, папскому легату едва-едва не удалось примирить гуситов с Католической Церковью, и только болезнь Николая Кузанского помешала довести эту миссию до конца.

Проводя массу времени в разъездах по всей Европе — от Скандинавии до Константинополя, Николай Кузанский не скучал в дороге. «Поначалу я досадовал: сколько недель и месяцев проходит впустую, пока я трясусь в карете! И тут меня осенило: а что, если, разъезжая по делам, взять да и составить географическую карту Европы?» Эту идею Николай Кузанский воплотил в жизнь: он вообще не любил бесплод-

ных мечтаний. Составленная им целостная карта Европы была самой первой в истории.

«Изучая пространство земли, я поневоле обратил внимание на течение времени. И мне стали очевидны некоторые погрешности нашего календаря». Так вспоминал Николай Кузанский о своих попытках реформировать юлианский календарь, который в нынешней России именуется «старым». И переход на новый стиль, согласно научным выкладкам Николая Кузанского, все-таки совершился — правда, спустя полтора века.

В 1453 году Николай Кузанский завершил свою книгу «О согласии веры». В ней мыслитель проводил идею единства веры для всех разумных существ. Но достигаться это единство должно не насилием, а терпимостью. Еще через десять лет он написал труд, в котором говорил о существенном сходстве христианской и мусульманской религий.

Николай Кузанский призывал к диалогу и согласию между Западной и Восточной Церковью, к примирению с исламскими государствами. Став генеральным викарием, он принялся энергично готовить церковную реформу, смысл которой — объединить всех христиан Земли. Современникам казалось, что этому человеку вполне по плечу столь эпохальная задача. Тем более что папой Римским стал друг юности Николая Кузанского.

Но смерть помешала осуществлению этих планов.

«Обо мне говорят, что я отрицаю такое понятие, как судьба. Это неправда. Рок, безусловно, существует. Но человек всегда имеет свободу выбора. И в большой степени человек сам определяет свою жизнь».

Эти слова великий мыслитель сказал будто бы о самом себе. Николай Кузанский умер в Италии в 1464 году, едва дожив до шестидесяти трех лет.

А.А. Аннин

Предшественники Реформации в Европе. Ян Гус

К XV веку стало очевидным, что Церковь в Западной Европе нуждается в переменах. Распущенность нравов духовенства, недееспособность и продажность церковной бюрократии мешали нормальной церковной жизни. Желание исправить эти недостатки имели уже не только отдельные клирики и миряне, но большинство церковной иерархии. Для этой цели в 1414 году в Констанце открылся Собор, призванный восстановить погрязшие церковные каноны. В работе Собора приняли участие более 60 тысяч человек. Однако что-либо изменить в Западной Церкви так и не удалось. Собор лишь еще более усилил власть папы и предал казни всех, кто выступал против искажений церковной жизни. Одной из жертв Собора в Констанце стал чешский священник Ян Гус.

Он родился недалеко от Праги, в небольшом селении Гусинец. Еще в школе одноклассники Яна прозвали его Гусом, что по-русски означает гусь, совершенно не подозревая, что именно это имя и войдет в историю. Окончив школу, Ян продолжил обучение в Пражском университете. Его студенческие друзья отмечали, что Ян обладал прямым и честным характером, безупречным образом жизни и глубокой религиозностью. Он особенно чутко реагировал на любую фальшь и неправду в вопросах веры. По окончании университета Гус остался преподавать в нем, став впоследствии сначала деканом одного из факультетов, а затем и ректором.

В 1400 году он принимает священный сан и начинает активную проповедь нравственного возрождения. На его беседы собиралось множество жителей Праги. За свою искреннюю веру и призыв к нравственной чистоте он пользовался любовью всех слоев

населения: от пражского архиепископа и королевы Богемии до последнего бедняка. Люди словно пробуждались от сна, оставляя свои греховные занятия. И пока он бичевал только пороки мирян, духовное начальство его терпело.

Однако под влиянием взглядов Джона Виклифа Ян Гус начал критиковать жизнь высшего духовенства. Он всей душой желал исправления тех беспорядков и злоупотреблений, которые царили в Римской Церкви. Однако в отличие от английского реформатора, который в своих трудах дошел до отрицания основ веры, Гус остался верен древнему христианству. Он выступал лишь против новшеств, введенных папой для получения еще большей власти. В частности, он осуждал индульгенцию — отпущение грехов за деньги. Высказывался в защиту брачного духовенства. Доказывал, что у Церкви только один глава — Христос, а не папа, как это утвердилось в Римской Церкви. Он учил, что другие епископы, так же как и римский, в одинаковой мере являются преемниками апостолов.

Папа, узнав о новом проповеднике, потребовал доставить его в Рим. Лишь благодаря заступничеству короля и университета дело Гуса было приостановлено, но ненадолго. Через некоторое время, видя, что власти не хотят отдавать своего учителя, папа объявил Прагу отлученной от Церкви. Город был в смятении. Храмы закрывались, никто не отпевал умерших и не совершал венчаний... Гус, не желая втягивать в полемику весь народ, удалился из города. В это время в Констанце открылся церковный Собор, и Ян Гус был приглашен на него, чтобы выступить в защиту своих идей.

Однако вместо богословского диспута и ожидаемых реформ Гуса призвали отречься от своих взглядов. Услышав отказ и требование доказать их

несправедливость, проповедника бросили в монастырскую тюрьму. Он писал оттуда своим друзьям: «Меня мучит зубная боль, кровохарканье, головокружение и камни в печени, но именно теперь я учусь молиться и постигаю ценность страданий Христа». Около года Ян Гус провел в заключении, а затем вновь предстал перед Собором, изможденный болезнью и длинными бесплодными допросами. От него требовали покаяния в ереси. Но Гус заявил, что никогда не придерживался учений, в которых его обвиняют. Собор определил лишить Яна Гуса священного сана и приговорил к сожжению.

Когда Гус уже стоял на разгоравшемся костре, он увидел богомольную старушку. Та, проклиная «еретика», принесла на костер вязанку хвороста, уверенная, что тем служит Богу. Улыбнувшись, Ян Гус сказал: «Святая простота!» И пока огонь не ударил ему в лицо, он громко произносил древнюю христианскую молитву: «Иисус Христос, Сын Божий, помилуй меня». Такое бесстрашие Гуса объясняют событием, произошедшим с Яном еще в детстве. Однажды во время сильной бури он возвращался из школы домой. Испугавшись грозы, он спрятался под скалой. В это время одна из молний ударила в сухое дерево, и оно запылало. Мать Яна, обеспокоившись отсутствием сына, поспешила ему навстречу. Она нашла мальчика забившимся под скалу. Его долго не могли успокоить. Рыдая, Ян твердил только одно: «Так же как и это дерево, я умру в огне». Удивившись словам мальчика, мать долго и горячо молилась о даровании сыну мужества.

Казнь Гуса вызвала возмущение в Богемии. Четыреста пятьдесят два дворянина заявили о согласии с Гусом и отреклись от решений Собора. Папа, в свою очередь, призвал к крестовому походу против гуситов, что привело к гуситским войнам.

Яна Гуса нельзя в полном смысле назвать реформатором, какими явились последующие ему протестанты. Он был лишь защитником чистоты веры и традиций древней Церкви. Еще в середине XV века Константинопольская Православная Церковь признала гуситское исповедание тождественным православному, а Сербская Православная Церковь канонизировала Яна Гуса как мученика, пострадавшего за веру Христову. Пепел чешского проповедника был брошен палачами в Рейн. Они желали навсегда стереть память о герое веры. Но память о нем только крепла. И поныне в ночь сожжения Яна Гуса горят костры по всей Чехии в память о своем национальном герое.

М.В. Первушин

Флорентийская уния. Святитель Марк Эфесский

В первой половине XV века была предпринята еще одна попытка объединить две ветви христианской Церкви. К этому времени Византийская империя существовала практически в стенах одной столицы. Все ее области были уже во власти турецкого султана. Император сознавал, что единственное средство для спасения Византии это помощь западных держав. Однако получить ее можно было только через примирение с папой Римским.

Со стороны римского епископа также существовал интерес к объединению. В 1433 году в Базеле проходил Собор Западной Церкви, на который собралось не только большинство западных епископов, но представители светской власти во главе с германским императором Сигизмундом. Этот Собор признал свою власть выше власти римского епископа, что не могло понравиться папе. Возможная уния с Восточной

Церковью могла бы укрепить, по мнению папы, престиж Святого Престола и умалить решения Базельского Собора. Но чтобы заседавшие в Базеле не перехватили византийское посольство, папа обещал взять на себя все расходы по содержанию греков. Учитывая тяжелейшее экономическое положение Византии, император принял предложение понтифика, ведь кроме главы Византийской империи и Константинопольского патриарха в делегацию входило более шестисот человек.

Собор по примирению двух Церквей открылся в начале 1438 года в Ферраре. Однако в связи с начавшейся там эпидемией был перенесен во Флоренцию. Большинство участников Собора с обеих сторон стремилось удовлетворить свои политические цели и амбиции. Лишь единицы были заняты мыслью о благе христианства. Одним из таких немногих был святой Марк, митрополит Эфесский.

Марк родился в 1391 году в Константинополе в семье знатного сановника и получил блестящее образование. Благодаря своим способностям он в 25 лет стал профессором философии. Император приблизил его к себе и сделал советником. Но Марк не искал и не желал почестей. Живя в столице, он был чужд ее жизни. В 30 лет он принимает монашество. Перед самым отъездом на Собор в Италию по указу императора Марка поставляют в митрополита Эфесского и назначают главой богословской комиссии на предстоящем Соборе.

Марк сделал все, чтобы отстоять древнее христианское учение и указать на те нововведения, которые имелись у Римской Церкви. Однако латиняне требовали от греков полного принятия латинского учения и административного подчинения Ватикану, допуская лишь некоторую самостоятельность Византийской Церкви в области богослужений и обрядов. Они не

желали никаких вероучительных компромиссов, на которые готовы были идти греческие богословы. Они добивались не столько восстановления прежнего единства христианства, сколько безусловной капитуляции Восточной Церкви. Это прекрасно понимал святитель Марк и решил до конца отстоять православное вероучение. Но, к сожалению, в своей борьбе он остался один среди многочисленной греческой делегации.

Император решил во имя государственных интересов пожертвовать Православию. Он приказал заключить Марка под домашний арест. Его отстранили от дел, подвергли угрозам, запретили присутствовать на Соборе. Он выслушивал оскорбительные выговоры от патриарха и едкие нападки бывших своих сотрудников. Казалось, что усилия Марка были тщетны. 5 июля 1439 года, согласившись на все условия Рима, уния была подписана всеми представителями Восточной Церкви, кроме одного. Это был Марк Эфесский. Его соотечественники недостаточно оценили значение святителя Марка, в отличие от римского епископа. Папа Евгений IV был человек, несомненно, государственного ума. Он понимал, что Марк занимал, если не по положению, то по своему значению, первенствующую роль среди греческой делегации. Поэтому отсутствие его подписи папа оценил как полный провал. Когда понтифику с торжеством представили Акт унии, подписанный греческими представителями, он спросил: «А подписал ли Марк?» — и, получив отрицательный ответ, воскликнул: «Итак, мы ничего не сделали!»

Марк Эфесский вернулся в Константинополь, чтобы завершить начатое им дело борьбы за Православие. «Он надеялся победить всех противников своих одною силою Истины, — вспоминает о нем один из участников тех событий. — Он знал, что Истина

непобедима. Ее можно скрыть, но придет время, и она воссияет». Византийский народ был против соборных постановлений. Пламенные проповеди святителя Марка везде находили восторженный отклик у простых людей. Согласно распоряжению императора, Марк был арестован и заключен в крепость. Но это уже не помогло. Постепенно поднималась волна народного несогласия с принятой унией.

Епархии Константинопольской Церкви, находившиеся вне пределов Византийской империи, одна за другой отказывались от принятия унии. В числе первых была и Русская митрополия. Великий князь Василий Васильевич изгнал митрополита Исидора, подписавшего акт унии, из пределов Руси. Другие Поместные Церкви — Александрийская, Антиохийская и Иерусалимская — на Соборе 1442 года решительно отвергли Флорентийскую унию.

Марку не пришлось дожить до того момента, когда уния и в самом Константинополе была отвергнута Православной Церковью. Он умер в 1444 году в возрасте 52 лет. А в 1450 году в присутствии трех восточных патриархов был низложен униатский Константинопольский патриарх Григорий. Восторжествовало Православие, борьбу за которое начинал когда-то на Флорентийском Соборе один единственный святитель Марк Эфесский.

М.В. Первушин

Автокефалия Русской Православной Церкви

1431 год был тяжелым как для молодого Московского государства, так и для Русской Православной Церкви. Вновь разгорелось пламя междоусобной вражды между русскими князьями за великое княже-

ние. Тогда же умер престарелый митрополит Фотий — предстоятель Русской Церкви. Собор русских епископов избрал ему преемника — рязанского епископа Иону. Однако направить посольство в Константинополь стало возможным лишь только через 4 года, когда великому князю удалось прекратить усобицу. Но было уже поздно. В 1437 году Иона возвратился на Русь, но не митрополитом, как ожидалось, а все тем же рязанским епископом в свите нового предстоятеля Русской Церкви митрополита Исидора.

В это время византийцы готовились к Собору, который должен был решить вопрос об унии с Римской Церковью. Русская митрополия была самой крупной митрополией Константинопольской Церкви, и Византии для заключения унии была необходима ее лояльность. Поэтому, чтобы обезопасить себя от неожиданностей, греки постарались максимально отстранить русских от участия в этой антиправославной затее.

Митрополит Исидор, едва приехав в Москву, стал собираться в Италию на предстоящий Собор. Он сумел убедить московского князя в необходимости соединения с Римом без ущерба Православию. «Если уж ты непременно желаешь идти на Собор, — напутствовал митрополита великий князь, — то принеси нам оттуда наше древнее Православие, а нового и чужого мы не примем». Исидор выехал в Италию с огромной свитой в 100 человек. Гигантский обоз в 200 коней вез подарки участникам Собора от великого московского князя. Слух о том, что митрополит едет во «фряжскую землю» обращать «латину» в Православие, распространился по всей Руси. По пути следования митрополита простой люд встречал его с ликованием.

Однако на Флорентийском Соборе в Италии Исидор оказался в числе наиболее активных сторонников Римской Церкви. Его роль в деле заключения унии была столь велика, что римский папа наградил его

титолом кардинала и подчинил его власти не только Русь, но и Ливонию с Польшей. Епископа Авраамия Суздальского, который входил в делегацию Исидора, голодом и тюремным заточением принудили к подписанию унии. После подписания акта Авраамий бежал домой в Россию, заручившись поддержкой и благословением святителя Марка Эфесского. В Москве он принес покаяние и рассказал об увиденном на Соборе: «Греки, давшие Руси православную веру, во главе с патриархом и императором оказались отступниками от Православия».

В марте 1441 года митрополит-кардинал Исидор прибыл в Москву. Здесь его ждали с иным настроением, чем во время его отъезда на Собор. После провозглашения Исидором акта об унии с Римом великий князь велел заключить отступника в Чудов монастырь до соборного разбирательства. Ему предлагали покаяться и вернуться в лоно Православия. Но Исидор наотрез отказался, а через некоторое время сбежал со своим учеником в Рим. Русская Церковь оказалась в трудном положении. С одной стороны, ей необходимо было защитить Православие, с другой — не нарушить каноны и церковные установления. Разрыв с униатским Константинополем был неизбежен. Русской митрополии была необходима самостоятельность, к которой она до сих пор не стремилась. Однако исторические обстоятельства принуждали нашу Церковь перейти к самостоятельному управлению ради блага Православия.

Не сразу, спустя еще шесть лет после побега Исидора, великий князь и собор русских епископов приняли решение об избрании митрополита в Москве из числа русских архиереев. Церковный собор, как и 17 лет тому назад, вновь избрал на митрополичью кафедру рязанского епископа Иону, а 5 декабря

1448 года состоялось торжественное поставление Ионы в русские митрополиты. Это событие стало началом автокефалии, то есть самостоятельности Русской Православной Церкви.

Избранный митрополит Иона был уроженцем костромской земли. Уже в молодости Иона стал монахом и, желая подражать подвигам преподобного Сергия, пришел в московские земли в Симонов монастырь к ученику преподобного. Природная одаренность сочеталась в нем с духовной глубиной монаха-подвижника, каковым он оставался всю свою жизнь. Святитель Иона после своего избрания направил окружное послание во все русские епархии. В нем он объяснял, что причиной нарушения церковного порядка явилось отступничество греков от Православия на Флорентийском Соборе.

Узнав о смерти византийского императора Иоанна, главного сторонника и творца унии, на Руси была предпринята попытка возвратиться к прежнему порядку. Великий князь направил послание преемнику императора Иоанна, в котором оправдывал самостоятельное поставление Ионы на митрополию после предательства и побега Исидора. Однако вновь исторические обстоятельства помешали возвращению Русской Церкви в лоно Константинополя. 29 мая 1453 года Константинополь пал под ударами турок. Византийская империя прекратила свое существование, и Константинопольская Церковь попала под власть турок. Таким образом, сначала Флорентийская уния, а затем зависимость патриарха Константинопольского от турецкого султана мешали вернуть былое доверие к грекам. Русь была на тот момент единственной православной державой в мире. Она переживала огромный духовный подъем. Эти обстоятельства повлияли на дальнейшее осмысление

независимости Русской Церкви и идеи преемственности Московской Руси по отношению к наследию Рима, Византии, Православного Царства.

М.В. Первушин

Расцвет русского искусства. Андрей Рублев

Победа Дмитрия Донского на Куликовом поле оказала глубокое воздействие на жизнь русского народа. Унижение, жестокость и безнадежность, царившие до этого в жизни русских людей, уступили место вере в силу народного единства. Началось возрождение русского государства.

Национальному подъему предшествовало время небывалого расцвета монашеского движения. За 150 лет, до середины XV века, на Руси возникло около двухсот новых обителей. Расцвет русского монашества, помимо многих великих святых, дал Руси и всему миру выдающихся писателей и художников. Особое место среди них занимает Андрей Рублев — монах Московского Андроникова монастыря. В его лице русское искусство поднялось на небывалую высоту.

Андрей Рублев родился в Московском княжестве в 60-е годы XIV столетия. Летописи донесли до нашего времени лишь обрывочные сведения о прославленном иконописце.

Первое летописное упоминание об Андрее Рублеве относится к 1405 году. Древний автор отмечает в летописи окончание росписи только что построенного Благовещенского собора в Московском Кремле, указывая, что «расписывали его Феофан Грек, Прохор-старец с Городца и чернец Андрей Рублев».

Знаменитый художник Феофан, прибывший из Византии и потому прозванный Греком, работал на

Руси в конце XIV столетия. Живопись этого замечательного мастера оказала большое влияние на русских художников, в том числе и на молодого Андрея. Однако именно Рублев благодаря своему искусству сумел затем ограничить влияние Феофана. Дело заключалось не столько в разнице между темпераментным Греком и умиротворенным Андреем, сколько в разнице традиций византийского и русского искусства. Русская иконопись благодаря монаху Андрею вступила в свой золотой век.

Расписывая в 1408 году Успенский собор во Владимире, Андрей Рублев впервые выступил как носитель самостоятельного мировоззрения и стиля, разойдясь с византийской традицией. Из сохранившихся фресок наиболее значительной является композиция «Страшный суд». Если Феофан Грек, изображая эту сцену, видел в Боге грозного и неподкупного Судью, Который выносит приговор людям, а те в ужасе ожидают Его решения, то у Андрея Рублева традиционно грозная сцена превращается в светлый праздник Божественной справедливости. Люди, изображенные на фресках, испытывают не страх перед наказанием, а надежду на прощение и веру в милостивого Бога. Здесь торжествует идея всепрощения.

Русская иконопись вслед за Андреем пересматривает и византийскую традицию изображения Бога. Рублев в своей знаменитой иконе «Звенигородский Спас» воплощает образ духовного идеала русского человека своего времени. Во Христе Андрея миролюбие и кротость соединились с твердостью духа, силой и мужеством. В глазах Спасителя открывается и человеческая доброта, и спокойная мудрость.

Венцом же творчества Андрея Рублева стала его знаменитая «Троица». Она была написана по заказу преподобного Никона, ученика Сергия Радонежского. Летописец отмечает, что Никон «велел написать

образ Пресвятыя Троицы в похвалу отцу своему Сергию чудотворцу» для основанной его учителем Троицкой обители.

Традиционный библейский сюжет — явление Аврааму трех Ангелов — иконописец наполнил глубоким поэтическим и философским содержанием. Эта икона символически воплотила мечту человечества о совершенном мире, где будут царить согласие, любовь и дружба. Мягкость и нежность ангельских лиц, изображенных на иконе, уравниваются спокойной уверенностью и внутренней силой в их взгляде. Все три Ангела удивительно похожи друг на друга. Они как будто отражаются друг в друге, являя собой нерасторжимое единство. Тема рублевской «Троицы» — созвучность душ, их единение. Глядя на икону, мы словно видим одну душу в трех лицах. Андрею Рублеву удалось кистью и красками выразить трудный для понимания христианский догмат о Святой Троице, учащий о триединстве и единой сущности трех Божественных Лиц. Неслучайно творчество Рублева называют «богословием в красках».

Последние годы жизни Андрей Рублев провел в Московском Андрониковом монастыре в окружении учеников и последователей. С ними он расписывал монастырский соборный храм Спаса. Там же знаменитый иконописец и скончался, согласно летописцу, «в преклонном возрасте 29 января 1430 года».

Творчество Андрея Рублева принадлежит к высшим достижениям мирового искусства, воплотившего возвышенное понимание духовной красоты. Это мир «светлой печали» (как сказал Пушкин четыреста с лишним лет спустя), поднимающий человека над драматизмом и грубостью жизни. Это запечатленная тишина, вовлекающая человека в свою особую атмосферу.

В искусстве Андрея Рублева нет непроницаемой границы между Божественным и человеческим, духовным и плотским, небесным и земным. Творчество Рублева утверждает возможность для каждого человека совершить восхождение к высшим ценностям, проникнуться Божественным началом, которое обнаруживает себя в земном мире через красоту и премудрость.

М.В. Первушин

Преподобный Нил Сорский

XV столетие — золотой век русской святости — завершает собой преподобный Нил Сорский. До нас не дошло жизнеописание преподобного Нила. Скучные сведения о нем можно найти либо в его собственных произведениях, либо в летописных повествованиях того времени.

Известно, что преподобный Нил происходил из дворянского рода Майковых и родился в 1433 году в Москве. В юности он принял постриг в одном из самых строгих монастырей того времени — Кирилло-Белозерском. Оттуда он отправляется на Афон, чтобы «воочию увидеть истинное подвижничество отшельников-исихастов». На Святой Горе, как вспоминает сам Нил, «я как пчела перелетал с одного цветка на другой, чтобы изучить основы христианского жития и оживить свою зачерствевшую душу, дабы уготовить ее ко спасению».

Нил вернулся с Афона на Белое озеро, но не остался в Кирилловом монастыре. Он избрал для своих подвигов пустынное место на реке Соре в 15 километрах от монастыря. «Нашел я благодатию Божией место по мыслям моим, мало доступное для мирских людей», — пишет Нил своему ученику. Вот как

описывает окружающую природу один из посетивших Нилову пустынь: «Дико, пустынно и мрачно то место, где Нилом был основан скит. Почва ровная, но болотистая, кругом лес, более хвойный, чем лиственный... Трудно отыскать место более уединенное, чем эта пустыня». Постепенно вокруг Нила собирается небольшое число подвижников.

Здесь, в уединении, окончательно сложились воззрения преподобного Нила, изложенные в его многочисленных посланиях, письмах к ученикам, уставе скитской жизни. Все его произведения цельны и едины по своему внутреннему духу. Все они направлены на выяснение лишь одного — пути ко спасению.

Рассуждения Нила Сорского лишены формализма. Он побуждает читателя к размышлению и вызывает к его совести. Он не аргументирует, а анализирует. В этом Нил открывается как мыслитель и тонкий психолог. Он не хочет примириться с религиозно-обрядовым формализмом и потому противопоставляет внешней религиозности внутреннюю духовную жизнь. Исполнение только внешних подвигов благочестия ведет к тщеславию, самому ненавистному для Нила греху. Не исключая внешнего подвига, преподобный делает упор на подвиг внутренний, духовный — «умное делание», борьбу с дурными помыслами. Показывая степени человеческого грехопадения, Нил описывает, как человек, сам того не понимая, побеждается греховной страстью и падает. «Покой души нарушается греховным помыслом. Необходимо отсесть его, но не всегда и не всякому это доступно, — пишет сорский пустыжник. — Слабая душа, влекомая помыслом, вступает на путь сладостного приклонения ко греху, попадает в пленение. Состояние это переходит в страсть к человеку ли, вещи или мысли». Вот путь греха, с которым призывает бороться Нил, укрепляя слабые

силы души «умной молитвой и сердечным трезвением».

В жизни преподобного Нила, в его служении братии мы не увидим стремления ни к управлению, ни к учительству. Нил не хочет быть игуменом или хотя бы учителем. Вот как он пишет своим ученикам: «Братья мои. Так именую вас, а не ученики. Один есть нам Учитель — Бог».

Существует мнение о разномыслии двух великих представителей русского иночества конца XV века Иосифа Волоцкого и Нила Сорского. В исторической литературе их обычно представляют как возглавителей двух «противоположных» направлений в русской духовной жизни — внешнего делания и внутреннего созерцания. Это глубоко неверно. Насколько устав Иосифа отличается внешней строгостью, настолько творения Нила глубокими сведениями о внутренней жизни. Труд духовный и труд телесный составляют две стороны христианского призвания. Оба направления закономерно сосуществовали в русской монашеской традиции, дополняя друг друга. Можно сказать, что и Нил, и Иосиф стремились к одной цели, но шли к ней разными путями: один — углубляя жизнь «внутреннего человека», другой — усиливая присутствие Церкви во всех сферах жизни общества. Один — через милость, другой — через строгость, один — снисхождением, другой — властью. Путь Нила и путь Иосифа являются не противоположными, а дополняющими друг друга.

Скончался Сорский пустынный в 1508 году. В рукописях сохранилось его завещание ученикам: «Молю вас, братья, бросьте тело мое в пустыне, потому что оно согрешило пред Богом и недостойно погребения. Пусть растерзают его звери и птицы. Или, если хотите, выкопайте яму и положите его туда без всякого

уважения. Во всю жизнь я избегал чести и славы века сего; того не желаю и по смерти».

Преподобный Нил оставил глубокий след в истории русского монашества. За великие духовные подвиги русский православный народ нарек его «великим старцем».

М.В. Первушин

Преподобный Иосиф Волоцкий

Царствование Ивана III во второй половине XV столетия ознаменовало окончательное падение монгольского ига и активное собирание русских земель вокруг Москвы. После заключения Флорентийской унии и падения Константинополя Москва стала также оплотом Православия — единственным православным государством в мире. Расцвет монашества на Руси в XV веке преобразил все стороны жизни русского народа и положил начало национальному возрождению.

Одним из выдающихся церковных деятелей того времени был преподобный Иосиф Волоцкий. Он родился 14 ноября 1440 года в боярском роде Саниных и при крещении был назван Иваном. Род Саниных показал удивительный пример христианского подвига. Среди только ближайших родственников Ивана насчитывается 18 мужских и женских монашеских имен и лишь одно мирское.

В семь лет Иван уже знал наизусть Псалтирь и помогал чтецам в храме. В двадцать — он задумал бежать из мира. Родители не противились желанию сына, и Иван уходит в монастырь. Он принимает постриг с именем Иосиф в Боровском монастыре у преподобного Пафнутия, духовного наследника Сергия Радонежского. Около двадцати лет Иосиф простым

иноком несет различные послушания в Боровской обители. Умирая, Пафнутий назначает Иосифа своим преемником, и монастырская братия утверждает его выбор.

Однако вскоре новый игумен решил преобразовать монастырскую жизнь в обители. При всей строгости Пафнутия в его монастыре не было полного общежития. Монахи имели некоторую собственность. Иосиф же пожелал устроить «единство и все общее во всем», но не встретил сочувствия. Лишь семеро монахов поддержали игумена, в том числе два его родных брата.

Видя несогласие братии, Иосиф покидает обитель. Переодевшись, в одежде простого послушника он обходит русские монастыри, выполняя самую черную работу, желая найти наилучшее устройство иноческой жизни. И находит его в Кирилло-Белозерском монастыре. Возвратившись в Боровск, он встречает прежнее нежелание братии принять его устав и тогда покидает обитель со своими единомышленниками, теперь уже навсегда.

Иосиф уходит на свою родину, в волоколамские леса. Удельный князь Борис Волоцкий, родной брат Ивана III, с радостью принимает Иосифа и дает ему землю под монастырь недалеко от Волоколамска. При постройке первого деревянного храма сам князь и его бояре носят бревна на своих плечах, помогая монахам. Уже через два месяца в новой церкви отслужили первую службу. Иосиф вводит строгий общежительный устав, которому была подчинена вся жизнь иноков «и в хождении, и в словах, и в делах». Основой монастырского устава было полное нестяжание, отсечение своей воли и непрестанный труд. Слабые уходили из монастыря, говоря: «Жестоко сие житие. Кто в нынешнее время сможет такое вынести?» И все же число иноков в Иосифовой обители в короткое время

увеличилось до ста человек, среди которых немалую часть составляли бояре.

Деятельность и влияние преподобного Иосифа не ограничивались монастырем. Во время голода он ежедневно кормил более семисот окрестных крестьян за счет запасов монастыря. Услышав ропот братии: «Нас переморит, а их не прокормит», — Иосиф уговаривает их потерпеть «ради ближних». Не только голод пробуждает благотворительную деятельность Иосифа. Он построил при монастыре больницу, приют для детей-сирот, богадельню. Его библиотека стала одной из лучших среди русских монастырских книжных собраний. Для окрестного населения монастырь являлся источником хозяйственной помощи: «Пропадет ли у крестьянина коса или другое орудие, украдут ли лошадь или корову, он идет к отцу и получает от него цену их». Однажды во время ночного бдения Иосиф услышал шум на монастырской житнице. Придя туда, он заметил, что кто-то крадет жито. Увидев Иосифа, вор хотел бежать. Игумен остановил его, сам насыпал ему мешок жита и отпустил с миром, обещаясь впредь снабжать его хлебом. Так «благодаря Иосифу и его монастырю, — отмечает летописец, — расцвела вся страна Волоцкая».

Основой общественного служения Иосифа являлась его христианская забота о человеческой душе, которой «весь мир не стоит». Горячий патриот Русской земли и ее святынь, Иосиф содействовал тому, чтобы московский князь осознавал себя православным царем. Он более чем кто-либо наложил отпечаток на стиль двухвекового московского царства и московской религиозности. Иосиф воспитал целую школу знаменитых иноков, его постриженники занимали важнейшие архиерейские кафедры Русской Церкви. Он — один из вдохновителей учения о Русской Церкви как преемнице и носительнице древнего

вселенского благочестия: «Русская земля ныне благочестием всех одолела».

В церковных делах того времени слово Иосифа было решающим. Он отстаивал неприкосновенность монастырского землевладения. В течение тридцати лет он боролся против появившейся на Руси «новгородской» ереси, пытавшейся исказить основы Православия. В этой борьбе Иосиф создал первый свод русского православного богословия — книгу «Просветитель». Он лично убедил Ивана III, склонного применять мягкие меры к еретикам, не верить их покаянию. «Царям подобает еретиков и в заточение посылать, и казням предавать», — пишет Иосиф великому князю, ссылаясь на опыт Католической Церкви.

Скончался преподобный Иосиф на 76-м году жизни 9 сентября 1515 года. Его обитель на волоколамской земле прославилась как один из крупнейших духовно-культурных центров России.

М.В. Первушин

Святитель Геннадий, архиепископ Великого Новгорода

Время, в которое жил святитель Геннадий, было знаменательно яркими событиями в церковной и политической жизни Древней Руси. Росло и крепло Московское государство. В 1478 году к Москве был присоединен Великий Новгород, а за ним и Тверское княжество. В 1480 году произошло знаменитое стояние на Угре, завершившее эпоху ига Золотой Орды. Современником Геннадия был знаменитый древнерусский художник Дионисий. Да и сам святитель Геннадий был выдающимся представителем Русской Православной Церкви.

О ранних годах жизни святителя нам практически ничего не известно. Лишь из его собственных слов мы узнаем, что он был учеником преподобного Савватия Соловецкого. После избрания Геннадия на архиерейскую кафедру в Великий Новгород в 1484 году он раскрывается как выдающийся иерарх и государственный деятель. Разнообразные труды Геннадия и та неутомимая энергия, которую проявлял новгородский архипастырь для их осуществления, удивляли как его современников, так и потомков.

Он зарекомендовал себя, в первую очередь, как борец за чистоту Православия. Его чуткость помогла преодолеть, казалось бы, давно изжитую ересь стригольников, возникшую во второй половине XIV века. Эту ересь пытались искоренить в продолжение всего XV столетия в Пскове и Новгороде и ко времени архиепископа Геннадия считали уже забытой.

Велик труд владыки Геннадия и по борьбе с вновь появившейся «новгородской» ересью. Эта ересь искажала православное учение, способствовала нравственному разложению. Ее приверженцы, появившиеся в Новгороде в 70-х годах XV столетия, сумели получить поддержку даже при московском великокняжеском дворе. Около двадцати лет боролся с заблуждением владыка Геннадий. При этом встречал на своем пути множество преград как со стороны княжеской, так и митрополичьей власти.

Самому Геннадию кроме защиты Православия приходилось также защищать и самого себя от клеветы и доносов, которые возводили на него враги. В конце концов, Геннадия несправедливо обвинили в нарушении церковной дисциплины, будто бы он «многих священников без всякой причины лишал сана, других же рукополагал за большое вознаграждение». Не признав за собой выдвинутых обвинений, Геннадий ушел с Новгородской кафедры на покой в Чудов

монастырь. И все же благодаря деятельности Геннадия ересь значительно ослабла.

Святитель Геннадий активно занимался вопросами духовного просвещения. Он первый начал говорить о необходимости открытия духовных училищ, сознавая, что нельзя бороться с заблуждениями только путем административных мер. Новгородский святитель требовал открытия училищ не только от митрополита, но и от великого князя, предлагая свою программу обучения. При этом уровень образованности священства в Новгородской епархии был весьма высок. Известен случай, когда в Новгородскую епархию приехали немецкие католические монахи, желая провести диспут о вере. Православные же священники, как пишет летописец, «в споре их много поизгязаша и одолеша от Божественных Писаний».

И все же венцом деятельности архиепископа Геннадия стало собрание им первой в славянском мире полной Библии. Перевод на славянский язык основных книг Священного Писания, используемых при богослужении, был сделан еще в IX веке святыми братьями Кириллом и Мефодием. Ко времени архиепископа Геннадия Священное Писание на Руси было представлено отрывочно, в различных богослужебных рукописях. Однако в их составе тексты библейских книг были неполными. Отсутствовали они и у других славянских народов. К 1499 году на Руси благодаря трудам святителя Геннадия появляется первая во всем славянском мире полная славянская Библия. Эта Библия, названная Геннадиевской, явилась важным этапом в развитии общеславянской культуры и просвещения.

Помимо этих основных трудов владыки, можно назвать еще много дел, в которых участвовал архиепископ Геннадий. Он занимался продолжением православной пасхалии, появление которой пресекло

слухи о скором конце света. Именно его пасхалия, названная, как и Библия, Геннадиевской, была разослана по всей Руси. Он был причастен к созданию Новгородского летописного свода. По его указу активно переписывались и рассылались книги. Он был инициатором создания значительного числа религиозно-философских сочинений. Современники называли новгородского святителя «неутомимым Геннадием», а его окружение — «академией».

Твердый и непреклонный характер святителя Геннадия создал ему много врагов, и последние годы жизни архиепископа были омрачены гонениями и незаслуженной клеветой. Скончался святитель Геннадий 4 декабря 1505 года и был погребен в Чудовом монастыре.

Явившись продолжателем трудов святых братьев Кирилла и Мефодия, архиепископ Новгородский Геннадий стал первым русским библеистом. Его труды имели большое значение не только для Православной Церкви. Святитель Геннадий всесторонне способствовал развитию русской культуры, просвещения и книжности.

М.В. Первушин

Обмирщение высшего духовенства Западной Церкви

Падение нравов высшей церковной иерархии началось в XIV веке. В это время папский престол был перемещен влиятельным французским монархом Филиппом Красивым из Рима во французский город Авиньон. Авиньонский период в истории Западной Церкви называют «авиньонским пленением». Филипп выделил для папской резиденции прекрасный дворец, ранее принадлежавший королеве Сицилии и славив-

шийся своим великолепием. Этот дворец получил название «Папский замок». В нем более ста лет проживали римские первосвященники, находясь в полной зависимости от французских королей. Не имея возможности фактически обладать светской властью, но желая хотя бы внешне подчеркнуть ее наличие, папы в Авиньоне начали носить тиару — папскую корону, — как символ светской власти. Первым ее одел папа Климент V в начале XIV века. Он же любимыми способами боролся с теми, кто не хотел признать его право на мирскую власть. Когда немецкий император Генрих VII выступил против светской власти папы, Климент велел его отравить. Отраву подсыпали в чашу со Святым Причастием. Причастившись, император упал в храме мертвым. Этот же папа был известен как чрезвычайно сребролюбивый человек. После смерти Климента в его покоях было найдено баснословное для тех времен состояние.

Авиньонский двор сделался образцом безнравственности. Папу мало заботила жизнь Западной Церкви, все его силы уходили на пиры, развлечения и интриги французского двора. Знаменитый поэт Петрарка, живший в то время, писал про «Папский замок»: «Это лабиринт, где живет ужасное чудовище. Чтобы задобрить его, нет другого средства, кроме золота и наслаждений плоти. За них там продадут и Самого Христа». Авиньонский дворец наполняли сказочная роскошь и нравственная распущенность. О религии не было и речи. Большинство авиньонских пап вели жизнь, недостойную звания верховных первосвященников Западной Церкви, и этим еще более ослаблялось их влияние в обществе.

За папами по пути безнравственности следовал папский двор: кардиналы, епископы и клирики. Они стремились подражать тому, что видели в авиньонском дворце. Высших иерархов занимали лишь

политика, рыцарские состязания, любовные романы и дворцовые интриги. Епископы смотрели на свои церковные должности как на источник доходов для удобной и роскошной жизни. Пастырские обязанности они считали делом второстепенным и даже излишним. Один реймский архиепископ жаловался, что «реймское архиепископство составляло бы нечто хорошее, если бы только для получения доходов можно было не совершать богослужение». Жажда наживы пронизывала все слои высшего духовенства. Папские представители — легаты, отправлявшиеся в разные страны по поручениям римского епископа, при исполнении своих миссий старались получить от этого максимальную выгоду. С нескрываемым удивлением рассказывает один церковный писатель того времени о папском легате, который «вернулся из своего посольства совершенно без денег».

В то же время в течение всего периода «авиньонского пленения пап» шла активная борьба Франции с Италией за обладание Римским престолом. Эта борьба в конечном итоге привела в XV веке к расколу. Многие недовольные оставлением римскими епископами престола святого Петра поддержали римлян в их борьбе с Францией. При очередных выборах папы они избрали его из среды итальянцев, желавших вернуть кафедру на свое историческое место. В Авиньоне с этим не согласились, и папой был избран француз. Около полувека двое пап предавали друг друга анафеме, соревнуясь в интригах и взаимных проклятиях. Существование одновременно двух пап принесло смущение западным христианам, привыкшим смотреть на папу как на единственного главу христианской Церкви. Однако самих пап это не смутило. Они скорее не столько заботились о вере, сколько о своей власти, что еще сильнее подрывало уважение к Римскому престолу.

В 1417 году двоевластие в Западной Церкви пришел конец. Папой был избран Мартин V, поселившийся окончательно в Риме. Он признавал необходимость церковных реформ, однако подготовить их не смог. Реформа должна была начинаться с папского двора — курии. Но курия состояла преимущественно из кардиналов, вышедших из аристократических семейств. В их среде со времен «авиньонского пленения» царили роскошь и разврат. Церковные сановники папского двора не желали менять свой образ жизни. Именно поэтому как только какому-нибудь папе стоило серьезно задуматься о реформе, он немедленно оказывался под угрозой низложения. Время от времени появлялись смелые проповедники, бесстрашно обличавшие зло, но их быстро объявляли еретиками и сжигали на кострах инквизиции. Один французский историк пишет: «В лице папы многие отказывались видеть представителя христианской цивилизации, потому что он пользовался властью только как средством чеканить монету для обогащения своих незаконных детей, любовниц и родственников. Рим вновь вернулся к своему началу — язычеству».

Эпоха Возрождения придала римскому двору уже совершенно светский характер. Папы превратились в величественных государей, окруженных придворными, соблюдавшими сложный дворцовый этикет. Тогда же введено было целование папской туфли после ряда ритуальных коленопреклонений.

Народное неудовольствие поведением высшей церковной знати выражалось в сатирических памфлетах на папский двор и песен, высмеивающих нравы клира. В то время широко распространялись новеллы, кощунственно издевающиеся над духовенством и монастырями. В высшем обществе считалось признаком хорошего тона говорить о религии с презрением. Простой же народ искал утешения в паломничествах

и у отшельников, бежавших от соблазнов церковного общества. Некоторые из них стремились вдохновить западное монашество на подвиги, которыми прославились когда-то великие восточные пустытники. Однако таких подвижников в Западной Церкви того времени было немного.

Никогда еще христианской Церкви на Западе не угрожала такая опасность, никогда в ней не царили такой беспорядок, нравственная распущенность и даже неверие среди высшего духовенства, как в XV веке.

М.В. Первушин

Александр Борджиа и Иероним Савонарола

В 1492 году на престол Западной Церкви был избран папа Александр VI, происходивший из знатного испанского рода Борджиа. Один католический историк пишет об его избрании следующее: «Лишь благодаря неслыханным подкупам... на самую высшую церковную должность вступил человек, которого древнее христианство не допустило бы до самого последнего места в Церкви из-за его распутной жизни». Будучи еще кардиналом, он сожительствовал со множеством женщин и от одной из них имел трех сыновей и дочь, которая также была его любовницей. Его называли «чудовищем разврата». Даже официальная история католичества считает его «самой мрачной фигурой папства», а годы его правления называет «несчастьем для Церкви».

Врагам его семьи, соперникам и недоброжелателям по приказу папы подносили отравленную чашу. Это случалось так часто, что яд, которым пользовались при отравлениях, стали называть «ядом Борд-

жа». В европейской политике папа преследовал свои корыстные интересы. Он постоянно менял фаворитов и поддерживал в военных конфликтах тех монархов, кто давал ему больше денег и земли. Возмущенный такими действиями папы, один полководец открыто заявил ему: «Прежде чем совать нос в большую политику, вам необходимо исправить свое собственное и своего семейства развратное поведение, так как своими пагубными нравами вы позорите папство и религию». Вскоре этот полководец был отравлен.

Казалось, что в Западной Церкви наступило царство сатаны. Повсюду поведение папы осуждалось и служило великим соблазном для верующих. И вот против этого открыто выступил доминиканский монах Иероним Савонарола. За любовь к истине и защите Христовой правды память о нем чтится не только у католиков. О нем с великим почтением отзывался преподобный Максим Грек, называя Иеронима «одним от древних подвижников благочестия». Даже протестанты с восторгом цитируют Мартина Лютера, который писал: «Антихрист был бы рад, если бы воспоминание об этом великом человеке навсегда угасло; но вот он жив, и память о нем благословенна».

Иероним Савонарола принадлежал к старинному дворянскому роду. Будучи юношей, он ушел из родительского дома и стал монахом в доминиканском монастыре в Болонье. Там Савонарола провел четырнадцать тихих лет, занимаясь изучением богословия, упражняясь в монастырских правилах и проповедуя. Он много времени уделял молитве и изучению Священного Писания. Это было время серьезной подготовки к будущему служению.

Иероним обладал удивительным влиянием на людей. Однажды он плыл по реке. На судне вместе с ним находились 18 солдат, которые вели себя крайне

непристойно. Савонарола попросил их на короткое время уделить ему внимание. Солдаты утихли. Не прошло и получаса, как 11 из них пали к его ногам в слезах раскаяния.

В 1490 году Савонарола был переведен во Флоренцию, где ему было поручено воспитание и образование только что принятых в монастырь монахов. Свои беседы с ними он начал в монастырском саду. Но когда послушать его беседы стали приходиться и светские люди, пришлось перейти в монастырский храм. Действие проповедей Савонаролы на сердца слушателей во Флоренции было потрясающим. Люди рыдали, слушая его. Даже собор во Флоренции перестал вмещать людей, приходивших послушать проповеди Савонаролы. Савонарола хотел сделать Флоренцию центром обновления церковной жизни Италии. Историки свидетельствуют о нравственных переменах, которые начали происходить во Флоренции. Люди преображались, оставляя свой прежний греховный образ жизни.

Сила его бесед и проповедей заключалась в его искренности, сердечности и глубокой убежденности в своих словах. Савонарола проповедовал покаяние, обращение к Богу и прощение грехов. Он любил свою Церковь, но видел ее бедственное нравственное состояние. Он обличал пороки духовенства и считал, что именно они являются главной причиной упадка в Церкви. Особенно доставалось папе Александру VI, которого Иероним призывал переизбрать. Такая деятельность Савонаролы не могла продолжаться долго.

Папа Александр предложил Савонароле кардинальский чин только для того, чтобы он прекратил свои обличения. Савонарола ответил на это: «Если мне и суждено носить красную кардинальскую шляпу, то пусть она будет выкрашена моей собственной кровью». Ни угрозы, ни заманчивые предложения высокопоставленных лиц не могли повлиять на него.

Папа был вне себя от ярости и заявлял открыто: «Этот монах должен умереть, хотя бы он был самим Иоанном Крестителем!» Летом 1497 года папа Александр провозгласил отлучение Иеронима от Церкви. Савонарола в ответ на это сказал: «Несправедливое отлучение не имеет никакой силы. О, Рим, ты болен смертельно. Ты оставил Бога! Христос, Ты будь моим пастырем, моим епископом, моим папой!» Великим постом 1498 года по папскому приказу монастырь Савонаролы подвергся нападению. Иеронима заковали в цепи. Мучительными пытками его хотели заставить признать свою деятельность дьявольской, но это не удалось. После долгих истязаний Савонарола был осужден инквизицией и сожжен вместе с двумя учениками. Чтобы исключить почитание Иеронима местными жителями, пепел после сожжения был брошен в реку. Так закончил свою жизнь Савонарола. Имя его сделалось символом реакции против папского абсолютизма и упадка веры. Память о нем до сих пор сохраняется в Западной Церкви.

Папа же Александр VI умер через пять лет после расправы над Савонаролой. Однажды он задумал отравить сразу трех неугодных ему кардиналов и подмешал им в вино яд. Однако по ошибке сам выпил приготовленное для своих жертв вино, скончавшись в страшных муках.

М.В. Первушин

Великий инквизитор Фома Торквемада

Святитель Иоанн Златоуст говорил в конце XIV века, что «христианам не дозволено уничтожать заблуждения силою, они могут вести людей к спасению единственно убеждением, разумом и любовью».

Прошло немного времени, и император Феодосий впервые издал указ об «инквизиции», что в переводе на русский язык означает «розыск». Имелся в виду розыск людей, которые пытались переманить христиан в языческую веру. Такие воинствующие язычники подвергались, как правило, штрафу. В крайнем случае — выселению из города. Противники христианства почувствовали полную безнаказанность и широко развернули свою деятельность. Особенно активными в Европе были так называемые манихеи. Эта секта исповедовала дуализм: двойственность мира, где на равных существуют два бога — добрый и злой. Последователями манихеев были секты катаров и альбигойцев, которые сумели привлечь на свою сторону немало людей во Франции, Италии, Германии и Испании.

В Испании инквизиция как церковное учреждение появилась только в начале XIII века. Святой Доминик, который рассматривал дела против христиан-еретиков, употреблял в их отношении только такие меры, как наложение поста и покаяния, запрет на причащение в течение определенного времени, в самом крайнем случае — отлучение от Церкви. А в 1460 году король Генрих Кастильский вообще отменил инквизицию «за ненадобностью».

Будущему Великому инквизитору Испании Фоме Торквемаде, превратившему эту цветущую страну в огромную площадь для сожжения еретиков, было в то время сорок лет.

Фома Торквемада родился в 1420 году и получил прекрасное образование. Он имел страстную и непредсказуемую натуру. Фома сбегает из родительского дома и путешествует по Испании. В Кордове Фома влюбился в местную красавицу, но та отвергла его, предпочтя непривлекательному Фоме силача мавра. Любовники скрылись в Гранаде, последнем оплоте мавританского владычества на Пиринейском

полуострове. Сердце Торквемады было разбито. Он люто возненавидел мавров и весь Гранадский эмират вообще. С тех пор Фома превратился в сурового аскета. Он и сам не заметил, как стал ненавидеть не только мавров и евреев, но и всех тех католиков, которые радовались жизни, любили дружеские застолья, общество красивых женщин. И при этом не слишком усердствовали в посещении богослужений. «Это еретики», — четко определил для себя Торквемада. Сам он навсегда запретил себе любые житейские радости.

Фома поступил в монашеский орден доминиканцев и быстро прославился как блестящий оратор и обличитель ересей. Вскоре он стал духовником юной кастильской принцессы Изабеллы, и она, с детства будучи ревностной христианкой, целиком и полностью попала под влияние Торквемады. В то время Кастилия враждовала со своим давним соперником — соседним королевством Арагон. Никто не догадывался, что принцесса Изабелла и наследный принц Арагона Фердинанд любят друг друга. Но об этом знал духовник Изабеллы. И Фома Торквемада устроил тайное венчание влюбленной пары. Вскоре Изабелла и Фердинанд вззошли на престолы своих королевств, и таким образом состоялось историческое объединение Кастилии и Арагона под одним скипетром. Отныне это было единое королевство — Испания.

Торквемада получил огромную власть на всей территории Испании.

Как же он ею распорядился?

Расписав королеве Изабелле, какой вред обществу наносят еретики и крещеные евреи, Торквемада заставил ее не просто возродить инквизицию, а ввести по всей Испании чрезвычайные трибуналы. Эти судилища имели право практически безо всякого

следствия сжечь любого подозреваемого на костре, добившись его признания в ереси под страшными пытками. Трибуналы конфисковывали имущество не только осужденных, но даже просто заподозренных в ереси граждан. По приказу Торквемады на кострах инквизиции было сожжено более 10 тысяч человек, сотни тысяч брошены в темницы. Львиная доля казненных и замученных инквизицией испанцев не имели никакого отношения ни к ереси, ни к еретикам. Это были жертвы доносов, сведения счетов и жажды обогащения. Множество людей спешили стать шпионами инквизиции, чтобы спастись от обвинения в ереси, а некоторые — чтобы получить долю от конфискованного имущества так называемых еретиков. Дошло до того, что господа боялись своих слуг, а родители — детей. Во время дружеского общения люди мучились вопросом: а не донесет ли на меня мой лучший друг?

Папа римский Сикст IV, который утвердил Фому Торквемаду в звании Великого инквизитора, очень скоро пожалел об этом. В Ватикан потоком шли жалобы из Испании на несправедливые зверства инквизиторов. Неоднократно после этого папа предпринимал попытки сместить Торквемаду с поста Великого инквизитора, но Изабелла и Фердинанд всякий раз вступались за своего благодетеля. Даже когда папа пригрозил всей Испании отлучением от церкви, если массовые пытки и казни не прекратятся, король и королева игнорировали эту страшную угрозу. Они объявили папе, что в таком случае Испанская Церковь вообще не будет подчиняться Ватикану.

По настоянию Великого инквизитора испанские войска захватили Гранаду. Мавры были выселены в Африку. А 800 000 гранадских евреев были вынуждены покинуть свою родину без денег — все их имущество было конфисковано. Так Фома Торквемада

отомстил целому народу Гранады за свое давнее личное поражение.

Фома Торквемада до конца жизни искоренял убежденных и мнимых еретиков. Он возбудил к себе такую ненависть испанцев, что всюду ему мерещились убийцы. Его постоянно сопровождала охрана из 250 воинов. На обеденном столе Торквемада все время держал рог единорога, которому приписывалось свойство обезвреживать яды. Он умер в 1498 году, в возрасте 78 лет, в состоянии, близком к умопомешательству.

А.А. Анин

XVI ВЕК

Преподобный Нил Столобенский

Веками люди, решившие удалиться от мира в молитвенное уединение, уходили в горы и леса, на затерянные острова и в безлюдные пустыни. Там строили себе кельи, выкапывали землянки. Но далеко не все из них сумели до конца претерпеть тяготы отшельнической жизни.

Великий молитвенник и аскет, преподобный Нил Столобенский, оставил потомкам поучительную историю своего отшельничества. За сорок лет уединения от мира этот святой прошел через многие искушения и сомнения. И преодолел их силой духа и строгостью к самому себе. Когда к преподобному Нилу приходили люди, желавшие подражать его жизни, он предупреждал: «Ты должен быть готов к величайшим трудностям и непрестанной внутренней борьбе. Поверь, чадо: все христианские подвижники в той или иной мере испытали скорби и маету сердечную. Первый порыв часто сменяется долгими днями сухости душевной, тоски по прошлому. А тут еще голод, неудобства, холода... Человеку очень трудно устоять в этом изнурительном испытании».

Преподобный Нил вырос в селении под Новгородом, в зажиточной семье свободных крестьян. Что же толкнуло преподобного Нила на трудный путь уединения? Как он сам говорил впоследствии — это поиск мира душевного, желание отречься от житейских

страстей, на которые он успел насмотреться в своей деревне.

Сначала юноша Нил отправился в псковскую землю, в знаменитую Крыпецкую обитель в честь Иоанна Богослова. Монастырь этот был основан преподобным Саввой Крыпецким. Там Нил принял иноческий постриг и несколько лет проводил строгое монастырское житие. А в 1515 году Нил испросил благословение игумена монастыря удалиться в молитвенное уединение. Настоятель не хотел отпускать Нила: «Брат Нил, я не хочу тебя неволить. Но здесь, в монастыре, ты можешь принести много пользы. Ведь ты — хороший пример для других монахов».

Однако Нил все-таки уговорил игумена отпустить его на путь отшельничества. В глухом лесу возле реки Серемхи, что на Валдае, преподобный Нил срубил себе келью и оставался здесь 13 лет. Питался кореньями и грибами, пил только ключевую воду, закаляясь телесно и духовно.

Стали приходиться в лесную глушь, к убогой хижине преподобного окрестные жители. Многие хотели услышать его мудрый совет или слово утешения. Но были и такие, кто посягал на скудные пожитки отшельника. Однажды лихие люди напали на преподобного, требуя неких сокровищ. Святой Нил вышел к ним с иконой Пресвятой Богородицы — единственным своим достоянием. Разбойники устыдились и просили прощения у преподобного. Он отпустил их с миром.

Но вот однажды, как вспоминал позже преподобный Нил, он во время молитвы услышал неведомый голос: «Ниле! Изыди отсюда и ступай на остров Столбной. На нем ты можешь спастись». Святой спросил жителей, что за остров такой, и вскоре был на Селигере-озере. Возрадовался преподобный красоте необитаемого острова и сказал: «Се, Господи,

покой мой, се жилище мое во век века». Здесь на неполном гектаре земли рос сосновый лес с примесью дуба, струились чистые, как слеза, ключи. На холме, именуемом в народе Столбом, Нил и поселился. Выкопал пещеру и срубил маленькую часовенку. Распахал небольшой огород. Святой избрал себе суровое житие: питался желудями и брюквой. Главный же телесный подвиг преподобного был в том, что он никогда не разрешал себе ложиться. Лишь изредка он позволял себе вздремнуть, повисая пазухами рук на деревянных крюках, вбитых в стену землянки. 27 лет провел он безвыходно на острове Столобном.

Но при жизни святого далеко не все местные обитатели спокойно отнеслись к появлению неведомого отшельника на доселе необитаемом острове. Для многих преподобный стал как бельмо на глазу. Пошли толки: с какой это стати сей чужак в одиночку владеет таким красивым островом? По какому праву?

Кругом по берегам Селигера стояли безбрежные строевые леса, но почему-то именно роща на острове Столобном вдруг ни с того ни с сего понадобилась крестьянам для хозяйственных нужд. Они стали нещадно рубить сосны и дубы, а под конец и вовсе решили спалить все деревья под пашню.

«Молю вас ради Христа, оставьте мне хотя бы одну сосну над моей землянкой!» — так упрашивал недоброжелателей преподобный Нил. Но они не слушали его и подожгли весь остров. Как говорит предание, по молитве святого Нила только его любимая сосна уцелела в пламени.

Постепенно враги преподобного Нила раскаялись в содеянном, убедившись в силе его молитвы и человеческой доброте. Святой победил их злобу своим смирением и любовью. Многих он оградил от житейских бед своими разумными советами, многих укрепил в христианской вере и благочестивой жизни.

Однако святому Нилу еще предстояли тяжкие испытания, и вновь — от разбойников. Они думали, что люди приносят преподобному деньги.

«Ты представляешь, сколько серебра скопилось у этого старца в его землянке за столько лет? Ведь он ни на что не тратится! Пойдем и ограбим его».

В то время святой Нил копал огород. Разбойники подошли к нему и стали требовать накопленных сокровищ. Преподобный привел их к себе в землянку.

«Вот, чада, все мое сокровище. Там, в углу».

И грабители увидели икону Пресвятой Богородицы. Больше, кроме ветхого рубища, в келье не было ничего. С тех пор этот чудотворный образ именуется Селигерской иконой Божией Матери.

Духовником отшельника стал игумен соседнего Никольского монастыря Сергей, который и причастил преподобного Нила Святых Таин перед его кончиной. Нил Чудотворец отошел ко Господу в 1555 году, 20 декабря по новому стилю. Монахи погребли его честное тело в могиле, которую преподобный сам для себя выкопал, да и гроб был заранее вытесан его руками. А через сорок лет, согласно пророчеству святого Нила, здесь, на острове Столобном, возник мужской монастырь его имени.

А.А. Аннин

Преподобный Максим Грек

На вторую половину XV века приходится расцвет эпохи Возрождения. В это время в Италии невероятно возрос интерес к древнегреческой культуре, к античной философии и литературе. Этому способствовала и греческая диаспора, которая разрослась после гибели Византийской империи. В знаменитых итальянских университетах преподавали греческие

профессора, эмигрировавшие из покоренного Константинополя. В самой же Греции после ее захвата турками серьезное обучение наукам было уже невозможно. Поэтому многие обеспеченные византийские семьи, желая дать своим детям хорошее образование, посылали их учиться в Италию.

Из такой семьи происходил и Максим Грек. Он родился около 1470 года и в крещении был назван Михаилом. Его семья проживала на захваченной турками территории. Михаил, получив начальное образование дома, для продолжения учебы отправляется на Запад. Он слушал лекции в крупнейших центрах культуры — Париже, Милане, Венеции, Болонье, Падуе, Флоренции... Тесно общаясь с учеными-гуманистами, он поначалу сам увлекся веяниями новой эпохи, зараженной неверием и нечестием. Вот что пишет один из современников Максима: «Грехи и злодеяния в Италии умножались потому, что эта страна потеряла веру во Христа. Вера пошатнулась даже и у самих предстоятелей Западной Церкви». Многие тогда смеялись над христианством. Его находили слишком простым, годным только для старых женщин и невежд. Некоторые же видели в нем обман и выдумку, полагая, что все в мире, и особенно человеческая жизнь, есть только дело случая. Другие утверждали, что все управляется движением звезд и планет. Так было во всей Италии, а особенно во Флоренции.

Учась во Флоренции, Михаил вдруг стал замечать, что с горожанами стали происходить поразительные перемены. Жители самого развращенного города Италии вдруг один за другим стали отрекаться от прежнего образа жизни, сжигать соблазнительные книги, картины, предметы роскоши, жертвовать свои состояния неимущим, налагать на себя обеты воздержания, милосердия и трудолюбия. Все это стало

происходить благодаря проповедям настоятеля местного монастыря Иеронима Савонаролы. Он вышел на улицы города с резкой критикой культуры Возрождения, которая развращала нравы и удаляла от Христа. В своих проповедях он смело обличал пороки современной ему Католической Церкви, призывая даже созвать Вселенский Собор. Иероним желал низложить Римского папу Александра VI, известного всем своей безнравственной жизнью. Проповеди Савонаролы перевернули жизнь и юного Михаила. Юный грек становится учеником Иеронима и принимает постриг в его монастыре.

Обличения Савонаролы вооружили против него церковную и светскую власть. Из-за боязни расправ со стороны папского престола флорентийцы отреклись от своего духовного лидера. Иеронима обвинили в ереси и сожгли. После казни Савонаролы духовная жизнь в его монастыре замирает. Между тем религиозность Михаила побуждает его к дальнейшему духовному поиску. Он уезжает из Италии. Западный католический мир не мог удовлетворить духовных запросов Михаила. Он возвращается в Грецию, к византийской духовной традиции, к которой принадлежал с рождения. Однако Иероним Савонарола как служитель Истине остался на всю жизнь идеалом Максима. Он везде готов был подражать своему учителю: говорить правду сильным, разоблачать лицемерие, ханжество, заступаться за угнетенных и обиженных. Впоследствии, уже будучи православным монахом, преподобный Максим с большой любовью вспоминал Савонаролу. В своих сочинениях он сравнивал его с древними подвижниками, говоря, что это был «яко един от древних, токмо что латинянин верой... И хотя латиняне во многом соблазнились, но не до конца еще отпали от веры, надежды и любви...».

Вернувшись в лоно Православной Церкви, Михаил принимает постриг на Афонской Горе с именем Максим. Около десяти лет он занимается здесь своим образованием, изучая творения святых отцов и учителей Церкви. В 1515 году на Афон прибывает посольство из Москвы от великого князя Василия III с просьбой направить на Русь переводчика с греческого языка. Совет старцев определил для этой поездки монаха Максима. В Москве Василий принял Максима очень радушно. Поселил в кремлевском Чудовом монастыре и кормил с княжеского стола. Максиму поручалось перевести несколько греческих книг. Работал он быстро и потому надеялся вернуться на Афон уже на следующий год. Но волею Божией ему было суждено остаться в России навсегда.

Несмотря на плохое знание русского языка, Максим быстро освоился с новой обстановкой. Его келья становится центром ученых споров того времени. К нему тянутся умные и образованные люди, общение с которыми познакомило ученого инока с русской церковной, государственной и общественной жизнью. Великий князь заказывает ему все новые и новые переводы, наряду с которыми Максим создает немало своих произведений, в том числе и обличительного характера. Подражая своему учителю Савонароле, он смело обличал не только пороки, царившие среди русского народа, но и обнажал злоупотребления власти на Руси. Это не могло нравиться власть имущим. Недоброжелатели стали обвинять инока в политической неблагонадежности и приговорили к заключению. Ему было запрещено писать и читать книги. Через несколько лет Максима осудили повторно и сослали в Тверской монастырь. Максим не признал выдвинутых обвинений, в то же время считая их врачеванием своих грехов. «Меня морили

дымом, морозом и голодом не за какую-нибудь ересь, а за грехи мои премногие», — пишет он.

Около 30 лет провел Максим Грек в заключении. О его освобождении ходатайствовали Константинопольский, Иерусалимский и Александрийский патриархи, афонские монахи. Лишь после этого его перевели в Троице-Сергиев монастырь и разрешили причащаться. Однако окончательного своего освобождения он так и не добился, скончавшись в 1556 году.

Как самостоятельный православный мыслитель, Максим Грек является автором 365 различных сочинений. Даже находясь в заключении, он почитался многими как непрекаемый авторитет в богословии. Труды Максима Грека оказали большое влияние на развитие религиозно-философской, правовой и политической мысли в России.

М.В. Первушин

Митрополит Макарий Московский

К середине XVI века Московская Русь становится централизованным православным государством. Это время характерно духовным единением и сплочением Руси. Немало усилий к этому приложил московский митрополит Макарий. Этот «чудный муж», — как назвал его летописец, своими неустанными трудами создал целую эпоху в жизни Русской Церкви, Русского государства и русской культуры.

Святитель Макарий родился в 80-х годах XV века. Став священником, он рано овдовел и принял монашеский постриг в Боровском монастыре. Через некоторое время его как образованного и деятельного монаха назначают сначала настоятелем Можайского монастыря, а затем в 1526 году — архиепископом

Великого Новгорода. На эту кафедру более 15 лет не назначали архиерея. Такой мерой великий князь Василий III пытался привести вольнолюбивых новгородцев к полной покорности Москве. Однако Василий понимал, что долгое отсутствие архипастыря может привести к нарушению церковной жизни в епархии. Великий князь искал человека, который смог бы, сохраняя лояльность к Москве, снискать любовь новгородцев. И таким человеком оказался святитель Макарий.

Взойдя на Новгородскую кафедру, Макарий показал себя как мудрый архипастырь и талантливый администратор. Он за короткий срок сумел восстановить и наладить епархиальную жизнь, заслужив своей деятельностью любовь новгородцев. Одним из первых начинаний Макария, согласно летописи, была организация миссии среди поморцев. Он принимает активные меры и по распространению христианства на северных окраинах своей епархии. Макарий начинает капитальный ремонт обветшавшего Софийского собора — главной новгородской святыни. Летописное сообщение о благоуукрашении Макарием Софийского храма впервые за всю историю летописания так пространно и обстоятельно. Летописец отмечает, что даже у скептически настроенных новгородцев «пропадало всякое недоверие к новому архиерею, когда они видели преобразившийся собор и его труды на благо епархии». Одновременно с ремонтом Софии шло обновление других обветшавших храмов, а также строительство новых. В течение десяти лет в одном только Новгороде было построено свыше 30 церквей. Возводя храмы, Макарий заботился и об их убранстве. При нем достигают своего расцвета мастерские, где изготавливаются предметы церковной утвари и иконы. Другим важным начинанием святителя явилась монастырская реформа. Макарий вво-

дит общежительный устав в большинстве новгородских монастырей. После этой реформы, согласно летописи, стало расти число иноков.

Однако более всего святитель Макарий знаменит своими литературными трудами. Он предпринял попытку собрать воедино все книги, читаемые на Руси. Таким образом появились знаменитые «Великие Четьи-минеи» — сборник, включавший большинство произведений духовной литературы Древней Руси. В целом его объем занимает около 30 тысяч листов. Труд этот, начатый в Новгороде, Макарий продолжил и позднее, став в 1542 году митрополитом Московским.

Начало первосвятительства Макария пришлось на сложное время политических интриг и дворцовых усобиц при малолетнем Иване Грозном. Его предшественники были сосланы в дальние монастыри спорящими между собой боярскими партиями. Видя борьбу бояр за власть, митрополит Макарий ясно осознавал необходимость устройства на Руси царского единодержавия. Именно поэтому в 1547 году он венчает юного Ивана Грозного на царство, полностью соблюдая византийский церковный обряд коронования императоров. Через некоторое время от Константинопольского патриарха была получена грамота, признающая царское достоинство за Иваном и его потомками. Таким образом, православный мир окончательно признал рождение нового Московского царства. Эти обстоятельства заставляли по-новому осмыслить и статус Русской Церкви. Чуть позже, менее чем через полстолетия, московских митрополитов нарекут патриархами. Немало сделал для этого митрополит Макарий, которого называют «собирателем Русской Церкви».

Святитель Макарий возродил соборное начало в церковной жизни Руси. При нем через каждые

полтора-два года собирались соборы, на которых принимались важные решения по церковному устройению. Первые из них были посвящены утверждению духовного величия Русской Церкви. На них были канонизированы 39 новых русских святых. Эти соборы вызвали большой духовный подъем в русском обществе. Летописец радостно замечает: «Теперь сияет земля Русская славою святых своих по всей вселенной». Канонизация святых в свою очередь способствовала развитию русской книжности, литературы и иконописи.

Не забывал митрополит Макарий и о внутренних проблемах Русской Церкви. В 1551 году был созван Собор, который получил название «Стоглав». Этот Собор был призван искоренить нестроения и содействовать упорядочению христианской жизни на Руси.

С именем митрополита Макария связано еще одно начинание, имевшее огромное значение для дальнейшего культурного развития России, — начало книгопечатания. Решение о необходимости открытия типографии было принято на Стоглавом Соборе. Однако святителю так и не удалось увидеть результаты этой работы. Лишь в 1564 году, через год после кончины первосвященника, вышло в свет первое издание — знаменитый московский Апостол.

Разносторонняя деятельность митрополита Макария поражает. Он и монах-аскет, и писатель-богослов, и умелый организатор, и труженик на ниве духовного просвещения. Всегда и ко всем доброжелательный, митрополит Макарий принадлежал к тем избранным людям, которые одним своим присутствием облагораживают и возвышают окружающих. Его вклад в развитие русской культуры и государственности огромен.

М.В. Первушин

Иван Грозный и митрополит Московский Филипп

Иван IV, прозванный Грозным, — одна из самых противоречивых личностей в истории России. Это был талантливый политик, писатель, церковный гимнограф и композитор. Иван не раз думал об отречении от престола и принятии монашества. Сама опричнина была задумана Грозным по образу иноческого братства. Все опричники вместе с царем должны были ежедневно посещать церковные службы, которые длились порой до 8 часов. По свидетельству современников, «царь сам читал и пел на клиросе и клал такие земные поклоны, что со лба его не сходили кровоподтеки».

И в то же время все эти внешние формы благочестия уживались в его душе с бесчисленными злодеяниями. Более того, Иван убеждал себя в том, что страшные и жестокие деяния вершатся им ко благу России и торжеству Православия. Тот же, кто указывал Ивану на его проступки и заступался за невинных, становился врагом царя. А к таким людям Иван был безжалостен. Пример тому — жизнь митрополита Московского Филиппа.

Святитель Филипп происходил из знатного боярского рода Колычевых, приближенных ко двору великого князя. В 1537 году, когда малолетний Иван остался сиротой, боярские партии развернули активную борьбу за власть. Дворцовые усобицы и трагическая смерть близких людей заставили будущего святителя по-иному взглянуть на жизнь. Он тайно покидает дворец и уходит на Соловки — в самый далекий северный монастырь. Здесь он принимает постриг, скрыв от настоятеля свое боярское происхождение. В течение десяти лет простым иноком Филипп несет различные послушания. Он пасет овец, работает на пекарне,

рубит дрова и убирает навоз. Искреннее благочестие и самоотверженный труд Филиппа заметил игумен и, умирая, избрал его себе в преемники. Смиренно приняв игуменский сан, Филипп развернул на острове кипучую деятельность. Его по праву называют вторым основателем монастыря. За 18 лет игуменства Филипп преобразил весь Соловецкий архипелаг. Он построил сеть дорог, осушил болота, вырыл более ста озер, соединив их между собой каналами и плотинами. Его гидротехнические сооружения до сих пор вызывают изумление у современных инженеров. Игумен Филипп построил на острове кирпичный завод, и вскоре все деревянные постройки монастыря были заменены на каменные. Он организовал большой скотный двор и молочное хозяйство. Он запустил на острове стада северных оленей и завел мастерские для выделки меха.

Филипп несколько раз приезжал в Москву для участия в церковных Соборах и по нуждам монастыря. Он сам и его деятельность не могли остаться незамеченными царем. В 1566 году Иван Грозный прислал Филиппу грамоту с приглашением в Москву для «духовного совета». Царь хотел найти в Филиппе верного сподвижника, духовника и советника. Известный своей святой жизнью соловецкий игумен, по мнению Грозного, должен был укротить нечестие и злобу Боярской думы. В лице Филиппа Иван видел нового первосвященника Русской Церкви. Узнав о намерении царя, Филипп принял решение отказаться. Но Собор русских иерархов уговаривает Филиппа, и он также смиренно, как когда-то принял игуменство, принимает в управление Русской Церковью. Условие Филиппа уничтожить опричнину царь не принял. Он постарался доказать новому митрополиту ее необходимость и договорился с ним, что Филипп не будет вмешиваться в дела государственного управления.

В то же время Иван оставил за митрополитом право советовать ему, как и «прежние митрополиты советовали его отцу и деду».

Всего лишь полтора года после избрания Филиппа митрополитом в Москве не было слышно о казнях. Весной 1568 года кровь вновь полилась рекой. Многих казнили без суда и следствия, и никто не смел заступиться за опальных. Митрополит Филипп не мог больше молчать при виде стольких злодейств и страданий. Первые его беседы с царем происходили наедине. Святитель также писал Ивану, призывая его опомниться и прекратить кровопролитие. Общеизвестно ставшее поговоркой выражение Грозного о посланиях Филиппа — «Филькина грамота».

Убедившись, что царь не внимает его призывам, митрополит решается всенародно обличить Ивана. Это произошло во время воскресного богослужения в Успенском соборе Кремля. Царь пришел в ярость и, угрожая, велел Филиппу замолчать, на что тот ответил: «Государь! Не думаешь ли, что боюсь я смерти? Лучше умереть невинным мучеником, чем в сане митрополита безмолвно терпеть ужасы и беззакония. Я не посылаю ни просьб, ни ходатаев, чтобы получить сан святительский. Ты сам лишил меня моей пустыни». С этими словами митрополит снял митрополичью мантию, но Грозный остановил его, заявив, что Филиппу следует прежде дожидаться суда над собой. Иван без труда нашел недоброжелателей, которые в угоду царю лжесвидетельствовали на Филиппа. Его обвинили в порочной жизни, колдовстве и государственном заговоре. Царь настаивал на смертной казни. Но большинство духовенства понимало несправедливость обвинений и вымолило ему жизнь. Филипп был осужден на извержение из сана и заточение в монастырь. Лишь в одном Филипп мог найти себе утешение — в любви к нему простого народа. От ворот

Никольского монастыря, места его заточения, не отходила народная толпа. Тогда Иван приказал увезти Филиппа из Москвы в Тверской Отрочь монастырь.

Между тем над Русью продолжала бушевать гроза. Теперь уже никто не смел прекословить царю. И он громил целые города собственного государства. В один из походов Иван, проезжая мимо Твери, послал к митрополиту Малюту Скуратова. На его просьбу благословить царя и его начинания Филипп стал обличать царские беззакония, чем вызвал гнев Малюты. Он набросился на немощного узника и задушил его.

Так закончил свою жизнь митрополит Филипп, став мучеником за оскорбляемую царем правду Христову.

М.В. Первушин

Подвиг юродства ради Христа на Руси

В христианской Церкви юродство ради Христа как определенный тип святости возник еще в IV веке. Древний церковный историк Евагрий говорит об этом подвиге как о высшем выражении православного подвижничества. Юродство изначально было характерно только для византийской религиозности. Оно никогда не было распространенным на Западе. С XIV века юродство исчезает в Византии и становится исключительно русским явлением. Из сорока юродивых, прославленных всей Православной Церковью, лишь шесть жили в Византии, остальные — на Руси. Сегодня известно более четырехсот юродивых, почитаемых в Русской Православной Церкви. Практически каждый крупный город Русской земли имел своего юродивого. Термин «юродивый» произошел от слова,

которое в славянском языке обозначает «глупый, безумный, простой». В древнерусских памятниках юродивые еще именуются блаженными. Особенность этого служения состояла в том, что юродивые приносили в жертву Богу не только свое имущество и всю свою жизнь, но и высшее дарование Бога человеку — разум. Живя среди общества, юродивые сознательно исключали себя из него. Они терпели упреки в безумии, презрение и поношения. Однако в юродстве нет и тени отвержения мира. Юродивый прежде всего низко ценит внешнюю, светливую сторону жизни, презирает мелочное угождение себе, боится житейских удобств, богатства, но не презирает человека, не отрывает его от жизни.

Юродивый Христа ради все время совершает предосудительные поступки, прикрывая свою святость, «творя похабное». Притворно изображая какую-либо страсть или порок, он наглядно показывает всю гнусность греха. Он не искренен в этом непотребстве, а лишь насмехается над ним. Для тех, кому предназначены такие «отрицательные» уроки, они приносят больше пользы, чем все наставления и проповеди. Юродивый не боится говорить правду и самому царю. И даже более того — царя он обличает и чаще, и суровее, потому что преступления царя и заметнее, и ужаснее по своим последствиям. Об этом служении юродивых свидетельствуют и воспоминания иностранцев-путешественников: «Русский народ особенно чтит юродивых... Они, подобно пасквилям, указывают на недостатки знатных и государя, о которых скажи кто другой, сразу подвергнет себя смертельной опасности». Юродивые выступают как обличители произвола, насилия и корыстолюбия несправедливой власти. В XVI веке на Руси обличение царей и сильных мира сделалось неотъемлемой принадлежностью юродства. Этот же век дал и одного из самых почитаемых

московских юродивых — святого Василия Блаженного.

Святой Василий вел бродячую жизнь, ходя нагим по Москве и не имея собственного угла. Все его поступки при кажущемся безумии имеют скрытый смысл. Он уничтожал товары на рынке, наказывая недобросовестных торговцев. Он швырял камни в дома благочестивых людей и целовал стены домов, где жили грешники, так как у первых, говорил он, снаружи толпятся изгнанные страсти, у вторых — плачут добродетели. Данное царем золото он отдает не нищим, а купцу в чистой одежде, прозрев о том, что купец потерял все свое состояние и, голодая, не решается просить милостыню. Поданное царем питье он выливает в окошко, чтобы потушить далекий пожар в Новгороде.

Не раз Василий обличал Ивана Грозного. По воспоминаниям путешествовавшего по Руси иностранца, «он сумел упрекнуть царя в жестокости, оставшись при этом живым». Иван боится тронуть блаженного. Василий оказывается в Новгороде во время казней и погрома города в 1570 году. Он зазывает к себе Ивана и угощает его в Великий пост сырым мясом. Иван, увидев мясо, отказался от него, сказав юродивому: «Я христианин и в пост мяса не ем». На что блаженный возразил: «А кровь христианскую пьешь!» Обличенный царь приказывает остановить казни и спешно покидает город.

Неправда, которая торжествует в мире и в государстве, требует ответа христианской совести. И эта совесть выносит свой суд тем свободнее, чем меньше она связана с миром, чем радикальнее отрицает мир. Юродивый, таким образом, выступает как поборник Христовой правды в жизни общества и государства.

О широком почитании юродивого Василия Московского говорит посвящение ему храмов сразу пос-

ле его смерти еще в XVI столетии. Даже знаменитый Покровский собор на Красной площади, в котором был погребен блаженный, народная молва переименовала в собор Василия Блаженного.

Необычное обилие «Христа ради юродивых» в святцах Русской Церкви и высокое народное почитание юродства придают этой форме христианского подвижничества национальный русский характер. Понимание этого русскими людьми, влияние на жизнь русского человека отражаются в народных сказках. В них главный герой Иван-дурак похож на юродивого тем, что мудрость его скрыта. На первый взгляд его противостояние миру выглядит как конфликт глупости и здравого смысла. Однако потом открывается, что глупость только притворная или мнимая, а здравый смысл средни подлости.

В юродстве есть устремленность к высшей правде, обычно затертой житейской мелочностью. От него веет подлинным, религиозным вдохновением, перед которым склоняются все. Его служение миру происходит в своеобразной проповеди, которая совершается не словом и не делом, а силой Духа. Не каждый способен на такой подвиг. Поэтому Христа ради юродивые не образцы для подражания, а исключения, которых Господь избрал Сам нести это нелегкое, но столь необходимое для общества служение.

М.В. Первушин

«Священная» инквизиция

В то время как в России Иван Грозный вел политическую войну со своими подданными, уничтожая мнимых политических изменников с помощью опричнины, в Европе шли религиозные войны европейских

монархов с собственным народом посредством инквизиции.

Начало деятельности инквизиции как особого церковного суда Католической Церкви было положено в XIII веке папой Иннокентием. Свое название инквизиция получила от латинского термина, обозначающего «розыск» или «расследование». В обязанность инквизиторов входило расследование преступлений против католической веры и суд над теми, кто эти преступления совершал. Инквизиция действовала почти во всех католических странах. Однако, чтобы еще более расширить ее полномочия, в середине XVI века папа Павел III учредил особую, папскую инквизицию, которая стала называться также «священной канцелярией». Она получила от папы право действовать во всем христианском мире. Эта папская инквизиция просуществовала до XX века и была реорганизована только в 1965 году.

Учреждение инквизиции пытались оправдать призывом Христа: «Любите врагов ваших». Инквизиторы объясняли весь ужас пыток и смерть на костре проявлением любви к врагам Церкви. Будто бы через физические страдания и смерть еретика они заботятся о спасении его души. Их лозунгом были слова: «Лучше разрушить тело, чем дать погибнуть душе». Однако те методы, которыми инквизиторы пытались спасти души еретиков не поддаются описанию. По высказыванию историков инквизиции: «Перо опускается, не в силах вынести тех зверств и ужасов, которые творились “священной канцелярией”».

Служителям инквизиции было строго предписано не руководствоваться состраданием. «Выбранная жертва связывалась такими путами, — пишет один из современников инквизиции, — вырваться из которых было невозможно. Всякая попытка освободиться от

них еще ту же затягивала узлы». Обвиненному нельзя было знать имени обвинителя. Причем инквизиторы принимали свидетельства не только от преступников, но даже и от малолетних детей. Формально подозреваемому разрешалось иметь адвоката, но никто не желал его защищать, так как в результате и сам защитник мог оказаться под подозрением. Инквизиция могла обвинить свою жертву в чем угодно. Согласно правилам расследования, само наличие обвинения служило доказательством его обоснованности.

От суда инквизиции не спасали ни социальное положение, ни пол, ни возраст, ни даже смерть. Осуждение распространялось на родственников и потомков в трех поколениях. Крестьянин, защищавший свою собственность от грабительства слуг «священной канцелярии», девушка, не соглашавшаяся на порочную связь с ними, ученый, изучавший непонятные для инквизиторов законы, — все они могли быть обвинены в сношениях с дьяволом. Их пытали, а затем сжигали заживо. Один францисканский монах публично заявил, что «инквизиция при существующей системе могла обвинить в ереси самих апостолов Петра и Павла, и они были бы не в состоянии защитить себя». За такую смелость монаха подвергли пыткам, а затем сожгли.

С особым недоверием инквизиция относилась к людям науки, считая их опасным рассадником еретических воззрений. Были взяты на подозрение все, кто занимался научными изысканиями. Под давлением «священной канцелярии» были распущены академии наук в Модене и Неаполе. Испанский философ Вивес в начале XVI века писал: «Мы живем в столь тяжелые времена, когда опасно и говорить, и молчать, так как и в том, и в другом случае вам могут приписать великое множество проступков». Ему вторит один итальянский богослов того времени: «Сегодня становится

все труднее быть христианином и умереть в своей собственной постели».

В 1555 году вновь избранным папой становится верховный инквизитор, принявший имя Павла IV. Несмотря на преклонный возраст (а ему в момент избрания было 79 лет), Павел IV продолжал с прежним рвением преследовать еретиков. Хронисты отмечают, что он не пропустил ни одного еженедельного заседания инквизиционного трибунала. Ему всюду, даже в своем ближайшем окружении, мерещились еретики, которых он старательно уничтожал. Находясь на смертном одре, папа завещал оказывать максимальную поддержку «священной канцелярии». Павел IV управлял Римской Церковью всего лишь четыре года, но за это время он сумел настроить против себя всю Италию. Сразу после его смерти римляне напали на Капитолий и разрушили статую Павла, установленную в его честь еще при жизни понтифика. Голову же статуи вывалили в нечистотах и бросили в Тибр.

Самой же кровавой в истории инквизиции считается испанская инквизиция. Она свирепствовала под непосредственным руководством испанских монархов. Даже в 1826 году там еще пылали костры «священной канцелярии», но это уже был закат непобедимой организации.

Едва ли человеческий ум когда-либо придумает нечто более жестокое и мучительное, чем то, что применяли для «спасения» душ еретиков инквизиционные трибуналы. Сотни тысяч сгоревших на костре, миллионы томившихся в тюрьмах, искалеченных, отверженных, лишенных имущества и доброго имени — таков общий итог деятельности инквизиции. Среди ее жертв — участники еретических движений и противники папства, руководители восстаний, философы и естествоиспытатели, гуманисты и про-

светители. Имена многих людей благодаря инквизиции стали символом верности патриотическому долгу и научным убеждениям. К числу наиболее известных жертв «священной канцелярии» принадлежат Николай Коперник, Галилео Галилей, Иероним Савонарола, Жанна д'Арк и Джордано Бруно.

Весь ужас инквизиции с ее бесчисленными жертвами стал для западного христианства историей церковного террора и преступлений против человечности.

М.В. Первушин

Мартин Лютер

Нестроения, существовавшие в Римской Церкви еще со времен Джона Виклифа и Яна Гуса, в конечном итоге привели западное христианство к расколу. В начале XVI века в Германии зарождается движение за церковное обновление, названное позже протестантизмом, или Реформацией. Во главе этого движения встал немецкий монах и священник Мартин Лютер.

Лютер родился в 1483 году в семье рудокопа. «Мои родители, — вспоминал Мартин, — держали меня в строгости, доходящей до ужаса. Как-то раз отец высек меня розгами так сильно, что потом при одном только его виде я вздрагивал от страха. Мать же за незначительнейшую провинность секла меня до крови». Такое же воспитание было и в сельской школе, которую посещал Лютер. Однажды к ним в класс пришел новый учитель, который выпорол Мартина до полусмерти за то, что тот не ответил урок, который еще не был изучен. Такое же представление старались внушить детям и о Боге, как о неумолимо-строгом и всегда разгневанном Судье. Лютер писал:

«Мы, дети, бледнели при одном только имени Иисуса Христа».

В 17 лет Лютер отправился учиться в Эрфуртский университет, где по настоянию отца он стал заниматься законоведением. Однако надеждам отца не суждено было сбыться. Возвращаясь в университет после очередных каникул, Мартин был застигнут в поле внезапной грозой. «Упав лицом в траву, — позже вспоминал Мартин, — я в ужасе ждал, что сейчас меня убьет молнией. Губы автоматически начали шептать молитву: “Господи, спаси, заступись, помилуй!” И вдруг, неожиданно для себя, но чувствуя, что в том слове, которое сейчас произнесу, будет большая сила, чем во всех громах и молниях, я сказал: “Постригусь!” И понял, что спасен. Над самым моим теменем что-то вспыхивало и гремело. В воздухе пахло серой. По лицу дождем и градом хлестал вихрь. Молнии падали и падали так часто и близко, что казалось, не могли не убить. Но я уже ничего не боялся. Встав во весь рост, я кричал: “Постригусь! Постригусь! Постригусь!”, — и чувствовал, что одним этим словом, как нерушимой стеной, огражден от грозы». На следующий день Мартин прекратил работу над магистерской диссертацией, а через неделю стал послушником в монастыре.

Вся жизнь молодого монаха внешне была одним сплошным подвигом. Однако это не приносило Лютеру душевного покоя. В сердце было сомнение, страх и тайное желание ненавидеть Бога. «Моя внутренняя жизнь была адом! Имя Христа по-прежнему ужасало меня и, когда я смотрел на Крест, то видел молнию», — говорил Лютер. Через 12 лет после исторической грозы разразилась гроза религиозная, причиной которой стал Лютер. Он так и не смог найти покоя в душе. Утешая себя мыслью о спасении лишь одной верой, он подменил внутреннюю духовную борьбу

внешним протестом и активной деятельностью. Лютер начал процесс Реформации, расколовший западных христиан на католиков и протестантов.

Публичным выступлениям Лютера предшествовало прибытие в Германию папских посланцев для сбора средств на постройку нового собора в Риме. Они были уполномочены продавать индульгенции. Послы вели себя кощунственно и цинично, надсмеаясь над чувствами верующих. Их поведение вызвало у Лютера бурю негодований. 31 октября 1517 года он прибил к дверям храма, в котором служил, 95 тезисов против отпущения грехов за деньги. Своим поступком Лютер хотел открыть научный диспут и обратить внимание богословов на неправильную постановку вопроса о прощении грехов за деньги. Он не мог и предположить, что этот день войдет в историю, как день рождения Реформации, став государственным праздником многих европейских держав.

Не прошло и месяца, как тезисы Лютера распространились по всей Германии, попав и на рабочий стол папы Льва X. Внимательно прочитав документ, разъяренный епископ заявил: «Когда этот пьяный немец протрезвеет, он ужаснется тому, что написал». Но Лютер не трезвел. Он терпеливо излагал свои доводы, пока не понял, что их и не хотят слушать. Все более и более ожесточаясь, немецкий проповедник стал клеймить разврат, стяжательство и властолюбие папского двора. Не стесняясь в выражениях, он обзывал римского первосвященника непотребными словами. Лютер заявлял, что роскошь, царящая в храмах, не угодна Богу, и требовал уничтожить иконы и дорогое убранство. Отрицая всю многовековую христианскую традицию и опыт святых, он признавал единственным авторитетом в вопросах веры только Священное Писание. Он также перестал признавать большинство церковных Таинств и институт

монашества. Дабы показать пример своим последователям, Лютер, будучи сам монахом, взял в жены беглую монахиню, которая родила ему шестерых детей.

Мартин Лютер был признан еретиком и отлучен от Римской Церкви. Но он не боялся быть сожженным, как Ян Гус. Реформатор видел поддержку народа и правящих немецких кругов, которые не выдали его церковному собору. На отлучение он отвечает обращением к немецкому дворянству, призывая разорвать отношения с Римским престолом. Папа в послании к императору требовал «покончить с этой чумой». Однако Карл V не хотел восстановить против себя народ. «Здесь, в Германии, — писал он в ответ, — действие Лютера на все умы таково, что схватить и казнить его... значило бы поднять во всем народе восстание». «Девять десятых немцев кричат: “Лютер”, а одна десятая: “Смерть папе”», — доносил из Германии в Рим папский посланник.

Через 20 лет после начала Реформации Лютер скончался. Умирал он тяжело. Находясь в горячке, он никак не мог успокоиться и все время повторял в бреду: «Не надо... оставьте...» Один из его последователей подошел к постели и громко спросил: «Досточтимый отец! Умирая, веруете ли вы в Иисуса Христа и во все, что вы проповедовали?» «Да», — ответил умирающий Лютер таким неожиданно ясным и внятным голосом, что всем показалось, что этот голос уже звучал не здесь. Лютер же, успокоившись, заснул навсегда.

М.В. Первушин

Реформация в Европе

На стене в Вифлеемской часовне в Праге, в которой проповедовал Ян Гус, имеется надпись: «Джон Виклиф высек искру, Ян Гус зажег от нее огонь,

Лютер раздул пламя факела»... и зажег всю Европу огнем Реформации. Видя смелость и безнаказанность немецкого богослова в его борьбе против Рима, многие последовали его примеру. Сразу в нескольких местах Западной Европы независимо друг от друга возникли очаги недовольства Римской Церковью. Практически одновременно с Реформацией в Германии начинаются призывы к реформе в Швейцарии. В Цюрихе — под руководством Ульриха Цвингли, и в Женеве — под руководством Жана Кальвина. И хотя они действовали без обоюдной договоренности, их взгляды во многом совпадали.

Швейцарские реформаторы были настроены решительнее немецких соседей. Они целиком отказались от церковных Таинств и духовенства. Оба пытались создать в отдельно взятом городе теократическое христианское государство, все законы которого строились бы на основе их представления о евангельском царстве. Оба реформатора отличались суровой дисциплиной и крайним нетерпением к чужим мнениям в вопросах веры. Жестоко и беспощадно они преследовали своих идейных противников, даже из числа протестантов. И казни их порой были более страшны и массовы, чем у римской инквизиции. Недовольные такой необоснованной диктатурой реформаторов обвиняли их в чрезмерной жажде власти. Кальвина прозвали даже «женевским папой». Но это не мешало им воплощать в жизнь свои идеи.

Женеве и Цюриху они дают суровый дисциплинарный устав, регламентирующий духовную жизнь горожан. За нарушение устава полагались строгие наказания вплоть до смертной казни. Кальвин требовал от прихожан, чтобы они вели жизнь строгую, трезвую и экономную, говоря: «Коль скоро человек испорчен грехом, его необходимо держать в строгой узде». Первым он надел эту узду на себя. Были

запрещены любые увеселительные зрелища и заведения. Смертная казнь полагалась за богохульство, к которому приравнялись также непочтение к родителям, супружеские измены, карточная игра и танцы. Богохульством считалось и непосещение богослужений. Наказание было предписано даже человеку, заснувшему во время проповеди. Цвингли ко всему прочему привлекал к ответственности также за бранные слова и сквернословие. Такая суровая дисциплина и жестокие наказания за провинности создали из Женевы и Цюриха островки высокой нравственности. Один современник этих событий, посетивший Женеву, писал: «Внешне этот город казался раем. Он наполнен добродетелями, как корзина цветами. Повсюду царят чистота, порядок, приветливость, благочестие, тишина и духовная радость. Но сколько за это положено человеческих жизней...» Последователи швейцарских реформаторов после смерти Цвингли объединились в одно течение. Их стали называть «кальвинистами», во Франции же они вошли в историю под названием «гугенотов».

Начав распространять идеи Реформации, Кальвин и Цвингли, так же как и Лютер, были простыми священниками Римской Церкви. Успех их реформ во многом зависел от поддержки не только власти, но и простого народа. В Англии же, в отличие от остальной Европы, Реформация была начата по воле короля. Причиной к этому послужил запрет папы Римского на развод Генриха VIII со своей женой. Получив из Рима отказ, король был в негодовании. Он запретил любые выплаты в пользу папы и заставил парламент провозгласить себя главой английской Церкви. Получив духовную власть, Генрих тут же женился на своей любимой фрейлине. Однако вопросы веры не слишком занимали короля. Он не был поклонником Лютера и сначала даже активно поддерживал Рим,

выделяя большие средства на борьбу с протестантизмом. Став реформатором сам, Генрих мало что изменил в церковном вероучении. Даже упразднение монашества было продиктовано его желанием обогатиться за счет Церкви. Протестанты на континенте не без сарказма замечали по поводу реформ английского короля: «Евангелие от Генриха довольно просто — это грабеж церковной собственности».

Непризнание реформ английскими католиками и протестантами побудило Генриха начать жестокие преследования. Однако еще большей жестокостью отличались гонения его преемников. Каждый, кто вступал на трон после Генриха, старался утвердить в Англии то исповедание, которому сам следовал, топя в крови несогласных. История Реформации в Англии стала кровавой историей страданий всех инакомыслящих. Завершила реформу английской Церкви дочь Генриха — королева Елизавета I. С помощью протестантских богословов она изменила содержание, сохранив прежнюю форму римского вероисповедания. Этот церковный порядок и сегодня существует в Англиканской Церкви.

Отколов многих западных христиан от Римской Церкви, Реформация не доставила удовлетворения их религиозным потребностям. Именно поэтому после возникновения протестантизма из его среды выходит множество религиозных групп и сект. Их участники выражали недовольство реформой и старались восполнить ее. Одни пытались угодить требованиям разума, другие — требованиям религиозного чувства. Однако, отрицая древнехристианские традиции, они впадали в новые и новые противоречия и продолжали дробиться. И такое деление протестантских общин идет до сих пор, нарушая завет Христа: «Да будут все едины».

М.В. Первушин

Контрреформация Западной Церкви. Игнатий Лойола

Ошибки и злоупотребления западной иерархии привели к тому, что в XVI веке Римская Церковь раскололась на два противоборствующих лагеря — католиков и протестантов. Попытки подавить этот раскол силой оружия привели в конечном итоге к религиозным войнам. Западная империя разваливалась, теряя свою главную опору — веру в непререкаемый папский авторитет.

В 1540 году на прием к папе Павлу III попросился хромой, нищий монах — странствующий проповедник. Павел велел прогнать его, думая, что это один из тех попрошайек, которые вечно толпятся у его дворца. Однако тот уверял, что ему требуется сообщить святому отцу нечто важное. Папа был очень любопытен и, преодолевая брезгливость, велел впустить настойчивого просителя. Через час, отпуская от себя монаха, Павел воскликнул: «Это перст Божий!» На другой же день был издан папский указ об основании нового монашеского ордена «Общество Иисуса», впоследствии более известного под названием «иезуитов». Главой этого ордена стал тот самый хромой монах по имени Игнатий Лойола.

Лойола родился в 1491 году. Он происходил из древнего испанского рода и уже с 14 лет служил при дворе испанского короля. Впоследствии, рассказывая о своей молодости, Игнатий так описывал себя в тот период: «Падкий на успех у женщин, придирчивый в вопросах чести, дешево ценивший как свою жизнь, так и других, я предавался бесконечной роскоши...» Достигнув совершеннолетия, Лойола предпочел придворной жизни рыцарские подвиги. На военной службе он проявлял чудеса храбрости и пользовался славой блестящего офицера. Но вскоре ему пришлось

отказаться как от военной карьеры, так и от придворной жизни.

В одном из сражений 30-летнего Лойола тяжело ранило в обе ноги. В течение двух лет он пролежал в постели в своем родовом замке, но до конца излечиться ему так и не удалось. Изуродованный, забытый своими друзьями и поклонниками, Игнатий был в отчаянии. Чтобы хоть как-то отвлечься от болезни, он стал перечитывать семейную библиотеку. Ему в руки попало несколько книг с житиями святых. Эти-то книги и преобразили Игнатия. Он обнаружил в них героизм не меньший, чем в рыцарских романах. Перечитывая еще и еще раз рассказы о подвигах веры, он начал мечтать не о лаврах воина, а о славе праведника.

Едва оправившись от болезни, Игнатий пешком ушел из родительского дома. Его не могло остановить даже то, что в результате ранения одна нога стала короче другой и он на всю жизнь остался хромым. Лойола начал вести скитальческую жизнь, полную самоотречения и унижения. Конечной его целью была Святая Земля. Там он хотел умереть, посвятив остаток жизни обращению неверных. Однако, достигнув Иерусалима, он очень скоро убедился, что для успеха проповеди необходимы знания, и ему пришлось вернуться в Европу. Лойола принялся с ревностью изучать латынь. В 33 года он стал посещать занятия в начальной школе. Над ним смеялись, называли сумасшедшим, но он не сдавался. Уже через два года он стал слушателем университета, а еще через пять — получил докторскую степень.

Обучаясь в университете, Лойола собрал вокруг себя группу единомышленников. Всех их объединяло одно желание — послужить делу проповеди Евангелия и укреплению Римской Церкви. Игнатий и его товарищи приняли монашество и стали

странствующими проповедниками. Такими их узнал папа Павел III. Ходя с проповедью по Европе, Игнатий Лойола видел, что Реформация приобрела ужасающие масштабы. Со всей горячностью бесстрашного воина он принялся защищать церковные устои и традиции Римской Церкви. В этой борьбе ему не хватало одного — поддержки римского первосвященника, и он ее получил. Папа прекрасно понимал, что торжество протестантской реформы требовало немедленного противодействия. Но это мог осуществить лишь тот, кто безраздельно предан святому престолу. И такого человека папа увидел в лице Игнатия. В разговоре с Павлом III Лойола убедил его создать воинствующий орден, монахи которого, спаянные суровой дисциплиной, явились бы подлинными солдатами папы и верными стражами Римской Церкви. Игнатий стал первым главой «воинов Христовых», как до сих пор именуют себя иезуиты. Он написал устав, благодаря которому орден на много лет вперед сделался ядром боевых сил папства.

Главными правилами ордена были строжайшая военная дисциплина и полная самоотверженность. Кроме монашеских обетов нищеты, целомудрия и послушания, был установлен еще один — полное повиновение папе. Все, что ни повелел бы им римский епископ, они обязывались исполнять беспрекословно и немедленно. Лойола писал: «Подчиненный должен быть подобен кусочку мягкого воска в руках начальника. Откажись от разума и слепо делай то, что скажет тебе твой начальник, ибо он для тебя — наместник Бога». По приказу начальствующего было допустимо совершение даже смертного греха, если это требует другая — высокая цель. Неслучайно поэтому наименование «иезуит» стало в европейских языках синонимом лукавства и обмана.

Иезуитский орден выделялся среди прочих орденов Римской Церкви. Он не имел ни монастырей, ни монашеских одежд. Его члены обязаны были разорвать все родственные связи, если этого требовали интересы Церкви. «У иезуита нет ни родства, ни родины, ни личной дружбы, — звучит в уставе ордена, — интересы папы — его интересы». Новичка учили владеть собой так, чтобы он мог следить за каждым движением мускулов и за каждым словом, им произнесенным, отучаться от всякой эмоции, сдерживать любой порыв. Строжайшая дисциплина среди членов ордена поддерживалась доносами.

«Общество Иисуса» стало чудом организаторского гения Игнатия Лойолы. В короткое время иезуиты смогли проникнуть во все области жизни европейских держав и сделались советниками высших государственных деятелей. С помощью иезуитов папы получили колоссальное влияние на политику многих стран сначала Европы, а потом и мира. Их орден превратился в настоящий форпост Римской Церкви в борьбе с Реформацией.

М.В. Первушин

Судьба Православия в Литве

Орден иезуитов стал главной силой Римской Церкви в борьбе с протестантами. Благодаря суровой дисциплине «воины Христовы» сумели в короткие сроки не только остановить Реформацию, но даже значительно уменьшить ее влияние на европейские державы. Протестанты, притесняемые воинствующим орденом, бежали на пока еще свободные от его влияния территории. В середине XVI века они охотно селились в Польско-Литовском государстве, в котором король Сигизмунд II предоставил всем

вероисповеданиям полную свободу. Влияние Реформации здесь настолько возросло, что многие приходы Римской Церкви во главе с духовенством переходили в протестантство. Пустели монастыри: монахи женились и возвращались в мир. Известен случай перехода к протестантам даже одного польского католического епископа. Рим забил тревогу. В Польшу и Литву были срочно командированы «солдаты папы». Они сумели с помощью «иезуитских» методов изменить отношение престарелого короля к Реформации.

Однако кроме протестантизма и католицизма на территории Польско-Литовского государства существовала еще одна, древневосточная христианская традиция — Православие. Его исповедовало большинство населения Литвы. Переломив реформационное настроение в католических кругах, иезуиты перекинулись на борьбу с восточным христианством. Окрыленные легкой победой над протестантами, иезуиты желали обратить к папству не только православную Литву, но и всю Русь. Чтобы узнать настрой русских, из Литвы в Москву был послан один из членов ордена. Вот как сообщает об этом летописец: «При царе Иване Грозном приезжал в Москву хитрый иезуит Антоний. Он осыпал царя дарами и ласками, кланялся ему в ноги, задобрял речами пряничными, сладкоголосыми, говорил про папу Григория слова хвастливые, что он сопрестольник Христу и ровня Петру апостолу, и просил разрешения соорудить в Москве латинскую церковь». Иван Грозный отвечал посланцу: «Твой папа Гришка — волк, а не пастырь». Трижды иезуит пытался поговорить с царем, но безрезультатно. Уехал он с полным убеждением, что склонить русских государей к измене Православию будет очень трудно. С этого момента основные силы иезуитов сосредоточились не на не-

преклонной Москве, а на православных центрах Литвы — Киеве и Вильне.

Со свойственной им настойчивостью иезуиты смогли проникнуть во все ветви власти Польского государства. Они господствовали на сеймах и в сенате, став советниками самого короля. Под их влиянием король присвоил себе право избирать и назначать на церковные должности тех, кого он сам посчитает нужным. Этим он лишил православных возможности самим избирать себе не только епископов, но и настоятелей монастырей. Таким образом, монастырем, а то и епархией могли управлять лица, не только не принявшие монашество, но даже не православные, добивавшиеся этих мест с одной только целью — пользоваться их доходами. За право владения выгодным монастырем или кафедрой могли вестись настоящие войны.

Вот один красноречивый пример из церковной жизни. При живом волынском епископе король Сигизмунд пожаловал эту кафедру одновременно двум лицам — мирянину-шляхтичу и холмскому епископу. После смерти волынского архиерея шляхтич первым был введен королевским чиновником в управление епархией. Холмский епископ, узнав, что его опередили, вступил с претендентом в настоящую вооруженную борьбу. В бою было убито и ранено несколько сот человек. В конце концов, шляхтич сдался и ночью бежал.

Избирая лиц, заведомо недостойных или неспособных управлять Церковью, власти дискредитировали православную иерархию. В конце XVI века состояние православных еще более ухудшилось, но никто не желал вступить за права верующих. Все церковные должности занимали те, кто был послушным орудием в руках иезуитов. Недовольство выражали только верующие миряне. Так,

присутствовавшие на сейме галицкие дворяне написали нерадивому митрополиту Онисифору укор: «Великому несчастью своему приписать должны мы то, что во время Вашего паствы все мы страшно утеснены... таких насилий, что мы претерпеваем, не делается и под погаными царями... а Ваша Милость подмогу дает и покрывает насильников тех... Жаль нам души и совести Вашей: за все ответ Господу Богу должны Вы отдать».

Из-за вмешательства государства в дела церковного управления в Православной Церкви воцарилась анархия. Равнодушие иерархии и ее зависимость от короля позволили иезуитам беспрепятственно заключить церковную унию. Безвольные православные епископы были согласны на все условия Римской Церкви. В 1596 году в Бресте состоялся собор, где приверженцы унии торжественно приняли акт соединения двух Церквей под началом римского первосвященника.

Провозглашение Брестской унии, совершенное в обстановке насилия и лжи, открыло двери правительственным гонениям. Отныне православные приравнивались к государственным преступникам. Однако, несмотря на то что высшее духовенство перешло к Риму, на защиту Православия встали миряне, объединившиеся в братства. Литовская конфедерация братств составила документ, в котором описывала состояние православного населения: «Насилия умножаются особенно со стороны духовенства и некоторых светских лиц римского исповедания... Наши церкви, монастыри, соборы разорены и опустошены... с грабежом и кровопролитием, с неслыханными ругательствами над живыми и мертвыми. Священники наши не могут крестить младенцев, исповедовать умирающих, отпевать мертвых; тела православных христиан вывозят, как падаль, в поле... закон не блюдет нас...»

Но и православные братства были объявлены мятежными сходками, с которыми необходимо вести борьбу. Иезуиты праздновали победу, но такие преследования только ожесточили православных и привели к еще большему размежеванию двух христианских традиций — западной и восточной.

М.В. Первушин

Установление патриаршества в Русской Церкви

После захвата Константинополя и падения Византии в XIV веке Восточные Церкви оказались в полной зависимости от турецких султанов. С этого времени Россия осталась единственным в мире независимым православным государством. Все христиане Востока смотрели на Русское царство и Русскую Церковь как на главных защитников Православия и искали в них помощи и утешения в своих бедах. Такое возвышение роли русского митрополита завершилось в конце XVI века учреждением на Руси патриаршества.

В царской Москве стало уже привычным принимать не только посольства от других православных Церквей, но и самих восточных патриархов, приходящих для сбора милостыни на церковные нужды. Русские государи и митрополиты со всей широтой и щедростью встречали и одаривали посланцев с Востока, не забывая в то же время подчеркивать свободу и независимость от них Русской Церкви.

В 1586 году на Русь прибыл Антиохийский патриарх. Царь велел сделать ему несколько почетных встреч по пути в Москву. Однако ни он сам, ни русский митрополит в этих встречах не участвовали. Лишь только через неделю по прибытии в столицу патриарх был приглашен в царский дворец. Здесь в

Золотой палате его принял государь, восседавший на троне в полном царском одеянии, окруженный боярами и окольниковыми. Золотое убранство палат, блеск и сияние одежд царя и его окружения поразили патриарха. По воспоминаниям современников, «он, казалось, остолбенел и не мог пошевелинуться. Сопровождавшие его епископы под руки подвели ошеломленного патриарха через всю залу к русскому царю, а тот лишь привстал, принимая благословение от высокого гостя». Пригласив патриарха на царский обед, что считалось на Руси высшей честью, государь велел ему посетить Успенский собор, где русский митрополит намеревался служить литургию. Поспешив туда, патриарх застал там еще более ошеломляющую картину. В блеске паникадил от тысячи горящих свечей, среди икон и рак, обложенных золотом и драгоценными камнями, окруженный бесчисленным сонмом духовенства, в жемчужных ризах стоял русский митрополит. Приложившись к святым иконам, патриарх направился к митрополиту. Тот лишь на полшага сошел со своего места навстречу титулованному гостю и первым преподал ему благословение. Оторопевший патриарх только теперь осознал номинальность своего сана перед реальной главой действительно великой Церкви. «Смутившись, — как отмечает летописец, — он вторым благословил митрополита и еле слышно произнес, что пригоже было наперед митрополиту от него благословение принять, да и перестал о том».

Уезжая из Москвы с богатыми дарами, Антиохийский патриарх был напутствован русским царем исходатайствовать перед другими восточными патриархами решение учредить на Руси патриаршество. Государева просьба была удовлетворена, но исполнение ее откладывалось из-за своеволия турок. Султан в очередной раз сменил патриархов и разграбил

Церковь. Вновь назначенному константинопольскому первоиерарху было не до того, чтобы решать вопрос о русском патриаршестве. Все церковное достояние было разграблено, здание его резиденции обвалилось, а сама патриаршая церковь обращена в мечеть. Нужно было строить новый храм, средств же для этого не было. Тогда патриарх с разрешения султана предпринял путешествие в Россию за милостыней.

Однако в России его ждали с другой целью. Узнав о приезде Цареградского патриарха, вся столица пришла в движение. Многие хотели видеть первосвященителя Византии, матери Русской Церкви, впервые посещавшего Русь. Патриарх с нескрываемым любопытством смотрел на многолюдство русской столицы, красоту ее церквей и удивлялся народному благочестию. Процессия, шедшая к царю, постоянно останавливалась, не имея возможности идти дальше из-за большого стечения народа. Люди просили благословения и радостно приветствовали Вселенского патриарха. С такой же любовью и вниманием он был принят царем. Рассказывая государю о причине приезда, патриарх «обливался слезами, как пишет летописец, и жаловался на жестокость и самовольство турецкого султана, непрерывно восклицая: “Где же, кроме России, смогу я найти усердие, жалость и щедрость для всего восточного Православия?”» Однако царь был в недоумении, не услышав главного — про избрание на Руси патриарха. Узнав о желании царя, глава Константинопольской Церкви прекрасно понимал, что, отказав царю в его просьбе, отношение к нему русских резко поменяется. А с этим будут разбиты и все надежды на восстановление поруганной Вселенской патриархии за счет русских денег. Полгода он обдумывал свое решение, живя все это время в Москве.

В конце концов согласился, сказав: «Да исполнится воля царская! Ведь на всей земле лишь один благочестивый царь — русский. Потому здесь подобает быть Вселенскому патриарху, в старом же Царьграде за наши согрешения вера христианская изгоняется от неверных турок. Благословлю и поставлю того, кого изберет самодержец». Русский царь указал на главу Русской Церкви — московского митрополита Иова. Когда собор утвердил это решение царя, митрополит Иов ответил: «Я раб грешный; но если церковный собор удостоивает меня этого великого сана, то приемлю его с благодарением и нимало вопреки глаголю». И по сей день эти слова первого патриарха повторяет по традиции вновь избранный первосвященитель Русской Церкви.

26 января 1589 года в Успенском соборе Кремля при огромном стечении народа совершилось торжество поставления первого Московского патриарха. Покидая Москву с богатыми дарами, глава Византийской Церкви оставил русскому царю особую грамоту об учреждении в Москве патриаршества.

Возвратившись в Константинополь в 1590 году, патриарх созвал собор всей Восточной Церкви. На нем он объявил, что поставил в Москве патриарха Иова и утвердил право московского собора впредь самому избирать и поставлять себе патриархов. Другие восточные первоиерархи признали это решение вполне законным. Собор также постановил считать Московского патриарха равным по чести и достоинству прочим четырем православным патриархам и определил ему пятое место в диптихе восточных патриархов, после Константинопольского, Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского. Однако, несмотря на это соборное определение, русский первоиерарх фактически как был, так и остался надеждой и опорой всего восточного христианства.

М.В. Первушин

XVII ВЕК

Восстановление православной иерархии в Литве

После Брестского Собора 1596 года большинство православных епископов Юго-Западной Руси и Литвы приняли унию с Римом. Только двое из них остались верны Восточной Церкви и продолжали окормлять православную паству на всей территории Польско-Литовского государства. Видя, что униатские храмы стоят пустыми, а простой люд не желает принимать союза с Римской Церковью, правительство стало вводить унию насильственными методами. Сначала оно действовало только экономическими ограничениями, налогами и лишением гражданских прав «схизматиков» — так называли католики исповедующих Православие. Однако эти методы были малорезультативны. Тогда к делу унии были привлечены войска. Начались гонения, которые еще более усилились со смертью последнего православного епископа. «Дикий фанатизм короля Сигизмунда и иезуитов, — писал один из современников этих событий, — не уступал в свирепости языческим гонителям христианства». Православных силой сгоняли в униатские храмы, заставляя совершать молебствия о здравии римского папы. Чтобы еще более унижить чувства верующих, латинское духовенство переезжало от храма к храму в повозках, в которые вместо лошадей впрягали до 20 и более «схизматиков».

Сопротивляющихся избивали, бросали в тюрьмы и лишали жизни как государственных преступников.

Оставшись без своих архипастырей, православные, чтобы хоть как-то противостать гонениям, стали объединяться в братства. Главной же опорой Восточной Церкви на территории Польско-Литовского государства в это тяжелое время стало казачество. Именно благодаря его силе, сдерживающей порой безумный фанатизм униатов, Православие сумело выжить в Польше, Литве, Белоруссии и Украине.

В 1620 году, возвращаясь из Москвы в Святую Землю, по территории Западнорусской митрополии проезжал Иерусалимский патриарх Феофан. Он получил разрешение от польского правительства посетить православные монастыри, церкви и временно остановился в Киево-Печерской обители — сердце казачьей республики. Ее глава — казачий гетман гарантировал патриарху защиту и свободу. Сюда же под предлогом празднования престольного праздника монастыря — Успения Божией Матери, собрались делегаты от православных союзов и братств со всех районов Польско-Литовского государства. Тайно, под покровом ночи в Киево-Печерском монастыре состоялся собор Западнорусской митрополии. На нем патриарх Феофан восстановил православную иерархию. Были избраны, а затем рукоположены митрополит и несколько епископов. Православные люди радовались восстановлению законной церковной власти. Многие приходы в разных областях Польского королевства, узнав, что для их епархии поставлен православный епископ, письменно заявляли о своей поддержке новому архиерею.

Новость о восстановлении православной иерархии вызвало сильнейшее раздражение униатских иерархов. Узнав о свершившихся хиротониях, они подали донос Сигизмунду, в котором называли патриарха турецким шпионом и возмутителем покоя в ко-

ролевстве. Король был разгневан. Он объявил патриарха Феофана подлежащим аресту и суду, но было уже поздно. Сопровождаемый казаками, патриарх благополучно добрался до границы. Тогда весь гнев был вымещен на православном люде. Приверженцы унии с благословения своих епископов и с одобрения власти устраивали погромы православных дворов, храмов и монастырей. Среди них особенной ненавистью к «схизматикам» отличался полоцкий униатский епископ Иосафат Кунцевич. За свою жестокость он получил прозвище «кровавый душехват».

В его епархии всем православным священникам запрещалось появляться в местах, где находились церкви. Они лишались права совершать богослужения и Таинства. В случае же неповиновения им рубили головы, их топили в реке или вешали. «Схизматиков» запрещалось хоронить на кладбищах и служить по ним панихиды. Тех же, кого хоронили, послушавшись приказа, он велел выкапывать и бросать трупы на съедение собакам. В ответ жители многих городов взялись за оружие. В свою очередь Кунцевич засыпал короля доносами, пока не добился прибытия войска для усмирения непокорных. Жестокость полоцкого епископа к православным была столь сильна, что литовский канцлер написал униатскому митрополиту: «Владыка Иосафат... надоел и омерзел народу как в Полоцке, так и везде. Мы опасаемся, как бы эта уния не стала причиной нашей гибели... Ваша милость, держи его в узде». Однако видя, что даже митрополит не может повлиять на вздорного епископа, канцлер писал и самому Кунцевичу: «Ваша святость позволяет грабить схизматов и отрубать им головы, но Евангелие учит совершенно иным вещам. Уймитесь, а то Ваши действия могут привести к государственной смуте...» Получив письмо от канцлера, Иосафат еще с большим рвением стал насаждать унию, желая даже умереть за нее.

Вновь избранный патриархом Феофаном епископ Полоцка направил грамоту, где призвал православных под свое покровительство. Это еще более разозлило «кровавого душехвата». Приехав в Витебск, Кунцевич нашел все городские храмы пустыми. Жители посещали православные богослужения за городом, в специально устроенных шалашах. Униатский епископ приказал уничтожить не только шалаша, но и всех православных священников Витебска. Это переполнило чашу терпения. Горожане взялись за камни и колья. 12 ноября 1623 года они разогнали охранников епископа, ворвались в его дворец и убили ненавистного им «душехвата». Боясь восстаний в других городах, правительство жестоко наказало жителей Витебска. После смерти Кунцевича притеснения православных усилились по всей стране. Гонения стали настолько жестокими, что в 1624 году православный митрополит Иов обратился к русскому царю с просьбой принять Малороссию в свое подданство.

Несмотря на всем известные свидетельства зверств Кунцевича в отношении православных христиан, в середине XIX века папа Римский канонизировал Иосафата и провозгласил его святым покровителем Польши и России. Римский епископ назвал Кунцевича «апостолом мира и единения», окончательно разъединив тем самым Восточную и Западную христианскую Церковь.

М.В. Первушин

Судьба Восточной Церкви под турецким владычеством

В начале XVII века православным христианам приходилось испытывать притеснения не только в Польско-Литовском государстве. Весь православный

Восток был покорен турецкими завоевателями, которые исповедовали ислам.

Первое время после покорения Византии турки были более благосклонны к христианскому населению, боясь восстания греков. В середине XV века султан разрешил избрать православного патриарха, понимая, что с помощью него можно сохранить контроль над покоренными народами и возродить опустошенную империю. Турецкое правительство не различало своих христианских подданных по национальностям. Для него все христиане, исповедующие одну веру, составляли и одну нацию. Главой этой нации был поставлен Константинопольский патриарх. Султан признал за патриархом не только духовную власть, но и гражданскую, подчинив ему всех христиан Турецкой империи. Таким образом, формально права и власть патриарха при турецком владычестве еще более увеличились. Однако фактически патриарх не имел возможности пользоваться своими правами из-за деспотизма турецкого правительства.

Уже последующие султаны смотрели на христиан с крайним презрением и стремились насильно обратить их в мусульманство, видя в этом богоугодное дело. Тех же, кто отказывался принять ислам, обращали в рабство, предавали пыткам или казнили. Была распространена подать на христианских детей: отбирались красивые и здоровые дети, которых воспитывали в мусульманстве. Православные церкви превращались в мечети, уничтожались богослужебные книги. Правительством была установлена специальная плата за каждое посещение православного храма. Некоторые султаны желали войти в историю с именем «разрушителя веры христиан», стремясь полностью истребить всех православных в империи. За ними не отставали и их подданные. Так, например, в 1570 году в Иерусалим прибыл новый посол султана.

Он велел, чтобы каждый из христиан засвидетельствовал ему свое почтение. Множество монахов лавры Саввы Освященного пришли к нему с подарками. Приняв подарки и удивившись такому большому количеству монахов, посол велел тут же на его глазах умертвить половину из них. «Нельзя допустить такое множество людей в одном монастыре», — сказал он. И султан одобрил его распоряжение.

Общий гнет заставлял слабых людей обращаться в мусульманство. Христианин освобождался даже от смертной казни, если он изъявлял желание принять ислам. Но многие христиане претерпевали и гонения, и мучения, оставаясь непоколебимыми в вере. Даже дети ради веры претерпевали мучения и смерть. Так, в XVII веке один христианский мальчик Николай был отдан родителями для обучения турецкой грамоте. Учитель-турок, восхищаясь прекрасными способностями ученика, всячески старался обратить его в мусульманство, но безуспешно. Тогда он оклеветал Николая в богохульстве. Отрока заключили в тюрьму, подвергли пыткам и, наконец, отрубили голову. За свою твердость в Православии была замучена отроковица Акилина, которую хотел обратить в мусульманство ее отец. Он во время ссоры убил турка и из-за страха казни принял ислам. Желая отвратить от христианства и свою дочь, он подверг ее жестоким истязаниям, от которых она умерла. В числе прославленных Церковью мучеников есть и Павел Русский, живший пленником в Константинополе и отказавшийся поменять веру.

Турки поощряли интриги и борьбу за патриарший престол, которую порой вели греки. Султан ввел особую плату за выборы и утверждение патриарха. Но кроме султана новые патриархи, чтобы утвердиться во власти, должны были платить еще великому визирю, придворным, чиновникам, евнухам и женам сул-

тана. При такой системе патриаршую кафедру часто занимали люди недостойные или неспособные к управлению Церковью, которые заботились только об удовлетворении своего честолюбия. Это приводило к презрительному и деспотичному обращению турок с патриархами. Низложения, ссылки и убийства иерархов были частыми явлениями в XVII веке. За 80 лет на патриаршем престоле сменилось 50 патриархов. Некоторые из них по два, три и даже пять раз возводились и свергались с престола. Редким явлением была смерть правящего патриарха. Большинство из них умирали в заточении либо были задушены. Сама патриаршая должность постепенно стала чиновничьей. На нее назначали и увольняли даже не султаны, а их советники — визири.

От непомерных поборов патриархия все более беднела. Патриархам приходилось все чаще просить помощи, а иногда и самим ездить за милостыней к более богатому православному соседу — России. Множество грамот, посланий и писем сохранилось в российских архивах, которые показывают, какую огромную помощь в то время оказывала Россия своим единоверцам. С самого начала захвата турками Константинополя Россия начала помогать попавшим в зависимость от мусульман восточным христианам. Однако пожертвования и милости со стороны России увеличивались по мере увеличения притеснений православных греков турками. После ряда ограблений Константинопольской Церкви в конце XVI века она бы «окончательно разорилась, если бы не щедрость русского царя», — писал патриарх Иеремия II. Начиная с конца XVI века за 50 лет в России побывало десять восточных патриархов, каждый из которых уезжал от русского царя утешенным и с богатыми дарами. При царском дворе постоянно жили, меняя друг друга, просители от восточных патриархов,

различных епархий, монастырей и даже простые миряне. Сокровищница русского царя была неистощима для милостыни. Весь Восток понимал это и спешил воспользоваться ею. Можно без преувеличения сказать, что Православные Восточные Церкви поддерживали свое существование единственно благодаря пожертвованиям русских царей и иерархов. С разрешения русского правительства восточные иноки основывали в России свои монастыри, подворья и часовни, приобретая для них земли, дома и лавки. Доходы от всего этого посылались на Восток. На русские деньги патриархи строили новые церкви, монастыри, открывали училища, устраивали больницы и выкупали христиан из рабства. При таких постоянных заботах со стороны России бедственная участь восточных христиан значительно облегчалась, о чем они и сами свидетельствовали.

М.В. Первушин

Патриарх Иов и Лжедмитрий I

Управление первыми патриархами Православной Церковью в Российском государстве пришлось на Смутное время. Эти обстоятельства заставили московских первосвященников встать на защиту интересов русского народа, сыграв в политической жизни России ведущую роль.

Первый Московский патриарх Иов был родом из тверской земли. С юности он принял постриг в Старицком монастыре, пройдя все ступени монашеского искусства от простого послушника до настоятеля обители. Иов отличался благообразной внешностью, красивым голосом и необыкновенной памятью. По свидетельству биографа, «Иов наизусть знал все богослужебные тексты, а его чтение умиляло и улаж-

дало слышащих». Как-то проезжая через тверские земли, старицкого игумена заметил Иван Грозный, любивший церковное благолепие и чинные богослужения. Он перевел его в Москву, сделав настоятелем одного из столичных монастырей, а затем и епископом. Переехав в столицу, Иов не изменил своим монашеским привычкам. Отличаясь беззлобием и нестяжательностью, он на всю жизнь остался человеком глубокой молитвы и сугубого воздержания.

В первые годы после избрания на первосвятительскую кафедру, Иов стал активно обустривать Русскую Церковь в ее новом, теперь уже патриаршем статусе. Однако его церковная деятельность скоро была прервана государственной смутой, которой предшествовало народное бедствие. После ряда неурожайных лет в России свирепствовал страшный голод, уносивший тысячи жизней. По всей стране множились грабежи, разбои и болезни. Страна погружалась в хаос. И в этом хаосе появился самозванец. Он объявил себя сыном Ивана Грозного — царевичем Дмитрием, чудом спасшимся в 1591 году от рук убийц.

Появление Лжедмитрия могло обернуться для русских не только потерей государственности, но и разрушением Православной Церкви. Так, одной из главнейших целей в политике самозванца было присоединить русский народ к Римской Церкви через унию. Об этом он письменно засвидетельствовал папе Римскому, за что получил его моральную и финансовую поддержку.

Патриарх Иов старался употребить со своей стороны все меры, чтобы поддержать законную власть и защитить государственный порядок. В устных проповедях и особых посланиях он многократно заверял народ в реальности смерти царевича Дмитрия и всячески обличал самозванца. Он указывал на то, что

польский король Сигизмунд использует Лжедмитрия для поправки православной веры и обращения Руси в католичество. После внезапной смерти царя Бориса Иов так же ревностно стал защищать права на русское царство его сына Феодора. Поражают стойкость и мужество первого русского патриарха. Он смело восстал, казалось, один против всех.

Однако в 1605 году приверженцы самозванца убили Феодора и завладели Москвой. После этого они в первую очередь свергли патриарха. «Множество народа, — как свидетельствует сам Иов, — с камнями и палками ворвались в Успенский собор. Войдя в святой алтарь во время литургии, они сорвали с меня святительскую одежду... В ветхом рубище они таскали меня по площадям и позорищам, избивали так, что я был готов умереть». Но его оставили в живых. Патриарший двор был разграблен. Иова всенародно прокляли и сослали в изгнание. Лишь немногие сочувствовали первому патриарху. Многие бояре, архиереи и даже родная мать царевича инокиня Марфа из страха перед самозванцем признали в нем Дмитрия и присягнули ему.

Однако неправославность нового царя была видна с первых же его шагов по московской земле. Во время торжественного входа в покоренную Москву, заглушая звон колоколов и молебное пение, гремел военный оркестр литовских музыкантов. По воспоминаниям современника, «сойдя с коня, самозванец крайне небрежно приложился к Владимирской иконе Божией Матери, а за ним, к ужасу москвичей, невеста самозванца и ее фрейлины прикладывались к иконе Богоматери, целуя Ее в уста!» Лжедмитрий позволял полякам входить в церкви с оружием, никогда не молился перед едой и не соблюдал постов, редко бывал на богослужениях и никогда не причащался Свя-

тых Таин, даже в такой торжественный день, как венчание на царство.

Однако миф о чуде спасшемся царевиче Дмитрие как о законном русском государе был очень силен. Целый год потребовался русским людям, чтобы окончательно убедиться в правоте изгнанного патриарха Иова и поднять восстание. Лжедмитрий был убит. Его голый труп несколько дней таскали по всему городу на издевательство толпе, а затем сожгли. Смешав пепел с порохом, восставшие выстрелили им из пушки в ту сторону, откуда пришел Лжедмитрий.

Вновь избранный народом царь Василий и собор русских епископов немедленно послали к сосланному Иову с просьбой вернуться на патриаршество. Однако тот по болезни и старости отказался, указав на кандидатуру митрополита Казанского Ермогена, одного из немногих, кто не принял самозванца. Но Иову все же пришлось нарушить свое уединение и приехать в столицу. Его вызвали царской грамотой «для великого государева и земского дела». Здесь в Кремлевском Успенском соборе при большом стечении народа было принесено перед ним всенародное покаяние. Иов стоял рядом с вновь избранным патриархом в простой иноческой одежде. Искреннее смирение этого отшельника-патриарха, вызванного почти из гроба примирить Россию с Богом, еще более возвышали его в глазах окружающих и вызывали покаянные чувства. В глубокой тишине была прочитана покаянная грамота от имени русского народа первому российскому патриарху. Выслушав слова покаяния и прослезившись, Иов призвал на всех Божие милосердие и прочитал разрешительную молитву. Старец вернулся из Москвы в свое уединение, где и скончался в 1607 году.

Патриарх Иов за свою непоколебимую ревность о правде и благе Отечества лишился своего святительского престола и был изгнан из столицы. Но это не

сломило его веру в возрождение России. Смутное время было временем тяжких испытаний и для Русской земли и для Русской Церкви, но вместе с тем оно раскрыло их неодолимую внутреннюю мощь.

М.В. Первушин

Смутное время Русского государства и патриарх Ермоген

В начале XVII века Россия испытала самый опасный в своей истории натиск интервентов, который мог закончиться полным исчезновением Русского государства. В те годы у страны не было ни государственной власти, ни боеспособной армии. Лишь благодаря самоотверженному служению патриарха Ермогена, сумевшему мобилизовать народные силы, Русь была спасена.

В 1606 году после свержения Лжедмитрия I и выборов нового царя Василия был поставлен и новый патриарх. Им стал 76-летний казанский митрополит Ермоген. Первые же месяцы царствования Василия Шуйского обнаружили слабость его власти. Новый царь не имел ни сил, ни авторитета для поддержания в стране порядка. А за пределами Москвы все громче звучала молва о чудесном спасении царевича Дмитрия. В конце концов, царь Василий был свергнут с престола и насильственно пострижен в монахи. В Москве, а за ней и во всей России началась кровавая смута. Все, кто стремился устроить свою карьеру или приобрести «беструдное богатство», искали любого повода для вооруженного восстания. «Воры из всяких чинов, — пишет современник тех событий, — устроили в Московском государстве междоусобие. Восстал сын на отца, а брат на брата, и, как река, полилась с обеих сторон кровь христианская».

Видя беспорядок в Московском государстве, польский король Сигизмунд решил использовать эту смуту в своих интересах. Он осадил приграничный Смоленск и стал рассылать обращения к русскому населению. В них король заявлял, что пришел не для пролития русской крови, но для прекращения смуты и междоусобия. Московское боярство поддержало воззвания Сигизмунда и торжественно присягнуло его сыну — королевичу Владиславу, объясняя это тем, что у Москвы нет сил защищаться от польской интервенции. С выбором бояр согласился и патриарх Ермоген, но с неперменным условием, что Владислав перейдет из католичества в Православие. «Если же он не оставит латинства, то будет на вас не благословение наше, а проклятие», — заключил патриарх, обращаясь к боярам.

На этих условиях польские войска вошли в Москву и заняли Кремль, разоружив последние остатки русской армии. Бояре хотели было совсем отдаться на волю Сигизмунда, но патриарх не подписал грамоты о капитуляции России и пообещал: «Если в Москве появится неправославный царь, а польские войска не будут выведены из города, я начну поднимать русские города на сопротивление и благословлю православный народ идти на Москву и страдать до смерти». Услышав это, бояре обрушились на патриарха с бранью, кто-то выхватил кинжал. «Не боюсь я твоего ножа! — воскликнул Ермоген. — Ограждаюсь от него силою креста Христова».

Положение Московского государства казалось совершенно безвыходным. Поляки оккупировали Москву и осадили Смоленск. Шведы заняли Великий Новгород. Шайки иноземных авантюристов и своих «воров» разоряли Русь, убивая и грабя мирное население. Ожидаемый всеми королевич Владислав не принимал Православия и не ехал в Россию. Земля, как

сказал современник, стала «безгосударной», связи между отдельными областями были разрушены. Тогда среди всеобщей растерянности и разброда патриарх Ермоген обратился к русским людям с призывами к объединению для защиты Отечества. «Что можно ожидать от поляков? Лишь окончательного разорения царства и православной веры! — писал Ермоген в одной из грамот. — Болит душа моя и сердце мое терзается... Я плачу и с рыданием вопию: посмотрите, как Отечество наше расхищается и разоряется чужаками!»

И голос патриарха был скоро услышан. В стране началось широкое патриотическое движение. Русские города вступили между собой в переписку, договорившись общими усилиями собрать народное ополчение. Исходным пунктом и центром движения стал Нижний Новгород. Это встревожило поляков и их сторонников. А когда стотысячное ополчение двинулось к Москве, поляки потребовали от Ермогена, чтобы он приказал ополчению разойтись: «Ты — первый зачинщик измены и всего возмущения. По твоему письму ратные люди идут к Москве!.. Отпиши им теперь, чтобы они отошли, а то мы велим уморить тебя злою смертью». «Что вы мне угрожаете? — ответил патриарх. — Одного Бога я боюсь. Уйдете вы все, польские люди, из Московского государства, тогда и я благословлю всех отойти прочь. А если вы останетесь, — мое благословение: всем стоять и умереть за православную веру!» Поляки заточили Ермогена в подземелье Чудова монастыря и стали морить голодом, бросая ему нечеловеческую пищу: сноп сена и немного воды.

В своей последней грамоте, которую патриарх сумел передать на волю, он посылал всем восставшим за Родину свое благословение: «Ничего не щадите для спасения Отечества! Везде говорите моим именем!»

Этим посланием Ермоген ободрил народное ополчение и вселил веру в скорую победу над иноземными захватчиками. Русская земля теперь никого не хотела слушать, кроме своего первосвященника.

4 ноября 1612 года народное ополчение под предводительством нижегородского купца Космы Мини-на и князя Дмитрия Пожарского штурмом взяло Москву. Одетое в шлемы и латы польское войско сдалось на милость лапотным русским мужикам, вооруженным чем попало. День штурма стал народным праздником. Православная Церковь в память избавления Москвы и России от поляков установила в этот день празднование Казанской иконе Пресвятой Богородицы, под знаменем которой проходило освободительное движение.

Патриарх Ермоген не дожил до светлого дня. Он скончался от голода в заточении, до конца исполнив долг верности православной вере и своей Родине.

М.В. Первушин

Осада Троице-Сергиевой Лавры

Одна из наиболее героических страниц в истории Смуты связана с подвигом защитников Троице-Сергиевой Лавры. Еще при Василии Шуйском, видя слабость царской власти, вокруг Москвы начало собираться множество вооруженных шаек. Они состояли из русских изменников и польских интервентов. Их отряды своей жестокостью наводили ужас на местных жителей, которых заставляли присягать очередному Лжедмитрию. «Убивая и истребляя все, что попадалось на пути, они превращали в пепел все большие селения, — вспоминает один из очевидцев этих событий. — Какой значительный вред был нанесен Русской земле убийствами, грабежом и

пожарами, выразить невозможно. Как только земля могла выдержать все это?»

Большинство духовенства противилось новой измене, обличая разбой и призывая к верности царю. За эти смелые выступления многие священнослужители претерпели страдание и смерть. Так, ярого противника измены тверского архиепископа Феофтиста, взяв в плен, долго пытали, а затем бросили на съедение хищникам. Тело его было найдено израненным и обглоданным дикими зверями. Храмы и монастыри подвергались разорению, в них затворяли скот, а в алтарях кормили псов. Но самую большую добычу разбойничьи банды рассчитывали получить в Троице-Сергиевом монастыре. Эта обитель была главной опорой государственной власти. Она оказывала царю и осажденной Москве столь необходимую помощь деньгами и хлебными запасами. В то же время монастырь представлял собой сильную крепость, важную в стратегическом отношении.

23 сентября 1608 года отряды под предводительством польских гетманов появились под стенами обители. Общая их численность превышала 15 тысяч человек, в монастыре же укрылись менее двух с половиной тысяч. Главной военной силой монастырского гарнизона был присланный царем отряд из 500 стрельцов. Кроме них в обороне принимали участие монахи и крестьяне соседних сел. По словам очевидца: «В обители была страшная теснота. Многие люди и скотина оставались без крова... Жены рождали детей пред всеми людьми, и негде было укрыться со своей срамотой... И всякий смерти просил со слезами...» Оборону возглавил настоятель — архимандрит Иоасаф.

Поляки послали в монастырь требование сдать крепость, обещая милости и грозя в противном слу-

чае захватить монастырь силой и истребить его защитников. Отвечая им, защитники монастыря писали: «Знайте, что и десятилетний христианский отрок в обители посмеялся вашему безумству предложить нам оставить своего православного государя и покориться ложному царю, врагу и вору. Мы и за богатства всего мира не нарушим крестного целования». Получив такой ответ, поляки попытались взять монастырь штурмом, но были отбиты. Тогда началась осада. Шесть недель враги палили по обители из 63 орудий. А в это же время вдоль монастырских стен ежедневно совершался крестный ход. Церковные службы порой прерывались залетающими в храмы ядрами. Так, в память об этом в Троицком соборе до настоящего времени сохранились железные двери с отверстием от вражеского ядра.

Неоднократно польские захватчики предпринимали штурм монастыря, но безуспешно. Особенную надежду они возлагали на подкоп, но осажденным стало известно о нем. Двое посадских крестьян пробрались внутрь подкопа и взорвали его, пожертвовав своими жизнями. После такого героического поступка осаждавшие решили взять обитель измором или при помощи измены. Несмотря на прекращение активных действий, защитников монастыря ожидали новые тяготы. Из-за тесноты, недостатка хорошей воды и свежей пищи в монастыре началось «моровое поветрие», унесшее около тысячи человек. «И умножилась смерть в людях, — повествует очевидец, — сорок дней стоял темный сумрак и злой смрад, усопших хоронили с утра до вечера сначала в могилы, а потом уже без разбору — в одну яму». К концу шестнадцатимесячной осады в монастыре осталось менее 200 защитников, а из числа постриженных до осады осталось в живых только шесть монахов. В конце

концов, польские банды бежали, услышав о приближении главных сил русского царя. Защитники обители долгое время не верили в то, что осада закончилась. Лишь только через 8 дней в Москву с радостным известием был послан троицкий инок.

Когда в 1619 году в Москву прибыл Иерусалимский Патриарх Феофан, он посетил и Троице-Сергиев монастырь. Патриарх пожелал увидеть иноков, которые участвовали в сражениях. Ему были представлены несколько монахов и среди них «зело стар и пожелтевший в сединах инок Афанасий». Патриарх спросил его: «И ты ходил на войну и начальствовал над воинами?» Афанасий, поклонясь, ответил: «Да, Владыко Святой, понужден был слезами кровными». «А что свойственно тебе: иночество ли в молитвах или подвиг перед всеми людьми?» — «Всякая вещь и дело, Владыко Святой, в свое время познается, я же что делаю и делал — исполняю послушание». Обнажив голову, Афанасий показал рану, нанесенную ему вражеским оружием, и сказал: «Вот подпись латинян на голове моей, еще же и в теле моем шесть памятей свинцовых обретаются; а сидя в келии, в молитвах, возможно ли было найти таких будильников к воздыханию и стенанию? А все это было не по нашей воле, но по воле пославших нас на службу Божию». Патриарх был поражен тем, что над воинственным одушевлением господствует дух иноческого благочестия, смирения и простоты. Он благословил Афанасия, поцеловав его и прочих его сподвижников, и отпустил с похвальными словами.

В решающую минуту Лавра своим доблестным стоянием стала примером для народа, начавшего собираться в ополчение для освобождения своей земли. По словам знаменитого историка Николая Михайловича Карамзина, «дела, совершенные хотя и в преде-

лах смиренной обители монашеской, людьми простыми, низкими званием, но высокими душою... стали основанием спасения всего русского государства».

М.В. Первушин

Патриарх Филарет Никитич Романов

Временем окончания Смуты в Российском государстве принято считать 1613 год. В этом году представители всех русских земель избрали на Соборе нового царя — шестнадцатилетнего Михаила Федоровича Романова. В земской соборной грамоте было подчеркнуто, что его пожелали на царство «все православные христиане всего Московского государства».

Отцом молодого царя был Федор Никитич Романов видный государственный деятель и один из первых царских советчиков. Борис Годунов, захватив царскую власть, боялся, что этот влиятельный боярин сам пожелает предъявить права на русский престол, как ближайший родственник умершего самодержца. Поэтому Борис подверг опале весь род Романовых. Федор был насильно пострижен в монахи и сослан на Север. Там, как вспоминает очевидец этих событий, «ничего так не беспокоило опального боярина, как неизвестность о своей семье. И если он заговаривал с кем, то только о жене и детках: “Как вспомнешь их, так точно рогатиной в сердце толкнет. Прибрал бы их Господь к Себе, избавил бы от лютых страданий, я тому обрадовался бы и стал помышлять лишь об одной своей душе!”». Но до конца этому желанию Федора не суждено было сбыться. Из шести его детей выжил только один. Именно он — «новый царь Михаил, — как пишет о нем летописец, — излюбленный

всею землею, стал залогом успокоения Церкви и государства».

Сам же Феодор Никитич, ставший в монашестве Филаретом, своей несправедливой опалой завоевал себе симпатии простого народа, как незаслуженно униженный, оскорбленный, но с достоинством переносящий свое изгнание. Уже при Лжедмитрии I Филарета возвратили из ссылки и поставили митрополитом на Ростовскую кафедру. И здесь, облеченный саном архиерея, Филарет проявил себя как достойный государственный муж. При польской интервенции Филарет доблестно противостоял захватчикам. Он собственноручно помогал переписывать и рассылать возвания патриарха Ермогена, призывающие к всенародному ополчению. Когда же к Ростову подступили польские войска и многие жители бежали, Филарет героически возглавил оборону города, показав пример твердости духа и пастырской любви. Он заявил: «Если придется, то многие муки претерплю, но дома Ростовских чудотворцев не оставлю!» Лишь предательство открыло полякам ворота Ростова Великого. Митрополита Филарета схватили и, насмехаясь, босого, в изодранном польском платье и татарской шапке отвезли в лагерь самозванца. Патриарх Ермоген высоко ценил преданность ростовского владыки и, оправдывая его страдания в плену, писал: «Тех, которые взяты в плен, как Филарет, не своею волею, но чужою, таковых мы не порицаем, но молим о них Бога... они мученики Господни...»

Около года Филарет находился в лагере мятежников. И только благодаря наступлению московского войска его удалось освободить и привезти в столицу. Однако здесь он задержался ненадолго. Боярство решило избрать на царство польского королевича. Для переговоров с королем было направлено «великое по-

сольство», главой которого патриарх Ермоген назначил митрополита Филарета. Провожая послов, патриарх горячо просил их беречь веру. «Лучше умереть за Православие, нежели учинить что-либо постыдное!» — отвечал Филарет. По воспоминаниям современника, «Ермоген никак не мог проститься с любезными ему людьми. Вот уже скрылись вдали последние обозы, а он все стоял, едва шевеля губами и произнося: “Бог с вами!”», словно предчувствуя беду». И она не замедлила явиться. Русское посольство вопреки всем принятым правилам было арестовано, ограблено и увезено в глубь Польши, где его продержали в плену 8 лет.

По окончании войны поляки, имея у себя в плену «царева родителя», надеялись на большие уступки от русских. Но доблестный Филарет писал своему сыну: «Не вздумай ради меня уступить полякам хоть пядь русской земли!» Митрополит Филарет вместе с другими пленниками вернулся в Россию лишь после заключения мира с Польшей.

По воцарении Михаила Федоровича все привыкли к мысли, что никто другой не может быть патриархом рядом с молодым царем, кроме его отца — митрополита Филарета. Поэтому сразу после возвращения из плена он против своей воли был избран и поставлен в патриархи. Участие в этом торжестве принимал Иерусалимский Патриарх Феофан, приехавший в Москву за милостыней.

Современники отдают справедливость уму и делам избранного патриарха, который «не только слово Божие исправлял, но и земскими делами всеми правил... Властен был так, что и сам царь боялся его. До духовного же чина милостив был и не сребролюбив. Всякими царскими и ратными делами владел». Патриарх был не только советником, но и соправителем

царя. Имя его в грамотах писалось в одном ряду с царским, обоим делались доклады и представлялись иностранные послы. При Филарете усилилось и значение Церкви. Россия вновь стала оплотом Православия для единоверных с ней держав. И первой из них обратилась за помощью разоренная персидским ханом Грузия. Кахетинский царь писал к царю Михаилу: «Лучше бы я не родился на свет, нежели видеть, что православная христианская вера и земля Иверская разорены». Он умолял помочь Грузии, в результате чего ее часть приняла российское подданство, а в саму страну по указу патриарха были направлены священники и иконописцы.

Филарет учредил первую епархию в Сибири, устроил патриаршую греко-латинскую школу. Благодаря его особому вниманию к типографскому делу за время его правления было напечатано книг больше, чем за все время русского книгопечатания от его начала при Иване Грозном.

Патриарх Филарет, или, как уважительно называли его современники, «Филарет Никитич», умирая в 1633 году, оставил сильное, возрожденное государство. Он по праву занимает видное место между великими людьми России, как незыблемый столп Церкви и Отечества, явившийся в самое трудное и опасное время для русской государственности.

М.В. Первушин

Митрополит Петр Могила

В 1632 году в Польско-Литовском государстве умер фанатичный католик и яростный насадитель унии король Сигизмунд III, правивший своим народом 45 лет. В дни правления этого короля все право-

славные подданные его державы не имели никаких прав и считались людьми второго сорта. Это часто приводило к острым межрелигиозным конфликтам. На тех территориях страны, где исконно проживало православное население, вспыхивали народные восстания, звучали призывы к отделению и антигосударственной деятельности.

После смерти короля, согласно законам Речи Посполитой, собирался особый сейм, который имел полномочия выбрать нового монарха. Одним из условий сейма было присутствие депутатов со всех районов государства. Немало выборных представителей приехало и из православных областей. Именно они решительно заявили, что не приступят к обсуждению государственных дел, пока всем исповедующим Православие не будут возвращены права, отнятые у них униатами. Возглавил это движение архимандрит Киево-Печерского монастыря Петр Могила.

Петр происходил из знатного молдавского рода. В молдавских хрониках сохранилась легенда о том, как возникла его фамилия — Могила, что по-молдавски означает «холм». Согласно ей, в одной из битв с венграми у основателя молдавского княжества Стефана Великого была убита лошадь. Находившийся рядом воин отдал ему своего коня. Стефан был маленького роста, и чтобы ему было удобно сесть в седло, воин, опустившись на колено, сказал: «Позвольте, государь, служить Вам вместо горки». Стефан с помощью воина вскочил на его коня и ответил: «Из горки я сделаю тебя могилой». С тех пор потомки храброго воина всегда служили при дворе молдавских князей, с гордостью нося данное им прозвище.

Как выходец из знатного рода, Петр получил прекрасное европейское образование сначала в Голландии,

а затем в Париже. Вернувшись на родину, он поступил на службу в польскую армию и даже участвовал в одной из битв с турками. Но военная карьера, как, впрочем, и блестящее придворное поприще, не увлекли молодого аристократа. В конце концов, он встал на путь служения Православию, променяв беззаботную мирскую жизнь на скромную долю инок. Его деятельность по защите прав православных граждан Речи Посполитой обратила на себя внимание многих. Он выступал с проповедями, рассылал письма не только православным братствам и шляхте, но и страдающим от католиков протестантам, убеждая всех подниматься на защиту своей веры.

В течение полугода поднятые Петром волнения препятствовали избранию нового главы государства. Лишь только после того, как правительство признало законным существование православной иерархии во главе с митрополитом Киевским, сейм приступил к избранию короля. После избрания новый монарх не только подтвердил все принятые сеймом решения, но и вернул православным многие отнятые у них гражданские права и льготы. На этом же сейме был избран и новый киевский митрополит, им стал Петр Могила.

Став митрополитом, Петр с неиссякаемой энергией принялся за восстановление и обновление всей внутренней жизни Православной Церкви в Западной Руси. За более чем сорок лет бесправного существования Киевская митрополия находилась в тяжелейшем положении. В отсутствие высшей иерархии священники разучились жить в послушании и доверии к церковным властям, их уровень образования и дисциплина оставляли желать лучшего. Поэтому все внимание новый митрополит направил на то, чтобы духовенство было подготовлено к своему служению и

являлось настоящим примером для своей паствы. Для этого митрополит Петр первостепенное внимание уделил открытию в Киеве высшей православной богословской школы. Создав ее по примеру латинских католических коллегий, Петр особо заботился не только об образовании студентов, но и о их духовном воспитании. Он составил для них книгу «Душеполезных поучений», в которой подчеркивал: «Мне желательно, чтобы более и выше всего поселялось и вкоренялось в сердцах ваших благочестие, без которого всякая мудрость есть глупость пред Богом». Основанная Петром Могилой православная коллегия, преобразованная затем в Киевскую Духовную Академию, долгое время носила имя своего основателя, называясь «Могилянской». В конце концов, митрополит Петр добился того, что уровень богословского образования в основанной им академии стал неизмеримо выше униатского. Один из униатских архиереев, обращаясь к ректорам школ, высказался в сердцах: «Что ваши училища? Они ничего не значат перед училищами отца Могилы!»

Кроме забот о воспитании священнослужителей, имя митрополита Петра неразрывно связано с восстановлением таких святынь Древней Руси, как Десятинная церковь или Киевская София. При нем множество храмов и монастырей, занятых униатами, было возвращено Православной Церкви. Софийский кафедральный собор, принадлежавший униатским митрополитам, пришел в полное запустение. Добившись его передачи, митрополит Петр восстановил его и украсил так, что униаты стали требовать храм обратно. Уже после смерти владыки его тело было перенесено из Киево-Печерской Лавры в Софийский собор для «охранения от мерзких униатов, и стояло его тело в Софии час немалый, приводя в трепет

неправых», — сообщает летописец. Только после более чем двух месяцев оно было предано земле, когда конфликт с униатами был улажен. Так и после смерти митрополит Петр защищал Церковь от чуждых посягательств.

Великолепный оратор, проповедник, покровитель науки и искусства, талантливый писатель-полемист, митрополит Петр много сделал для утверждения Православия в Западно-Русском крае. При нем Церковь стала преодолевать нестроения, возникшие со времен Брестского Собора. Перед смертью митрополит Петр, обращая взор на минувшую жизнь, сказал: «Все, что имел я, то посвятил вместе с собою на хвалу и служение Богу».

М.В. Первушин

Благочестие на Руси в XVII веке

После окончания Смутного времени и воцарения на российском престоле Михаила Федоровича Романова влияние Православной Церкви заметно усилилось. Этому способствовала не только деятельность патриарха Филарета Никитича — родного отца царя, но и возросшая религиозность русского общества. Все, от простого крестьянина до самого царя, понимали, что без помощи Божией и крепкой веры страна не выдержала бы такого страшного испытания, каким была Смута.

Иностранцев, приезжавших в то время в Россию, поражало благочестие русских людей и в первую очередь самого государя. По воспоминаниям современников, царь, несмотря на свою занятость, немало времени уделял молитве и богослужению. Его день начинался в четыре часа утра. В присутствии духов-

ника он совершал утренние молитвы, затем шел в храм на богослужение и только после этого приступал к государственным делам. Вечером самодержец опять посещал церковь, затем молился перед сном, никогда не ложась спать без священнического благословения. В воскресные дни он посещал монастыри в окрестностях столицы, привлекая к этим паломничествам и иностранных гостей. Вот как вспоминает такое паломничество один из них: «После богослужения царь пригласил всех в трапезную, чтобы лично угостить отцов монастыря по случаю престольного праздника. И на удивление всех нас сам до конца трапезы прислуживал монахам, а они, нисколько не смущаясь, сидели, вкушая, поданные царем блюда. Один из столов был занят нищими, слепыми и иными калеками, так царь прислуживал и им, поднося пищу и питье, пока все не насытились! Какие чудесные и удивительные дела сподобил нас видеть Бог и как необычно царское смирение! Что скажешь об этом человеке или, вернее, ангеле?»

Однако это не единичный случай проявленного царем смирения. Во время посещения России видным православным иерархом Востока государь лично повел делегацию в одну из странноприимных лечебниц, чтобы тот благословил больных и прочел молитвы над расслабленными. «Войдя, — вспоминает один из приехавших священников, — мы от зловонного запаха не могли ни оставаться в этом помещении, ни смотреть на больных. Всякий раз, когда наш владыка благословлял одного из них, царь вслед за ним подходил к больному и, трижды целуя его, утешал словом сострадания. Итак, от первого до последнего! Мы были поражены при виде такой святости и смирения, тогда как нам хотелось скорее убежать отсюда».

Воспоминания иностранцев, приезжавших в Россию в XVII веке, пестрят рассказами о царском благочестии, особо отмечая его искренность и рвение к соблюдению церковных предписаний. Это же в свою очередь наложило отпечаток на весь строй общественной жизни Руси. Вот, к примеру, что пишет один испанский путешественник, посетивший Россию в то время: «С наступлением поста трудно найти такого русского, даже в самом высшем обществе, который бы осмелился его не соблюдать. На нарушение поста здесь смотрят как на преступление, равное распятию Христа. Лучше умереть, говорят они, чем нарушить пост. И это несмотря на то, что ограничения и запреты в Русской Церкви куда более строгие, чем у других христиан. Даже сам царь превосходит любого из наших монахов своей набожностью и усердием к посту, вкушая скудную пищу лишь через день».

Однако что особо поражало иностранцев, так это любовь русского человека к церковным службам. «Богослужение русских в несколько раз продолжительнее нашего, — вспоминает австрийский дипломат, — и совершается с таким благоговением, что трудно выразить словами». Даже православных христиан, приезжавших с Востока, изумляли строгость и продолжительность русского богослужения. Один из священников, сопровождавших прибывшего на Русь Антиохийского патриарха, так описывает свои впечатления от праздничной службы на Рождество Христова в Успенском соборе Московского Кремля: «Служба была большая, продолжительная и торжественная. Зайдя в собор с заходом солнца, мы вышли из него лишь тогда, когда забрезжил рассвет. Простояв более семи часов, я умирал от усталости. В эту ночь все мы столько натерпелись от холода и стужи, что едва не погибли, потому что стояли на железных пли-

тах собора. Бог мне свидетель, что душа чуть не покинула нас. Что касается меня, то я хотел бежать из алтаря, но не мог, ибо перед алтарем справа стоял царь, а слева — царица, так что поневоле пришлось страдать. Это поистине всенощное бдение! И более всего нас удивляло, что дети, притом не простолюдинов, а знатных бояр, стояли с непокрытой головой и не шевелясь, как статуи. Какое терпение! Какая выносливость! Какая вера!.. Да почитет мир Божий на русском народе, над его мужьями, женами и детьми за их терпение и постоянство. Надо удивляться крепости телесных сил этого народа. Нужны железные ноги, чтобы не чувствовать ни усталости ни утомления. Все русские, без сомнения, святы, они превосходят своей набожностью самих пустынников!»

Безусловно, этот пафос нельзя отнести ко всем без исключения русским людям. Однако практически в каждом из воспоминаний иностранцев читается удивительная религиозность русского человека. Весь русский быт во всех его проявлениях был пропитан глубоким религиозным чувством. «Русский крестьянин, — замечает шведский посол, — очень религиозен. Он видит Бога во всех вещах и считает неумным того человека, который не верует в Бога». Ему вторит итальянский путешественник. «Православие, — пишет он, — есть основа жизни России, ее пульс, ее забота о жизни не теперешней, а о небесной. Это особенно заметно у русских святых. Их святость — это не святость наших святых, это действительно истинная и высшая твердыня. Это та трезвенная святость, которая не оставляет никаких сомнений в реальности Бога».

Идеал русского человека создавался на примерах из Евангелия и жизни святых. В результате возникла самобытная духовная традиция, освятившая все

стороны бытия русского народа. Эта традиция охватывала проявления как религиозной, так и светской жизни на Руси и так бросалась в глаза всем приезжавшим на Русь иностранцам. Эту особую традицию можно определить как русское благочестие!

М.В. Первушин

Западное христианство в XVII веке

Тридцатилетняя война

Раскол в Западной Церкви, начатый Мартином Лютером в XVI веке, привел Европу к разделению. С течением времени противоречия между расколовшимися частями когда-то единой христианской Церкви только усиливались. Религиозные войны, которые последовали за церковным расколом, в XVI веке подарили Европе в общей сложности только 25 мирных лет, а в веке XVII — лишь около 20-ти. Причем те, кто желал реформировать папскую Церковь, относились друг к другу с еще большей ненавистью и злобой, чем к их общему недругу — Риму. Отсутствие единства между двумя главными лагерями реформаторов, лютеранами и кальвинистами, подрывало и без того еще неокрепшие позиции протестантов. Стремление создать единый союз для борьбы с католичеством еще сильнее рассорило между собой реформаторов, каждый из которых считал только свою Церковь истинной и святой. Все попытки хоть как-то примирить враждовавшие стороны заканчивались плачевно для желающих это сделать. Так, когда канцлер Саксонии попытался смягчить вражду между лютеранами и кальвинистами, его объявили еретиком и заключили в тюрьму.

Он подвергался пыткам и истязаниям как предатель и еретик. Спустя год его казнили на костре те братья-реформаторы, которых он так желал примирить между собой. Раздор и разномыслие, царившие в среде протестантов, были только на пользу Католической лиге, созданной Римом для борьбы с реформаторскими идеями. Во главе этого католического союза встали иезуиты.

Историки отмечают, что самым страшным периодом двухвекового религиозного противостояния был период Тридцатилетней войны. Эта «война вер» стала величайшей трагедией для всех европейских стран, и особенно для Германии и Чехии. Миллионы людей, увлекаемые неодолимым порывом веры, взялись за оружие. Они пренебрегли своими повседневными трудами и заботами, чтобы установить в Германии безраздельное господство той веры, которую они считали «правой», а всех инаковерующих силой оружия заставить ее принять.

Пожар Тридцатилетней войны вспыхнул в Богемии. Протестанты этого княжества пользовались полной религиозной свободой, которая со временем стала ущемляться католическими правителями. Недовольные этим реформаторы направили делегацию в Прагу с целью потребовать объяснений по поводу строгих мер, принимаемых по отношению к ним. Секретарь императора и два его католических советника не только не дали им объяснений, но высокомерно указали на еще большие прещения и запреты, которые вскоре на них будут наложены. Возмущенные действиями власти делегаты выбросили через окно замка всех своих оппонентов. Выброшенные спаслись чудом! — благодаря падению в кучу навоза. Мятежники же сформировали свое правительство и стали созывать армию. Так началась война, которая отняла у

Европы за тридцать лет более 15 миллионов человек.

Во главе императорской католической армии встал опытный военачальник, бывший когда-то протестантом, но из-за обещанных ему денег и славы перешедший к Риму. Очень быстро он завоевал почти всю Германию, дойдя до Балтийского моря. Его армию отличали жестокость и вседозволенность. Они шли, уничтожая все на своем пути. Страх сковывал сопротивление. Многие мирные жители кончали жизнь самоубийством, слыша о приближении императорского войска. Казалось, что протестантизму в Германии пришел конец. Предвкушая победу, католические полководцы уже мечтали о ликвидации протестантизма и в Швеции. Но шведский король Густав Адольф, понимая опасность, грозящую его стране, решил вмешаться в религиозную войну в Германии. Он был любимцем своего народа и армии. Став королем в семнадцать лет, он привел страну к процветанию. Императорские военачальники, прослышав о планах шведского короля, с насмешкой говорили: «Его снежное величество скоро растает, как только спустится к югу». Однако они недооценили северного монарха. Вступив на германскую землю, он заявил: «Кто не за меня, тот против меня». Впавшие было в полное отчаяние протестанты воспрянули духом. Из разных областей Германии на помощь шведскому королю стали прибывать оставшиеся силы немецких реформаторов.

Продвигаясь все дальше на юг, Густав наносил сокрушительные удары по когда-то непобедимой, как казалось, императорской армии. Освобождая один за другим немецкие города, он дошел до католической Баварии. И здесь шведский король проявил себя мудрым правителем. Он не стал уподобляться своим предшественникам и преследовать всех, кто испове-

дывал католицизм. Он дал мирным жителям полную свободу вероисповедания и богослужения. Этим шагом Густав приобрел симпатии всего католического населения княжества. Вся Германия рукоплескала шведскому королю. Его имя было на устах у каждого немца, как когда-то имя Мартина Лютера. Половина Европы слала ему поздравления и пожелания успеха. В Вене же, в центре германского католицизма, царил полная растерянность.

Однако шведский король не смог завершить начатого им дела освобождения Германии, он погиб при освобождении Лейпцига. Тридцатилетняя война со смертью героического шведского короля не закончилась. Она продолжалась с переменным успехом еще шестнадцать лет, превратив Германию в страну развалин и бесчисленных могил. Один из современников этих событий, описывая бедствия своей страны, воскликнул: «Кто в силах спокойно взирать на трупы детей и женщин, на одичавшую землю и одичавших сынов горячо любимой родины, которых война довела до полного морального растрепания, на сожженные селения и города, коих бесчисленные множества?.. Такова ли христианская вера? Этому ли учит Библия?» Материальным бедствиям Германии сопутствовал неизбежный культурный упадок страны. Среди огня и разрушения, погромов и зверских насилий выросло поколение, не знавшее грамоты и школы, прятавшееся в норах и лесах, жившее в постоянном страхе и горькой нужде. Специалисты утверждают, что даже немецкий язык в период долгого безвременья подвергся порче, огрубел и упростился, оказался засоренным чужеземными словами и вульгаризмами.

Результатом этой бессмысленной войны стало условие, при котором протестанты и католики Германии получили одинаковые гражданские права. Также

были уравнены между собой в правах и различные протестантские церкви, основными из которых являлись лютеране и кальвинисты. Эти условия мира вернули Европу на сто лет назад — к середине XVI века. Именно тогда в Аугсбургском договоре были прописаны те же принципы. Таким образом, тридцатилетняя «война вер», унесшая миллионы жизней, была разыграна впустую.

Английский протестантизм

XVII век характерен возникновением среди протестантов множества движений, общин и верований. Отличаясь друг от друга различными взглядами на административное устройство Церкви и понимание Библии, все они были похожи в одном — каждая община считала лишь себя единственной истинной Церковью. Такое дробление среди реформаторов наблюдалось во всех протестантских странах. Однако особенно широко им была охвачена Великобритания.

Изначально английские протестанты были во многом зависимы от короля и его Церкви. Некоторым не нравилась как эта зависимость, так и то, что Церковь Англии отличалась от других реформированных Церквей католическими традициями в богослужении и устройстве. Эти остатки католицизма вызывали решительную оппозицию не только у английских реформаторов. Возмущали они и тех протестантов, кто бежал в Англию из континентальной Европы, спасаясь от ужасов религиозной войны.

Всех несогласных с полукатолическим устройством Англиканской Церкви стали называть «нонконформистами». В их среде образовалось движение пуритан (от английского слова «*Puritans*» — чистота), боровшихся за решительное реформирование

Церкви Англии и очищение ее от многовековых традиций западного христианства. Среди последних особо выделялись те, кто ратовал за полное отрицание иерархического устройства и церковной организации, не признавал никаких религиозных традиций, считая, что в Церкви должен царить принцип всеобщего священства. Они получили имя «конгрегационалистов».

Виднейшим английским конгрегационалистом был Оливер Кромвель. Он родился в 1599 году в Восточной Англии. Поступив в Кембриджский колледж, он так и не окончил его. Зато пуританский дух этого учебного заведения навсегда оставил отпечаток в его душе. Впоследствии, став членом Палаты общин английского парламента, Кромвель возглавил оппозицию правящей королевской династии. А когда в Англии вспыхнула гражданская война, он создал из крестьян своей родной местности знаменитую кавалерию «железнобоких», которая с пением псалмов боролась с королевскими силами. Армия Кромвеля считалась непобедимой, и в конечном итоге именно она наголову разбила войска английского монарха, положив конец его притязаниям на абсолютную власть. Англия стала республикой, а Оливер Кромвель ее первым и последним президентом! Английский парламент состоял исключительно из конгрегационалистов и назывался «парламент святых». Каждое его заседание начиналось богослужением, все речи в нем носили характер проповедей. Все законы этого законодательного органа имели целью создание «царства святых». Однако это продолжалось недолго. Кромвель не выдержал искушения властью и, распустив парламент, стал единоличным правителем Англии. Он установил диктатуру и начал наводить строгий порядок. Прокатившиеся по всей стране восстания

несогласных с политикой Кромвеля были жестоко подавлены. После его смерти в стране начался настоящий хаос. Вновь созданный парламент испугался беспорядков и призвал на трон Карла II, сына казненного Кромвелем короля. Первым указом нового монарха было объявление Оливера Кромвеля государственным преступником. Согласно английским законам, его тело извлекли из могилы, повесили, а затем четвертовали.

Война в Англии и новые гонения заставили протестантов, не желавших отстаивать свои убеждения с оружием в руках, бежать в Америку. Движущей силой христианизации Нового Света, таким образом, стали свободолюбивые английские реформаторы-пуритане. Каждая религиозная община, группа или движение селились в отдалении одна от другой, пытаясь строить на новом месте свой идеал Церкви и государства. Именно в Америке появилось понятие «деноминация» для характеристики Церкви, потому что господствующих, государственных Церквей там не было, как не было и самого государства. По деноминациям образовывались штаты, соединившиеся затем в одно государство. Так, к примеру, штат Род-Айленд был основан баптистами. Эта протестантская деноминация отрицательно относится к детскому крещению. Основатель баптизма, не признавая своего крещения во младенчестве, заново крестил себя сам. В штате Пенсильвания проживали квакеры (от английского слова *«to quake»* — трепетать). Имя этому штату дал организатор и распространитель этой деноминации — Вильгельм Пенн. Квакеры отвергли все церковные традиции и богослужение, оставив одну только Библию. «Нет истины ни в одном вероисповедании, — говорил основатель квакеров, — человек должен черпать ее в своем сердце, по непосредствен-

ному откровению от Святого Духа». Собрания квакеров проходят в глубокой тишине. Они углубляются в чтение Библии и ждут вдохновения свыше. На кого найдет вдохновение или, по словам квакеров, трепет сердца, что нет уже сил хранить молчание, тот опускается на колени и начинает громко молиться или проповедовать. Последователи малочисленных групп, таких как социане, менониты, пиетисты, гертгутеры, и подобные им деноминации образовывали округа и города.

Самой же многочисленной деноминацией, обосновавшейся в Новом Свете, стал методизм. Он возник из небольшого кружка протестантов, целью которых было достижение истинного благочестия через молитву, изучение Библии и дела милосердия. Эта деятельность осуществлялась членами группы в соответствии со строгим ежедневным расписанием, что и привело к возникновению иронического прозвища «методисты». И если сами методисты именовали себя «клубом святых», то хулители называли их «библейской молью». Далеко не все протестанты Старого Света принимали их принципы. Часто во время методистских богослужений люди кричали, стонали, рыдали и произносили непонятные звуки. Все это отпугивало людей, привыкших к более традиционному религиозному самовыражению.

И сегодня США является наиболее религиозной из всех развитых стран мира благодаря той христианской закваске, которую заложили первые поселенцы-реформаторы. Согласно современным исследованиям, большинство населения в Соединенных Штатах считает, что религия играет «очень важную роль» в их жизни.

Царь Алексей Михайлович Тишайший

В середине XVII века после смерти первого царя из рода Романовых Михаила Федоровича на престол Русского царства вступил его сын Алексей. Более чем тридцатилетнее царствование второго царя из рода Романовых было ознаменовано бунтами, войнами и мятежами, из-за которых все XVII столетие получило название «бунташного века». Однако, несмотря на это, Алексей Михайлович получил в народе прозвище Тишайший.

В нем, казалось, соединились все добрые свойства древнерусского человека. Он был тем образцом благочестия, набожности и безупречной чистоты нравов, которые служили идеалом для многих его современников и потомков. Он любил читать священные книги, ссылаться на них и руководиться ими. Его знание богослужебного устава и обрядов поражало. Стоя на богослужении, он мог поправить уставщика, ответственного за строй богослужения, в неточном соблюдении церковного устава. Никто не мог превзойти его в усердии к молитве и посту. В посты Алексей Михайлович простаивал на богослужении по пять-шесть часов ежедневно и клал по тысяче поклонов, питаясь единожды в день скудной пищей. Это был истовый древнерусский богомолец, соединявший в христианском подвиге труд телесный с напряженной духовной жизнью. Даже тогда, когда церковный устав разрешал мясо или рыбу, царь отличался трезвостью и умеренностью в еде. Хотя к его столу и подавалось до семидесяти блюд, он приказывал рассылать их своим придворным, а то и простому люду в виде царской милости.

Однако, будучи от природы живым, впечатлительным и подвижным, Алексей Михайлович часто

терял самообладание и легко гневался. Вспыльчивость царя чаще всего возбуждалась встречами с нравственным безобразием, особенно с поступками, в которых обнаруживались хвастовство и надменность. «Кто на похвальбе ходит, — часто повторял Тишайший царь, — всегда посрамлен бывает». Но что удивительно, в минуты сильнейшего раздражения Алексей Михайлович ни в себе, ни в виноватом подданном старался не забыть человека. При доброте и мягкости характера это уважение к человеческому достоинству в подданном производило на окружающих сильное впечатление, чем Алексей Михайлович и заслужил наименование «тишайшего царя». Иностранцы не могли надивиться этой черте в русском самодержце. «Этот царь, — пишет австрийский посол в Москве, — при беспредельной власти своей над народом, привыкшим к полному рабству, не посягнул ни на чье имущество, ни на чью жизнь, ни на чью честь».

Тишайший царь принадлежал к тем благодушным натурам, которые более всего хотят, чтоб у них на душе и вокруг них было светло. Он был неспособен к затаенной злобе и продолжительной ненависти. Гнев его был отходчив, проходил минутной вспышкой, не простираясь далее угроз и пинков. Рассердившись на кого-нибудь, по вспыльчивости он мог легко оскорбить его. Но скоро успокаивался и стремился примириться с тем, кого оскорбил в припадке гнева. Он первый шел навстречу к потерпевшему с прощением, стараясь приласкать его, чтобы обидимый не сердился. Прилив царственного гнева всегда разбивался о мысль, никогда не покидавшую царя, которую он часто повторяет в своих письмах: «На земле никто не безгрешен перед Богом. На Его суде все равны — и цари, и подданные».

Алексей Михайлович любил писать. И писал много. Из всех древнерусских царей его творчество по объему было сравнимо только с творчеством Ивана Грозного. Он пытался изложить историю своих военных походов, пробовал себя в поэзии. Но больше всего оставил он писем к разным лицам. В этих письмах много простодушия, веселости, подчас задушевной грусти. В них видно тонкое понимание ежедневных людских отношений, меткая оценка житейских мелочей и заурядных людей.

Тишайшему царю пришлось стоять в потоке важных внутренних и внешних движений в политике Российского государства. За «тишиной» его правления скрывались активные преобразования не только в системе государственной власти и управления, но и в военной, дипломатической, судебной и церковной деятельности. И это несмотря на то, что его самодержавие протекало на протяжении длительного периода в условиях войны. В целом же Алексей Михайлович постоянно стремился смягчать по возможности те общественные противоречия, которые то и дело проявлялись в то время. Несмотря на многочисленные антиправительственные выступления, бывшие во время царствования Алексея Михайловича, новой государственной смуты не произошло. И все же его правление было омрачено смутой, расколовшей Русскую Церковь. И во многом эта смута стала результатом конфликта царя и патриарха Никона.

Как деятельность Алексея Михайловича, так и его письменное творчество способствовали окончательному закреплению представления об «идеальном православном государе». Его неизменными чертами являлись чинность, кротость, благообразность, милосердие, богобоязливость. Такой государь, по мнению его современников, должен был осознавать свою гре-

ховную человеческую природу, проявлять неустанную заботу о «сырых и убогих меньших людях», стремиться к тишине правления — миру с соседями.

Даже смерть Тишайшего царя была идеальной с точки зрения древнерусского благочестия. Почувствовав упадок сил, Алексей Михайлович благословил на царство своего сына Феодора. Затем он приказал выпустить из тюрем всех узников, освободить из ссылки всех сосланных, простить все казенные долги и заплатить за тех, которые содержались за долги частные. Приняв Таинство Соборования и причастившись Святых Христовых Таин, он стал спокойно ожидать кончины. На другой день три удара в колокол Кремлевской звонницы возвестили народу о смерти Тишайшего царя, самого доброго из всех русских царей.

М.В. Первушин

Патриарх Никон

Никита Минин, так звали будущего патриарха Никона, родился в 1605 году в Мордовии. В двадцать лет он становится священником в одном из сел Нижегородского края. Яркие проповеди и благочестивая жизнь обращает на него внимание московских купцов, которые зовут его в Москву. Однако случается непоправимое — во время эпидемии моровой язвы в одночасье умирают трое его детей. Увидев в этом Промысл Божий, Никита с женой уходят в монастырь, чтобы всецело посвятить себя Богу.

В Анзерском скиту Соловецкого монастыря Никита принимает постриг с именем Никон. Он всецело предается монашескому подвигу, удивляя братию силой своего характера и строгостью жизни. Через

некоторое время Никон переходит в Кожеезерскую обитель, где становится ее настоятелем. Приехав в Москву по делам монастыря, он был представлен молодому царю. Своим благочестием и образованностью Никон настолько покори́л Алексея Михайловича, что тот запретил ему возвращаться в свой монастырь. Никона определили архимандритом в один из московских монастырей, а царь еженедельно приглашал его в Кремль для духовной беседы. Уже через три года по просьбе Алексея Михайловича Никона поставили митрополитом Великого Новгорода.

Будучи в Новгороде, Никон еще более расположил к себе государя тем, что единолично подавил мятеж. Новгородцы взбунтовались против несправедливого царского воеводы, желая его убить. Однако Никон укрыл его в своем доме. Тогда мятежники избили до полусмерти самого митрополита, оставив его лежать на площади. С большим трудом Никон добрался до храма, где велел отслужить литургию. Причастившись, он бесстрашно пришел прямо в избу к заговорщикам. Те, пораженные твердостью Никона, пали к его ногам. Митрополит же не только простил их, но и просил для них пощады у царя. Благоразумная кротость в наказании окончательно смирила непокорных.

В 1652 году после смерти патриарха Иосифа следующим патриархом был избран Никон. Он долго не соглашался принять патриаршество. Тогда Алексей Михайлович, со слов очевидца, «упал в ноги Никону и умолял принять в свое ведение Русскую Церковь. Потрясенный и растроганный до слез Никон согласился».

В первые пять лет правления Никона связывала с царем самая тесная дружба. Алексей Михайлович восстановил патриарху титул Великого государя,

который по праву царского отца носил в свое время только патриарх Филарет. Так же как и при Филарете, без доклада патриарху не решалось ни одно государственное дело. Патриарх был сподвижником царя в деле воссоединения Украины с Россией, по его совету были начаты военные действия с поляками и шведами. Одаренный и энергичный деятель, он также вел переписку с иностранными дворами. Уезжая из Москвы в походы, Алексей Михайлович оставлял Боярскую думу под контролем Никона. Это не могло нравиться боярскому окружению. Против патриарха зрел заговор, задачей которого было рассорить его с царем. «Зачем вы отдаляете от меня доброго царя?» — спросил Никон одного из главных заговорщиков. «А ты зачем, — ответил тот с грубостью, — присвоил себе титул Великого государя и отнимаешь у царя всю власть, да и нас ни во что не ставишь?»

Природная горячность и отсутствие дипломатичности в характере патриарха, а также его излишнее желание влиять на государя сослужили ему плохую службу. Бояре сумели настроить Алексея Михайловича против Никона. Между ними начались ссоры. Царь перестал допускать патриарха до решения государственных вопросов, одновременно стремясь поставить под свой непосредственный надзор и церковное управление. Лишением Никона титула Великого государя царь дал понять патриарху, что отныне разрывает с ним узы дружбы.

В один из летних дней, после праздничного богослужения в Успенском соборе Кремля, на котором царь демонстративно отсутствовал, Никон прямо в алтаре написал ему письмо об оставлении им патриаршего престола. После этого надел простую рясу, черный монашеский клобук, взял посох, со слезами

на глазах простился с паствой и как странник вышел из Кремля. Народ плакал, держал двери, но не мог удержать Никона. Он удалился в свой Новоиерусалимский монастырь. Порывистость Никона не содействовала примирению. Бояре сумели убедить царя не посылать за Никоном, будто бы предавшим государя и Церковь своим поступком.

Около 8 лет пробыл патриарх в добровольном заточении. Царя убедили созвать собор с участием восточных патриархов для низложения Никона. Патриарх Антиохийский Макарий и Александрийский Паисий в конце 1666 года открыли заседания собора. Никон приготовился к суду, причастившись Святых Таин, и приняв Таинство Елеосвящения, а затем явился на собор как патриарх, торжественно, в преднесении креста. Не видя для себя места с патриархами, он отказался сесть и простоял все время заседания, которое длилось 8 часов. Однако судьи не нашли за Никоном более тяжелых провинностей, кроме оставления кафедры. «Камнями могут побить Никона, но не словами, — сказал про себя осужденный патриарх, — хотя бы еще 10 лет собирали их». Определено было лишить Никона патриаршества и в звании простого монаха сослать на покаяние в отдаленную обитель.

Продолжая испытывать к низложенному патриарху сердечную привязанность, царь посылал Никону к праздникам подарки. Перед самой смертью он просил у него прощения. Никон хотя и плакал при получении царского послания, прощения Алексею Михайловичу не дал, считая, что в его лице государем обижена сама Церковь. 15 лет пробыл Никон в ссылке. В 1681 году, уже при царе Федоре Алексеевиче, он был выпущен из заточения, но по пути в Новоиерусалимский монастырь скончался. Погребение Никона совершил сам царь, со слезами читавший по

нему Псалтирь и певший вместе с церковным хором. Через год общим решением восточных патриархов Никон был посмертно восстановлен в патриаршем звании.

М.В. Первушин

Раскол в Русской Церкви

Еще в середине XVI века на Стоглавом Соборе русскими иерархами был поднят вопрос об исправлении ошибок в богослужебных книгах. Тогда он так и не был решен, сначала из-за грозной опричнины, а затем из-за Смутного времени. Однако затруднения в деле книжных исправлений с течением времени все более и более возрастали. С развитием типографий ошибки из рукописей попадали в печатные книги, где каждое слово считалось уже неприкосновенным.

Первое время на Московском печатном дворе работа по исправлению ошибок велась без определенного плана. Правили и печатали книги, в которых была нужда, на которые был спрос. Некоторые просвещенные правщики предлагали брать за основу «книжной справы» книги греческие. Однако это вызвало бесконечные споры и разногласия в русской церковной среде. Греки подорвали свой прежний авторитет в глазах православной Руси еще в XV веке, когда на Ферраро-Флорентийском Соборе они заключили церковную унию с Римом. Вот как отвечает грекам один из русских книжных людей того времени: «Книги вам печатают в Венеции и в Англии, и еллинскому писанию ходите учиться в Рим, а наставники ваши оттуда приходят, — в больном стаде и здоровая скотина окоростевеет, — так и ваши учителя

приходят к вам из Рима все шелудивые, а вы их во всем слушаете. Еще скажу вам: что у вас было доброго, все к нам в Москву перешло!»

С воцарением Алексея Михайловича книжная справа приобрела характер церковной реформы. Вокруг царя образовался влиятельный кружок ревнителей церковного благочестия во главе с царским духовником. В этом кругу и был продуман и предложен план церковных преобразований, который стал воплощаться в жизнь при царской поддержке. В 1652 году на патриарший престол был избран один из активных членов этой группы — митрополит Новгородский Никон. Несмотря на то что новый патриарх был привлечен к уже начатому делу и посвящен в уже разработанные планы, именно с его именем связывают церковную реформу.

Став патриархом, Никон осуществлял преобразования уже без совета и участия своих друзей. «Егда поставили патриархом, так друзей не стал и на порог пускать!» — вспоминает один из бывших «ревнителей». Члены кружка встали в оппозицию к действиям патриарха, вызвав на себя его гнев. Многие из них были лишены сана и сосланы, а кто-то даже поплатился жизнью.

Для поддержки дальнейших реформ Никон решил обратиться к авторитету греков. Отыскав в соборном документе восточных патриархов слова о том, что Русская Церковь должна быть во всем согласной с Церковью Византийской, Никон объявил: «Я русский, сын русского, но моя вера — греческая. И если Восточная Церковь учит иначе, нам нужно отказаться от своих мнений и принять общее мнение Восточной Церкви». В деле достижения обрядового единства с другими Православными Церквями Никон

просил совета у восточных иерархов. Первым отозвался Константинопольский патриарх Паисий: «Дорогой брат! Не следует думать, будто извращается наша православная вера, если кто-нибудь имеет чинопоследование, несколько отличающееся в вещах несущественных и не в членах веры. Различия же во внешних порядках не только терпимы, но исторически неизбежны». Однако не все мыслили так же мудро, как цареградский святитель. Патриархи Макарий Антиохийский и Гавриил Сербский, лично приехавшие в Москву на очередной церковный собор, не только торопили Никона с исправлениями всех обрядовых отличий в Русской Церкви, но и объявляли все старорусские чины ложными и еретическими.

Большинство русских иерархов молча поддержали никоновскую справу. С необходимостью исправлений книг и обрядов не согласился только один из архиереев — епископ Коломенский Павел. В порыве гнева он был лишен Никоном сана и сослан в дальний монастырь, где вскоре скончался при неизвестных обстоятельствах. Никон приступил к реформам. Со всей своей жесткой решимостью и прямолинейностью он начал искоренять ошибки и вводить новые правила, совсем не учитывая тех настроений, которые царили в русском обществе.

В результате преобразования патриарха Никона имели трагические последствия. Наиболее консервативная часть паствы отказалась принять новшества, противясь тому осмеянию, которому подвергались старорусские обряды. Ревнителю древнего благочестия заявляли: «Как положили отцы наши и деды, так пусть все и лежит. Они жили и спасались по этим книгам, и мы не желаем изменить в них ни одной буквы».

В мае 1666 года под председательством трех патриархов открылся Большой Московский Собор. Половину из присутствовавшего на нем епископата составляли восточные иерархи. Собор официально подтвердил все сделанные Никоном исправления и объявил противников реформы противниками Церкви. С тех пор приверженцев старых книг и обрядов стали называть старообрядцами или староверами. Ревнители же старых обрядов прозвали своих противников никонианами.

Главные причины, вызвавшие раскол, поражают своей мелочностью. Ошибки совсем не затрагивали основ веры. Под «старой верой» подразумевались привычные формы обрядов и неизменные тексты богослужбных книг. Со временем и сам Никон, попав в немилость к царю и пребывая в ссылке, признал историческое равноправие старых и новых обрядов. Но было уже поздно. Анафемы на «непокоряющихся святому Собору» уже прозвучали. Отказавшись выполнить требования Собора, раскольники фактически решились на открытый бунт против власти. Протесты против навязывания обрядовых реформ вспыхивали сначала на окраинах русского государства, а потом и в самой Москве, где сторону раскольников приняли царские стрельцы. После усмирения столичного бунта правительство усилило свою строгость к мятежникам. От преследований и наказаний староверы стали убегать в непроходимые заволжские леса или покидать пределы России, сохраняя в своих общинах чувство тоски, погребальную грусть об утраченной Древней Руси.

М.В. Перушин

Протопоп Аввакум Петров

Протопоп Аввакум Петров вначале был сотоварищем патриарха Никона и активным членом кружка «боголюбцев». Однако после начала богослужебной реформы он становится главным идеологом борьбы за древнерусское благочестие. Его личность была ярчайшим примером той силы духа, которую проявляли русские люди в борьбе за идею.

Аввакум родился в 1621 году под Нижним Новгородом в семье священника. Вспоминая свое детство, протопоп писал: «Однажды еще мальчишкой я видел, как умирала соседская скотина, и был поражен до глубины души. Той же ночью я встал тайно перед образом Богородицы. Рвдания разрывали мою душу. Я не мог успокоиться, плача о своей душе и осознавая, что и мне когда-то предстоит умирать». Аввакум рано потерял отца. Едва отрок достиг совершеннолетия, мать женила его на четырнадцатилетней сироте. Анастасия Марковна, так звали супругу Аввакума, на всю жизнь стала его верной спутницей и матерью восьмерых его детей. Жертвенная любовь к мужу, которую она пронесла через всю жизнь, была залогом их семейного счастья и надежной опорой в борьбе Аввакума со своими идейными противниками. Вот лишь один пример их отношений уже после начала гонений на раскольников. «Опечалился я, — пишет Аввакум, — сижу и рассуждаю: “Что сотворю? Проповедаю ли Слово Божие или скроюсь где? Ведь жена и дети связали меня”. Видя меня печальна, протопопица моя с осторожностью говорит: “Что, господин мой, опечалился?” Я отвечаю: “Жена, что сотворю? Зима еретическая на дворе. Говорить ли мне или молчать? Связали вы меня!» Она же мне молвит: “Что ты, Петрович, говоришь? Я вместе с детьми благословляем

тебя: дерзай, проповедай Слово Божие! А о нас не тужи. Пока Богу угодно, живем вместе, а когда разлучит, тогда в молитвах своих не забывай нас. Силен Христос и нас не покинуть! Поди, поди в церковь, Петрович! Обличай блудную еретическую!» Я ей за то челом в землю и, отрясше от себя печальную слепоту, начал по-прежнему ересь никонианскую со дерзновением обличать и Слово Божие проповедать».

До патриаршества Никона Аввакума сближало с ним единство взглядов. Доверяя Никону, Аввакум первый поставил свою подпись под челобитной царю с просьбой назначить Никона патриархом. Но не только единство взглядов роднило этих двух людей. Они были похожи и характерами. Аввакум был так же противоречив и страстен. Он абсолютно не принимал своих противников, буквально ненавидел их, грозил им самыми страшными карами. Строгий к самому себе, он беспощадно преследовал всякое отступление от церковных правил. Из-за исправления нравов он вступал в постоянные конфликты как с паствой, так и с властями. Несколько раз его до полусмерти избивали разъяренные прихожане и духовенство. И в то же время в посланиях к соратникам перед нами совершенно иной человек — добрый, нежный, отдающий всего себя заботе о своих ближних.

После избрания Никона патриархом их пути с протопопом разошлись. Аввакум стал во главе старообрядческой оппозиции никоновским реформам. И уже в сентябре 1653 года Аввакума бросили в тюрьму. Он был прикован цепями, его били и морили голодом. Только благодаря заступничеству самого царя протопоп Аввакум был оставлен в живых и по указу Никона сослан на Дальний Восток. Во время 11-летней ссылки Аввакуму с семьей довелось вытерпеть невероятные лишения, голод, пережить смерть двух

сыновей. Именно там, в Сибири, родилась слава протопopa как героя и мученика за «старую веру».

Вернувшись в Москву, негибавший протопop вновь восстал за старую веру, став духовным отцом многих московских «старолюбцев». Несмотря на угрозы и обещания со стороны властей, Аввакум относился к новым обрядам с прежней нетерпимостью. После тщетных увещаний на Большом Московском Соборе его расстригли и прокляли. В ответ на это «поборник благочестивых отеческих догматов и атаман полка Иисусова», как называл себя Аввакум, тут же наложил анафему на всех присутствующих архиереев и трех патриархов. Уже позже Аввакум писал, что напрасно его отлучили от Церкви и назвали еретиком, так как «в таком случае подобной же участи заслуживают и все бывшие ранее русские иерархи и государи, державшиеся дониконовских обрядов». Расстрижение Аввакума было встречено большим возмущением и в народе, и во многих боярских домах. Даже при царском дворе в день его расстрижения было «великое нестроение» царицы с царем. Но и после проклятия светские и церковные власти не отказывались от мысли переубедить Аввакума. Однако он был тверд в своих убеждениях.

В итоге его с семьей сослали на Север — в Пустозерск. Аввакума и четырех его сподвижников заточили в земляную тюрьму, где он просидел 14 лет на хлебе и воде. Однако именно в эти суровые годы Аввакум создал свои основные произведения. Из земляной тюрьмы Аввакум рассылал многочисленные послания своим сторонникам, защитникам «старой веры», ободрял их и поддерживал.

Аввакум — автор более 80 литературных и публицистических произведений. Все эти произведения проникнуты одной главной идеей — защитой

«старой веры». Полемический настрой нередко приводил Аввакума к противоречивым высказываниям. Несмотря на высокий авторитет Аввакума как мученика за «старую веру», основная часть старообрядцев не приняла его ошибочные догматические построения.

Наконец, дерзкое письмо Аввакума царю Федору Алексеевичу решило его участь. В 1681 году он был сожжен в Пустозерске за «великие на царский дом хулы». По преданию, уже стоя на костре, Аввакум произнес, сложив ладонь двуперстно: «Кто сим знаком крестится, тот спасется». Гонениям и казням подверглись также и члены его семьи.

Споры протопопа Аввакума по поводу церковных обрядов имели и другой смысл. Они были выражением глубинных противоречий, главным из которых было то, что старообрядцы и сторонники церковной реформы по-разному видели цели и пути дальнейшего развития русского общества и государства.

М.В. Первушин

Патриарх Адриан

Последний перед более чем трехсотлетним перерывом русский патриарх Адриан был человеком удивительной душевной чистоты и преданности идеям Святой Руси. Его незлобие, кротость и евангельская доброта ставят Адриана в число лучших людей своего времени. Однако все деяния и заслуги патриарха Адриана скрываются в тени легенд о Петре Великом. Набор лубочных картин о житии и подвигах молодого царя практически исчерпывает представление о сложном периоде преобразований в России в конце XVII века.

О жизни патриарха Адриана до пострижения в монашество не сохранилось никаких сведений. Известность он получил, будучи уже архимандритом столичного Чудова монастыря. За несколько лет своего настоятельства Адриан сумел построить три новых каменных храма и обновить все старые монастырские постройки. Кроме этого, он ввел в кремлевской обители строгие дисциплинарные правила: три дня в неделю ворота монастыря закрывались для посетителей и паломников, а во время богослужений мужчины стояли отдельно от женщин, для чего специально были устроены отдельные входы.

Когда в Москве разразились события стрелецкого восстания 1682 года, будущий патриарх Адриан проявил себя первым ходатаем перед царями за взбунтовавшихся стрельцов. Его роль связного между скрывавшимся в Троице-Сергиевом монастыре царским двором и оставшимся в своей резиденции патриархом послужила к умиротворению в Русском государстве. Именно через Адриана царевна Софья вела переговоры с восставшими москвичами. Несколько раз, рискуя собственной жизнью, Адриан пробирался из Москвы в Троицкий монастырь и обратно, доставляя важные государственные грамоты и распоряжения.

Личные качества и деятельность Адриана были настолько выдающимися, что в 1690 году собор Русской Церкви избрал его патриархом. Адриан упорно отказывался от такого бремени, говоря: «Не просите! Недостоин я началовождения паствы многороссийской по немощи своей». Долго упрашивали его соборяне, настаивая подчиниться воле Божией и указывая на нарушение монашеского послушания Церкви. «Едва умолили!» — облегченно замечает один из свидетелей этого события, когда было, наконец, получено

согласие Адриана. Однако в самом избрании патриархом Адриана произошел конфликт с молодым царем Петром I. Царь имел своего кандидата на патриарший престол, которого не захотели видеть ни архиереи, ни мать Петра царица Наталья Кирилловна, почитавшая Адриана. Церковный собор, на котором выявились эти разногласия, решил дело в пользу Адриана.

Адриан в первые же годы своего патриаршества настолько грамотно произвел перемены в патриарших приказах, что результатом этой деятельности стало процветание патриарших вотчин, которые ежегодно приносили немалый доход в церковную копилку. «Одно побуждение руководит мною в этой перестройке, — писал сам патриарх, — управлять людьми своими правильно!» Многие крестьяне просились жить и работать на церковных землях. Это резко контрастировало с хозяйственной разрухой и пустой казной в государстве.

В годы своего патриаршества особые усилия Адриан направил против проникающего влияния Запада во все стороны русской жизни. Он стремился воздействовать на свою паству исключительно словом, без всякого внешнего давления. Такому подходу способствовала его истинно монашеская настроенность души, обращенность к внутреннему человеку, стремление пробудить его совесть. Меткое слово патриарха задевало и юного царя. Лишь однажды патриарх лично обратился с укором к самому Петру. Встретив во дворце Петра в иноземной одежде, Адриан сделал вид, что не замечает его. Тот дважды поздоровался с патриархом, а на третий стал упрекать Адриана в непочтении к царской власти. Патриарх, удивившись, сказал: «А я-то думал, что это за немчин крутится в царских покоях!» — и упрекнул Петра за смену тра-

диционного платья. Петр вспыхнул и резко ответил патриарху: «Ты, вместо того чтобы заботиться о портных, пекись лучше о делах Церкви!»

Отношения царя и патриарха обострились после отказа Адриана насильно постричь в монашество супругу Петра Евдокию. Вскоре после этого Петр устранил Адриана от участия в государственных делах, несмотря на существовавший тогда обычай согласования царских решений с патриархом. С этого же времени царь начал вмешиваться в церковные дела, совершенно игнорируя патриарха. Петр поучал духовенство, как оно должно вести себя и как отправлять службы. На церковное имущество он смотрел как на государственное, и все доходы и расходы Церкви были взяты Петром под строгий контроль. Для обеспечения строительства флота царь обложил епархии особыми сборами. Эти действия привели к полному упадку церковного и монастырского хозяйства.

Во время жестокой расправы над стрельцами в 1698 году патриарх выступил с печалованием о казнимых, но его ходатайство было отвергнуто. Вместо милосердия оно вызвало только вспышку царского гнева. Петр бранно выругал и прогнал патриарха, пришедшего к нему с Владимирской иконой Богородицы, а казни только умножились.

От этой скорби о людях патриарха Адриана разбил паралич. Будучи не в силах противиться произволу светской власти, Адриан противопоставил незаконным разорителям слово истины. Его завещание подобно воздыханию, которое исторгается из самой глубины души православной России, вспоминающей свое недавнее прошлое. В октябре 1700 года болезнь усилилась, и патриарх Адриан скончался. Царь не пожелал присутствовать на погребении первосвященника. Петр I так и не назначил предполагавшихся

выборов патриарха. В истории Русской Церкви начался новый период, который после учреждения Святейшего Синода получил название Синодального. Ликвидация патриаршества означала устранение из жизни государства важного центра власти, что оказало влияние не только на церковную жизнь, но и на последующее развитие всей страны.

М.В. Первушин

Славяно-греко-латинская академия

Основанная в 1685 году, Славяно-греко-латинская академия стала первым учебным заведением в России, в которой образовательный стандарт соответствовал объему западноевропейских университетов. Идея создания в Москве высшего учебного заведения принадлежит знаменитому богослову, педагогу, поэту и переводчику Симеону Полоцкому. Цель создания академии Симеон видел в подготовке образованных людей для государственной и церковной службы.

Основная роль в создании академии принадлежит двум знаменитым греческим богословам братьям — Иоаникию и Софронию Лихудам. Эти ученые, обладавшие энциклопедическими знаниями, приложили все силы для организации первого на Руси высшего учебного заведения. Глубокое знание и преданность своему делу, чистота православных убеждений и огромное трудолюбие двух братьев уподобляют их другим греческим учителям — святым братьям Кириллу и Мефодию.

Братья Лихуды прибыли в Москву во второй половине XVII века с рекомендательной грамотой от восточных патриархов с целью помочь создать на

Руси высшую школу. Для вновь созданной Академии было построено специальное здание при монастыре Всемилоственного Спаса, известного под названием Заиконоспасского.

Созданная Академия была всесловным учебным заведением. Состав ее учащихся был пестрым. Вот как описывает его современник тех событий: «Сыновья кабального человека, солдата, конюха, купца соседствовали с детьми высших аристократических фамилий, таких как Одоевские или Голицыны». Около половины учащихся Академии были детьми бедноты. Некоторые из дворян не слишком жаловали академию из-за того, что «в оной много подлости», то есть простонародья. Многие ученики-простолюдины подрабатывали, чтобы прокормиться. Такова была участь и знаменитого выпускника Академии Михаила Васильевича Ломоносова. «Мне нельзя было тратить стипендии более чем на один ломоть хлеба и кружку кваса в день, — вспоминает Михаил Васильевич, — остальное уходило на бумагу, чернила и другие нужды. Таким образом жил я пять лет, но наук не оставил».

По характеру своего образования Академия была подобна западноевропейским университетам, которые выпускали не только богословов, но и специалистов для государственной службы, переводчиков, медиков, преподавателей, причем не только для России.

Весь академический курс продолжался около 15 лет. Начинался он с подготовительного класса, который назывался «школой словенского книжного писания», где обучали русской грамоте. После него ученики переходили в «школу греческого книжного писания», где изучали славянскую и греческую грамматику и латынь. Успешно окончившие этот курс

приступали к высшей ступени обучения, на которой преподавание шло только на греческом языке. Здесь изучали пиитику, риторику, логику, диалектику, богословие и физику.

Лихуды сами составляли учебники по всем основным предметам, следуя образцам учебных книг европейских университетов. Так, например, в учебниках логики и физики они ориентировались на Аристотеля, который был тогда главным авторитетом в европейской науке. «Уже несколько веков, — пишет Иоанникий в предисловии к своей физике, — все почти академии и университеты избрали Аристотеля вождем и главою, поэтому и мы намерены следовать ему». Однако братья не копировали слепо западную систему. Они критически переосмысливали материал с позиций православного учения. Этим Славяно-греко-латинская академия отличалась от западных университетов: она была православной школой, ее характер определялся не западно-христианской схоластикой или умозрительным рационализмом, а учением святых отцов.

Однако ориентация на широкое гуманитарное образование вызывала подозрение у особо недоверчивых к грекам чиновников. Современник этих событий пишет: «Паки навет и вражда воста на богомудрейших и изящнейших в словесех учителей, и злоба... повеле оных основателей школьных в благоразумии же и во благонравии изряднейших и дивных мужей от школ отлучити». Братьев переводят в Новгород. Но и там Лихуды не оставляют того дела, ради которого они приехали в Россию. Они основывают в Великом Новгороде вторую высшую школу, которая впоследствии была оценена как образцовая. Выпускники новгородской школы открывают учебные заведения в Переславле, Коломне, Туле, Орле и стано-

вятся рассадниками просвещения для многих городов России.

Основная заслуга братьев Лихудов состояла в том, что они смогли подготовить себе смену и создать систему, способную обеспечить преемственность. Академия и после них продолжала существовать и выполнять стоявшие перед ней задачи. Кроме создания высших учебных заведений, братья Лихуды приняли активное участие в полемике с западными христианами, защищая основы восточного Православия, а также в исправлении славянского перевода Библии. Все направления их деятельности неразрывно связаны между собой и имеют одну общую цель — защиту чистоты Православия в России.

В 1755 году, через 15 лет после смерти последнего из двух братьев, было принято решение выделить богословский факультет Академии в отдельное учебное заведение, а самой Академии присвоить наименование Московского университета.

Академия оказала глубокое воздействие на всю духовную и культурную жизнь России того времени. Уже первые ее выпускники внесли значительный вклад в отечественное духовное просвещение. Среди них: великий ученый-энциклопедист Михаил Ломоносов, математик Леонтий Магницкий, первый русский доктор медицины Петр Постников, поэт и дипломат Антиох Кантемир, поэт Карион Истомин, архитектор Василий Баженов и многие другие.

Значение Московской Академии не ограничивается национальными масштабами. Она стала рассадником богословских знаний не только для Русской Православной Церкви, но и для других Поместных Церквей. Среди учеников Славяно-греко-латинской академии были греки, грузины, поляки, литовцы, выходцы из Македонии и Трансильвании. Можно

сказать, что Академия оправдала надежды восточных патриархов и стала центром богословского образования общеправославного значения.

М.В. Первушин

Святитель Митрофан, епископ Воронежский

В 1682 году в Москве на большом Поместном Соборе Русской Православной Церкви было решено учредить новую архиерейскую кафедру у южных рубежей Руси, в городе Воронеже. Первым епископом на этом же соборе был избран игумен одного из северных монастырей Митрофан.

Невысокий, сухонький, сутулый старичок мало у кого из соборян вызывал уверенность в том, что справится с организацией новой кафедры. Да и сам Митрофан был не рад новому послушанию. Он не мог сдержать слез при одной только мысли, что расстанется с родной для него обителью. Начались споры. Однако все решило царское слово. За кандидатуру Митрофана просил Феодор Алексеевич, часто посещавший монастырь Митрофана. И собор, уважая царское мнение, избрал на новую кафедру Митрофана.

Нового воронежского епископа в миру звали Михаил. В прошлом он был приходским священником, но, овдовев, принял монашеский постриг. Его строгая аскетическая жизнь расположила к нему монахов обители. Они избрали Митрофана своим игуменом. Став настоятелем, он не оставил подвигов. Не любя праздности, он первым начинал и последним заканчивал любое дело: летом трудился в поле, зимой расчищал снег и рубил дрова, во всем подавая пример бра-

тии. Его обитель славилась строгим соблюдением монашеского устава. «По сей день живы мы телесно, а душевно — живы ли?» — любил спрашивать Митрофан у своей братии, напоминая тем, что необходимо прежде заботиться о своей душе, а все остальное приложится.

Некоторое время после рукоположения во епископа Митрофан прожил в Москве, собираясь на новую кафедру. Здесь он стал свидетелем кровавого бунта стрельцов против государственной власти. Страшные сцены насилия поразили нового епископа до глубины души. Понимая всю тяжесть потрясений, которые легли на плечи еще юного царевича Петра, Митрофан до самой смерти старался заботиться о государственном благе. Своим нравственным авторитетом, милосердием и молитвами святитель способствовал укреплению царской власти. И Петр платил ему тем же, считая воронежского епископа своим духовным наставником.

Лишь однажды между ними произошел конфликт. Приехав как-то в Воронеж, Петр вызвал к себе Митрофана. По иноземному обычаю, царский дворец был украшен статуями языческих богов. Святитель, встретив на пороге изваяния, вернулся к себе. Петру доложили, что Митрофан был у дворца и ушел. Царь оскорбился и велел опять послать за ним. Старец отвечал посланному: «Пока государь не уберет идолов, которые соблазняют простой народ, не приду во дворец. Если надо, пусть сам идет ко мне». Услышав столь решительный ответ, Петр пришел в негодование. «Как он смеет не слушаться царской власти? Если он не явится сейчас же, то будет казнен как преступник царской воли!» — кричал Петр. Несмотря на свои патриотические чувства, святитель не боялся говорить царю правду, даже если это могло вызвать

его гнев. «Жизнь моя во власти царя, — отвечал Митрофан на эту новость, — но для меня лучше умереть, чем своим присутствием или боязливым молчанием одобрять язычество и нарушить долг христианского пастыря. Не пристало православному государю ставить языческих болванов и соблазнять простые сердца». Зная строгость Петра, Митрофан поспешил приготовиться к смерти. Он распорядился готовиться к богослужению. Зазвонили в колокола. Петр, услышав благовест, послал спросить о причине. Святитель отвечал посланному: «Мне, как преступнику, словом царским назначена смерть. Готовясь к смерти, я хочу совершить последнее свое богослужение...» Когда Петру передали слова Митрофана, он был поражен решимостью святителя умереть. Не уступая никому и никогда, Петр сделал уступку для воронежского епископа. Царь приказал убрать статуи и послал успокоить святителя. На другой день Митрофан сам пришел к царю и благодарил его за уничтожение идолов. Так Петр убедился в величии духа святителя Воронежского и еще более стал уважать его.

Большинство начинаний Петра, служивших благу Отечества, были поддержаны Митрофаном. Так, когда Петр для осады Азова с моря стал строить на воронежской верфи корабли, многие считали устройство флота делом бесполезным. Однако воронежский святитель старался помочь царю, и делал это не только словом. Митрофан собрал все епархиальные деньги и принес их государю. «Всякий сын Отечества, — сказал святитель, — должен от своего достатка помогать нужде государственной. Прими же, государь, от моих издержек оставшиеся деньги и употреби их на благо России». Митрофан также поддерживал замысел царя об основании новой столицы на берегах Невы. Воронежского епископа называют

крестным отцом Санкт-Петербурга. Взяв Казанскую икону Божией Матери, святитель благословил Петра, сказав царю: «Она станет покровом для новой столицы и всего народа твоего. Вражеская нога не ступит в город, пока там будет эта икона». Основав Петербург, Петр велел заложить Казанский собор, который до сих пор является зримым свидетельством участия святителя в основании города.

Двадцать лет святитель Митрофан управлял Воронежской кафедрой, достигнув глубокой старости. Узнав о том, что святитель плох, Петр поспешил в Воронеж и застал его при последнем издыхании. Митрофан умер на руках у царя. Петр собственноручно закрыл ему глаза и запретил священнослужителям нести гроб покойного, сказав: «Нам стыдно будет, если не засвидетельствуем признательности нашей сему благодетельному пастырю отданием последней почести. Мы сами вынесем его тело». Царь со старшими военачальниками нес гроб святителя и опустил его в могилу. «Не осталось у меня более такого святого старца, — говорил Петр на погребении, — буди ему вечная память!» Скончался воронежский архипастырь в 1703 году.

Одним из замечательных памятников жизни и деятельности святителя Митрофана является его духовное завещание. Заповедь, которую дает святитель своим духовным детям, и сегодня не потеряла своей актуальности: «Для всякого человека таково правило мудрых мужей: употреби труд, храни мерность — богат будеши. Воздержно пей, мало яждь — здрав будеши. Твори благо, бегай злаго — спасен будеши».

М.В. Первушин

ХVIII ВЕК

Святитель Дмитрий, митрополит Ростовский

«Дай, Боже, совершити труд сей во славу Твою», — просил в горячей молитве молодой иеромонах одного из черниговских монастырей Дмитрий, принимая послушание описать жития всех святых, почитаемых Православной Церковью. Более чем через 20 лет, завершая этот огромный труд, он — уже митрополит Ростовский — произнес молитву Симеона Богоприимца: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко!..»

Дмитрий Ростовский — самый плодовитый и самый популярный из всех авторов, писавших на церковно-славянском языке. До революции его сочинения переиздавались каждые пять лет. И сегодня его «Жития святых» являются наиболее читаемой книгой православного христианина. Дмитрий Ростовский довел до совершенства стиль церковно-славянского языка. По словам академика Лихачева, он был «последним писателем Древней Руси, который имел крупнейшее значение для всей православной Восточной и Южной Европы». В его уникальном языке сочетались старославянский, украинский, латынь и польский. Он сумел соединить воедино три традиции: византийскую, латинскую и русскую. Полное собрание сочинений Дмитрия Ростовского содержит

более полусотни томов, куда, кроме богословских и церковно-исторических произведений, входят духовные драмы, стихи, дневники и письма святителя.

Будущий святитель Дмитрий родился в декабре 1651 года недалеко от Киева. При крещении мальчика нарекли Даниилом. Его отец, сотник казацкого полка Савва Туптало, был активным сторонником присоединения Украины к Московскому царству. Даниил, будучи от рождения спокойным и тихим мальчиком, всем сердцем стремился к монашеской жизни. Уже в 17 лет он принимает постриг в одном из киевских монастырей. Но тихой монашеской жизни не получилось. Лишь первые шесть лет молодой инок провел в родном монастыре. Монашеская кротость и смирение Дмитрия, а также всесторонняя образованность и блестящий дар проповедника сделали его востребованным. Каждый архиерей желал иметь его в своей епархии, и о нем постоянно спорили Киев и Чернигов.

В течение всей своей последующей жизни Дмитрий неоднократно получал новые назначения и уезжал в новые города, в новые монастыри, не задерживаясь нигде более двух лет. «Бог знает, где и мне суждено положить свою голову!» — с сожалением писал в своем дневнике Дмитрий по случаю очередного своего перехода из обители в обитель. Однако, несмотря на частые перемещения, он не оставлял литературы. Как вспоминает он сам: «Писал я большую часть ночи, зачастую ложился спать, не раздеваясь, только за час до утренней службы, так как все дневное время уходило на труды настоятельские и заботы хозяйственные». Никогда, даже в сане митрополита, не был он ни политиком, ни администратором, а был прежде всего писателем и духовным учителем. Дмитрий Ростовский сравнивал писательский труд с

работой зодчего и более всего жалел, предчувствуя свою скорую кончину, что не успеет завершить начатые им произведения: «Дело книгописное как останется? Еще много надобно в том деле трудиться... Едино мне жаль то, яко начатое книгописание далече до совершения...»

Читателя подкупали особая теплота слов и юмор святителя. Ростовский митрополит пишет своему другу иноку Чудова монастыря Феологу: «Христос, знаю, забился в чуланчик сердца Феологова и почивает на одре боголюбезных мыслей его, а отец Феолог Ему рад, потчует Его вином умиления. Попроси Его, чтоб и меня посетил, ибо немоществую». Или вот как он иногда заканчивал свои письма к духовным чадам: «Не забудьте меня, егда молитвы к Богу простираете и егда чарку водки полную испиваете, аз же такожде вас не забуду, аще впредь жив буду». Ставшие пословицами фразы и мягкая ирония даже над царским окружением снискали ростовскому митрополиту славу русского Златоуста.

Приехав в Ростов, святитель Дмитрий первым делом основал здесь семинарию. Он распорядился принимать в нее детей не только духовенства, но и из других сословий, выплачивая им стипендию из епархиальных средств. Учебный процесс был построен на соревновании — лучшего ученика с почестями провозглашали императором. Были в школе и свои спектакли, в которых участвовали все воспитанники. Сам святитель писал для них пьесы. Эти представления именовались «диалогами». Его «Успенский» или «Рождественский» диалог — это замечательные произведения русского духовного театра, построенного по законам православной литургии. Ростовский митрополичий духовный театр стал особым чином праздничных торжеств по случаю

великих христианских праздников. Спектакли святителя Дмитрия являются самым ярким примером того, как русская сцена рождалась из православного храмового действия.

Изнемогая, святитель и за два дня до кончины не прекращал своих занятий. Перед самой кончиной Дмитрий Ростовский до позднего вечера беседовал со своим ближайшим помощником, рассказывая ему о своей жизни. Затем, проведив его до самых дверей, поклонился ему до земли в благодарность за многие труды по переписке его сочинений. Удивившись, тот произнес: «Мне ли, последнему рабу, так поклоняешься, владыко святой?» На что святитель с кротостью сказал: «Благодарю тебя, чадо!» — и возвратился в келью. Помощник его со слезами на глазах ушел домой, предчувствуя неладное. На следующее утро ростовского святителя нашли в келье коленопреклоненным, умершим во время молитвы.

После смерти Дмитрия Ростовского у него не нашли никаких личных средств. Впрочем, вот что он сам писал в своем завещании: «С тех пор как принял на себя иноческий образ и обещал Богу нищету произвольную... не собирал я имения, ни злата, ни сребра, ни излишних одежд, но старался соблюсти нестяжание и нищету иноческую духом и самим делом, полагаясь во всем на Промысл Божий, никогда меня не оставявший. Потому не тратьте ничего на мое погребение, молю убо вас, отволоките мое грешное тело в убогий дом, и тамо между трупами да повергните его». Скончавшись в 1709 году в возрасте 58 лет, святитель Дмитрий остался в памяти современников и потомков «самой светлой личностью в церковном мире XVIII века».

Учреждение Святейшего Синода

Среди преобразований Петра I важнейшей по своим последствиям была реформа церковного управления. Первоначально Петр не собирался менять веками установленный церковный порядок. Однако чем дальше продвигался первый российский император в проведении государственной реформы, тем меньше у него оставалось желания разделять власть с иным лицом, пусть даже духовным. Первый удобный случай для начала церковных преобразований представился, когда скончался патриарх Адриан. После его смерти Петру настоятельно советовали: «Как твое самодержавие изволишь усмотрети, а об избрании патриарха, государь, стоит до времени обождать». И Петр послушался этого совета, заменив патриарха местоблюстителем.

Уже во время первого своего заграничного путешествия в 90-х годах XVII века молодой царь живо интересовался церковной жизнью в европейских государствах. Более двух часов Петр беседовал с английским королем и его дочерью на темы обустройства Англиканской Церкви. Именно тогда из уст английского монарха прозвучал совет молодому русскому царю «сделаться самому главой Русской Церкви, чтобы располагать всей полнотой государственной власти, по примеру Англии». Протестантский дух церковного устройства окончательно захватил Петра, когда он побывал на родине Мартина Лютера. Стоя перед статуей первого реформатора, Петр заявил: «Сей муж для величайшей пользы своего государя столь мужественно наступал на жадного до власти папу, что подлинно заслужил величайшего почтения от своего народа».

Согласно протестантскому церковному устройству, все церкви, находящиеся на территории какого-либо государства, в высшем своем управлении зависят от главы этого государства. Такое устройство целиком совпадало с идеями церковного преобразования Петра. Он хотел, чтобы государь без чьих-либо нареканий смог не только вмешиваться в дела Церкви, но и управлять ею.

Однако прошло около двадцати лет, прежде чем Петр воплотил свои идеи в жизнь. Для их реализации ему необходим был единомышленник в церковной среде. И такой человек нашелся. Это был киевский архимандрит Феофан (Прокопович). Процесс рождения церковной реформы протекал в полном секрете от Церкви и ее иерархии.

Все настойчивые просьбы высшего духовенства об избрании патриарха Петр отвергал. Однажды после очередного такого прошения он в ярости выхватил кортик, висевший у него на поясе, и с криком: «Вот вам патриарх!» — так рубанул им по столу, что тот разлетелся в щепки. Впервые Петр упомянул о грядущей реформе лишь в 1718 году, отвечая на очередную жалобу патриаршего местоблюстителя и упрекая его в беспомощности. Царь заявил, что «впредь для лучшего мнится быть духовной коллегии, дабы удобнее было и возможно исправлять такие великие дела, как церковное управление». В это же время он поручил Феофану, ставшему уже псковским епископом, написать проект этой коллегии и слово в ее защиту.

Через некоторое время Петр посетил Александро-Невскую Лавру, где жил Феофан, и, вспомнив о порученном им задании, спросил его: «Скажи-ка, скоро ли поспеет наш патриарх?» Феофан в том же шутовском тоне ответил: «Я уже дошиваю ему рясу!» На

это Петр весело добавил: «А у меня и шапка для него готова!» — указав рукой на самого себя. Вскоре Феофан предоставил Петру сочинение — «Духовный регламент», где провозглашалось учреждение Духовной коллегии вместо единоличной власти патриарха. Феофан не стал скрывать причины замены патриаршества Духовной коллегией. Он открыто высказал их в «Духовном регламенте»: «Дабы у простого народа не возникал соблазн видеть в патриархе некое второе лицо в государстве, почти равное первому, а то и превосходящее его...»

Этот документ был представлен Петром на обсуждение в Сенат и только затем предложен вниманию церковного Собора из оказавшихся в Петербурге шести архиереев. Под давлением светской власти они подписали документ и заверили, что все «учинено изрядно». В течение года собирались подписи тех архиереев, которые не участвовали в деяниях Собора, а также настоятелей важнейших монастырей. Нередко при этом государственные чиновники использовали силу для получения требуемого согласия.

После учреждения Духовной коллегии встал вопрос: как совершать молитвенное возглашение нового церковного правительства? Латинское слово «коллегиум» в сочетании со «Святейшим» звучало неблагозвучно, поэтому предлагались разные варианты: «собрание», «собор». Наконец остановились на приемлемом греческом слове «синод» — Святейший Правительствующий Синод.

Чтобы соблюсти каноничность нового духовного правительства, Петр обратился за благословением к Константинопольскому Патриарху Иеремии. Ответ патриарха был следующим: «Мерность наша... утверждает и закрепляет, что учрежденный благочестивейшим самодержцем Петром Алексеевичем

Синод есть и называется нашим во Христе братом...» Аналогичные грамоты были получены и от других восточных патриархов. Таким образом, Синод был признан в качестве постоянного Собора, равного по власти патриархам и потому носящего титул Святейшего.

В результате петровской реформы Церковь полностью утратила независимость от светской власти. Все постановления Синода вплоть до 1917 года выходили под штемпелем: «По указу Его Императорского Величества». В государственных бумагах церковная власть стала именоваться наряду с другими ведомствами, такими как военным, финансовым, судебным, — «Ведомством Право-славного Исповедания». Учреждением Святейшего Синода открывается новая эпоха в истории Русской Церкви.

М.В. Первушин

Религиозность Петра I

«В 27 день января 1725 года, после полудня государь стал к кончине приближаться, — пишет о последних минутах жизни Петра I один из его ближайших сподвижников, — тотчас призваны были два архиерея. И когда один из них о смерти и воскресении Христовой вспомнил, государь посилился приподняться и пересохшими устами еле вымолвил: “Вот то едино, что меня услаждает и жажду мою утоляет...” Через некоторое время удар в большой соборный колокол возвестил о смерти Его Величества».

Петр умер как истинный христианин, с последней мыслью о Боге. Однако на протяжении всей жизни первого русского императора его отношения с религией были довольно сложные. Такие черты древней

русской набожности, как постничество, земные поклоны, паломничество и любовь к колокольному звону, отличавшие его отца — царя Алексея Михайловича, были не в духе Петра. Еще в юности молодой царь часто пропадал в Немецкой слободе, где усвоил протестантскую религиозность. Под ее влиянием Петр стал рассматривать веру как необходимый инструмент помощи в делах земных, Церковь же — как помощницу в деле утверждения государственного могущества. Вслед за протестантами Петр сводил цели христианской жизни с небес на землю.

Эти новые начала европейского мировоззрения соединялись у Петра с традиционными началами религиозного образования, полученного им в детстве. Петр учился читать по Часослову, знал Псалтирь и Евангелие, изучал церковный устав и богослужebное пение, осваивал русскую историю по летописям и житиям святых. Петр любил церковную службу и порой сам участвовал в богослужении. Будучи уже главой государства, он часто пел на клиросе и читал Апостол, однако особенным благочестием все же не отличался. Относясь к внешним церковным обрядам довольно свободно, Петр в то же время непременно вставал на молитву перед всяким важным делом. А во время пребывания в Карлсбаде, он, по свидетельству очевидцев, «часто удалялся на близлежащую гору для уединенных молитв и богомыслия». Вскоре там установили деревянный крест, обозначающий место царской молитвы.

Петру I был свойствен практический взгляд на роль веры в делах государства. Но это не исключало в нем глубокого и живого понимания Православия. Первый российский император сознательно, а не только в силу традиции обставлял церковными церемониями важные государственные события. В своих

манифестах, заявлениях, письмах он часто делал откровенные религиозные оценки переживаемых событий. «Быть трудолюбивым и честным, — писал Петр, — вот лучшая политика человека, власть имущего. Приносит она, однако же, мало пользы, если не сопутствует ей благословение Божие». По случаю взятия Азова царь написал: «Победу сию с превеликою радостью приняли и Господа Бога сердечно благодарили, ибо такие случаи только Ему Единому приписывать достоин». Воззвание к Промыслу Божию не было чуждо Петру и при неудачах. Вырвавшись из вражеского окружения, едва не попав в плен, Петр сообщал в Сенат: «Так Господь благоволил, по грехам... Но мню, что праведный Бог может к лучшему сделать».

Благодаря такому религиозному настрою Петр не мог терпеть вольнодумцев и безбожников. «Кто не верует в Бога, — говорил он, — тот либо сумасшедший, или от природы безумный. Зрячий Творца по творениям познать должен». Один из учившихся за границей питомцев Петра, будущий знаменитый историк Василий Татищев, приехал в Россию и стал издеваться над Библией и церковными порядками. Узнав об этом, Петр был в негодовании. Он велел привести его к себе для личного выговора. «Как же ты осмеливаешься ослаблять такую струну, которая составляет гармонию всего тона? — кричал на него Петр. — Да как смел ты, бездельник, без должного уважения касаться и Священного Писания, чем уже успел соблазнить многих». И ударя провинившегося дубинкой, приговаривал: «Я тебя научу, как должно почитать оно... Не соблазняй верующих честных душ, не заводи вольнодумства. Не для того старался я тебя выучить, чтобы ты был врагом общества и Церкви».

Никогда не проявляя милости к провинившимся, Петр пытался оправдать свою гневливость и неумеренную строгость стремлением исполнить волю Божию. Однажды Петр прогнал патриарха Адриана, пришедшего печаловаться за опальных, сказав ему: «Я не меньше твоего чту Бога, и поэтому мой долг заботиться о народе и карать злодеяния. Я думаю, что для Бога нет более приятной жертвы, как кровь беззаконников». Но были и редкие исключения из этого царского правила. Однажды Петр приехал в Смоленск для казни стрельцов. Преступники уже были подведены к плахе, когда из толпы народа к ногам раздраженного государя бросилась настоятельница Смоленского женского монастыря Марфа с рыданиями и громким воплем о помиловании. Эта неожиданная смелость игуменьи так поразила царя, что он подал знак остановить казнь. Помилование преступников вызвало бурю радости, которая охватила и самого царя. В благодарность Марфе за это новое испытанное им чувство прощения Петр приказал, чтоб она требовала от него, что пожелает. Тогда благочестивая игуменья просила построить в ее обители каменный храм вместо деревянного. Просьба ее была исполнена. И весь город помогал ей в этом строительстве.

Петр был ревностным, самоотверженным и бескорыстным служителем идеи «общего блаженства». Однако высшей его целью являлось не Царство Небесное, а улучшение земного благоденствия. Первый российский император умер, так и не сумев воплотить в жизнь свою идею. Он хотел построить земной рай, забыв слова Христа о том, что искать нужно «прежде Царствия Божиего, а все остальное приложится...».

Русская духовная миссия в Китае

Впервые русские люди появляются в пределах Китая в XIII веке, но эти отношения между двумя странами были эпизодическими. Более частыми они становятся только с середины семнадцатого столетия. Тогда же возникают и первые политические конфликты. Русская пограничная крепость Албазин по повелению китайского императора была захвачена войсками Поднебесного государства. Защищавший ее казачий гарнизон проявил чудеса храбрости и мужества, но не смог противостоять многочисленной китайской армии. Его остатки вместе с соборным священником Максимом были уведены в китайский плен. Со времени их поселения в Пекине и начинаются активные дипломатические и торговые отношения между двумя государствами.

Император Китая принял пленных казаков милостиво. Слухи об их храбрости быстро достигли китайской столицы, и ему было лестно похвалиться перед народом такими отчаянными храбрецами. Император поселил их в Пекине и окружил заботой. Все они были причислены к потомственному военному сословию, которое по законам Китая стояло на втором месте после чиновничьего. Пленные казаки получили при этом все сословные льготы — казенные квартиры, жалованье, бесплатное продовольствие, участки пахотных земель и место под кладбище. Также по указу императора им была выделена одна из многочисленных буддийских кумирнь, украшавших столицу. Казаки устроили в ней часовню в честь святителя Николая, икону которого они вместе с другой церковной утварью увезли из разрушенного Албазинского храма. Здесь пленный русский священник и стал служить первые православные службы в Китайской

империи. Так, фактически с отца Максима и началась история Российской духовной миссии в Китае.

Тобольский митрополит Игнатий, утешая отца Максима, писал ему в письме: «Радуюсь я о тебе. Ты хоть и сам в плену прибываешь, но, с Божиею помощью, пленяешь других познанием евангельской правды». «Обязательно молись о пленившем тебя китайском императоре, — наставлял митрополит отца Максима, — чтобы Господь умножил лета живота его и даровал ему благородная чада в наследие рода, избавил его от всякия скорби и открыл свет евангельского просвещения».

Отец Максим скончался в 1711 году, а на следующий год Петром I была официально учреждена духовная миссия Русской Церкви. В столицу Поднебесной было отправлено восемь человек во главе с архимандритом Иларионом. Первая православная Миссия из России была принята в Пекине с особенным почетом и вниманием. Император-богдыхан зачислил членов ее в высшие сословия государства: архимандрита Илариона пожаловал мандарином 5-й степени, священника с диаконом — мандаринами 7-степени, а пономарей-прислужников причислил к военному сословию. О деятельности первой Миссии сохранилось мало сведений. Известно, что благодаря строгой жизни и уставному богослужению насельников Миссии она привлекла к Русской Церкви много местных жителей. Обращал внимание на нее и сам император, ежемесячно посылая чиновника справиться о здоровье начальника Миссии. По китайским обычаям, уже считалось великой честью, даже если император лишь дважды в год на великие праздники справлялся о здоровье того или иного чиновника.

Об успехе Миссии свидетельствует и тот факт, что вскоре было решено в Синоде учредить в Китае епископскую кафедру. Эта мысль нашла полное

одобрение и у российского императора Петра: «То дело зело изрядно, что в Пекине построена русская церковь, и что многие китайцы крестились, и чтоб кафедру там учредить. Только поступайте в том аккуратно, — предупреждал Петр, — дабы китайских начальников не привести в злобу, а также иезуитов, которые там от многих времен гнездо свое имеют». Царские опасения не замедлили подтвердиться. Был избран и рукоположен кандидат, однако увидеть Пекин ему так и не удалось. Представители западного христианства — иезуиты, которые появились в Пекине с середины XVI столетия, постарались затормозить действия китайского правительства в пользу Православия. Этот католический орден, узнав о намерениях Русской Церкви и опасаясь встретить в лице православного епископа опасного соперника, настоятельно советовал китайским министрам не допускать нового русского епископа в Пекин. И китайцы послушались иезуитов. В течение переговоров с русскими не раз поднимался вопрос о прибытии в Пекин православного епископа. Однако, как пишет участник этих событий, «о духовной особе, величаемой в документах “великим господином”, китайцы и слышать не хотели. Министры их говорили, что Богдыхан такую превеликую особу никогда принять не повелит, так как у них “великим господином” зовется их первосвященник... если будет прислан архимандрит или священники, то они приняты будут, а епископ никогда не допустится». Таким образом, вопрос о православном епископе в Китае был закрыт и разрешился лишь в начале XX века, когда начальник Миссии в 1902 году был посвящен во епископы.

К приезду в Пекин второй Миссии была построена церковь при посольском дворе. Ее освятили во имя Сретения Господня, приходящегося на 15 февраля.

При храме был основан и Сретенский монастырь для членов Миссии.

Многие годы Миссия исполняла роль не только духовного, но и дипломатического представительства России на территории Поднебесного царства, и до сих пор нынешнее российское посольство в Пекине расположено на ее территории. Члены Миссии сумели на протяжении столетий сохранить православную веру среди потомков албазинских казаков, смешавшихся с местным населением, а также обратить в Православие более 10 тысяч китайцев. За годы существования Миссии были построены около 100 православных храмов в разных частях Китая. Русские миссионеры в Китае заложили основы отечественного востоковедения, были выполнены переводы на китайский язык Библии, богослужения и святоотеческих трудов. Некоторые из православных священнослужителей наряду со своей миссионерской деятельностью провели глубокие научные исследования китайского общества и культуры. Сами китайцы признают значительную позитивную роль русских миссионеров в культурном развитии Китая. Немало было сделано русскими миссионерами и на поприще дипломатии. Во многом благодаря их трудам Россия и Китай ни разу за это время не воевали между собой. Деятельность Миссии прервалась только в 1954 году по политическим обстоятельствам.

М.В. Первушин

Преподобный Паисий (Величковский)

Иеросхимонах Паисий (Величковский) занимает в истории православного монашества особое место. В его лице удивительным образом сочетались

святость личной жизни, любовь к просвещению, организаторские способности и большое литературное дарование.

Преподобный Паисий родился в 1722 году в Полтаве. В семье он был одиннадцатым из двенадцати детей. Петр, так он был назван при крещении, рос очень молчаливым и глубоко религиозным мальчиком. Его молчаливость была до того поразительна, что родная мать говорила о Петре: «Порой по целым дням не слышно от него ни одного слова. И если бы не та радость и приветливость, которые светились на его лице, когда кто-то обращался к нему с просьбой, я думала бы, что он психически нездоров». Раннее детство и школьные годы Петр провел на Украине. Уже тогда он установил для себя следующие три правила: «ближнего своего не осуждать, хотя бы собственными глазами видел его согрешающим, ни к кому не иметь ненависти и от всего сердца прощать обиды». Эти три правила преподобный Паисий пронес через всю жизнь.

Он учился в Киевской Духовной Академии, затем странствовал по украинским монастырям в поисках духовного руководства. Его чуткая и чистая душа переживала любой мало-мальский проступок. «Однажды, когда я был молодым и жил в одном из украинских монастырей, — рассказывал старец впоследствии, — я как-то раз так раз крепко уснул, что не слышал звона к утреннему богослужению. Когда я проснулся и пришел в церковь, то оказалось, что уже прошло полслужбы. От стыда я не посмел остаться в церкви, а выйдя за ограду монастыря, сел на землю и горько заплакал. Заметив мое отсутствие, чего раньше никогда не бывало, игумен после службы велел разыскать меня. Нашедшему монаху с трудом, сквозь слезы я сумел объяснить причину своего горя. Тот,

утешая, уговаривал меня идти к настоятелю, а я твердил ему: “Как же я пойду к святым отцам и с каким лицом я покажусь им после такого великого греха!” После этого случая я сделал себе лубяную коробку, которую с одной стороны выдолбил. Сидя на ней, я засыпал ненадолго. Если же крепкий сон одолевал меня, коробка опрокидывалась, и я вместе с ней. Проснувшись, я бежал в церковь смотреть, не проспал ли утреню. Так приучил я себя спать не больше трех часов. А сейчас, — добавлял, смеясь, старец, — я и хочу поспать больше, а уже не могу и часа вздремнуть».

Когда Паисию исполнилось 24 года, он ушел на Афон, где прожил 17 лет. Сначала он жил в полном уединении, а затем к нему стали присоединяться другие иноки. Слух о доброй жизни подвижников распространился по Святой Горе, и многие стали приходить в скит. Братство под руководством Паисия постепенно возрастало так, что и келий уже не стало хватать для всех. Истинно монашеский уклад Паисиева братства был бы невозможен, если бы он сам не подавал ему примера. Во всем чувствовалась безграничная любовь старца к своим пасомым. «Непрестанную скорбь и болезнь душевную имею о братии моей», — пишет Паисий в одном письме.

Вместе со своим братством, которое насчитывало уже более 60 иноков, Паисий переезжает в Молдавию, где и остается до конца жизни. Устраивая свою жизнь на новом месте, преподобный особо обращал внимание на порядок богослужения, который он велел совершать строго по афонскому чину. Трепетно он относился и к строгому общежительному уставу, по которому никто из братии не имел своей собственности. Все послушания внутри монастыря выполняли сами иноки. Они же работали и на огородах, и в

поле, и смотрели за скотом. «Во время работы на устах должно быть молчание, — наставлял старец Паисий, — а в сердце тайная молитва. Удерживайте язык, чтобы он не говорил пустых слов. Кто бережет язык, оберегает душу от скорби. От языка — и жизнь, и смерть». Сам старец нередко выходил с братией на общее послушание и работал вместе с прочими. Когда же иноков стало более семисот, двери его кельи до поздней ночи оставались открытыми. Одни уходили, другие приходили по делам духовным или хозяйственным. «Тридцать лет прожил я при нем, — вспоминает его келейник, — и не видел его скорбящим о нуждах материальных. Он только тогда сильно скорбел, когда видел нарушение заповедей Божиих».

Слух о высокой жизни в Нямецком монастыре и о мудром старце Паисии распространился по всему православному Востоку. К тому же преподобный вел обширную переписку с многочисленными адресатами не только в Молдавии, но на Афоне, в Царьграде, России и в других местах. Он сделал свой монастырь центром православного монашества и школой подвижнической жизни и духовного просвещения для всего православного Востока. Его святоотеческие переводы до сих пор ценны не только в религиозно-назидательном, но и в научном отношении.

Предчувствуя свою кончину и не в состоянии преподавать свое предсмертное благословение всем инокам его обители, Паисий призвал к себе двух старейших монахов и через них благословил все братство. После этого он тихо скончался у них на руках 15 ноября 1794 года.

Старца Паисия можно назвать обновителем духовной жизни православного монашества. Примером своей жизни, своими трудами он вызвал огромное

духовное движение, особенно заметное в России, где оно охватило не только иноков, но и светское общество всех классов. Нельзя представить себе духовное состояние русских обитателей в XIX веке, не учитывая влияния преподобного Паисия. Более двухсот учеников старца и их преемников распространили его учение по русским монастырям. Под их влиянием изменился облик самого русского иночества, возросло значение внутреннего духовного подвига, о чем можно судить по старчеству Оптиной Пустыни и по изображению его в русской литературе. Знаменитейшие из русских писателей Гоголь, Достоевский, Толстой, Соловьев, Леонтьев и другие заметили это духовное движение в русском монашестве, изучали его и испытывали на себе его благотворное влияние.

М.В. Первушин

Императрица Елизавета Петровна

В ночь с 24 на 25 ноября 1741 года в одной из зимних дворянских усадеб на окраине Санкт-Петербурга появились несколько гвардейских офицеров. Невзирая на протесты прислуги, они ворвались в покои к молодой знатной особе. Выйдя оттуда через некоторое время, один из офицеров произнес: «Слава Богу!» Прислуга, не надеясь застать свою госпожу живой, со страхом приоткрыла дверь опочивальни. А там, на коленях перед образом Спасителя в слезах, но живая, молилась их госпожа. До них долетали лишь обрывки фраз: «Обещаюсь никого не казнить смертью... обет даю Тебе, Владыко, молиться ежечасно перед образом Твоим, если сподобишь совершиться затеянному». Их госпожой была дочь Петра I и Екатерины — Елизавета Петровна, будущая российская императрица.

После этой молитвы Елизавета взяла крест и вышла к ожидающим ее офицерам. «Клянусь в том, что умру за вас, — сказала царевна, подняв крест. — Целуйте и мне крест на этом, но не проливайте напрасно крови! Когда Бог явит милость Свою нам и всей России, то не забуду верности вашей, а теперь ступайте, соберите роту во всей готовности и тихости, а я сама тотчас за вами приеду». Так начиналось царствование императрицы, которую большинство русских людей считали спасительницей России. После ее воцарения со многих церковных кафедр звучали слова радости и приветствия новой самодержице: «Преславная победительница! Спасительница наша! Избавила ты Россию от врагов внутренних и сокровенных, которые под видом верности разоряли и бесчестили оную».

В характере новой императрицы многое внушало радужные надежды. Ее любовь к роскоши и удовольствиям не заглушала в ней искреннего и горячего благочестия. Набожность Елизаветы отчасти объясняется теми обстоятельствами, в которых протекало ее детство. Она жила в подмосковных селах Преображенском и Измайловском. В юности Елизавета часто приезжала в Александровскую слободу, где в женском монастыре жила ее теткамонахиня. Царевна любила ходить на богомолье по монастырям, особенно в Троице-Сергиеву Лавру, и строго соблюдала все посты, предписанные Церковью.

При Анне Иоанновне Елизавета была оттеснена от двора и вела полузатворническую жизнь. Дворцовая знать пренебрегала царевной, зная, что ее не любила Анна. Будучи по своему характеру веселой, доброй и общительной, Елизавета с радостью принимала любых гостей. Двери ее дома были всегда

открыты для «Божиих людей» — странников, юродивых, монахов. Она часто раздавала гвардейским солдатам маленькие подарки, присутствовала на их праздниках и принимала участие в крещении детей. В то же время жажда власти была совершенно не в характере Елизаветы. Она не принимала участия ни в одном из предшествовавших государственных переворотов и даже не старалась заявить о своих правах на престол. И если в 1741 году она и оказалась вовлеченной в вихрь политических событий, то обязана была этим внешним обстоятельствам.

После смерти императрицы Анны в Петербурге все громче зазвучали голоса сторонников русской партии. Засилье немцев, которое покорно сносили в течение десяти лет, сделалось вдруг невыносимым. У всех несогласных с прежними порядками на устах было имя Елизаветы, тем более что в гвардии ее хорошо знали и уважали. «С какой стати принимать немецкого императора и его родню, — спрашивали они, — когда жива и здравствует родная дочь Петра Великого?» Так желанием народа Елизавета была избрана на русский трон.

Начавшись в два часа ночи, переворот завершился уже к семи часам утра. Многие петербургские вельможи были растеряны, опасаясь за свою судьбу. Но императрица приняла всех милостиво, показав пример гуманности и великодушия. После воцарения Елизаветы сразу же началось возвращение из ссылок и тюрем несправедно осужденных и оклеветанных, в том числе и из духовенства. Чтобы в дальнейшем предотвратить незаконные расправы над священниками, она издала указ, по которому суд над ними передавался Святейшему Синоду.

Лишенная всякого политического честолюбия, Елизавета Петровна вступила в негласный, но

венчаный законный церковный брак с простым певчим казаком Алексеем Разумовским. «По характеру своему Елизавета Петровна, — как пишут о ней современники, — была очень русской. И несмотря на господствовавшие при дворе французские моды, во многом походила на боярынь допетровской эпохи». Страсть к развлечениям и французским нарядам уживалась в ней с чрезвычайной религиозностью. Елизавета проводила в церкви многие часы, стоя на коленях и молясь так, что иногда даже падала в обморок. Она много жертвовала на монастыри, особенно Троице-Сергиеву Лавру. Некоторые из влиятельнейших архиереев, видя любовь императрицы к Православной Церкви, предложили ей восстановить патриаршество. Но получили отказ. Елизавета не пожелала изменить своему слову, по которому все законы Петра I были объявлены и ее законами. Она согласилась лишь на то, что сам Синод был возвышен и перешел в непосредственное подчинение верховной власти, наряду с Сенатом.

Царствование Елизаветы можно считать благоприятным не только для Церкви, но для всего государства в целом. При ней Европа вновь увидела русскую армию и услышала о ее победах. В экономической жизни страны наблюдался подъем промышленности и торговли. Это было время расцвета русской культуры и науки: деятельность Михаила Васильевича Ломоносова, открытие Московского университета, основание Академии художеств, создание мировых шедевров архитектуры и живописи. Все это связано с эпохой правления Елизаветы Петровны — «умной и доброй, но беспорядочной, — по выражению Ключевского, — русской барыни XVIII века».

Умерла императрица Елизавета Петровна как истинная христианка. Проболев две недели перед смертью, она исповедовалась и причастилась и тихо скончалась в день Рождества Христова — 25 декабря 1761 года.

М.В. Первушин

Духовное образование в XVIII веке

В начале XVIII века Петр I провел реформу школьного образования. Одной из его главных забот было насаждение в России европейского просвещения. Он потратил много сил на организацию школ, которые готовили бы знающих людей для армии и флота, для горного дела и строительства крепостей. Однако светские училища и по числу учащихся, и по уровню образования значительно отставали от ранее устроенных духовных школ. По характеру своего образования эти школы были подобны европейским университетам — они выпускали не только богословов, но и специалистов для государственной службы, переводчиков, медиков, преподавателей. Петр попытался перестроить духовное образование, сузив его многофункциональность. Но удалось это не сразу. Еще в течение всего XVIII века роль духовного образования в развитии русской науки и культуры была велика.

Петр своим указом от 1721 года ввел обязательное духовное образование для детей духовенства. Те, кто не обучался в школах, не допускались к церковным должностям, их запрещено было принимать и в «чины гражданской службы», кроме солдатского. Этот указ поддержал и Святейший Синод Русской Церкви.

Согласно синодальному «Регламенту», все необученные «поповичи» исключались из духовного сословия и подлежали обязательной рекрутчине. Этим же документом каждому архиерею вменялось в обязанность открывать духовные школы у себя в епархии и содержать их на свои средства.

После издания императорского указа епархиальные школы стали быстро расти. Первые школы появляются в Петербурге и в Нижнем Новгороде. Затем в Харькове, Твери, Казани, Вятке, Холмогорах, Коломне, Рязани, Вологде и Пскове. В течение первых пяти лет школы были открыты почти во всех епархиях Русской Церкви. Причем в школы принимались уже грамотные мальчики, получившие начальное образование у себя дома или в цифирных школах, организованных при храмах и монастырях для детей всех сословий.

В некоторых духовных школах, где начальство не очень заботилось о быте учащихся, количество учеников было незначительным. Средства семинаристам отпускались скудно и нерегулярно, общежития были тесными и холодными, не хватало дров для их отопления. Учителям выдавались нищенские жалованья, а учащиеся добывали себе пропитание уроками, перепиской бумаг, а то и подаянием. Некоторые из них даже находились «в бегах», прячась от необустроенности и нищеты по родственникам и знакомым. Самыми же многочисленными и устроенными были новгородские школы, в которых обучалось свыше 1000 человек.

Все духовные школы представляли собой закрытые учебные заведения, подобно военным «корпусам». Для воспитанников вводились строгие правила внутреннего распорядка. Общежития при них назывались «семинариями». Впоследствии этим словом

стали называть и сами духовные школы. Свидания с родными дозволялись семинаристам крайне редко. Ректор, инспектор, наставники и учителя обязаны были жить вместе с воспитанниками. Школьная дисциплина была весьма суровой. За нарушения распорядка и другие провинности секли розгами не только семинаристов, но даже их наставников.

К 30-м годам XVIII столетия в духовных школах был введен полный латинский курс по образцу Киевской Академии. Школы, сумевшие внедрить такой курс, получали название семинарий, остальные стали считаться более низкими по уровню духовными училищами. Все преподавание велось на латинском языке. Учеников в процессе обучения заставляли не только писать и говорить на этом языке, но и общаться только на нем вне аудиторий. Для контроля над этим, особенно среди учеников низших классов, были изобретены длинные листы, вложенные в футляр. Так, сказавшему что-нибудь «не по-латине» давался этот лист, в который вписывалось имя провинившегося. Ученик носил этот лист до тех пор, пока сам не ловил следующего проговорившегося «не по-латине» нарушителя. Тот из учеников, у кого этот лист оставался на ночь, подвергался порке. В дисциплине школьному начальству помогали и ученики, как правило, старших классов. Они надзирали над младшими, имея особые латинские титулы. Визитаторы, например, следили за учениками, жившими за стенами школы, сеньоры и директора контролировали порядок в общежитии, цензоры следили за поведением в храме, а аудиторы репетиторствовали со слабейшими.

На заучивание латинских слов и штудирование латинской грамматики уходило много сил. Но это имело и свои положительные стороны. Латинский

язык в то время был международным языком европейской богословской и светской науки. Знание его открывало доступ к этой сокровищнице знаний и значительно расширяло кругозор учеников семинарий. Лучших учеников направляли в духовные академии, которых к концу XVIII века стало четыре — в Петербурге, Москве, Киеве и Казани.

При императрице Екатерине II было разработано новое законоположение о духовном образовании. В семинариях стали больше внимания уделять преподаванию не только латинского, но и греческого, а также новых языков. Расширился круг общеобразовательных дисциплин. Учебные планы стали включать географию, историю, физику. Семинарии постепенно стали превращаться в среднеспециальные учебные заведения.

О качестве духовного образования свидетельствует тот факт, что в XVIII веке Россия не вырастила ни одного профессора из дворян. Это связано не только с тем, что научная карьера мало привлекала детей дворян. Именно духовное образование, основанное на серьезном знании классических языков, давало нужную для научных занятий подготовку. Сегодня людям, рассуждающим о русском просвещении, имеет смысл помнить, что русскую науку в то время развивали поповичи, — точно так же, как русскую литературу создали дворяне.

М.В. Первушин

Императрица Екатерина II

5 ноября 1796 года с императрицей Екатериной II случился инсульт. Промучившись сутки, она умерла под грохот ботфортов «неразумного Павла», как она

называла своего сына. Он метался по комнате, совершенно не обращая внимания на свою умирающую мать. Павел искал завещание, ведь оно могло помешать ему стать императором, потому что Екатерина желала видеть на престоле своего внука Александра. Между ней и сыном не было искренности и любви. Их отношения были не только холодными, но и враждебными. Впрочем, в своем детстве Екатерина и не знала других — ее отношения с матерью были точно такими.

Екатерина происходила из мелкого северогерманского княжеского рода. При рождении ее нарекли Софьей Августой Фредерикой. Умная и честолюбивая Фике, так звали девочку в семье, воспитывалась в строгости. От своей матери она получала только наказания, и причем не всегда справедливые. Поэтому когда открылась возможность покинуть родной дом, она сделала это без особой печали. Даже несмотря на то, что ей предстояло навсегда поселиться в далекой и чужой для нее России, выйдя замуж за наследника престола и будущего императора Петра III.

В яркий январский день 1744 года Фике и ее мать пересекли русскую границу. Встречали их сразу по-царски. Из бедной, разбитой брички, запряженной одной лошадью, они пересели в сани, крытые соболями и серебряною парчой, с тройкой вороных. Фике сразу ощутила разницу между скудостью и мелочностью их дворян и широтой двора русского. Она быстро выучила русский язык, и уже в следующем году перешла в Православие, превратившись из Фике в Екатерину Алексеевну.

При дворе юная супруга наследника была приятна всем, кроме своего мужа. Ее личная жизнь с Петром III не удалась. Сама Екатерина в своих воспоминаниях

откровенно признавалась: «Русская корона мне нравилась много больше, чем сам жених. И я сказала себе: “Или погибну, или буду царствовать!”». Екатерина пыталась понравиться всем, и у нее это получалось. Двор, гвардия и весь Петербург души не чаяли в молодой супруге императора. Зато сам Петр лишь множил себе врагов. Дело дошло до того, что какой-то молодой офицер стал приставать к опытным командирам с наивным вопросом: «Когда-де царя свергать пойдем?» В результате таких настроений в 1762 году Петр III был низложен военным мятежом без единого выстрела и пролития крови.

Однако для российской провинции свержение Петра было полнейшей неожиданностью. Даже в Москве, когда был получен манифест о восшествии на трон Екатерины, и губернатор, огласив его перед жителями города, выкликнул здравицу в честь новой самодержицы... она повисла в тишине! Народ молчал. Пошли слухи о Екатерине как о ложной царице, самозванке. Будучи от природы женщиной одаренной, обладавшей упорной волей и редким умением понимать людей и влиять на них, Екатерина сравнительно скоро овладела положением. В царском манифесте она объясняла устранение Петра прежде всего тем, что в его правление нависла угроза над Православной Церковью: «Закон наш православный греческий первый почувствовал потрясение и истребление преданий церковных... Церковь наша увидела опасность перемены древнего Православия на иноверный закон». Сама же Екатерина любила выставить себя верной дочерью Православной Церкви, ее защитницей. Она ходила из Москвы пешком на богомолье в Троице-Сергиеву Лавру, целовала руки духовенству, ездила на поклонение к Киево-Печерским угодникам. И все же современник Екатерины

историк князь Михаил Щербатов позволил себе усомниться в вере императрицы, он писал про нее: «Закон христианский, хотя довольно набожной быть притворяется, ни за что почитает». И действительно, на деле императрица была человеком нерелигиозным. Внешне проявляемое уважение к Церкви легко уживалось в ней с религиозным равнодушием. Она была убеждена, что религия и Церковь являются лишь одним из устоев государственности, который необходим для укрепления народной нравственности и дисциплины. В основе ее понимания отношений Церкви и государства лежала острая неприязнь к теории разделения власти на духовную и светскую. Екатерина придерживалась принципов широкой веротерпимости, доходившей до полного безразличия. Как государственного деятеля ее хорошо характеризует одно замечание, сделанное ей еще до восшествия на престол: «Уважать веру, но никак не давать ей влиять на государственные дела».

Неудивительно поэтому, что некоторые из обер-прокуроров, стоявших во главе Синода Русской Церкви при Екатерине, оказывались или неправославными, или неверующими. Таким был, например, совершенно равнодушный к Православию и не понимавший его Мелиссино, предлагавший Синоду отменить многие церковные праздники, укоротить церковные службы, разрешить поставление женатых епископов. Таким был и пришедший ему на смену Чебышев, бывший военный, не стеснявшийся при толпе народа заявлять, что «никакого Бога нет!», а на заседаниях Синода сопровождать свои выступления нецензурной бранью.

Один из историков середины XIX столетия, обозревая религиозное состояние общества в эпоху Екатерины II, писал: «Западными безбожными идеями и

клеветой на религию в высшем русском обществе увлекались до того, что не только забывали думать о религии как об основе гражданского благоустройства, но и боялись ее. Под формой гуманизма отворяли дверь неверию, распутству и суеверию... как будто все это не унижение человечеству. Писали и хлопотали о свободе совести и правде, а не понимали, что без христианской основы все это хуже, чем мечты, так как на практике оказывается деспотизмом эгоизма. Новая философская мораль XVIII столетия воспитала в них жажду тщеславия, развила вкус к светскому легкомыслию, праздной потере времени и распущенной жизни. Она наплодила ловких и бессовестных грабителей казны и таких же душителей слабого, от которых государственный организм доходил до крайнего расстройтва».

М.В. Первушин

**Секуляризация церковных земель.
Митрополит Арсений
(Мациевич)**

В эпоху правления императрицы Екатерины II почти все высшее общество отличалось неверием. В лучшем случае оно было равнодушно к Православной Церкви. Екатерина во все время своего царствования строго следовала своему принципу — «веру уважать, но не давать влиять ей на государственные дела». Для этого было необходимо окончательно поставить Церковь в зависимость от государственной власти, лишив ее средств к существованию.

Однако она не сразу открыла свои намерения по отношению к Церкви. Через две недели по ее воцарении Сенат издал указ, отменявший распоряжение

Петра III об изъятии земельных владений, принадлежавших епархиям, храмам и монастырям Русской Церкви. Но радость духовенства по этому поводу оказалась преждевременной. Через три недели после этого указа вышел другой, в котором объявлялось об образовании специальной комиссии для рассмотрения вопроса о церковных вотчинах. Результатом ее работы стал знаменитый манифест о церковных владениях, изданный 26 февраля 1764 года. Он окончательно упразднял церковное землевладение в России. Все церковные вотчины переходили в ведение государства.

Изъятие земель нанесло неизмеримый урон православным монастырям. Передача земельных владений в государственную казну лишила монастыри материального источника существования. Однако, помимо материальной стороны, здесь был и нравственный аспект. Монастыри создавались народным усердием многих поколений и трудами монахов. Кроме того, часть земель монастыри получали от жертвователей по завещаниям на помин души. И в данном случае нарушалась последняя воля умерших.

«Все конфискованные вотчины должны идти на государственные нужды» — гласил указ. Однако большую часть монастырских земель Екатерина раздала своим фаворитам. В результате действий правительства из 964 монастырей осталось только 200. Остальные были либо закрыты, либо оставлены без средств к существованию. Новые же обители открывать запрещалось.

Первым открытым противником изъятия церковных земель стал митрополит Ростовский Арсений (Мациевич). Он родился в 1697 году в Польше. Его отец был православным священником. Пойдя по стопам отца, Арсений окончил духовную семинарию, а

затем знаменитую Киево-Могилянскую академию — одно из лучших учебных заведений того времени. Приняв монашеский постриг, Арсений отправляется священником в Камчатскую экспедицию под руководством Витуса Беринга. Затем он становится законоучителем академической гимназии в Петербурге.

Святитель Арсений, по воспоминанию современников, «характера был вспыльчивого, но твердого и настойчивого, строг к ученикам, а позже и к священникам». С воцарением Елизаветы Петровны его избирают сначала митрополитом Тобольским, а затем переводят в Ростов. Здесь митрополит Арсений становится известен как ревностный служитель Церкви и защитник ее прав. Он боролся с иноверием и расколом, ратовал за русские школы, не терпел нововведений, был ревностным проповедником. И все же главным делом всей своей жизни митрополит считал отстаивание независимости Церкви от государства. Когда его избрали постоянным членом Синода, он отказался дать присягу в том, что высшим судьей признает императрицу. Арсений заявил: «Высший Судия есть и будет только Христос!» Это могло навлечь на митрополита царский гнев. Однако Елизавета высоко ценила святителя, и дело обошлось без последствий. Несколько раз владыка Арсений обращался с посланиями к императрице, призывая ее не посягать на земельные владения Церкви.

При воцарении Екатерины II митрополита Арсения не пригласили на коронавание новой императрицы. Екатерина подозревала его в недоброжелательстве. «Она имела какой-то необъяснимый страх перед этим бескомпромиссным владыкой, — вспоминает один из современников этих событий, — и впоследствии боялась его даже больного и в узах». После образования Екатериной специальной комиссии по

подготовке разорительного для Церкви указа митрополит Арсений дважды обращался в Синод с угрозами отлучить от Церкви членов комиссии. Царское правительство владыка Арсений сравнивал с нашествием монголо-татар, подчеркивая, что даже те не вмешивались в дела Православной Церкви. После принятия указа он подавал в Синод протест за протестом, просил вернуть вотчины монастырям, предавая анафеме обидчиков Церкви.

По приказу императрицы было назначено расследование дела о «скандальном митрополите». Он был арестован и доставлен в Москву. Заключенный в тюрьму Арсений продолжал обличать светские власти и саму императрицу. На допросах в присутствии самой Екатерины он смело высказывал сомнения в ее правах на престол. В результате его лишили архиерейского сана и сослали в дальний монастырь, сохранив монашеский чин. Но и там узнику не дали покоя. Его перевозили из одного монастыря в другой — такова была воля императрицы, которая боялась возраставшей популярности Арсения. В ссылке Арсений продолжал выступать против правительства, уже открыто призывая к свержению Екатерины. Будучи талантливым проповедником, он быстро завоевал уважение не только у монахов, но и охранявших монастырь солдат и офицеров. Его принимали не как преступника, а как митрополита, пострадавшего за Церковь.

Екатерина не могла спокойно относиться к выступлениям опального митрополита. Вскоре началось новое следствие. Арсения обвинили в политической неблагонадежности и расстригли. Когда ссыльному объявили новый указ, он не вымолвил ни слова. Монашескую одежду ему заменили на арестантскую и заключили под именем Андрея Враля в тюрьму

Ревельской крепости на вечное содержание. Коменданту крепости Екатерина писала: «Народ его почитает, считая святым, а он более никто, как превеликий плут и лицемер». В 1772 году в Ревельской тюрьме митрополит Арсений заболел и скончался. На окошке его каземата осталась вырезанная им надпись: «Благо мне, Господи, яко смирил мя еси». Многие в правительстве тайно сочувствовали митрополиту. После его смерти посылали деньги на панихиды в Ревельскую крепость, а орловский помещик Лопухин даже поставил Арсению памятник в своем имении.

Деятельность таких ревностных защитников Православия заложила прочный фундамент для сохранения в духовной жизни русского общества идеалов Святой Руси, казалось бы, навсегда утраченных в годы господства светской культуры. Этот фундамент послужил дальнейшему расцвету русской православной духовности и религиозной философии в XIX веке.

М.В. Первушин

Святитель Тихон Задонский

Святитель Тихон Задонский, или, как его еще называют, Воронежский, — один из самых почитаемых русских святых XVIII века. И прославился он не только как великий подвижник, но и как крупнейший церковный писатель своего времени.

Родился будущий святитель в 1724 году в Новгородской губернии и был назван в крещении Тимофеем. Детство и отрочество Тимофея прошли среди ужасной нищеты. Его отец рано умер, оставив, кроме Тимофея, еще пятерых детей. Один богатый ямщик как-то предложил матери Тимофея: «Отдай мне своего

Тиму, я воспитаю его вместо сына, и все мое будет принадлежать ему». Мать сначала отказала, но крайний недостаток в пропитании заставил ее согласиться. Вот как вспоминает этот случай сам святитель: «Взяв за руку, она повела меня к ямщику. Старшего брата в то время не было дома. Когда он возвратился и узнал от сестры, что произошло, то кинулся догонять нас. А догнав, встал пред матушкой на колени и со слезами сказал: “Куда вы ведете брата? Ведь ямщику отдадите, ямщиком он и будет. Не хочу я, чтоб он был ямщиком; лучше с сумою пойду по миру, а брата не отдам ямщику; постараемся обучить его грамоте — тогда он может определиться в дьячки или пономари”. Так мы все вместе воротились домой».

Брат выполнил свое обещание, научив Тиму грамоте и отдав учиться в Новгородскую семинарию. Тимофею так понравилось учиться, что все свободное время он просиживал за книжками. «Частенько случалось, — вспоминал святитель свои школьные годы, — продам я половину своей дневной порции хлеба, куплю на вырученные гроши свечу, забьюсь где-нибудь в укромном уголке за печкой и читаю, читаю, пока мои товарищи шумели, резвились и нередко насмехались надо мной». За прекрасные успехи в учении Тимофей, даже еще не кончив курса, получил место учителя греческого языка с жалованьем. Теперь у него появилась возможность помогать родным.

Мать Тимофея склоняла его к женитьбе, надеясь, что он займет место священника и будет опорой всему семейству. Но Тимофей избрал иной путь. 10 апреля 1758 года он был пострижен в монахи и получил новое имя — Тихон. Вскоре после рукоположения в священный сан его назначили ректором Тверской семинарии. Обладая даром слова, он так увлекательно

читал лекции, что послушать его приходили не только семинаристы, но и много посторонних лиц, так что в аудитории никогда не было свободного места.

В 1761 году молодого архимандрита Тихона Синод избрал епископом. «Я никогда и не мыслил о важном сане, — вспоминал святитель, — у меня мысли были удалиться в пустынный монастырь, быть монахом и проводить уединенную жизнь. Но Богу угодно так, что я, недостойный, — епископ». Его назначают на Воронежскую кафедру. В Воронеже святитель устроил семинарию, во многих городах своей епархии открыл славянские школы при храмах и монастырях для детей всех сословий. Он лично руководил семинарией, постоянно беседовал с учениками и посещал занятия, составил особые правила для семинаристов, тратил большие средства на содержание и поощрение учащихся, приглашал преподавать лучших выпускников духовных академий, собрал образцовую библиотеку.

Много сил потратил святитель на борьбу с народными языческими празднованиями, сопровождавшимися всеобщим пьянством, развратом, массовыми кулачными боями и потасовками. Однажды в самый разгар такого праздника он явился на площадь и стал говорить с такой убежденностью, что только что бушевавшая толпа вмиг присмирела, а затем разнесла в щепки балаганы и разошлась по домам. С тех пор такие празднования в Воронеже прекратились. К святителю всегда был свободный доступ. Он никогда не отказывал в приеме и личной беседе тем, кто желал его видеть. Ночи же епископ Тихон проводил за письменным столом. Вскоре и без того слабое здоровье его заметно ухудшилось, и через пять лет управления Воронежской кафедрой он ушел на покой, поселившись в Задонском монастыре. Здесь святитель своей

жизнью показал пример высокого благочестия и аскетизма и вошел в историю Православия с именем Тихона Задонского.

Его жизнь в монастыре была наполнена иноческими подвигами и трудами. Обстановка кельи была очень простой: тюфяк, набитый соломой, вместо кровати, вместо одеяла — заячий тулуп, а вместо сундука — ветхий кожаный мешок для хранения вещей. Несмотря на слабость сил и скудную пищу, святитель часто занимался тяжелыми работами, колол дрова, косил сено... Помня всегда свое горькое детство, он любил собирать к себе бедных детей, учить их молитвам, оделять хлебом и мелкими деньгами.

Строгий к себе, святитель Тихон был любовно снисходителен к слабостям других. Он часто любил повторять: «Прощение лучше мщения». Его глубокое смирение и прощение удивительны были тем, что по природе святитель был человеком крайне вспыльчивым. Он до земли кланялся своему келейнику, если видел, что тот оскорбился каким-нибудь его замечанием. Однажды, будучи приглашенным в гости, он вступил в беседу с одним дворянином-вольнодумцем. Святитель возражал твердо и спокойно, а тот все накалялся в пылу спора и, наконец, дойдя до крайнего предела раздражения, вдруг ударил святителя по щеке. Тихон упал ему в ноги со словами: «Простите меня, ради Бога, что ввел вас в искушение». Потрясенный оскорбителем сам кинулся со слезами к ногам святителя и с этих пор сделался прилежным христианином.

В последние годы жизни святитель Тихон редко выходил из монастыря, все свое время посвящая молитве и писанию книг. Скончался святитель Тихон в 1783 году в возрасте 59 лет. Проповеди и богословские труды святителя были изданы после его смерти в

16 томах. Перед смертью он, разбитый параличом, уже не вставал с постели. Его келейник попытался избавить святителя от назойливых посетителей, но тот запретил ему это. Творя молитву и благословляя всех проходящих, святитель шептал каждому: «Вручаю Вас Господу...» С этими словами он и преставился.

М.В. Первушин

Преподобный Феодор Санаксарский

В 1741 году молодой дворянин Иван Ушаков был определен на воинскую службу в лейб-гвардейский Преображенский полк Санкт-Петербурга. В ночь перед отъездом из дома — родового гнезда в Ярославской губернии — совсем еще юный Иван не сомкнул глаз. Он был полон надежд и чаяний от еще неведомого, но обязательно доблестного служения. Что ждет его там: почет, слава, геройские подвиги или разочарование? Недавно вернувшийся со службы родной брат Федор предостерегал Ивана от раздольного быта и увеселений, которые царили в столице среди молодых дворян-офицеров. «Худые сообщества развращают добрые нравы», — говорил Федор, но Иван, казалось, не слушал его. Умом он был уже там, в Петербурге, где жизнь его должна стать ярче и разнообразнее, чем в родном доме.

Через год после поступления Ушакова на службу его повысили в звании за особое усердие и добропорядочность. Иван, казалось, уже привык к веселой и беспечной жизни столичного дворянства, к постоянным праздникам и пирушкам, царившим среди его товарищей-гвардейцев. Так бы это и продолжалось, не стань Иван свидетелем одного происшествия. Один из товарищей Ивана, всегда отличавшийся

здоровьем и хорошим настроением, про которых часто говорят — «душа компании», во время очередной пирушки внезапно упал на пол и умер. Он был только на год старше Ушакова. Этот случай потряс всех присутствующих, но на Ивана произвел особое впечатление. Он точно очнулся от сна, вдруг осознав всю непрочность того, что люди называют земным счастьем. Иван решил оставить все, о чем он когда-то мечтал: воинский чин, славу, почет, друзей... чтобы тайно бежать в пустыню. В этот момент ему только исполнился 21 год.

Обладая от природы решительным характером, Иван на следующий день после похорон товарища тайно ушел из Петербурга в поморские леса на берега Северной Двины и поселился в заброшенной избушке. Крестьяне подкармливали его, а местное начальство было недовольно незаконным поселенцем. После императорского указа с требованием «выявить всех, укрывающихся в лесах от закона», Ушакова арестовали. Он не имел при себе никаких документов. При допросе Иван откровенно сказал, что тайно ушел со службы в гвардии, а потому сразу был доставлен в Санкт-Петербург к императрице Елизавете Петровне.

Вместе с караульным Иван Ушаков стоял во дворе у царского крыльца, дожидаясь решения императрицы о своей дальнейшей судьбе. Семья Ушаковых была известна и уважаема как при дворе, так и среди петербургской знати. Весть о том, что Ушаков найден и доставлен во дворец, быстро пронеслась в гвардейских полках. Многие собрались посмотреть на молодого подвижника, смиренно стоящего у крыльца. В этом изможденном человеке трудно было узнать блестящего гвардейца. Кто-то смеялся над ним, кто-то жалел, а кто-то вообще не верил, что это он.

Императрица Елизавета Петровна была набожна и чтит странников, юродивых и монахов. Не упустила она такой возможности и в этот раз, приказав призвать к себе Ивана. Ушакова провели к императрице. Вот как сам преподобный рассказывал об этой встрече:

— Зачем ты ушел из моего полка? — ласково, по-матерински спросила его императрица.

— Для удобства спасения души, Ваше Величество, — с кротостью отвечал Иван.

— Зная фамилию твою и честное служение предков твоих на благо России, не вменяю тебе побега в проступок и жалую тебя прежним чином, — сказала государыня, словно испытывая твердость стремления Ивана к новой жизни, — вступай в прежнее звание.

— Ваше Величество, в начатой жизни для Бога и спасения моей души желаю пребыть до конца, а прежней жизни и чина не желаю, — ответил Иван.

— Для чего же ты тогда не спросясь ушел из полка? К такому деланию и от нас ты мог быть отпущен.

— Если бы тогда просил я об этом, Ваше Величество, то не поверили бы Вы мне, молодому и не испытывавшему всей трудности монашеского жития. Теперь же, после убогого моего искуса, утруждаю Ваше Величество просьбой — дайте мне умереть монахом.

Видя такую решимость Ушакова, императрица спросила Ивана, где бы желал он подвизаться.

— В Саровской пустыни, Ваше Величество.

Не до конца веря такому твердому устремлению молодого человека, Елизавета Петровна решила оставить его в Александро-Невской Лавре Санкт-Петербурга. Через три года Ивана постригли в монахи с именем Феодор. На постриге присутствовала сама императрица. Она часто приезжала к Ушакову и была

к нему по-матерински милостива и внимательна. Уважая его подлинное благочестие, государыня, а за ней и весь двор, любила при случае повторять: «В Александре-Невском монастыре я знаю только одного монаха — это Ушаков».

К нему началось паломничество. Все это вызывало зависть у недоброжелателей. Более десяти лет Феодор прожил в Лавре, и все это время на него сыпались доносы и клевета. Ушаков же с завидной настойчивостью просился в Саровский монастырь. Императрица, не веря наговорам, не хотела отпустить от себя «настоящего монаха», но, в конце концов, согласилась. Ушаков уехал сначала в Саров, а затем и еще дальше — в Санаксарскую пустынь. Но неправедные обвинения не прекратились. Уйдя из-под покровительства государыни, Ушаков стал уязвим. В итоге его оклеветали и отправили в монастырскую тюрьму на Соловки. Около десяти лет монах Феодор терпел безвинные узы.

Правда восторжествовала лишь перед смертью преподобного. Феодора оправдали и отпустили. Он доехал до родной Санаксарской обители и прожил всего 3 дня, умерев на руках у любящих учеников. На могиле преподобного была положена плита с надписью: «Здесь погребен истинный христианин и добрый монах».

М.В. Первушин

Святой адмирал Феодор Ушаков

Будущий адмирал родился в Ярославской губернии в семье отставного гвардейского офицера, старшего брата преподобного Феодора Санаксарского.

Семья была большой. Родители старались привить детям строгую нравственность и доброе религиозное чувство. Детские впечатления от благоговейных праздничных богослужений, от бесед с родным дядей-монахом глубоко запечатлелись в сердце будущего полководца.

Время, когда Федор мечтал о морском училище, было не самым лучшим периодом в истории российского флота. Среди дворянских детей более престижной считалась служба в сухопутных войсках. Но выбирая свое будущее, восемнадцатилетний Ушаков не обращал внимания на мнения других. Он обладал внутренней свободой, которая позволяла ему пренебрегать многими условностями ради достижения главной цели. Он не раз доказывал это потом на примере своих морских побед. Планы его военных операций казались командованию абсурдными и заведомо проигрышными. Однако, воплощая их в жизнь, Ушаков одерживал блестящие победы и ни разу не был побежденным. Это понимали и чувствовали русские моряки, говоря: «Где Ушаков — там победа!»

Скромный и уступчивый в обычных условиях, он будто перерождался в минуты опасности и без страха смотрел ей в лицо. Первая же битва, в которой участвовал Ушаков, была выиграна благодаря его мудрому руководству, несмотря на то, что противник превосходил русских и по числу кораблей, и по огневой мощи. Благодаря таким победам российский флот стал серьезно беспокоить турок. Чтобы не утратить контроль над Черным морем, турецкое правительство решилось на уничтожение флота Ушак-паши (так турки называли Ушакова). Силы были неравными. Турки намного превосходили русских, но неожиданная тактика адмирала, отчаянная смелость его подчиненных настолько ошеломили врагов, что они были

не способны оказать серьезное сопротивление. Лишь нескольким быстроходным судам удалось уйти от преследования и доплыть до Босфора. Остатки турецкой эскадры имели ужасающий вид: палубы были завалены трупами и умирающими от ран. «О, великий! Твоего флота больше нет», — доложили турецкому султану. Тот был настолько ошеломлен увиденным зрелищем и известием о сокрушительном поражении своего флота, что поспешил заключить мир с Россией на ее условиях.

Наиболее же памятным стало сражение и штурм укреплений на острове Корфу, вошедшие во все учебники по военно-морской тактике. По воспоминаниям современника, «взятый в плен французский генерал Пиврон был объят таким ужасом, что за обедом у адмирала Ушакова не мог удержать ложки от дрожания рук...» Услышав рассказ о штурме Корфу, Александр Васильевич Суворов воскликнул: «Я теперь говорю сам себе: зачем я не был при Корфу хоть мичманом!»

В донесениях о ходе боевых действий Ушаков никогда не упоминал своих заслуг, отдавая должное мужеству и стремлению к победе своих подчиненных. Так, в одном из рапортов он писал: «Я сам удивляюсь проворству и мужеству моих людей! Все находящиеся в команде вверенного мне корабля исполняли определенные им должности с таким отменным старанием и храбростью, что почитаю за долг выразить им всякую за то достойную похвалу». Конечно, такая неустрашимость и спокойствие духа, проявленные участниками боя, говорят о примере их командира.

В сохранившихся мемуарах французских военачальников много написано о корректности российских солдат и их благородстве по отношению к противнику: «Русские доказали, что истинная храбрость

всегда сопряжена с человеколюбием, что победа венчается великодушием, а не жестокостью и что звание воина и христианина должны быть неразлучны».

После убийства императора Павла Ушаков был переведен в Петербург. Его бытовое поведение часто входило в противоречие с нормами светской жизни. Ушаков всегда был человеком церковным и вел в миру почти монашескую жизнь, хотя общественные нравы той поры были весьма далеки от христианских идеалов. Интересы светского общества оставляли прославленного адмирала равнодушным, а его строгая жизнь многими воспринималась как странное чудачество.

Ушаков не долго прожил в Петербурге. Служба в столице не удовлетворяла великого флотоводца. Он подал в отставку и поселился в деревне недалеко от Санаксарского монастыря, настоятелем которого в течение долгого времени был его родной дядя, чье влияние на прославленного полководца отмечают все биографы Ушакова.

О последних годах жизни легендарного адмирала мы знаем намного меньше, чем о его походах. Настоятель Санаксарского монастыря вспоминал: «Ушаков частенько жила в монастыре, в келье, по целой седмице и всякую продолжительную службу с братией в церкви выстаивал неопустительно и слушал благоговейно». Для адмирала переход с капитанского мостика в келью Санаксарского монастыря был вполне естественным. Да и сами военные походы Федора Федоровича напоминают паломничества по святым местам. Так, изгнав французов из Бари, российские моряки первым делом отслужили молебен у мощей Николая Чудотворца. На покоренном острове Корфу был проведен грандиозный крестный ход, во время

которого прославленный адмирал вместе со своими офицерами нес раку с мощами святого Спиридона Тримифунтского.

Скончался Федор Федорович 2 октября 1817 года как настоящий христианин, исповедавшись и причастившись Святых Таин. Хоронили его всем миром. Когда гроб с телом усопшего адмирала после отпевания был вынесен на руках из собора, его хотели положить на подводу, но народ продолжал нести его более пяти верст — до самой Санаксарской обители. Федор Федорович был погребен у стены соборного храма рядом со своим дядей, преподобным Феодором Санаксарским.

М.В. Первушин

Александр Васильевич Суворов

Само имя этого великого полководца затмевает все возможные титулы и награды, которыми он обладал. «Суворов — один из самых необыкновенных людей своего века», — писали о нем современники. Его любили и ненавидели, о нем слагали песни и сатирические куплеты. В России его портреты украшали крестьянские избы, а страницы западных газет пестрили карикатурами на него. Но ни в России, ни за ее пределами о нем не говорили равнодушно. Ни один русский полководец не имеет за плечами такого количества блестящих побед. В течение своей многолетней военной службы Суворов ни разу не был побежден. У потомков имя его стало нарицательным.

В детстве, глядя на хилого и болезненного ребенка, предпочитавшего подвижным играм книги, трудно было предположить, что он станет величайшим

полководцем в истории России. Его отец готовил сына к гражданской службе. Однако по совету своего полкового товарища, когда Саше исполнилось 11 лет, все же записал мальчика в Семеновский полк. Военная карьера у дворянских детей отсчитывалась с пеленок: новорожденного сразу записывали в полк, поэтому к тому моменту, когда молодой человек реально приступал к исполнению своих обязанностей, он уже успевал «дослужиться» до офицерского чина. Суворову же, отставшему от своих сверстников на целых 11 лет, пришлось добывать офицерские эполеты солдатской службой. Но эта служба много ему дала. Он сроднился с бытом русского солдата, научился говорить на понятном ему языке, осознал, как заставить подчиненного поверить своему командиру и забыть об опасности. Солдатский образ жизни привился к нему настолько, что он не изменял ему, даже будучи фельдмаршалом и генералиссимусом. Любимым питьем ему служил солдатский квас, лучшим обедом — щи и каша, а самым покойным ложем — простая солома.

Уже первые суворовские походы принесли ему знаменитость. Когда солдаты делают то, что сделать практически невозможно, то сухие сводки о численности войск и размерах потерь впечатляют больше, чем самые яркие описания битв. В мае 1773 года две тысячи русских солдат под предводительством Суворова взяли крепость, гарнизон которой составлял более четырех тысяч человек. В июле 1779 года Суворов с 20-тысячной армией разгромил 30-тысячную турецкую группировку. В 1789 году 25-тысячная армия Суворова обратила в бегство 80-тысячную армию турок, причем неприятель потерял 17 тысяч человек, а русские — всего 45 убитыми и 133 ранеными. Это Рымниковское сражение — одна из самых

впечатляющих суворовских побед. То же можно сказать и о переходе суворовской армии через Альпы, который не имел и не имеет аналогов в военном искусстве. Многие полководцы переходили Альпы, но ни один из них не брался воевать в горах, в то время как русским войскам пришлось штурмовать эту естественную крепость под огнем неприятеля. Только прошедшие суворовскую школу солдаты могли совершить подобное.

Однако современников поражали не только военные победы Суворова, но и многие его странности. Есть сотни свидетельств об экстравагантном поведении великого полководца. Вот что пишет о нем его личный секретарь: «Странности или так называемые причуды делали князя загадкой... Всегда поражало меня, как человек, наедине умнейший и серьезнейший, лишь только за порог из своего кабинета, показывается шутом, проказником или, смею сказать, даже юродивым». Авторы мемуаров о великом полководце любят приводить как пример одного из чудачеств Суворова случай на приеме у императрицы. Тогда, сидя за праздничным столом, полководец демонстративно ни к чему не прикасался. Он отказывался нарушать строгий пост, положенный в Крещенский сочельник. Заметив это, императрица спросила: «Почему фельдмаршал не принимает участия в трапезе?» Кто-то из придворных заметил с иронией: «Александр Васильевич не будет есть, пока не взойдет первая звезда. Ведь так положено по церковному уставу». Через несколько минут слуга принес коробочку с бриллиантовой орденской звездой, и Екатерина со словами «Ваша звезда взошла, фельдмаршал!» пригласила Суворова присоединиться к трапезе. Этот эпизод можно считать простым чудачеством, а можно рассматривать и как пример

бытового исповедничества. Известно, что Екатерина II часто ставила себя выше церковных предписаний, лишь формально называясь православной. Суворов же считал нелишним напомнить императрице о нормах церковной жизни.

Ни при каких обстоятельствах Суворов не забывал о Боге. Получив отставку, Александр Васильевич стал активно участвовать в церковной жизни. Он неукоснительно посещал церковные службы, пел на клиросе, прислуживал, пробовал себя как церковный песнотворец. Составленный им «Канон Спасителю и Господу нашему Иисусу Христу» был опубликован уже после смерти полководца. Суворов размышлял и о монашеском постриге. Вот его прошение, поданное императору в декабре 1798 года: «Ваше Императорское Величество, всеподданнейше прошу позволить мне отбыть в Нилову Новгородскую пустынь, где я намерен окончить мои краткие дни в службе Богу. Спаситель наш один безгрешен. Неумышленности мои прости, милосердный Государь».

Однако задуманному не суждено было сбыться. 18 мая 1800 года Александр Васильевич Суворов скончался. Для большинства современников эта смерть оказалась неожиданной, ведь со времени последнего военного похода полководца прошло чуть более полугода. Как-то в одном из своих писем он написал: «Жизнь столь открытая и известная, какова моя, никогда и никаким биографом искажена быть не может. Всегда найдутся неложные свидетели истины. Сердце мое не затруднялось в добре, и должность никогда не полагала в нем преград. Поступая откровенно, я остерегался одного нравственного зла, а телесное само собой исчезало». Эти слова можно принимать как завещание великого полководца потомкам.

Похоронили Суворова в Александро-Невской Лавре. На могильной плите полководца не указано ни титулов, ни наград, высечено всего три слова и ими сказано все: «Здесь лежит Суворов».

М.В. Первушин

Блаженная Ксения Петербургская

Ксения Петербургская... какие только эпитеты не сопровождают ее имя: и юродивая, и святая, и «скорая помощница», и блаженная... Но еще ее называют душой Петербурга, чья жизнь была подобна загадочной русской душе — страдающей, щедрой, бесхитростной. Родилась Ксения в начале XVIII века в семье благородных и богатых родителей. Полюбив горячо и искренне, она вышла замуж за Андрея Федоровича Петрова, придворного певчего. Ксения и сама хорошо пела и музицировала, образцово вела дом и хозяйство. Брак был счастливым, но недолгим. Ей было только двадцать шесть лет, когда Андрей Федорович внезапно скончался. Эта неожиданная смерть горячо любимого мужа, в котором была вся цель, весь интерес ее к жизни, ясно показала Ксении, как непрочно и суетно земное счастье.

Ксения остается одна со своим горем. Как жить, когда умирает любовь? Истинная любовь сродни безумию. И для ее окружения Ксения становится безумной. Она уходит из дому, надев мундир любимого мужа и повторяя: «Нет больше Ксенюшки, умерла, жалко!» Себя же просила называть Андреем Федоровичем. Раздав все имущество бедным, Ксения завещала свой дом знакомой девушке-бесприданнице. Та, узнав, упала перед Ксенией на колени: «Где ж ты будешь жить, благодетельница?» На что Ксения

ответила: «У Него под покровом птицы небесные не сеют, не жнут. Я не хуже птицы небесной. Пусть на все Его воля будет!»

Удивленные родственники кинулись за помощью к царским чиновникам, чтобы те установили ее слабое и запретили распоряжаться имуществом. Однако те, побеседовав с вдовой, пришли к обратному выводу. Она отвечала столь убедительно и разумно, что чиновники заключили: «Ксения — человек здоровый, обладающий большой духовной силой. На основании же только лишь того, что она хочет жить по законам Христа, нельзя прятать ее в дом умалишенных. Мы не вправе запретить ей служить Богу». Так, освободившись от всех земных попечений, Ксения избрала для себя тяжелый путь юродства Христа ради. Она стала странницей, бездомной нищенкой, поняв, что истинное счастье может быть только в Боге. Окрестный народ стекался поглазеть на помешанную. Качали головами, сокрушались, а после привыкли и даже улицу, где жила Ксения, прозвали улицей Андрея Федоровича, как она сама себя величала.

Так в Петербурге появилась блаженная Ксения. Речи ее были путаны и неразборчивы и поначалу к словам блаженной особо не прислушивались, лишь жалели ее. Дворовые мальчишки и вовсе глумились над ней, смеясь и швыряя в Ксению камни. Однако прошло совсем немного времени, и смеяться перестали.

Как-то раз явилась Ксения к той самой девице, которой подарила дом, и говорит: «Вот ты тут сидишь да чулки штопаешь, а не знаешь, что Бог послал тебе сына! Иди скорей на Смоленское кладбище, он тебя там дожидается». И так она это сказала, что та, давно и тщетно мечтавшая о ребенке, бросила все дела и побежала на кладбище. Оказывается, прямо у

кладбищенских ворот извозчик сбил беременную женщину, которая тут же родила мальчика, а сама скончалась. После безуспешных поисков родственников умершей, девица усыновила новорожденного, воспитав его достойным человеком.

После этого случая за блаженной стали особо следить и примечать, что, например, милостыню Ксения берет не у всякого, но исключительно у людей порядочных и сердечных, а от нечестных и лицемеров бегаёт. Мало-помалу к странностям блаженной привыкли. Ей стали предлагать теплую одежду и деньги, но Ксения ни на что не соглашалась променять свои лохмотья. Казалось, что она радуется своей нищете. Приходя куда-нибудь, простодушно замечала: «Вся я тут».

Она всегда появлялась там, где требовалась ее помощь, и так быстро и неожиданно, что ее стали звать «скорая помощница». Загорится у кого дом, еще не успели закричать, а Ксения уже мчится с пожарной подводой. Остался кто без денег, блаженная спешит отдать ему свою милостыню. Строилась новая церковь. Ксения тут как тут. По ночам втаскивала на леса кирпичи, чтобы каменщики утром могли сразу приступить к кладке. Те только удивлялись, откуда берутся кирпичи. История так бы и осталась неизвестной, если бы рабочие однажды не остались на ночь и не выяснили, каким образом храм «сам строится».

Могли ли петербуржцы не любить ее? Она была хозяйкой Петербургской стороны. Когда она входила в дом, это считалось доброй приметой. Извозчики просили ее проехать с ними — в такой день выручка была обеспечена. Торговцы на базаре старались дать ей калач или яблочко. Глядишь, и день будет с прибылью.

— Когда ты спишь, Андрей Федорович? — спрашивали бывало блаженную.

— Успеем выспаться в земле, — отвечала она.

— А где ты спишь, Андрей Федорович? — не отставали от Ксении.

— Под крылом Господним! — всегда отвечала она.

Ночью блаженная Ксения неизменно уходила за город, в поле, молясь Богу за болящего, убогого или несчастного. Она знала цену горю, а потому и умела сострадать. Через боль она несла луч света в души петербуржцев, призывая обратить их взор к Богу. Целых 45 лет жила Ксения после смерти своего мужа, в постоянной готовности оказать добро всем и каждому.

Умерла блаженная в конце XVIII века. На ее могиле положили плиту с надписью, которую завещала сама Ксения: «Кто меня знал, да помянет мою душу для спасения своей души». С самого начала место ее упокоения стало местом паломничества. Могильную плиту вскоре разобрали по кусочкам, как и вторую, положенную на месте первой. Всякий хотел унести с собой хоть маленькую частичку со святого места, оставляя на могиле деньги. На эти народные средства над ее могилой была построена часовня. Тысячи людей шли к блаженной за помощью, ласково называя ее матушкой Ксенией, как идут и теперь.

М.В. Первушин

Митрополит Платон (Левшин)

Однажды к митрополиту Платону приехал на прием священник из подмосковного села. Он хотел жаловаться владыке на нехватку прислужников в храме. Он рано приехал в Москву. Волновался. Первый раз

идет на прием к митрополиту, а сам-то никогда его и не видел. Чтобы как-то успокоиться перед аудиенцией, батюшка зашел в собор на литургию и встал на хорах, прямо рядом с митрополитом.

Перед выходом с Евангелием один из прислужников замешкался в алтаре и не успел выйти со свечой. Увидев это, сельский батюшка подумал: «Видно, и у них здесь нехватка пономарей!» И вдруг митрополит говорит священнику: «Видишь, некому понести свечу. Возьми ты и помоги!» Батюшка оглядел рядом стоящего священнослужителя в старенькой, штопаной ряске и отвечает: «Не подобает — я иерей Божий». Тогда митрополит сам взял свечу. Затем, поставив свечу на место, поклонился батюшке со словами: «А я, грешный митрополит!» Священник уехал к себе, так и не пойдя на прием к владыке. Живого примера было достаточно.

Митрополит Платон родился в 1737 году в большой семье церковного причетника. Родители старались дать детям хорошее образование. Отец несколько раз ездил ходатайствовать за будущего митрополита и его братьев, чтобы их приняли в Славяно-греко-латинскую академию. Ему отказывали, ссылаясь на то, что он из другой епархии, но он продолжал ездить. Наконец, удивленный секретарь сказал: «Здесь у нас отбоя нет от священников, кои просят, чтобы их детей в школу не брали, а от тебя не можем отвязаться, чтобы детей твоих в школу определить. Будь по-твоему!»

Годы обучения для будущего Платона были очень трудны в материальном отношении. «Я жил в то время у старшего брата Тимофея, — вспоминал митрополит, — он был тогда пономарем в храме Софии Премудрости Божией на берегу Москвы-реки. В училище ходил босиком, имея на обед грош, а новые боты

носил в руках и надевал только у входа в академию. Но это не смущало меня, а наоборот, я еще более старался преуспеть в науках». И действительно, учился он блестяще, так что однажды даже был переведен через класс.

За его талант проповедника собратья-студенты, шутя, называли Платона «вторым Златоустом» или «московским апостолом». На его проповеди сходилось множество народа. «Теснота и духота образовывались невероятные. Я обливался потом, но усердие слушателей воодушевляло меня, — говорил впоследствии митрополит. — Никогда не был я так счастлив, как в это время, и никогда меня с таким усердием и жадностью не слушали, даже потом, когда я стал архиереем». Благодаря этому таланту он был замечен и императрицей. Посещая Троице-Сергиеву Лавру, Екатерина услышала проповедь молодого иеромонаха Платона и настолько была поражена, что велела назначить проповедника законоучителем цесаревича Павла Петровича и придворным проповедником. Успех его проповедей при дворе был так велик, что императрица однажды сказала: «Отец Платон делает из нас, что хочет. Хочет, чтобы мы плакали, — мы плачем, хочет, чтобы радовались, — мы радуемся!» Однако, как писал сам Платон, «в производстве дел я не взирал на сильные лица и никогда не считался с тем, что мог навлечь на себя царское неудовольствие». Так, при восшествии на престол императора Павла митрополит Платон не побоялся потребовать, чтобы во время коронации Павел при входе в алтарь снял шпагу. Что произвело неприятное впечатление на бывшего митрополичьего воспитанника.

Одной из главных заслуг митрополита Платона было преобразование Славяно-греко-латинской академии. «Это был свой Петр Могила для Московской

Духовной Академии», — говорят о нем историки. Один из самых просвещенных людей своего времени, он видел недостатки духовного образования и старался не скрывать, а исправлять их. Так, владыка Платон выдвинул на первый план изучение греческого языка. Этим он вытеснил латинский язык, а с ним и традиции западного схоластического богословия. Ввел преподавание основных богословских дисциплин вместо латыни на русском языке. Он сам внимательно следил за учебным процессом, составляя программы, поощряя наставников и учеников. Число учащихся в Академии при митрополите Платоне выросло с 250 до тысячи человек. Заботился он и о развитии в студентах духа церковности. Наиболее даровитых из них владыка выдвигал на церковное служение. «Эпоха Платона» стала означать для Академии одухотворение всей системы образования и воспитания. Написанные им учебники отличались как научным подходом, так и доступным изложением. А его труд «Православное учение», изначально предназначенный в качестве учебника для великого князя Павла Петровича, принес ему европейскую известность и был переведен на ряд иностранных языков.

Но митрополит Платон был не только хороший педагог и талантливый ученый. Он был также строгим иноком. О его монашестве красноречиво говорит следующий случай. Однажды в Троицкой Лавре монах принес ему кусок черного заплесневелого хлеба с жалобой: «Полюбуйтесь, владыка, нас кормят вот таким хлебом!» — сказал монах. Платон взял этот кусок и завел разговор с монахом: кто он, откуда, сколько лет в монастыре... А сам между тем стал есть принесенный хлеб. Когда хлеб был съеден, митрополит спросил, как будто забыв, с чем монах пришел к нему.

«Жаловаться на дурной хлеб», — отвечал монах. «Да где же твой хлеб-то?» — спросил митрополит. «Вы его изволили скушать». — «Ну, поди и ты сделай то же, что я», — сказал ему спокойно владыка, преподнеся таким образом урок монашеского терпения.

Всей душой преданный монашеству, митрополит Платон устроил множество обителей, воскресив в них дух христианского подвижничества. Именно ему обязана своим возрождением и Оптина Пустынь. Умный и образованный, обладавший редким умением отличать и выдвигать талантливых людей, он оставил после себя множество учеников и последователей. Он посеял в них семена веры и благочестия, которые расцвели пышным цветом в XIX столетии.

М.В. Первушин

Император Павел I

О Павле I сохранилось множество исторических анекдотов. Их количество сравнимо только с его прадедом Петром Великим. Это обилие занимательных историй говорит, прежде всего, о яркости личности, живости ума, остроумии и находчивости, которые были присущи как Петру, так и Павлу. Главная же схожесть между двумя императорами состояла в том, что оба они требовали от каждого подданного служения государству независимо от сословных привилегий. «Вельможами у меня только те, с кем я говорю, и только на то время, пока я с ними говорю!» — повторял часто Павел Петрович. Присягу ему приносили даже крестьяне. «Ведь они, — пояснял Павел, — содержат собою и своими трудами все прочие части общества». Подобно своему прадеду, Павел считал, что в управлении страной нет мелочей.

«Государь обязан вникать во все, знать и видеть больше других, по осведомленности своей не иметь равных», — говорил император. Один из видных современников Павла уже после смерти императора как-то сказал его дочери: «Покойный государь был равен Петру Великому по своим делам, если бы не умер так рано».

Будущий император родился 20 сентября 1754 года. С детских лет он стал заложником большой политики. Рождение мальчика было событием политического значения. Однако чем старше становился Павел, тем чаще он напоминал своей матери Екатерине II о незаконности ее правления, являясь постоянной угрозой ее самодержавию. Его имя приобрело большую популярность не только у противников императрицы, но и в народной среде.

Главные отрицательные черты павловского правления — недоверие к людям, излишняя подозрительность, ранимость и вспыльчивость — были приобретены им за долгие годы гатчинской изоляции. Он жил под пристальным надзором своей матери, окруженный ее шпионами и доносчиками, разлученный со своими детьми, в постоянном страхе за свою жизнь. «Если бы мать узнала, что в моей свите есть хоть один верный мне пудель, она тотчас велела бы его утопить», — говорил с сожалением Павел.

Однако эта изоляция сыграла и некоторую положительную роль в жизни наследника. Он стал императором с четко продуманной программой действий, с ясным, выношенным планом, к реализации которого приступил немедленно, словно предвидя, как мало времени отпущено ему Богом. Об энергии Павла можно судить хотя бы по тому факту, что за время его правления было издано более двух тысяч законодательных актов. В среднем он принимал 42 закона в

месяц. Эта активная законодательная деятельность не могла сравниться ни с царствованием Екатерины, ни с правлением Петра Великого. При Павле началась военная реформа, подготовившая армию к войне 1812 года, был пересмотрен закон о престолонаследии, были предприняты первые шаги в ограничении помещичьей власти и первый шаг к отмене крепостного права... Им заложены основы всего законодательного корпуса Российской империи. Его преобразования оказали значительное влияние на государственное устройство будущей России.

Эти реформы не могли не вызвать ненависти у дворянства екатерининской эпохи. «Но для меня не существует партий и интересов, кроме государства! — говорил Павел. — При моем характере мне тяжело видеть, что дела идут вкривь, и причиною тому небрежность и личные виды. Я желаю лучше быть ненавидимым за правое дело, чем любимым за дело неправое». Эти слова Павла Петровича могли бы охарактеризовать и основное содержание политики Петра Великого.

Однако в отличие от своего державного прадеда Павел стал первым российским императором, который смягчил церковную политику. До него, начиная с Петра I, она была направлена на ущемление прав Церкви во имя государственных интересов. С восшествием Павла Российская Церковь получила определенные надежды на религиозное возрождение. Император был неравнодушен к Православию. Его законоучитель и духовный наставник митрополит Платон, венчавший потом Павла на царство, так писал о его вере: «Воспитанник, по счастью, всегда был к набожности расположен, и рассуждение ли, разговор ли относительно Бога и веры были ему всегда приятны. Сие ему внедрено было с млеком покойною

императрицей Елизаветой Петровной, которая горячо любила его и старалась воспитывать в вере». Он увеличил вдвое оклады духовенству, утвердил ходатайство Синода об отмене телесных наказаний священникам, узаконил меры для обеспечения вдов и сирот духовного сословия. Впервые со времен екатерининской секуляризации епархиям и монастырям были выделены земельные угодья. При Павле создаются духовные академии в Петербурге и в Казани, а также открываются несколько новых семинарий.

Как-то Павел рассказал о своем видении державного прадеда: «Во сне ли это было или наяву, не знаю. Это случилось во время ночной прогулки по Петербургу, когда я был еще цесаревичем. Ко мне подошел незнакомец, закутанный в плащ. От него веяло холодом, словно он был сделан изо льда. Незнакомец сказал глухим и печальным голосом: “Бедный Павел! Бедный царевич!.. Прими мой совет: не привязывайся сердцем ни к чему земному, ты недолгий гость в этом мире... Живи честно и справедливо, по совести. Помни, что угрызения совести самое страшное наказание для великих душ”. Лишь уходя, он показал свое лицо — это был Петр I!» Всю жизнь Павел вспоминал это видение, стараясь жить по совету своего прадеда. Однако это стремление Павла сталкивалось со стеной непонимания окружающих его людей, тех, кто, по словам историка, «раскинулся слишком широко, кто должен быть стеснен и обуздан ради бесправных и слабых». Это непонимание в конечном итоге привело к злодейскому убийству государя.

Смерть императора подобна смерти святого князя-страстотерпца Глеба. Последними произнесенными словами невинно убиенного Павла были: «Что я сделал вам?» Практически сразу после смерти императора его могила стала местом паломничества

простого народа. На ней всегда были живые цветы. И сегодня, даже в будние дни, можно увидеть живые цветы только лишь на двух могилах Петропавловского собора Петербурга — императора Петра Великого и его державного правнука Павла.

М.В. Первушин

Святой праведный Иоанн Русский

В народном сознании православной Руси испокон веков сложилось такое представление о солдате: человек, посвятивший себя ратному делу, становится не только верным слугой земного царя, но и воином Царя Небесного. Именно эти высокие качества соединил в себе скромный солдат по имени Иван, которого православные христиане почитают как святого праведного Иоанна Русского.

Родился он примерно в 1690 году в Малороссии — так в то время называлась Украина. Уже в юные годы Иван стал солдатом Петра Великого. А в 1711 году началась война с Турцией, ставшая неудачной для России. Трагической кульминацией этой эпопеи явился печально знаменитый Прутский поход русской армии под командованием самого Петра. 38 тысяч русских солдат и офицеров оказались в окружении двухсоттысячного турецкого войска. Петр I тайно послал депешу в Петербург: «Если я попаду в плен к туркам, то повелеваю: с того момента меня императором больше не считать и никаких моих указаний, отправленных из неволи, не исполнять».

Однако турки согласились на переговоры. По мирному соглашению Россия уступала Турции город Азов.

Далеко не все русские воины вернулись из проигранного похода. Очень многие попали в плен к туркам.

Был среди невольников и 20-летний солдат Иван. Его привезли в Стамбул и там продали в рабство турецкому начальнику — аге. Суровый и властный хозяин привез святого Иоанна в свой родной город Прокопион. Здесь издавна был стан янычар — жестоких головорезов, лютых противников христианства.

Там, в Прокопионе, было уже немало пленных русских солдат, ставших рабами турок-мусульман. Чтобы облегчить свою тяжкую участь, некоторые из них отрекались от православной веры и принимали ислам. Но не таков был воин Иоанн, прозванный Русским. Среди чужих, враждебных людей он оставался истинно русским — не только по прозвищу своему, но и по духу. Твердо хранил солдат веру своих отцов, смело исповедовал Христа перед лицом иноплеменников.

«Я верую в Бога моего Иисуса Христа и не отрекусь от Него. Мне не страшны угрозы и пытки. Я родился христианином, христианином и умру».

За такие слова Иоанну Русскому пришлось претерпеть издевательства, побои и голод. Его истязали, жгли волосы и кожу на голове, бросали исповедника в навозную яму. Иоанн выдерживал муки со смирением и достоинством. Он говорил хозяину-аге: «Да, я твой пленник и твой раб. Ты властен над моим телом. Но только не над моей душой! Я готов служить тебе и исполнить твои повеления, но останусь православным человеком».

Видя такое мужество и непоколебимость своего раба, хозяин зауважал Иоанна, приказал больше не мучить его и не навязывать пленнику мусульманскую веру. Слух о духовной победе простого солдата разнесся по городу. Многие русские невольники воодушевились примером своего соотечественника, укрепились духом и сохранили православную веру.

Иоанн был отправлен на конюшню ухаживать за хозяйскими лошадьми. Там он и спал, там молился Богу. В летний зной и зимнюю непогоду Иоанн трудился не покладая рук, добросовестно исполнял свои обязанности. Поначалу другие рабы не понимали своего товарища.

«Как это можно — от зари до зари усердно гнуть спину для своего порабитителя? Этот Иван просто выслуживается, чтобы стать над нами начальником».

В отличие от Иоанна все прочие невольники стремились по возможности увильнуть от работы, трудились из-под палки. А над русским рабом смеялись, даже издевались. Но Иван никогда не сердился на собратьев по несчастью, умудрялся помогать им, утешал в беде, ухаживал за больными, делил с голодными свое скудное пропитание.

Почему же святой праведный Иоанн Русский так прилежно трудился, был во всем послушен хозяину? Ответ прост: он был послушен Господу, Его воле. Иоанн был кроток, милостив и чист сердцем, плакал о своих грехах и примирял ближних. Он с любовью и заботой относился к каждому, будь то раб или господин, русский или турок.

Праведник часто вспоминал притчу, которую еще в детстве рассказывала ему его мать: «У одного иноверца трудился христианин. Хозяин, принимая его на работу, сказал: “Я беру тебя с одним условием: ни слова не говори о Христе”. Тот смиренно пообещал: “Поверь, не скажу”. Проработал христианин в саду два года. Вдруг приходит к нему хозяин и падает на ноги: “Сделай так, чтобы и я стал таким, как ты!”»

Иоанн Русский исповедовал Христа всей своей жизнью: своим повседневным поведением, отношением к ближнему. Но не забывал он и о церковных богослужениях. Тайно, под покровом ночи, пленник

покидал конюшню и пробирался в горы, где христианами был устроен пещерный храм во имя великомученика Георгия Победоносца. Там святой Иоанн молился на литургии, исповедовался и причащался Святых Христовых Таин.

Однажды хозяин, в котором благодаря примеру святой жизни пробудились добрые чувства, предложил Иоанну работать у него на правах свободного человека, наемного труженика. Сказал, что Иоанн может поселиться в домике возле конюшни и получать за свои труды хорошую плату. Иоанн подумал и... отказался: «Спасибо тебе, хозяин, за доброту. Но Господь судил мне жить в рабстве на чужбине. Видно, так нужно для моего спасения».

Добрая слава о православном подвижнике разошлась по окрестностям. Даже мусульмане, дивясь его праведной жизни, называли пленного раба святым и говорили: «Иван Русский! Не забывай нас в своих молитвах».

Святой Иоанн Русский умер в 1730 году. Перед смертью он заболел и, чувствуя приближение кончины, попросил позвать православного священника. Тот побоялся идти со Святыми Дарами в дом мусульманина, вложил их в яблоко и передал умирающему. Так праведный Иоанн Русский в последний раз причастился Святых Христовых Таин. Опечаленный хозяин отдал честное тело исповедника местным христианам, и те погребли его по православному обычаю.

А.А. Аннин

ХІХ ВЕК

Император Александр І

Промозглой мартовской ночью 1801 года совершился дворцовый переворот, взведший Александра Павловича на трон Российской империи. Эту страшную ночь убийства своего отца Александр помнил всю жизнь: «Вой ветра, треск камина, монотонный стук часов... И вдруг крики, торопливые шаги и стук в дверь, сообщение о смерти батюшки... Все закружилось, и казалось, что я вот-вот упаду...» В сознание его вернули резкие слова графа: «Довольно быть мальчишкой!.. Извольте царствовать!» События той ночи нанесли Александру душевную рану, от которой он никогда не оправился. Он чувствовал себя виновным в том, что уклонился от активной роли в задуманном перевороте, ведь более решительное его поведение могло бы спасти отца.

Когда Александр был объявлен императором, ему исполнилось только двадцать четыре года. Он был воспитан так, как и другие люди его поколения, принадлежавшие к верхам русского общества, — на французской литературе, науке, искусстве. В этом блестящем западноевропейском образовании отсутствовало одно — русская специфика, понимание православной веры и главной исторической сущности своего царства.

Необходимость лавировать между ненавидящими друг друга отцом и бабкой приучила Александра

«жить на два ума, держать две парадные физиономии». Став сам императором, он словно искал верный путь, сомневался, делал шаг то в одну, то в другую сторону и вновь отступал, боясь зайти не туда. Пушкин, будучи на Кавказе, увидел однажды мраморный бюст императора, у которого брови были нахмурены, а на губах улыбка. Это дало повод поэту написать его известную эпиграмму:

Напрасно видят тут ошибку:
Рука искусства навела
На мрамор этих уст улыбку
И гнев на хладный лоск чела.
Недаром лик сей двуязычен;
Таков и был сей властелин:
К противочувствиям привычен,
В лице и в жизни арлекин.

И в то же время в решительные минуты истории он умел быть честным и благородным, отвечать за свои сомнения и не присваивать себе чужой славы. Так, после поражения под Аустерлицем царь основную тяжесть вины взял на себя. Он не стал винить в поражении Кутузова, хотя именно тот руководил боевыми действиями. Позже Александр так оценивал эти события: «Я был молод и неопытен. Кутузов говорил мне, что нам надо было действовать иначе, но ему следовало быть в своих мнениях настойчивее». Через несколько лет, во время Отечественной войны, когда французские войска оставили Москву и успех дальнейших действий был предрешен, все тот же Кутузов пригласил государя возглавить армию. Но у Александра I хватило благородства удержаться от соблазна. Он ответил отказом, сославшись на то, что не желает пожинать лавры, не им заслуженные.

Александр Павлович не мог до конца разобраться в себе до тех пор, пока не изменился его духовный

мир. В этом ему помогла Отечественная война 1812 года. Нашествие Наполеона встряхнуло и все светское общество, в котором на смену вольнодумству и материализму пришла религиозность. Будучи равнодушным к религии, Александр впервые в 1812 году прочитал Евангелие и был поражен необычайностью этой книги. Впоследствии император говорил: «Я пожирал Библию, находя, что ее слова вливают новый, никогда не испытанный мир в мое сердце и удовлетворяют жажду моей души. Господь по своей благодати даровал мне своим духом разуместь то, что я читал». Его трепетное отношение к Священному Писанию хорошо иллюстрирует один случай. Однажды накануне Рождества государь проезжал мимо почтовой станции. Зайдя в помещение, он увидел развернутую Библию. «Читаешь ли ее?» — спросил Александр у станционного смотрителя. «А как же! Каждый вечер, Ваше Величество!» — бойко ответил тот. Удовлетворившись ответом, царь выслал смотрителя из избы, вынул из бумажника пять сотенных ассигнаций, по тем временам деньги немалые, положил их между страницами и уехал. Через месяц на обратном пути государь опять заехал на эту станцию. Войдя в избу, увидел Священное Писание, открытое на том же месте, и спросил у смотрителя: «Читал ли книгу после нашего расставания?». «Конечно, Ваше Величество!» — заверил смотритель. Александр перелистал страницы. Ассигнации лежали на прежнем месте. «Ищите прежде Царства Божия, а все остальное приложится вам», — укорил император остолбеневшего лицемера. И приказал деньги из книги раздать беднякам.

Читая Библию, Александр все более убеждался в своей духовной слабости и нищете: «Нет никакого благочестивейшего и самодержавнейшего монарха, а есть лишь несчастный, слабый, самолюбивый, замученный

совестью, запутавшийся в ужасных противоречиях человек». Ему, не желавшему престола в юности, довелось ощутить себя европейским освободителем, одним из могущественнейших правителей Европы, но в то же время он хотел и не смог освободить от крепостных уз Россию, да и сам не освободился от тяготившей его власти. Все чаще Александр искал в религии и поддержку, и утешение. Его захватила бесхитростная проповедь смирения и простоты, присущая Православию. Он много времени проводил в общении с монахами. Перед последним своим путешествием в Таганрог он долго молился у раки своего небесного покровителя святого Александра Невского.

Многие петербуржцы вспоминали императора, приехавшего посмотреть на последствия страшного наводнения 1825 года. Он вышел из экипажа. Страшная картина гибели и разрушения открылась ему. Молча постоял в толпе. Слезы катились из его глаз. Кто-то сказал, глядя на государя: «За грехи наши Бог нас карает». «Нет, за мои!» — ответил император и сел в карету.

В Таганроге он сильно заболел. За три дня до смерти по совету супруги государь причастился Святых Таин. 19 ноября 1825 года Александра не стало. Ему было всего лишь сорок восемь лет. Он умер так, что многие долго не верили в известие о его смерти и полагали, что он скрылся, таинственно исчез... Его не называют великим, но имя «Благословенного» долго держалось в народной памяти.

М.В. Первушин

Преподобный Серафим Саровский

Начало Саровскому монастырю было положено в самом начале XVIII века. Однако уже в годы царствования императрицы Анны Иоанновны монастырь

чуть не закрыли. Саровские иноки были заподозрены в государственной измене по ложному доносу местного помещика, не желавшего делиться с монастырем землей. Основателя монастыря, монаха Иоанна, уже глубокого старика, и еще нескольких иноков, сковав цепями, собрались везти в Петербург. Братия еле упростила приставов дать им проститься с дорогими им людьми. Боясь заговора, чиновники согласились при одном условии, что при прощании не будет произнесено ни одного слова. Арестантов в кандалах поставили перед воротами монастыря. С боков и сзади их встали с оружием солдаты. Монахам велели встать напротив, не подходя близко. Это была величественная минута. Только бряцание кандалов и плач братии нарушали тишину. Основатель обители трижды поклонился в ноги остающимся инокам и осенил их крестным знамением. Те ответили ему земным поклоном. Через несколько лет монастырская братия получила письмо с предсмертным заветом основателя — хранить мир и любовь между собой и безропотно нести послушания.

Надежды сребролюбивого помещика не оправдались, и монастырь не закрыли. А через некоторое время разросшийся монастырь уже кормил хлебом всю окрестность, в том числе и самого помещика, во время наступившего голода.

В конце 1778 года в Саровском монастыре появился новый послушник — 19-летний Прохор Мошнин, будущий преподобный Серафим. Прохор исполнял самые различные обязанности на монастырском хозяйстве, доказывая своим послушанием горячее желание стать монахом. Через восемь лет настоятель монастыря постриг Прохора в монашество с именем Серафим, что значит «пламенный». Это имя стало указанием новонаначальному иноку о том, как надо жить в монашестве.

После смерти своего духовного наставника преподобный Серафим ушел жить в пустыньку — одиноко стоящую келью в глухом сосновом лесу в пяти километрах от монастыря. Здесь в совершенном уединении провел он пятнадцать лет, соблюдая строгий пост и непрерывное молитвенное правило. Пищей ему служили овощи, выросшие на возделанном им огороде. На спине преподобный всегда носил сумку, набитую камнями и песком, поверх которого лежало Евангелие.

Однажды к Серафиму, рубившему в лесу дрова, подкралось трое крестьян. Окружив его, они потребовали отдать им деньги, приносимые ему богомольцами. Он ответил, что ни от кого ничего не берет. Не поверив, крестьяне напали на него. Один, кинувшись на преподобного сзади, хотел его повалить, но, ударившись о котомку с камнями, сам упал. Серафим был высок ростом и силен, к тому же с топором в руке он легко мог отбиться от разбойников. Но ему вспомнились слова Евангелия: «Все взявшие меч, мечом погибнут», — и он решил не защищаться. Бросив топор на землю и сложив руки крестом на груди, Серафим спокойно сказал своим обидчикам: «Делайте, что вам надобно». Один из них, схватив топор, бухом ударил преподобного по голове, так что изо рта и ушей подвижника хлынула кровь. Он в беспамятстве упал. Кинувшись на него, они избили и связали Серафима. Ища деньги, разбойники обшарили все углы пустынной избушки, сломали даже печь. Но найдя лишь икону да несколько картофелин, убежали. Придя в себя, Серафим с трудом выпутался из веревок и поблагодарил Бога за невинное страдание. Помолился об обидчиках, а на другой день во время литургии пришел в монастырь в самом ужасном виде. Волосы на бороде и голове его были в запекшейся крови, руки и лицо поранены, выбито несколько зубов,

окровавленная одежда местами пристала к ранам на теле. Он рассказал о случившемся настоятелю и братии и остался в Сарове. Первые несколько дней братия ждала смерти Серафима, так тяжелы были его страдания. Он не мог ни пить, ни есть, ни забыться сном от нестерпимой боли. Затем наступило улучшение, однако полученные раны не давали ему покоя до самой смерти. Обидчики подвижника были быстро найдены, но Серафим просил настоятеля не преследовать их, объявив, что в противном случае он навсегда оставит обитель.

После этого случая преподобный поселился в монастыре, но не прекратил своего подвига уединения. Он затворился в келье и наложил на себя обет молчания. Его маленькая келья освещалась лишь лампадой и свечами, зажженными пред иконами. Мешки с песком служили ему постелью, а обрубок дерева заменял стул. И так продолжалось еще пятнадцать лет, пока в 1825 году преподобный не вышел из затвора, чтобы поделиться своим духовным опытом с другими.

Он начал новый подвиг — старчества, духовного руководства людьми. С раннего утра до позднего вечера его келья была открыта для мирян, а для монастырской братии — в любое время дня и ночи. К нему шли толпы народа. В некоторые дни число посетителей доходило до двух тысяч человек в сутки. И каждого старец встречал, кланяясь до земли и обращаясь со словами: «Радость моя!» Безграничная сила сочувствия и сострадания сияла в его глазах, звучала в ласковых и нежных словах. Он весь трепетал неземной любовью к людям, духовной радостью, которую он старался передать и другим. Как ни много бывало у него посетителей, никто не отходил от него неудовлетворенным. Часто одной фразой, одним словом старец охватывал жизнь человека, наставлял его на нужный путь.

Семь лет бил этот источник Божественной любви, утоляя жажду каждого, кто к нему припадал. 2 января 1833 года преподобный Серафим тихо скончался в молитве, стоя на коленях перед иконой Божией Матери.

Преподобный Серафим, как теплый луч света, проникающий в житейский мрак, обнял своим сочувствием весь мир людского горя и страдания. Как его духовное завещание звучат слова светоносного старца: «Радость моя, молю тебя, стяжи дух мирен, и тогда тысячи душ спасутся около тебя».

М.В. Первушин

Преподобный Герман Аляскинский

Русские военные мореплаватели достигли берегов Аляски в 1732 году. Через некоторое время началось и хозяйственное освоение этой территории российскими землепромышленниками. Ими же в 1793 году было подано прошение на имя императрицы Екатерины «прислать в Америку хорошего священника с причтом». Понимая всю государственную важность начатого дела, она приказала отправить в Америку не одного священника, а целую православную миссию. Духовная миссия была сформирована из иноков Валаамского монастыря, среди которых был и монах Герман, будущий преподобный. Именно ему пришлось дольше и плодотворнее всех остальных членов миссии потрудиться в евангельском благовестии на другом континенте.

Преподобный Герман родился под Москвой в городе Серпухове в купеческой семье. В шестнадцать лет он уехал в Валаамский монастырь. Все обстоятельства жизни Германа на Валааме, о которых известно из воспоминаний о нем братии монастыря, роднят

его по духу с преподобным Серафимом. Он так же, как и Серафим, после тщательного испытания различными послушаниями уходит на постоянное жителство в лес и поселяется в пустынной келье за несколько километров от монастыря. Так же несет уединенные подвиги и труды, как его саровский современник. И даже иноческий постриг Герман и Серафим принимают в один и тот же год.

Пятнадцать лет провел Герман в Валаамской обители. Но как бы ни любил Герман свое уединение, узнав, что из иноков Валаамского монастыря формируют миссию в далекую Америку, не раздумывая согласился войти в ее состав. Он пожелал служить делу проповеди Евангелия на другом конце земли среди язычников малообжитого и сурового края Аляски, обратить и крестить их в истинную веру. Этот подвиг апостольского служения преподобный Герман нес всю последующую жизнь. Он стал для местных жителей и школьным учителем, и врачом, и агрономом-земледельцем, и духовным наставником, и защитником от несправедливости и притеснений. Он выступал против тех, кто видел в коренных жителях Аляски только объект для жестокой эксплуатации. Из-за этого и сам Герман нес скорби и притеснения, порой не имея никакой поддержки, кроме своей пламенной веры. Со слов знаменитого капитана, барона Врангеля: «Будучи пылкого нрава, отец Герман с горячностью вступался за права природных жителей, нарушаемые строптивостью, жестокостью и распутством начальников. И от того сам подвергался множеству неудовольствий». Сущность своего призвания преподобный Герман выразил удивительно простыми словами: «Я — нижайший слуга здешних народов и нянька».

Как истинный христианин, Герман всех любил и всех прощал. Такой же взаимной любовью и уважением

отвечало ему все местное население Аляски. Из донесения в Синод о состоянии дел есть упоминание об этом: «Германа же большая часть жителей довольно выхвалить не может, называя его не иначе, как “наш апа”, то есть “дедушка”». Особенно же его любили дети. Стоило отцу Герману показаться на улице, как дети бежали к нему со всех сторон. Он угощал их сухариками, пек для них крендельки и всегда с умильной простотой рассказывал им сказку или какую-нибудь поучительную историю из жизни святых.

Вообще беседа старца производила на слушавших его неотразимое впечатление. Так, однажды Германа пригласили на фрегат, пришедший из Петербурга. Капитан фрегата, человек высокообразованный, знающий несколько языков, решил проверить, верны ли дошедшие до столицы слухи о старце и его удивительном влиянии на людей. С капитаном было до двадцати пяти человек офицеров. Вот как он потом вспоминал эту встречу: «В нашей кают-компании сидел небольшого роста, в ветхой одежде, пустынный монах. Мы все воспитывались в Морском корпусе, знали многие науки и много читали. Но науку из наук, то есть закон Божий, понимали поверхностно, теоретически, не применяя ее к своей жизни. Лишь по названию были христианами, а в душе и на деле — атеистами. Мы говорили с ним до полуночи, а то и за полночь о любви Божией, о вечности, о спасении души, о христианской жизни... Отец Герман, к великому моему удивлению, говорил так сильно и умно, доказывал так убедительно, что, мне кажется, никакая ученость и земная мудрость не могли бы устоять против его слов. Своей удивительной беседою он всех образованных собеседников своих привел в такое положение, что они не знали, что ему отвечать. Мы были безответными дураками перед ним! И многие из нас после этой беседы пересмотрели свое отношение к христиан-

ству». Так преподобный Герман обращал в христианство не только местных жителей, но и русских офицеров-моряков, зараженных неверием и вольнодумством.

В конце жизни преподобный Герман решил уединиться от людей и переселился на необитаемый остров, находившийся в двух часах езды на байдарке от центрального поселения. Здесь он построил небольшую бревенчатую келью, в которой и прожил до конца своих дней. Постелью Герману служила небольшая скамья, подушкой — два кирпича, а одеялом — деревянная доска. Тайные подвиги старца остались неизвестными миру. Его жизнь протекала в условиях самоотречения, нестяжательности и сурового пренебрежения всеми удобствами. Рассказывая о жизни старца, его ученик, кадыкский алеут, лишь замечал: «Трудную жизнь вел батюшка, и никто не может подражать его жизни!»

Но зато всем был виден окружавший свет его благодатной жизни, его великие и редкие достоинства ума и качества сердца, его любовь, с которой он отзывался на нужды приходящих к нему людей. На его необитаемый остров съезжались многие, чтобы поделиться радостью, найти утешение в скорбях. А некоторые из приезжавших просили старца позволения остаться жить рядом с ним. И никому он не отказывал, утешая и поучая всех. Преподобный Герман скончался на 81-м году жизни, 13 декабря 1836 года.

Нередко в укор христианам говорится: «Если бы не христиане, то христианство давно бы уже распространилось по всей земле». К сожалению, в этом есть своя доля правды. Однако если со словом евангельской вести приходит истинный последователь Христов, то его пример и слово служат к обращению многих. Таким проповедником для жителей Аляски был преподобный Герман. Свидетельством его миссио-

нерских трудов являются сами алеуты, до сих пор сохранившие православную веру, которой научил их преподобный Герман, несмотря на попытки обратить их в инославие.

М.В. Первушин

Традиции русского иночества в XIX веке. Оптина Пустынь

В России в XIX веке одной из самых знаменитых обителей была Оптиная Пустынь. Она снискала себе славу благодаря опытным монахам-духовникам, или, как их еще называли, старцам, жившим в ней. Однако еще в конце XVIII столетия при императрице Екатерине монастырь был в полном запустении. В нем оставалось лишь три престарелых инока, которые едва могли прокормить сами себя.

Своему возрождению прославленная обитель обязана митрополиту Московскому и Калужскому Платону (Левшину). Объезжая свою епархию, он был пленен красотой тех мест, где стоял монастырь, и решил восстановить древнюю обитель. Для того чтобы найти достойного настоятеля, способного возродить в монастыре не только хозяйство, но и монашескую жизнь, митрополит Платон приехал к опытному духовнику одного из подмосковных монастырей. Гуляя со старцем по монастырскому саду, митрополит рассказывал ему и об Оптиной Пустыни, которая, по преданию, была основана в XIV веке раскаявшимся разбойником Оптой, и о красоте тех мест, где расположен монастырь. «Укажи мне, — обратился к духовнику владыка Платон, — кто из твоей братии строг жизнью монашеской, благочестив и образован и был бы способен возродить...» Вдруг старец, перебивая митрополита, закричал монаху, копающему в глуби-

не сада грядки: «Авра-а-амий, Авраамий, иди-ка сюда». А затем, обратясь к удивленному митрополиту, сказал: «Вот тебе настоятель — огородник Авраамий. И духовно мудр, и по хозяйству деятелен. Лучшего и не сыщешь». Сам митрополит Платон признавался позднее, что не без сомнений назначал его игуменом Оптиной Пустыни, но выбор старца оказался верным.

К концу жизни игумена Авраамия были построены новая каменная колокольня со святыми воротами, две церкви и два братских корпуса, а братии увеличилось от 3 до 30 человек. Сердечная простота игумена, соединенная с духовной мудростью, внушала к нему невольное уважение как монастырской братии, так и всех окрестных жителей. «Первые годы было очень тяжело, — вспоминал позже Авраамий, — монастырь тогда находился в крайней нищете. Не было даже полотнца, чтобы вытереть руки... Я тогда только плакал да молился, молился да плакал...» Но несмотря на такую нищету, игумен Авраамий был милостив и сострадателен к неимущим.

Таким же бесребреником был и последующий настоятель — игумен Моисей. Он всегда помогал бедным, особенно в неурожайные годы, несмотря на ропот некоторых из монастырской братии. «Я богат лишь нищетою», — часто говаривал он бережливым инокам. И в то же время по своему характеру Моисей был неутомимым строителем, деятельным и ответственным. Однажды он нанял рабочих для реставрации братского корпуса. Уже в середине строительного сезона работы были завершены. Моисею было жаль отпускать рабочих, так хорошо и быстро выполнивших заказ. Он задумал начать строительство новой колокольни, но денег было только на закладку фундамента. Не зная, как поступить, Моисей обратился с горячей молитвой к Богу. Но осознавая

свое недостоинство, просил через первого встречного открыть ему Свою волю. Вот как сам Моисей описывает этот случай: «После молитвы я вскочил и выбежал за ворота монастыря в одном подряснике... Мимо обители по дороге в поле шла доярка с маленькой дочкой на руках. Я бросился к ним и спросил у трехлетней девочки, строить мне колокольню или нет. Девчушка, схватив мою растрепанную бороду, радостно прошепелявила: “Штрой! Штрой!” — а испуганная мать, прижимая к себе дитя, отшатнулась от меня, как от сумасшедшего. В тот же день я начал стройку, а еще через неделю богатый купец, проезжавший мимо обители, оплатил все расходы по начатому строительству».

Особая же заслуга игумена Моисея заключалась в том, что он способствовал установлению в монастырском скиту традиции старческого духовничества. Само явление старчества, хорошо известное и широко распространенное среди древних подвижников, к этому времени было уже почти забыто. Именно благодаря Моисею в обители поселяются два опытных подвижника, два духовных старца — преподобные Леонид и Макарий, воспитавшие целую плеяду знаменитых оптинских духовников.

Оба старца принимали богомольцев, наставляли их, отвечали на многочисленные письма. Так, Леонид, требовавший от приходящих к нему искренности, сам отличался необычайной задушевностью. Его поучения всегда звучали ясно и просто, отличаясь порой живым юмором. Он общался в основном с простецами — иноками, крестьянами, купцами. Макарий же обычно имел дело с более просвещенной частью общества — дворянами, философами, литераторами. Вот как пишет о нем один из его современников: «Великое смирение старца Макария было источником той сверхчеловеческой власти, которую этот немощ-

ный старец имел над душами: его всегда тихая речь склоняла горделивых, возвращала надежду отчаявшимся, вновь приводила к вере разуверившихся». Благодаря преподобному Макарию оптинское иночество первым среди русского монашества того времени повернулось лицом к интеллигенции, к современным вопросам философии, культуры, общественной и политической жизни. Так, его духовными чадами были и русские философы-мыслители Киреевский, Хомяков, Самарин, и писатель Николай Гоголь. Вот как Гоголь описывает свое впечатление от поездки в обитель: «Нигде я не видел таких монахов... Все до последнего служки поразили меня светлой ласковостью Ангелов, да и сами жители окрестных деревень... За несколько верст от обители все становится приветливее, поклоны ниже и участие к человеку больше... Благодать видно там царствует». А в последние годы жизни Гоголь мечтал принять монашеский постриг и поселиться в Оптиной Пустыне. Незадолго до смерти он говорил близкому другу: «Ах, как много я потерял, как ужасно много потерял, что не поступил в монахи. Ах, отчего батюшка Макарий не взял меня к себе в скит?» Так, ощутив на личном опыте, что возрождение нравственного образа в человеке возможно только в Церкви, великий писатель и смиренный христианин пришел к глубокому убеждению, что этот путь единственно правильный и для всего русского народа.

М.В. Первушин

Святитель Игнатий (Брянчанинов)

Русское Православие в XIX веке было прославлено именами многих выдающихся архипастырей. Одним из них был святитель Игнатий, епископ Ставро-

польский и Кавказский. Он стал известен всему христианскому миру как человек высочайшей духовности и культуры, выдающийся богослов, ревностный хранитель православных традиций, автор авторитетных духовных сочинений.

Святитель Игнатий родился в 1807 году в Вологодской губернии и принадлежал к старинной дворянской фамилии Брянчаниновых. В крещении его назвали Дмитрием. Он получил прекрасное домашнее воспитание и образование. Когда ему исполнилось 15 лет, отец отвез его в Петербург и отдал в Военно-инженерное училище. Однако такое будущее не соответствовало настроениям Дмитрия. Он уже тогда заявил отцу: «Я хочу поступить в монахи!». Но отец отмахнулся от этого неожиданного для него желания сына, как от неуместной шутки: «Поучись сначала, а потом поглядим... Там из тебя всю дурь выбьют».

Прекрасная подготовка и исключительные способности молодого Брянчанинова позволили ему не только первым по конкурсу поступить в училище, но и первым по списку окончить его. Во время учебы Дмитрий резко выделялся своим особенным религиозным настроением из среды учащихся. Более того, он имел на своих товарищей, как отмечали классные наставники, «благотворное воспитательное влияние». Уважение к будущему святителю со стороны однокурсников было столь высоко, что ему как последней инстанции доверяли все споры и несогласия, и мнение Брянчанинова принималось как решение. Редкие умственные способности и нравственные качества привлекали к Дмитрию не только студентов, но и преподавателей училища.

Происхождение, воспитание и родственные связи открыли перед Брянчаниновым двери аристократических домов столицы. А редкий дар чтеца-декламатора, которым обладал Дмитрий, сделал его популяр-

ным на петербургских литературных вечерах, где частыми гостями были Пушкин, Крылов, Батюшков и другие русские писатели. Через несколько лет, когда Дмитрий был уже послушником Александро-Свирского монастыря, с ним произошел интересный случай. Однажды его поставили читать за монашеской трапезой «Жития святых». Делая это с особым умением, послушник Дмитрий так увлек всех присутствующих своим чтением, что монахи забыли о пище, а повара вышли с кухни... «Все с умилением внимали чтению, — пишет один из свидетелей этого происшествия, — многие при этом плакали. С тех пор Дмитрия не ставили читать за трапезой, чтобы не нарушать общий распорядок».

С особым отеческим вниманием и любовью относился к Брянчанинову император Николай I, принимая самое активное участие в его жизни. Государь неоднократно беседовал с ним и был очень недоволен склонностью Дмитрия к монашеству. Зная о его частых посещениях столичной лавры, Николай запретил пускать туда молодого офицера. «А высшее начальство училища, — вспоминал сам святитель, — как-то поставило мне в укор следующее: “Ты много Богу молишься, мы тебе не дадим!” Чем еще более разожгло во мне желание оно».

По окончании Военно-инженерного училища перед Дмитрием открывалась блестящая светская карьера. Но он подал прошение об отставке, стоя на своем желании принять монашество. Прошение не было удовлетворено. Дмитрию пришлось выехать на место службы. Однако вскоре он тяжело заболел и вновь попросился в отставку. Все попытки императора Николая и его брата Михаила Павловича отговорить Брянчанинова от поступления в монашество были безуспешны. Дмитрий бросил свою блистательную служебную карьеру и ушел к оптинскому старцу Ле-

ониду, приняв монашеский постриг с именем Игнатий.

Однако император, не желая отпускать от себя столь яркую личность, назначил Игнатия игуменом Сергиевской пустыни под Петербургом. Более двадцати лет он, жаждущий уединения и покоя, нес это суетное послушание. Игнатий не упускал возможности нравственного воздействия на умы столичного общества. Так, он с резкой критикой относился к литературным произведениям, в которых воспевались «герои», творящие зло от скуки, подобные Печорину или Онегину. Считая, что такая литература наносит серьезный вред неискушенным душам читающей молодежи, Брянчанинов написал повесть о библейском герое — праведном Иосифе, образце чистоты и целомудрия. В предисловии к повести он писал: «Желаем, чтоб многие из последователей Печорина обратились в последователей Иосифа».

Знакомства с Игнатием Брянчаниновым, его советов и наставлений искали многие выдающиеся люди России. Среди них Гоголь, Достоевский, Брюллов, адмирал Нахимов и многие другие. Восхищенный образом жизни и деятельностью святителя Игнатия, писатель Николай Лесков посвятил ему свой рассказ «Инженеры бессребреники». Все покоряло современников в святителе Игнатии: величественная внешность, благородство, особая одухотворенность, степенность и рассудительность. Его литературные труды, в которых он изложил аскетическое учение святых отцов Церкви применительно к требованиям современности. Он духовно окормлял свою многочисленную паству, содействовал нравственному совершенству людей, искавших Бога, раскрывал красоту и величие христианской веры.

В 1857 году Игнатия рукоположили во епископа Кавказского. Менее четырех лет управлял он этой

сложной, охваченной войной кафедрой. Тяжкая болезнь вынудила его в 1861 году подать прошение об увольнении на покой в монастырь, а еще через шесть лет он мирно отошел ко Господу.

М.В. Первушин

Александр Сергеевич Пушкин

Автор скандальной «Гаврилиады» и сатирической «Сказки о попе и работнике его Балде», крайне нелестно отзывавшийся о духовенстве... — чем заслужил он, знаменитый поэт, внимание историков христианской Церкви?

«Пушкин — наше все!» Эта крылатая фраза Аполлона Григорьева знакома, наверное, каждому, но мало кто знает ее продолжение: «Пушкин — пока единственный полный очерк нашей народной русской личности, полный и цельный не только в мире художественных, но и в мире общественных и нравственных наших сочувствий». То есть духовный путь поэта на протяжении всей его жизни включает в себя весь спектр, всю полноту развития русского характера от низшего его состояния к высшему: от разочарованного безверия — к вере и молитве, от революционного бунтарства — к мудрой государственности, от мечтательного поклонения свободе — к органическому консерватизму, от юношеской страсти — к семейному очагу. Венцом же этого пути стала поистине христианская смерть поэта. Ирония, сарказм, злоба по отношению к религии вообще и к христианству в частности, дуэли, декабристы, масоны, бесчисленные романтические увлечения, резкие слова в адрес многих людей — все это бледнеет на фоне последних часов жизни Пушкина.

В юности все, что посылая ему жизнь, увлекало

его с головой. Не встречая какого-то качественного отбора со стороны разума, душа поэта буквально захлебывалась — великое мешалось с пустяком, священное с шалостью, гениальное с беспутным. И друзьям Пушкина казалось, что он «весь исшалился», что им не удастся «образумить эту беспутную голову». Один из его современников пишет: «Пушкин — это живой вулкан, из которого жизнь бьет огненным столбом».

Однако начиная уже с 25-летнего возраста в жизни Александра Сергеевича происходят изменения. Об этом свидетельствуют и поэтические его творения, и прозаические работы, и автобиографические записи. Большинство исследователей утверждают, что это время было наиболее важным в творческой жизни поэта. Именно тогда в нем совершилось духовное пробуждение и он окончательно преодолел легкомыслие юношеской нерелигиозности.

В это время он переживает и ужас духовной пустоты: «Дар напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты мне дана?» — и нелюбимый суд своей юности: «И с отвращением читая жизнь мою, я трепещу и проклиная, и горько жалуюсь, и горько слезы лью, но строк печальных не смываю...», «Безумных лет угасшее веселье мне тяжело, как смутное похмелье, но как вино печаль минувших дней в моей душе, чем старе, тем сильнее». В этот период в рукописях Пушкина появляется следующая запись: «Не допускать существования Бога — значит быть еще более глупым, чем те народы, которые думают, что мир покоится на носороге».

К концу жизни Пушкин проникся красотой многих молитв, знал их наизусть, умилялся перед детской простотой молитвы своей жены, любил читать Евангелие. За год до смерти поэт писал: «Есть книга, в которой каждое слово истолковано, объяснено, пропо-

ведано... из коей нельзя повторить ни единого выражения, которого не знали бы все наизусть, которое не было бы уже пословицей народов, она не включает уже для нас ничего не известного; книга сия называется Евангелием — и такова ее вечная прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться ее сладостному увлечению и погружаемся духом в ее божественное красноречие».

Сорок шесть часов страданий, которые были отпущены Александру Сергеевичу перед смертью, окончательно преобразили его облик. В умирающем Пушкине отступает все то, что было присуще ему накануне дуэли. Он простил врагов, крови которых только что жаждал, и, наверное, самое главное — примирился с самим собой, обретя, наконец, простую детскую веру в Бога.

Поэт Жуковский, близкий друг поэта, вспоминал: «Врачи, уехав, оставили на мои руки больного... По желанию родных и друзей я сказал ему об исполнении христианского долга. И он тотчас согласился. “За кем прикажете послать?” — спросил я. “Возьмите первого, ближайшего священника”, — отвечал Пушкин, словно боясь не успеть. Приехал престарелый священник. Выйдя после исповеди от Пушкина, он явно был растроган, сказав: “Я стар, мне уже недолго жить... И Вы можете мне не верить, хотя на что мне обманывать, но я скажу, что для себя самого желал бы такой исповеди перед смертью, какую он имел”. Так глубоко поразили священника благоговение и искренняя детская вера умирающего поэта».

Приняв церковное напутствие, Александр Сергеевич благословил семью, попрощался с друзьями и безропотно, бесстрашно претерпел последние часы страданий. Смерть поэта явилась кратким, но решительным эпилогом, достойным завершением жизни

великого поэта.

«Здесь... одна трагическая смерть Пушкина занимает публику и служит пищей разным глупым толкам, — писал император Николай на следующий день после смерти поэта. — Он умер от раны за дерзкую и глупую картель, им же писанную, но, слава Богу, умер христианином». Ко гробу любимого поэта в один день пришло более 32 тысяч человек, и чтобы избежать давки, стену квартиры Пушкина пришлось выломать.

Как-то Николай Васильевич Гоголь сказал про Пушкина: «Он есть явление чрезвычайное: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится лет через двести». И действительно, его жизнь в чем-то очень похожа на жизнь современную. Люди так же ищут совершенного, доброго, идеального — и часто не знают, что все это могут найти в христианстве. Пушкин шел к его познанию, и оно явилось ему во всей полноте — пусть и перед последним вздохом поэта.

М.В. Первушин

Святитель Филарет Московский

Одним из крупнейших деятелей в истории как Русской Церкви, так и Российского государства XIX столетия был митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов). Соединив в себе качества церковного иерарха и ученого богослова, государственного мужа и подвижника благочестия, проповедника и поэта, святитель Филарет стоял в центре церковно-политических и общественных событий того времени. Говоря о проблемах церковных и государственных, он предлагал решения столь основательные, что не считаться с ними было просто

невозможно. За всю свою долгую жизнь святитель совершил такое неимоверное количество дел, что его именем названа целая эпоха в истории Церкви. Только одной Московской кафедрой святитель управлял почти полвека. К концу жизни авторитет Филарета был таков, что современники именовали его «митрополитом Всероссийским» или «природным Патриархом Русской Церкви».

Родился будущий святитель в 1782 году в священнической семье в древнем подмосковном городе Коломне и в крещении был назван Василием. Начав свое образование в Коломенской духовной семинарии, Василий Дроздов завершил его в Троице-Сергиевой Лавре. Талантливого студента заметил престарелый московский митрополит Платон. В 1808 году он оставил Василия преподавателем поэтики и риторики в лаврской семинарии, уговорив принять монашество. Но недолго пришлось молодому монаху Филарету утешаться общением со своим учителем. Через год Филарет был вызван из тихой Троицкой Лавры в Северную столицу. Отныне молодому иноку всю дальнейшую жизнь предстояло сочетать подвиг внутренней духовной жизни с общественным служением.

В Петербурге Филарета очень быстро узнали и оценили. Слава проповеднического дара была постоянным спутником его служения, предворяя славу на всех других поприщах. «Это было всегда слово живое, мыслящее, вдохновенное размышление вслух, — вспоминает один из видных общественных деятелей той эпохи. — Проповедь у Филарета всегда была благовестием и никогда не была только красноречием». Уже в 27 лет будущий святитель становится профессором богословия и церковной истории в Петербургской Духовной Академии, а через год ее ректором. «Филарет был блестящим и вдохновенным педагогом, — вспоминали о нем студенты, — когда

часы его лекций кончались, у нас всегда оставалось великое усердие слушать его еще более и более». За несколько лет молодому профессору пришлось прочесть и обработать почти полный курс богословских наук. «В истории русского богословия нового времени Филарет Московский был первым, для кого богословие вновь с времен древних стало задачей жизни, ступенью духовного подвига. Он не только богословствовал — он жил, богословствуя», — пишет о нем известный церковный историк.

Святитель Филарет остро чувствовал живую религиозную потребность, жажду духовного наставления и просвещения в современном ему русском обществе. Именно поэтому он стал главным сторонником и инициатором перевода Библии со славянского языка на русский. В течение полувека шла эта борьба за русскую Библию.

А знаменитая стихотворная переписка митрополита Филарета с Пушкиным — прекрасный, но не единственный памятник соучастия и влияния архипастыря на еще одну сторону общественной жизни — отечественную словесность. Будучи еще ректором Петербургской Академии, он выступил в защиту публикации поэмы Державина от излишне придирчивой духовной цензуры и добился на то разрешения. Велико его влияние и на позднее творчество Гоголя. Разбирая литературное дарование святителя, один знаменитый славист отметил: «В отношении языка Филарета более бы подошло не слово “красота”, но “роскошь”».

Однако внешность святителя была прямо противоположна его заслугам. Вот каким остался образ митрополита Филарета в памяти поэта Федора Тютчева: «Маленький, хрупкий, сведенный к простейшему выражению своего физического существа, но с глазами, полными жизни и ума, он непобедимой вы-

сшей силой господствовал над всем, что происходило вокруг него. Пред своим апофеозом он оставался совершенством простоты и естественности. Казалось, что он принимает все эти почести только затем, чтобы передать их кому-то другому, чьим случайным представителем он теперь является. Это было прекрасно! Воистину то был праздник духа».

Скромность и смирение святителя составляли одну из отличительных черт его нравственного образа и потрясали обращавшихся к нему современников даже более тех дел, которые он вершил. «Одно смирение может водворить в душе мир, — писал митрополит в одном из писем. — Душа несмирённая — мрачна и смутна, но стоит ей лишь повернуться к оному, сразу начнет являться в ней истинный свет». Стремясь к совершенству этих качеств души, митрополит не чуждался и даже искал наставлений у своих подчиненных. Вот что пишет он одному из них: «Не прогневайтесь и не думайте, что я гневаюсь. Если Вы в чем имеете жаловаться на меня, скажите, я рад исправиться по Вашему слову. Желая лишь, чтобы смиренная мысль помогала нам быть осторожными».

После смерти святителя в 1867 году обер-прокурор Синода писал в своем годовом отчете императору: «В продолжение более полувека лет не было таких церковных дел, в которых не участвовал бы со всей энергией этот знаменитый московский иерарх».

Таким предстает для нас образ великого московского святителя, заслужившего своим благочестием и остротой ума любовь и уважение современников. К его мудрому слову прислушивались императоры и князья, министры и губернаторы, поэты и писатели. Верующий народ почитал митрополита Филарета как замечательного пастыря, милосердного и сострадательного к нуждам и бедам ближних.

Знаменитый церковный историк начала XX века

Лебедев с удивлением замечал: «По долгу историка Церкви мне пришлось перечитать сотни биографий разных иерархов и многие десятки изложить в книгах... Я смело могу утверждать: рядом со святителем Филаретом некого из них поставить... Это был какой-то нравственный монолит, всегда себе равный, во всем себе тождественный. Слово его не расходилось с делом, и сказанное им на десятки лет ранее с точностью повторяется и осуществляется впоследствии».

М.В. Первушин

Святитель Феофан Затворник

Одним из самых влиятельных духовных писателей в России XIX века был святитель Феофан, прозванный Затворником. Автор множества книг и писем, которые он писал широкому кругу лиц, от иерархов до простых мирян. Его творения оказали глубокое влияние на духовное возрождение современного ему общества. Жизнь святителя была яркой, насыщенной, полной драматических поворотов и вся без остатка была посвящена служению Богу, России и ее народу.

Георгий Говоров, так звали святителя в миру, родился в Орловской губернии в многодетной семье священника. По окончании духовного училища и семинарии как лучший воспитанник Георгий был отправлен для дальнейшего образования в Киевскую Духовную Академию. В его выпускной характеристике было указано: «Весьма скромн, честен поведением, прилежен и благодравен, отличен в науках».

Киево-Печерская Лавра — колыбель русского иночества потрясла Георгия с первых дней пребывания в ней. Каждый камень был там свидетелем священной истории Русской Церкви. Эти впечатления настолько глубоко запали в душу юному Георгию,

что святитель до конца жизни с восторгом вспоминал: «Киевская Лавра — неземная обитель!» Любовь к первой русской обители во многом повлияла и на решение Георгия принять монашество. В 1841 году, за год до окончания Академии, он был пострижен с именем Феофан.

Именно в иночестве он нашел свое призвание. Однако всецело предаться уединенному монашескому деланию Феофан смог лишь через четверть века после пострига. До этого времени он был, по его собственным словам, «лишь шаром, без грохота и шума катящимся туда и сюда, по направлению сообщаемых ему ударов». И действительно, вся жизнь будущего святителя на протяжении 25 лет после окончания Академии была сплошной вереницей перестановок и переводов с место на место. Нигде он не задерживался более 5 лет.

Сразу после завершения учебы он был направлен на место ректора Киевского духовного училища, затем — инспектором в Новгородскую семинарию, после — преподавателем в Петербургскую Духовную Академию. Оттуда он едет в Палестину в составе Русской духовной миссии. Вернувшись через 5 лет в Россию, Феофан получает новое назначение — настоятелем Посольской церкви в Константинополе, но уже через год его опять возвращают в Петербург, чтобы сделать ректором столичной Духовной Академии.

Подчиняясь воле священноначалия, святитель Феофан исправно нес возложенные на него послушания. Однако внутренне он не был удовлетворен служебной деятельностью, его влекла уединенная монашеская жизнь. И потому Феофан напоминал о себе периодическими прошениями в Синод с просьбой уволить его на покой в любой монастырь Русской Церкви. Но эти прошения оставались без ответа. Уже через два года после назначения Феофана ректором

Академии последовало новое — быть ему епископом Тамбовским. В слове при наречении Феофан, обращаясь к сонму архипастырей, вновь напомнил о своей просьбе: «Не скрываю, что не чуждо было бы тайным желаниям моего сердца, если бы на мою долю выпало такое место, где бы я свободно мог предаться занятиям согласно настрою моей души». Но его не слышали, словно проверяя в нем монашеское терпение и послушание. Не прослужив и четырех лет на тамбовской земле, епископа Феофана перемещают на более многолюдную Владимирскую кафедру.

В своих трудах владыка Феофан был неутомим. Он практически ежедневно служит, столько же проповедует, путешествует в целях личного знакомства с паствой, заботится о духовных учебных заведениях, создает церковно-приходские школы, строит или ремонтирует храмы, открывает епархиальные печатные издания, оставляя себе для сна, по свидетельству биографа, в сутки лишь часа три-четыре. Таким вниманием к нуждам паствы он снискал всеобщую любовь. К тому же при личном общении всех поражали его мягкосердечие, кротость и миролюбие. «Даже если ему, как начальнику, необходимо было наказать кого-то выговором, — вспоминал один из современников владыки Феофана, — то он поручал это сделать ключарю собора, как бы боясь нарушить тот закон любви, которым руководствовался владыка в своей жизни и пастырской деятельности».

Став епископом, святитель Феофан не перестал искать уединения и полного отречения от житейских забот. «Я ищу покоя, — писал епископ Феофан председателю Святейшего Синода, — чтобы предаться занятиям желаемым, с тем непременным намерением, чтобы был и плод трудов, полезный и нужный для Церкви Божией. Имею в мысли служить Церкви Божией, только иным образом служить». На этот раз

его прошение было удовлетворено. Его уволили на покой с пребыванием в Вышенской пустыни Тамбовской епархии. «Здесь, в Выше, я почувствовал себя по-настоящему счастливым, — писал святитель, — Выши моей не променяю не только на Санкт-Петербургскую митрополию, но и на патриаршество, если бы его восстановили у нас и меня назначили бы на него. Вышу можно променять только на Царствие Небесное».

Долгожданное уединение наконец пришло. Шесть лет святитель жил в монастыре как простой инок, выполняя наравне со всеми монашеские послушания. После этого он затворяется в своей келье, прекратив всякое общение с людьми, за исключением своего духовника, которому он исповедовался. Все, кто желал общения со святителем, могли общаться с ним только письменно. Так, не нарушая своего затвора, Феофан не отказывал никому в духовном наставлении. Он обладал редким даром просто, ясно, лаконично говорить о самых сложных предметах, ежедневно отправляя около сорока ответных писем. Феофан изобразил идеал истинно христианской жизни и пути, ведущие к его достижению. «Мы имеем полное право, — пишет биограф владыки, — назвать его великим христианским философом». Двадцать с лишним лет продолжалась затворническая деятельность святителя. Скончался он, не выходя из затвора, в 1894 году в возрасте 80 лет.

М.В. Первушин

Святитель Иннокентий, митрополит Московский

Святитель Иннокентий (Вениаминов) занимает особое место в истории христианской святости. Этот

иерарх Русской Церкви известен всему миру не только как прославленный миссионер и богослов, но и как крупный ученый — этнограф, лингвист, географ, почетный член Императорской Академии наук, Московского университета, различных научных обществ, лауреат государственных премий. Его труды переведены на многие языки мира. И в то же время, кроме провинциальной Иркутской семинарии, святитель не имел более никакого образования.

Он сам дивился собственной судьбе, когда был избран на Московскую кафедру после смерти святителя Филарета: «Я был сыном бедного сельского пономаря, никогда не видевший настоящего хлеба без мякины, носивший и в праздники, и в будни один и тот же самотканый кафтан и самодельную обувь... Когда-то меня не хотели брать на место умершего отца, несмотря на слезные просьбы моей матери, а теперь назначили преемником великого Филарета». Однако до этого избрания святитель Иннокентий 45 лет своей жизни отдал делу просвещения народов Камчатки, Алеутских островов, Северной Америки, Якутии, Хабаровского края, совершая свой апостольский подвиг в суровых условиях, с большими опасностями для жизни. Он крестил несколько десятков тысяч человек и был воистину апостолом Сибири и Америки. Филарет Московский, впервые увидев его, сказал: «В этом человеке есть что-то апостольское», а русский писатель Илья Гончаров так описал свою первую встречу с Иннокентием: «Пока мы ждали в его приемной, я представлял себе владыку сибирской паствы подобно многим иерархам: важным, серьезным... Доложили о нас. Он вышел нам навстречу... Это был настоящий апостол, миссионер! Передо мной встала мощная фигура огромного атлетического сложения старца, рост его около двух метров, в синева-то-серебристых сединах, с нависшими бровями и све-

тящимися из-под них умными ласковыми глазами и доброю улыбкой. Это была личность грандиозного исторического значения. О нем писали, пишут много и много будут писать, и чем дальше населяется, оживляется и гуманизируется Сибирь, тем выше и яснее станет эта апостольская фигура для всего Дальневосточного края и Аляски... Самим Богом ниспосланный апостол-миссионер!»

Миссионерское служение будущего апостола Америки и Сибири началось с 1823 года. Тогда еще никому не известный священник Иоанн Вениаминов решает на переезд с женой, годовалым ребенком, престарелой матерью и братом на Алеутские острова для дела миссии среди малых народов Севера и Аляски. «Ни советы знакомых, ни описания трудностей дальнего двухтысячеверстного пути и ожидающих меня лишений — ничто не доходило до моего сердца, — вспоминал впоследствии владыка Иннокентий, — только как будто огонь горел в моей душе». Так началась великая миссия будущего святителя.

Отец Иоанн с большой осторожностью принялся за проповедь. Сначала он изучал обычаи того или иного народа, их традиционные верования и, главное, язык. И таких народов было больше десяти: кадьяки, якуты, эскимосы, чукчи, коряки, эвенки, индейцы, алеуты и другие. Так, например, когда 19 июля 1859 года впервые было совершено богослужение на якутском языке в новом Троицком соборе, это событие до того растрогало якутов, что старшины их родов от лица всего народа представили миссионеру просьбу, чтобы день этот навсегда стал праздничным. В деле миссии отец Иоанн старался действовать убеждением и любовью. Он терпеливо ждал добровольного желания туземцев креститься. Для их детей он устраивал школы, в которых преподавал им же придуманный алфавит и грамматику, основы христи-

анской веры, а также обучал их основам медицины, кузнечному и плотницкому ремеслам, сельскому хозяйству.

Кроме непосредственно миссионерства, отец Иоанн наблюдал за своей паствой, исследовал их нравы, характер, собирал песни и легенды, занимался изучением местной природы. Его труды по географии, этнографии, биологии и языкознанию послужили серьезным вкладом не только в российскую, но и в мировую науку.

Около года потратил отец Иоанн на путь от своего дома на острове Уналашка до Санкт-Петербурга. Отправив свою жену и уже семерых детей на родину в Иркутск, он приехал в столицу для решения вопросов миссии. Однако ожидаемые ответы затягивались. Прошло полгода, из Иркутска пришло известие о смерти жены. Тяжко поразило его это горе. Митрополит Филарет, утешая миссионера, убеждал принять монашество. Но отец Иоанн согласился на этот шаг лишь после того, как были устроены его дети. Митрополит Филарет сам постриг его в монашество с именем Иннокентий. А через несколько дней состоялось посвящение Иннокентия во епископа Камчатского, Курильского и Алеутского.

Во время управления епархией святитель Иннокентий практически непрерывно путешествовал по ней или морем, или на собаках. Он преодолевал по пять тысяч верст, находясь в пути порой более месяца под открытым небом. Кроме его неустанной деятельности на пользу Церкви, святитель отстаивал и интересы Российского государства. При его содействии окончательно была определена граница, и Амур был присоединен к России. Правительство очень высоко оценило этот труд, предоставив Иннокентию право назвать город, основанный на берегах этой реки, и святитель назвал его Благовещенск — в память Благовещенской церкви

Иркутска, где он начинал свое служение.

Ему было уже более семидесяти лет, когда он был назначен на Московскую кафедру. Несмотря на это, его одиннадцатилетнее служение в сане митрополита Московского носило тот же деятельный характер и оставило заметный след в истории Москвы.

Умирая, святитель Иннокентий просил: «При погребении моем речей не надо, в них много похвал. Бог видит, как мне тяжело, когда меня за что-либо хвалят... Я желал бы, чтобы нигде не упоминалось мое имя, кроме перечней и поминаний...» Скончался святитель Иннокентий в 1879 году.

1997 год, год 200-летия со дня рождения апостола Сибири и Аляски, был объявлен ЮНЕСКО годом святителя Иннокентия. Во всем мире чествовали выдающегося православного миссионера, талантливого просветителя и ученого.

М.В. Первушин

Святитель Филарет (Амфитеатров), митрополит Киевский

Святитель Филарет был одной из ключевых фигур в истории Русской Церкви первой половины XIX века. Он известен как выдающийся церковный администратор, крупный ученый-богослов, действительный член Императорской Академии наук, четырех духовных академий, а также трех университетов — Киевского, Московского и Казанского.

Будущий митрополит Филарет родился 17 апреля 1779 года в Орловской губернии в большой священнической семье и был назван Федором. В детстве он отличался очень слабым здоровьем и большую часть времени проводил не со сверстниками во дворе, а с отцом в храме или с дедом за книжками. Федор рано

выучился читать. Ко времени поступления в школу он самостоятельно прошел весь курс первого года обучения, и его приняли сразу во второй класс. Затем он поступил и блестяще учился в Севской духовной семинарии. Перед ее окончанием восемнадцатилетний Федор подал прошение о пострижении в монашество. Его прошение было удовлетворено, и как лучший выпускник семинарии, новопостриженный монах Филарет был оставлен в семинарии в качестве преподавателя. Уже через пять лет он назначается ее ректором.

Молодой ректор никогда не заботился о своей репутации перед епархиальным начальством. Он действовал всегда решительно, не боясь отрицательных последствий, которые не замедлили появиться. В результате клеветы завистников отношение к нему епархиального епископа изменилось в худшую сторону. Несправедливые притеснения со стороны духовного начальства стали тяжелым испытанием для Филарета. Он терпеливо сносил все обиды и унижения, но, в конце концов, у него появилась мысль оставить все, удалиться в отдаленный монастырь и, скрыв свой сан, начать жизнь простого инока. Однако слухи о конфликте дошли до Синода, и архимандрит Филарет, не успев воплотить свою мысль в жизнь, был переведен в Тобольск «для испытания». Тобольский епископ был поражен смирением и административной мудростью вновь прибывшего «скандального» архимандрита. В своих донесениях Синоду о характере и поведении Филарета архиерей называл его «не человеком, а ангелом во плоти». Благодаря таким отзывам Филарет был назначен инспектором в Московскую Духовную Академию, а через год стал ее ректором. Он был и наставником, и преподавателем, и настоящим отцом для своих воспитанников. Его лекции отличались краткостью, ясностью и доступностью,

а воспитательные меры, которые он применял к провинившимся студентам, почти всегда имели положительный результат. Он не наказывал их, а действовал исключительно любовью и личным примером, пытаясь к каждому найти свой подход. Один из студентов, учившихся при Филарете, вспоминал: «Мы повадились воровать яблоки из ректорского сада... И один раз так увлеклись, что не заметили, как появился ректор. Узнав его, мы все точно окаменели и не могли двинуться. “Что же вы замерли, скорее собирайте, пока не пришел садовник”, — сказал Филарет, помогая одному из нас прятать яблоки за пазуху. “А теперь бегите скорее, а то и вам, и мне достанется,” — добавил он, уходя навстречу появившемуся садовнику. Мы все кинулись врассыпную. Затем несколько дней вся наша компания была страшно смущена. От стыда и боязни расплаты мы не знали, куда себя деть. На четвертый день после происшествия всю нашу компанию собрали в отдельной комнате... и вместо наказания вдруг принесли целое блюдо разных плодов с большой чашкой меда. “От ректора”, — сказал посыльный. “По какому же это случаю?” — перешептывались мы, радостно и робко принимая щедрый подарок. Но случая никакого не было, кроме того, о котором мы одни знали и помалкивали. Эти ректорские яблоки, груши и сливы мы ели со слезами раскаяния. С тех пор нам даже стыдно было заходить в ректорский сад, а наказание это было столь памятно, что уже прошло более двадцати лет, а я до сих пор краснею, вспоминая этот случай». Филаретовские воспитанники так впоследствии отзывались о своем ректоре: «Управление его в Академии было истинно отеческое, мы были для него — дети родные».

О высокой оценке ректорской деятельности архимандрита Филарета свидетельствовал и тот факт, что за четыре года ректорства он 6 раз был

удостоен различных наград и поощрений. Безусловно заслуженная им докторская степень по богословию была присуждена ему не только за научные труды, но также, согласно формулировке, «за безукоризненный образ жизни».

И действительно, его личная подвижническая жизнь была примером, достойным подражания. Строгий к себе во всем, особенно в образе жизни, он в отношении к другим был весьма снисходителен и милостив и прибегал к строгим мерам только в исключительных случаях. Современники отмечают не только искреннее благочестие Филарета, но и его необыкновенную доброту. Его нищелюбие вошло в пословицу. Его называли не иначе, как «Филаретом милостивым». Он не делал никаких сбережений, а все, что имел, раздавал неимущим, оставаясь, порой без копейки. Получив назначение на епархию, Филарет не мог выехать из-за отсутствия средств и вынужден был занимать деньги на дорогу.

До назначения его митрополитом в Киев владыка Филарет сменил четыре епархии. Однако древней Киевской кафедрой он управлял более 20 лет, пользуясь известностью не только в России, но и за рубежом. «Так детски чист и прост был этот добрейший человек, — пишет Николай Лесков со слов современника владыки, — что всякая мелочь из воспоминаний о нем наполняет душу приятнейшею теплотою настоящего добра, которое как будто с ним родилось, жило с ним и... с ним умерло... Для людей, знавших Филарета, еще долго будет казаться, что нет другого такого человека, который был бы так подчинен кроткому добротолوبию, не по теории, не в силу морали воспитания, а именно подчинялся этому требованию органически. Он родился со своею добротой, как фиалка со своим запахом, и эта доброта была его природою».

Русская духовная миссия в Иерусалиме

Епископ Порфирий (Успенский)

Знаменитый востоковед, филолог, историк, философ, археолог епископ Порфирий (Успенский) был одним из великих русских ученых-энциклопедистов XIX века. Родился будущий епископ, по его выражению, «в смиренной Костроме» в 1804 году и в крещении был назван Константином. Его отец занимал скромное положение псаломщика соборного храма. Впоследствии Порфирий с особой теплотой вспоминал свою семью, в которой он научился «доброте, терпению, любви к Богу и людям». «Моя мать, — пишет Порфирий, — научила меня молиться Богу, как молилась сама, сердечно и благоговейно. С тех пор и всю жизнь сладость молитвы была любимой сладостью души моей». С раннего детства он особенно полюбил церковную живопись. В старинных храмах Костромы лики святых «не столько пугали меня, — вспоминает Порфирий, — сколько предостерегали от шалостей; как взгляну на них, а они так и смотрят на меня грозно. Я забегу в одну сторону, а глаза святых будто поворачиваются за мной; я — в другую сторону, а они и там видят меня. Я закрою свои глазенки, и мне слышится, что они говорят: “Смотри же, Костя, не шали, учись и будь умен, да молись Богу и слушайся отца и мать”». Родной семье владыка Порфирий посвящает немало страниц своих воспоминаний, проникнутых сыновней любовью и глубокой благодарностью. В трудные минуты жизни он всегда спешил на родину, в семью, чтобы отдохнуть душой.

Константин Успенский учился в Костромской семинарии, а затем в Петербургской Духовной Акаде-

мии. На последнем курсе он принял монашество с именем Порфирий. «В академической церкви облекли меня, еще молодого, — рассказывал епископ Порфирий, — в мантию... Я охотно омонашил на двадцать пятом году от рождения в неприкосновенной девственной чистоте... — и, шутя, добавлял, — полюбил я веру. Эта красная девица весьма степенна, строга, целомудренна и возвышенна. Житье с ней спокойно, приятно и полезно».

После окончания Академии начались его профессорско-преподавательские труды. Он учительствовал в Петербурге, Одессе, Киеве, Херсонесе. Был удостоен степени магистра богословия. Киевская Духовная Академия выбрала его членом-корреспондентом, ученый совет Московского университета присвоил ему степень доктора философии, Новороссийский университет избрал его своим почетным членом.

Где бы ни был владыка Порфирий, он нигде не оставлял свои научные труды. В 1841 году его назначают настоятелем русского храма в Вене. Не теряя времени, он садится за изучение немецкого языка, хотя уже прекрасно знает греческий, латынь, итальянский и французский. Организованная им научная экспедиция в Далмацию принесла множество научных открытий в изучении быта и письменности юго-западных славян.

Два года спустя, согласно решению Святейшего Синода, Порфирия направляют в Иерусалим для ознакомления с жизнью православных христиан в Палестине и Сирии. «Восточные» годы Порфирия ознаменовались новыми исследованиями и научными экспедициями, принесшими ему мировую известность. Ученый монах уже в первый месяц пребывания в Святой Земле пришел к мысли о необходимости создания постоянной духовной миссии в Иерусалиме. «Я плакал при обозрении здешних православ-

ных храмов, — с болью пишет Порфирий в Петербург, — все они находятся в столь жалком положении, содержатся в такой неопрятности и нищете и не имеют почти ничего похожего на дом Божий... Священники так темны и так нерадивы к исполнению своих обязанностей, их положение принижено и убого... Нет более или менее благоустроенных школ для обучения грамоте... Многие легко отступают от Православия вследствие недоверия к греческому духовенству и неблагоприятного поведения последнего...» В Петербурге прохладно отнеслись к идее открытия Русской духовной миссии в Иерусалиме, но Порфирий добился своего. В 1847 году высочайшей резолюцией императора Николая I миссия была учреждена.

Любовь Порфирия к христианам Востока была взаимной. Так, подъезжая к Иерусалиму уже в качестве главы Русской миссии, первое, что он увидел, была толпа встречающих. Казалось, все местное духовенство во главе с представителем Иерусалимского патриарха, все русские паломники и множество простого народа вышли навстречу посланнику Русской Церкви. Все их надежды на улучшение жизни были связаны с Русской миссией, и Порфирий «не только оправдал, но даже превзошел все ожидания». Благодаря ему были открыты несколько греко-арабских училищ, духовная семинария для образования сельских священников. Причем попечителем всех патриарших учебных заведений стал начальник Русской миссии. По инициативе Порфирия была открыта типография для издания книг как на греческом, так и на арабском языках для православных арабов, которая имела огромное значение в деле просвещения арабского населения Святой Земли.

Начавшаяся в 1853 году Крымская война, в которую вступила и Россия за интересы Православия на Ближнем Востоке, вынудила Порфирия вернуться

в Петербург. В первые годы по возвращении из Иерусалима он плодотворно работает над научными трудами, обобщающими его богатейший опыт исследований христианского Востока. Многие труды самого епископа до сих пор остаются неизданными. «Едва ли когда увидит свет все то, что собрал он в книжных сокровищницах Востока, — пишет о нем один известный историк, — можно только удивляться, каким образом один человек, без всяких помощников, со скудными материальными средствами успел столько поработать». Его рукописные и печатные труды поражают широтой кругозора и энциклопедическим обилием сообщений и изысканий. В то же время Порфирий был искренним и правдивым человеком. Он не терпел неправду, смело выступая с ее обличением, что доставило ему много неприятностей.

Епископ Порфирий прожил долгую, наполненную трудами жизнь. Скончался он в 1885 году. «Где бы он ни был, чем бы он ни был занят, его жизнь, его мысль, его душа живет в России и для России, и для Церкви Российской», — говорилось в прощальном слове. Да и сам владыка Порфирий, путешествуя по Востоку в течение 15 лет, так писал о себе: «Для чего я странствую так долго? Для того, чтобы подобно пчеле принести прекрасный мед в родной улей, — я пчела Божия, а Россия — мой улей».

Архимандрит Антонин (Капустин)

Родился будущий архимандрит в 1817 году в семье потомственного священника и был назван Андреем. Его судьба в детстве и юности была схожа с тысячами судеб детей духовенства того времени. В девять лет отец Андрея определил его в местное духовное училище, где, как он сам потом вспоминал, «вдоволь отведал розг, латыни и березовой каши». После училища

Андрей поступил в духовную семинарию, где на должности ректора был его дядя — архимандрит Иона.

В семинарии раскрылись многие таланты Андрея, и особенно его склонность к греческому языку. Впоследствии, уже будучи архимандритом, он признавался: «Я часто ловлю себя на том, что невольно думаю по-гречески». Многие греки отмечали, что архимандрит Антонин знает греческий язык, как ни один природный грек. Кроме любви к греческому, интересы Андрея были очень разносторонними. Так, однажды ректору донесли, что его племянник завел себе трубу-телескоп и в ясные ночи тайком забирается с ней на крышу. Вызванный к ректору, Андрей отрицать ничего не стал и честно признался, что давно уже питает слабость к наблюдательной астрономии. Дядя сурово нахмурился. «Дурь это все! — сказал он. — Ты не телесные очи в небо вперяй, а духовные... Царства Божия в стекляшки не высмотришь!» Андрей и рисовал, и играл на гуслях, и писал стихи. Впрочем, поэтичность была свойственна не только Андрею, но многим из рода Капустиных. Вот как шутливо писал об этом будущий архимандрит:

Стихотворства злое семя
Все капустинское племя
Заразило с давних лет...
Стихотворцем был мой дед.
На него отчасти глядя,
Рифмы плел Иона-дядя...
Мучась страстию вранья,
Им вослед пошел и я...

Тот самый Капустин-дядя, ректор духовной семинарии, стал и первым судьей молодого поэта. Прочитав сборник стихов Андрея «На седмицу Страстей Христовых», ректор наложил резолюцию: «Стихи твои Христу и Спасу подобны молодому квасу». Эта

«страсть к стихотворству», так шутя называл свое увлечение сам архимандрит, не покидала его до самой смерти. Однако не только стихотворство было свойственно всем Капустиным. Например, уже будучи архимандритом, отец Антонин все свои письма запечатывал особой печаткой, на которой имелось изображение капустного кочана и надпись-девиз: «Не вкусен, да здоров». Их добрый юмор не только к своим недостаткам, но и достижениям располагали к себе, а теплое и внимательное отношение к немощам других вызывало чувство благодарности. Во многом эти качества стали залогом успешного, но непростого служения будущего архимандрита вдали от родины.

Закончив семинарский курс, Андрей Капустин поступил в Киевскую Духовную Академию. После окончания остался преподавать в ней. В ней же постригся в монашество с именем Антонин. «Моя жизнь, — сообщал он близкому другу вскоре после пострига, — несколько изменилась, хотя, к сожалению, не радикально... Живу, как и прочие наши иеромонахи: пью, ем, сплю, иногда молюсь, часто читаю, еще чаще пишу и всегда грешу...»

По-настоящему радикально жизнь его изменилась в 1850 году, когда он был назначен на должность настоятеля русской посольской церкви в Афинах. Уже в самом начале своего пребывания в Греции молодой иеромонах Антонин писал в своем дневнике: «Не могу устоять против влекущей силы древности. Встречаясь с нею где бы то ни было, я точно вижу колыбель свою... Я вдруг осознал, что прежние тридцать лет моего ученичества и учительства, семинарских розог и академических штудий были лишь подготовлением к тому главному, которое непременно должно состояться где-то здесь, на Востоке, на землях когда-то единой православной Вселенной...» Прошло десять лет, и не ведомый никому «ученый монах»

сделался среди русских и греческих византологов личностью известной и уважаемой. Четыре научных общества почли за честь избрать его своим действительным членом, его книга о древних афинских надписях произвела в научных кругах России и Европы подлинную сенсацию, его статьи переводились на многие языки. И до сих пор труды его являются ценнейшим источником сведений по археологии и истории.

Уже архимандритом отца Антонина переводят сначала в Константинополь в посольскую церковь, а затем назначают временно заведующим Русской духовной миссией в Иерусалиме. В то время Миссия терпела множество нестроений. Руководство над ней было яблоком раздора между Синодом, Министерством иностранных дел, Русским палестинским комитетом и Иерусалимской патриархией. Не знал отец Антонин, что его «временное» назначение затянется почти на 30 лет и станет последним и главным делом его жизни. Благодаря замечательным качествам своего характера, обаянию и уму он не стал очередной жертвой интриг, а сумел примирить и расположить к себе все противоборствующие стороны. Не обошлось и без завистников, которые обвиняли архимандрита во многих грехах, писали кляузы, памфлеты и даже романы про начальника Миссии. Однако природный «капустинский» юмор не давал унывать отцу Антонину и помогал направлять свою деятельность на то, что могло бы действительно принести пользу Церкви, Отечеству и исторической науке.

Его имя неразрывно связано с русскими землями в Палестине, с археологическими раскопками, на них проведенными, с прекрасными храмами, подворьями, школами и приютами, построенными на этих землях. Самой первой покупкой отца Антонина стал участок со знаменитым Мамврийским дубом, возле

которого праотец Авраам принимал Бога в образе трех странников. Именно этот дуб стал неременной частью всех Троических икон. А затем приобретениями стали и вершина Елеонской горы, место вознесения Спасителя, и участок земли евангельской «Горней», где произошла встреча Пресвятой Богородицы с праведной Елисаветой, и участок в Яффе, который получил название «Золотой жемчужины Миссии» за красоту садов, и имения под Вифлеемом, в Тивериаде, на Иордане, в Силоаме, в Назарете, в Кане Галилейской... Около 40 участков общей площадью 50 гектар и стоимостью до миллиона рублей золотом. «Я, — писал архимандрит, — ограничился одним, чисто паломническим значением своей Миссии и нашел способ путем территориальных приобретений поставить ее крепче..., чем когда бы то ни было в другое время».

Именно ему мы обязаны и тем, что сегодня имеем возможность видеть и «судные врата», через которые проходил Спаситель, когда Его вели на Голгофу, и многочисленные базилики времен императора Константина. Его сочинения, регулярно выходившие в российской печати, монографии, дневники, его библиотека и музей говорят о неординарном человеке, достойном представителе русского богословия и русской науки.

Архимандрит Антонин (Капустин) скончался в 1894 году. Его похоронили «в самой близости к небу» — на Елеонской горе. Более 40 лет он прожил вне пределов России, но все его труды были направлены к прославлению своей родины. Перед смертью он завещал: «Все приобретенные на мое имя земельные участки в Палестине... оставляю в собственность Синода, если же таковой перестанет существовать, то земли эти делаются достоянием всех православных русских людей».

Паломничество на Святую Землю в XIX веке

В современном русском языке словом «паломник» называют человека, который совершает путешествие ради поклонения какому-либо святому месту. Однако само слово «паломник» происходит от слова «пальмовник» и обозначает человека с пальмовой ветвью в руке. Именно так называли тех, кто побывал на поклонении у Гроба Господня в Иерусалиме. Многие паломники возвращались со Святой Земли с пальмовыми ветвями — знаком свидетельства своего паломничества.

Богословами признается тот факт, что на земле есть места, особо выделенные Божиим Промыслом и указанные Им человеку. И Палестина — первая среди этих мест. Все ключевые события библейской истории «венчаются Иерусалимом». Это город подлинных свидетельств священной истории, которые можно увидеть и потрогать. «Здесь, — пишет со Святой Земли один из паломников, — прошлое превращается в настоящее. И уже не история, а священная реальность пронизывает каждое движение верующей души». Именно поэтому Святую Землю иногда называют пятым Евангелием — там все благовествует о Христе и евангельское слово становится зримым.

В России паломничество появилось вместе с принятием христианства. Известно, что уже в XI веке русские люди совершали полные тягот и опасностей путешествия ко Гробу Господню. С тех пор установилась прочная связь Руси со Святой Землей, и связь эта, по словам историка, была «чисто народной, шедшей из самых глубинных недр его, превратившись в

важную и глубоко почитаемую традицию русского Православия». Паломничество никогда не было обязательным, его не требовала ни Церковь, ни общественное мнение, это не было и чем-то выдающимся. Каждый православный просто считал своим долгом хотя бы раз в жизни прикоснуться к великой святыне, чтобы очистить и напитать свой внутренний храм, получить силы для духовной жизни. И не было деревни или села на Руси, из которых не ходил бы кто-нибудь на богомолье в Иерусалим. Паломническая традиция захватывала и высшее сословие русского общества. Известны паломнические поездки русских князей и княгинь ко Гробу Господню. Среди посетивших Святую Землю были и известные русские писатели Николай Гоголь, Петр Вяземский, Андрей Муравьев и другие.

За всю историю Русской Церкви паломническая традиция приостанавливалась дважды: первый раз в XIII веке в результате монгольского нашествия, и второй — в XX веке в советский период ее истории. Однако своего расцвета паломническая традиция достигает в веке XIX. В этом немалую роль сыграло создание в 1882 году по инициативе русского государя Императорского православного палестинского общества. Основными задачами общества стали поддержка православного русского паломничества на Святую Землю, сотрудничество со странами Ближнего Востока, научная и просветительская работа. В то же время обществом были открыты около ста школ в Сирии, Ливане и Палестине, преподавание в которых велось на арабском языке. К концу столетия в большинстве епархий Русской Православной Церкви были открыты отделения Палестинского общества, а число паломников возросло в несколько десятков раз. К 1914 году паломничество становится религиозно-нравственным порывом всего русского народа.

Из России ежегодно отправлялось во Святой Град до 70 тысяч паломников.

В Иерусалиме на огромном участке земли для русских паломников был построен огороженный стеной город «аль-Москобийя», или «Московия», со своей автономной инфраструктурой. Из-за огромного количества русских богомольцев городские власти Иерусалима приняли решение пробить в стенах Старого города «Новые», или «Русские», ворота, после чего была упразднена многовековая практика запираания дверей Старого города. Благодаря Палестинскому обществу в конце XIX столетия была отменена необходимость получения турецкого паспорта для русских паломников, что существенно облегчало их приезд в Святую Землю. Тогда же возникло новое наднациональное понятие «Русская Палестина».

Вот как описывает один из жителей Иерусалима дни христианских праздников: «На всех улицах слышится русская речь, везде виднеются русские лица, русские костюмы; продавцы различной снеди, погонщики ослов и даже нищие — все стараются в это время говорить по-русски... В храме Гроба Господня русские паломники образовали самостоятельный хор. Греческое духовенство сначала противилось этому, но потом не только допустило употребление славянского языка, но и само стало произносить на нем возгласы и молитвословия. И примером для них был Иерусалимский Патриарх Никодим, который первым стал произносить за богослужением возгласы и молитвы по-славянски». Многие отмечали удивительное благочестие русских паломников. Так, некоторые, например, будучи даже больными, отказывались пользоваться повозками для путешествий по Святой Земле, «по которой Сам Господь ходил пешком». Другие, узнав о смерти во время несчастного случая нескольких своих соотечественников, говорили: «Мы

можем лишь радоваться за них. Ведь Господь удостоил их такого блага, как умереть на Святой Земле. И печалимся только об одном, что не мы это были». В конце XIX века корреспондент французской газеты, наблюдавший русских в Иерусалиме, писал: «Народ, умеющий так молиться, имеет великое будущее».

История паломничества имеет много ярких страниц — это история стремления к святости, история подвижничества. Паломничество — это духовный труд, и плод его тоже духовный. Те, кто совершил паломничество, ощущали в себе разительные перемены. Вот что вспоминает о Гоголе его сестра: «Прежде, до паломничества, одна ирония колола и жгла окружающих, его боялись. Теперь он добр, мягок, снисходителен и братски сочувствует людям. Он дышит христианством». А один из друзей писателя, ездивший после смерти Гоголя к нему на родину, рассказывает: «Местные крестьяне не хотели верить, что их барин умер. Среди них родилось предание о том, что похоронен был кто-то другой, а барин их будто бы уехал в Иерусалим и там молится за них».

Для верующего русского человека Святая Земля — не просто совокупность исторических и географических понятий, а священный образ, объединяющий основные идеи русского православного сознания.

М.В. Первушин

Русский богослов-мирянин Алексей Хомяков

Вплоть до середины XIX века русская богословская школа во многом зависела от западного схоластического богословия. В середине столетия наметились тенденции к освобождению от этой зависимости. Такие перемены в русском богословии были обязаны

прежде всего трудам Алексея Степановича Хомякова. Сельский помещик и бывший капитан кавалерии, Хомяков принадлежал к традиции богословов-мирян, которая всегда существовала в Православии, особенно в допетровской Руси.

Алексей Степанович Хомяков родился 1 мая 1804 года в Москве. Он принадлежал к старинному русскому дворянству. Его отец был типичный русский помещик, человек образованный, но полный барских недостатков и слабостей. Мать — женщина суровая, религиозная, с характером и дисциплиной. Именно она оказала на жизнь Алексея Степановича особенное влияние. «Я обязан ей, — писал он потом, — и своим направлением, и своей неуклончивостью в этом направлении». Его цельная натура проявилась уже в детстве. Вот что пишет о своем воспитатнике учитель Алексея Степановича: «В физическом, нравственном и духовном воспитании Хомяков был как монолит». «Когда нас с братом, — вспоминает сам Хомяков, — привезли в Петербург, нам всерьез показалось, что мы в языческом городе. И тогда мы решили, что если нас будут заставлять переменить веру, мы лучше претерпим мучения, чем примем чужой закон. А нам и было-то всего около десяти лет от роду». В семнадцать Алексей пытался бежать из дому, чтобы принять участие в войне за освобождение православной Греции. Он купил сапожный нож, прихватил с собой небольшую сумму денег и тайком ушел из дому. Его поймали спустя несколько дней на Серпуховской дороге и вернули домой. Он попадет на войну только спустя 7 лет в составе лейб-гвардии гусарского полка. По словам современников, Хомяков как офицер отличался «холодною блестящею храбростью». У него было веселое и вместе с тем человеческое отношение к бою. Алексей пишет в то время матери: «Я был в атаке, но хоть и замахнулся,

рубить бегущего неприятеля не решился, чему теперь очень рад».

Алексей Степанович был необыкновенно одаренным от природы человеком. Его многогранность поражает. Во всех сферах жизни и мысли он оставил заметный след. И все, что он делал, — делал хорошо. Он, будучи замечательным охотником, изобретает ружье, которое бьет дальше обыкновенных ружей, и пишет статьи о разведении гончих и лошадей. Он изобретает сельскохозяйственную машину — сеялку, за которую получает патент и первое место на Всемирной выставке в Англии. Он устраивает винокуренный завод и предлагает новые способы сахароварения. Он лечит гомеопатией все болезни на несколько верст в округе и изобретает новое средство от холеры. Он улучшает быт крестьян и, имея художественное дарование, пишет иконы для парижской церкви. Один из современников писал о Хомякове:

Поэт, механик и филолог,
Врач, живописец и теолог.
Общины русской публицист,
Ты мудр, как змей, как голубь, чист.

И в отношении к Церкви у Алексея Степановича Хомякова не было ничего «расслабленного, колеблющегося, неверного». «Хомяков родился на свет Божий религиозно готовым, церковным, твердым, и через всю свою жизнь он пронес свою веру и свою верность, — пишет историк. — Он единственный человек своей эпохи, не подвергшийся всеобщему увлечению философией, не подчинивший ей свою веру». Всю свою жизнь он, соблюдая все предписания и уставы Православной Церкви, не боялся быть смешным в глазах общества, безучастного и равнодушного к вере. Наоборот, многих духовное влияние Хомякова освободило от философского рационализма и привело

к Церкви. «Все ищущие и сомневающиеся, — вспоминает дочь Алексея Степановича, — собирались у отца, приезжали к нему в деревню, говорили с ним целые дни и ночи и уходили от него укрепленными, направленными на путь истины...»

Богословская гениальность Хомякова сделала его одним из немногих оригинальных богословов Русской Церкви. В предисловии к его богословским сочинениям ученик и друг Хомякова славянофил Самарин пишет: «В былые времена тех, кто сослужил православному миру такую службу, какую сослужил ему Хомяков, кому удавалось одержать для Церкви над тем или иным заблуждением решительную победу, тех называли учителями Церкви». Особое внимание Хомяков в своих богословских трудах уделял учению о Церкви, ее единстве и авторитете. Он описывает реальность Церкви как очевидец. В его трудах Церковь открывается изнутри, через его опыт жизни в ней. «Христианство познаваемо только изнутри» — это был призыв вернуться на «забытый путь опытного богопознания». Именно этот опытный характер богословия ценили и ценят последующие поколения у Хомякова. Именно в этом его историческая значимость. При жизни Хомяков почти не оказал влияния на богословскую мысль. Богословские сочинения Хомякова были изданы впервые только после его смерти. А в богословский обиход они стали входить еще позже. Но уже к концу XIX века его богословие стало достоянием всего русского Православия.

Алексей Степанович Хомяков умер 23 сентября 1860 года. Осталась записка соседа по имени о его последних минутах: «Когда силы больного стали утрачиваться, Алексею Степановичу предложили собороваться. Он принял предложение с радостной улыбкой: “Очень, очень рад”. Во время совершения Таинства он держал в руках свечу, шепотом повто-

рял молитву и творил крестное знамение. На время ему стало полегче: “Посмотрите, как вы согрелись и глаза просветлели”. “А завтра как будут светлы!” — это были последние слова усопшего. За несколько секунд до кончины он твердо и вполне сознательно осенил себя крестным знамением». По словам Герцена, Хомяков всю жизнь был «подобен средневековым рыцарям, стерегущим храм Богородицы, спал вооруженным, в любой момент дня и ночи готовый стать во всеоружии на защиту Православной Церкви».

М.В. Первушин

Федор Михайлович Достоевский

Свой первый роман Достоевский написал, когда ему едва исполнилось двадцать лет. Известный литературный критик Белинский, восхищенный этим произведением, сказал автору: «Да Вы понимаете ли сами-то ... что Вы такое написали! Не может быть, чтобы Вы, в ваши двадцать лет, уже это понимали... Вам правда открыта... как художнику, досталась как дар, цените же Ваш дар и... будете великим писателем!» Чуть позже Белинский пророчески записал: «Достоевскому суждено играть в нашей литературе одну из таких ролей, какие даются слишком немногим». И действительно, его творчество стало эпохой в развитии не только русской, но и мировой литературы, переворотом, который часто сравнивают с открытиями Менделеева или Эйнштейна в науке. Воздействие Достоевского на культурную жизнь следующего за ним XX века, на эволюцию философской мысли человечества огромно. Влияние Достоевского испытывали многие выдающиеся писатели современности, и не только писатели. Кстати, сам Эйнштейн утверждал: «Достоевский дал мне больше, чем многие науч-

ные труды, чем любой другой мыслитель... На формулировку теории относительности меня натолкнули лишь двое — Достоевский и Моцарт». «Он сделал духовную сущность личности предметом эстетического созерцания» — так определяют суть открытия Достоевского современные литературоведы.

Родился Федор Михайлович в 1821 году в Москве. Отец будущего писателя был отставным военным лекарем, участвовавшим в Отечественной войне 1812 года и получившим звание потомственного дворянина. Кроме Федора, в семье Достоевских было еще шестеро детей. Он рано потерял мать и по воле отца был послан в Петербург в военно-инженерное училище. Вот как вспоминает годы учебы Достоевского один из его приятелей по училищу: «Во всем училище не было воспитанника, который бы так мало подходил к военной выправке, как Федор. Мундир, ранец, ружье... — все это на нем казалось какими-то веригами, которые временно он был обязан носить и которые его тяготили. Он уже тогда был сосредоточен в себе, не принимал участия в играх, искал уединенного места... Во время отдыха его всегда можно было застать с книгой». В училище вокруг Достоевского образуется литературный кружок, а после завершения учебы он подает в отставку, чтобы всецело посвятить себя литературе.

Однако вскоре Достоевскому пришлось на время приостановить свою литературную деятельность. Он был арестован по подозрению в заговоре против правительства. Аресту предшествовало участие Федора Михайловича в кружке петрашевцев. На их еженедельных собраниях обсуждались злободневные вопросы общественной и политической жизни России. Как и многие в кружке, Достоевский был сторонником отмены цензуры и крепостного права. Однако в отличие от остальных петрашевцев он выступал про-

тив насильственного свержения правительства. Во время следствия Федор Михайлович проявил немалое мужество, скрывая многие факты и стремясь по возможности смягчить вину своих товарищей. Суд признал Достоевского виновным и приговорил «лишить всех чинов, прав, состояния и подвергнуть смертной казни расстрелянием». На приговоре император Николай I написал: «Помиловать» — и устно добавил: «Объявить об этом лишь в ту минуту, когда все будет готово к исполнению казни». Инсценировка смертной казни состоялась 22 декабря 1849 года. Позже Федор Михайлович вспоминал: «Все мы, осужденные тогда, вынесли, по крайней мере, десять ужасных, безмерно страшных минут ожидания смерти». Окончательный же приговор гласил: «В Сибирь на каторгу».

Лишь через десять лет Достоевский возвращается в Петербург и с новым порывом берется за работу. Сравнивая свое стремление к работе с жизнью на каторге, Достоевский писал: «Там, в Сибири, работа и жизнь были сноснее моей теперешней. Здесь я тружусь, не переставая, буквально дни и ночи, забывая о сне и пище. Вот поистине каторжная работа, но я не могу писать сплеча, я должен писать художественно, этим я обязан Богу и читателю». Его произведения вновь начинают печатать. Именно тогда наступает расцвет его творчества. О годах, проведенных на каторге, Достоевский не жалел. По признанию самого писателя: «То время для меня не потеряно... В Сибири между разбойниками я отличил, наконец, людей. Что за чудный народ! Я узнал народ русский хорошо, и так хорошо, как, может быть, не многие знают его... И с уверенностью могу засвидетельствовать, что христианство есть единственное убежище Русской земли от всех ее зол». Да и для дальнейшего творчества Достоевского требовалось

непосредственное знакомство с «живой жизнью». Писатель посещает колонии малолетних преступников, воспитательные дома сирот и беспризорных. Он едет в Оптину Пустынь, где несколько раз встречается со старцем Амвросием. «Федор Михайлович, — вспоминала жена писателя, — вынес из бесед со старцем глубокое и проникновенное впечатление». Известны и слова самого старца Амвросия о Достоевском, сказанные им после его посещения писателем: «Он из тех грешников, из которых великие праведники выходят».

В последние годы жизни популярность Достоевского растет. Он был избран в Петербургскую Академию наук, стал членом многих литературных обществ в России и за рубежом. При избрании его членом почетного комитета Международной литературной ассоциации он был назван одним «из самых прославленных представителей современной литературы». По воспоминаниям близких писателя, «его буквально засыпали письмами и визитами... Некоторые читали его с благоговением, как Священное Писание, другие смотрели на него как на духовного наставника, третьи просили его разрешить их сомнения...»

Федор Михайлович Достоевский скончался в 1881 году. Предчувствуя свою кончину, он исповедовался и причастился Святых Таин, попрощался с детьми. И сказав жене: «Не удерживай! Я знаю, я должен сегодня умереть!» — тихо скончался. «На похороны Достоевского, — писал очевидец, — стеклись десятки тысяч людей... Его хоронили не родные, не друзья — его хоронило русское общество. Все это действо сложилось под влиянием одного общего чувства утраты... По всей России откликнулись на его смерть как на огромное общественное несчастье». Такая народная любовь к Достоевскому объяснима только тем, что сам Федор Михайлович умел любить

и ценить каждого человека. Вот слова Достоевского, которые целиком характеризуют его отношение к людям: «Тот, кто желает увидеть живого Бога, пусть ищет Его не на пустом небосводе собственного разума, но в человеческой любви».

М.В. Первушин

Лев Николаевич Толстой

Великий русский писатель родился 9 сентября 1828 года в семье отставного полковника, участника Отечественной войны с Наполеоном. Лев был четвертым ребенком в большой дворянской семье. Его мать умерла, когда Толстому не было еще двух лет, а вскоре скончался и отец. Детские воспоминания всегда оставались для Толстого самыми радостными: семейные предания, первые впечатления от жизни дворянской усадьбы служили богатым материалом для его произведений. После смерти родителей семья Толстых на время переехала в Казань в дом родственницы и опекуны детей. Там же будущий писатель поступил в университет сначала на философский факультет, а затем перевелся на юридический. Однако занятия не вызывали у него живого интереса. Прочувшись неполных два года, он подал прошение об увольнении. «Ему всегда было трудно всякое навязанное другими образование, — пишет сестра писателя. — Всему, чему он в жизни выучился, — он выучился сам, вдруг, быстро и усиленным трудом».

Бросив университет, Толстой поселился в родовом поместье в Ясной Поляне. Образ его жизни в этот период часто менялся. Он то сутками готовился и сдавал экзамены, чтобы окончить обучение, то страстно отдавался музыке, то намеревался начать карьеру чиновника, то мечтал об офицерских эполетах. Религи-

озные настроения, доходившие до аскетизма, чередовались с кутежами, картами, поездками к цыганам. Веселая жизнь не замедлила оставить горький осадок в душе Толстого. В нем началась напряженная внутренняя борьба. «Разнообразнейшие умствования, — так их определил сам Лев Николаевич, — о главных вопросах нашего бытия — счастье, смерти, Боге, любви, вечности — болезненно мучили меня и выработали привычку к постоянному моральному анализу».

Убегая от мучительной борьбы с противоречиями жизни, Толстой уезжает на Кавказ и поступает на военную службу. Он участвовал во многих военных операциях, подвергаясь всем опасностям боевой жизни и проявляя редкую личную храбрость. Именно там Толстой начал писать, и его военные рассказы принесли ему всероссийскую известность. Однако отношение Льва Николаевича к литературе было второстепенным. Он писал тогда, когда хотелось писать и когда назревала потребность высказаться. В обычное же время он был светским человеком: офицером, помещиком, педагогом, мировым посредником, проповедником, но не писателем. Ни одно произведение его, говоря словами Тургенева, не «воняет литературою», то есть не вышло из книжных настроений, из литературной замкнутости. Он никогда не нуждался и в обществе литераторов. Так, войдя в кружок писателей, Толстой довольно скоро разругался с ними. «Люди эти мне опротивели, — писал впоследствии Толстой, — да и сам себе я опротивел». Все это привело Толстого к духовному кризису. Вот как он сам описывает его: «Я, счастливый человек, прятал от себя шнуры, чтобы не повеситься на перекладине между шкапами... Я сам не знал, чего хочу: я боялся жизни, стремился прочь от нее и, между тем, чего-то еще надеялся от нее получить». Чтобы найти ответы

на измучившие его вопросы и сомнения, Толстой занялся богословием, стал вести беседы со священниками и монахами, ходил к старцам в Оптину Пустынь. Однако и в вере он не мог найти себе утешения. Пускаясь в религиозные рассуждения, Толстой в конечном итоге дошел до полного отрицания христианской догматики, Таинств и общепринятых форм религиозной жизни. Он все более и более превращался из художника в проповедника. Так, в одном из писем Толстой пишет: «Люди любят меня за те пустяки вроде “Войны и мира”, которые им кажутся очень важными... Но как я счастлив, что писать подобной многословной дребедени я больше никогда не стану... Я приписываю значение совсем другим своим книгам — религиозным!»

Это неизбежно привело Церковь к необходимости указать обществу, что воззрения Льва Николаевича не совпадают с православным вероучением. Его отношения с Церковью часто воспринимаются как неравный бой героя-одиночки с государственным учреждением, каким была Православная Церковь в то время. Однако никакой борьбы не было. Все было гораздо более прозаично. Русская Православная Церковь просто с горечью констатировала факт: великий русский писатель, граф Лев Николаевич Толстой, перестал быть членом Православной Церкви. Ни в одном из храмов Российской империи не провозглашалась анафема Толстому, как это было воспринято в общественном сознании. Газеты лишь опубликовали Послание Священного Синода Русской Церкви, в котором говорилось: «Граф Толстой... явно перед всеми отрекся от... Церкви Православной и посвятил свою литературную деятельность... на распространение в народе учений, противных Христу... Посему Церковь не считает его своим членом и не может считать, доколе он не раскается и не восстановит своего общения с нею».

До самой смерти Толстой не был окончательно уверен в правильности избранного им пути. За несколько дней до кончины он встретился со своей сестрой — православной монахиней. «Граф обнял сестру, — вспоминал очевидец этих событий, — и из глаз его брызнули слезы. Около пяти минут он не мог успокоиться, рыдая на ее плече. Затем он говорил, что с радостью он надел бы подрясник и жил бы в монастыре, исполняя самые низкие и трудные дела, лишь бы не принуждали его молиться, чего он не может. На замечание сестры, что и ему бы поставили условием ничего не проповедовать и не учить, Толстой ответил: «Чему учить? Там надо учиться; в каждом встречном насельнике я видел только учителей. Да, сестра, тяжело мне теперь. Ведь 80 лет, а умирать надо!» И в этой своей двойственности Лев Николаевич был глубоко несчастен.

Поздней осенью 1910 года, ночью, тайно от семьи 82-летний Толстой покинул Ясную Поляну. В пути он заболел и вынужден был сойти с поезда на станции Астапово. Здесь, в доме начальника станции, писатель провел последние семь дней своей жизни. Он просил прислать к нему оптинского духовника. И старец приехал. Однако врачи не допустили его к Толстому, надеясь, что он поправится. Но Лев Николаевич скончался, так и не примирившись с Церковью. Его похоронили в Ясной Поляне, на краю оврага в лесу, где в детстве он вместе с братом искал «зеленую палочку», хранившую «секрет», как сделать всех людей счастливыми.

М.В. Первушин

Преподобный Амвросий Оптинский

«Небольшой монастырь в Калужской губернии —

Оптина Пустынь, — заметил один из современных иерархов, — исторически оказалась тем местом, где русская интеллигенция встретилась с Церковью. Причем встретилась не на каких-нибудь диспутах или “официальных” богослужениях, а с самой глубокой веры Христовой, исповедуемой ее старцами». Из всех оптинских старцев наиболее известным был преподобный Амвросий. Народ стекался к его келье со всех концов Российской империи. Такую известность стяжали отцу Амвросию его духовный опыт, искренняя любовь и умение указать каждому свой путь ко Христу.

Будущий старец родился 21 ноября 1812 года в Тамбовской губернии в многодетной семье сельского дьячка. Время появления на свет младенца совпало с празднованием престольного праздника. В их доме было полно народу, и матери пришлось рожать в старенькой баньке. «Как я на народ родился, так все на народе и живу», — часто говаривал отец Амвросий. В крещении он был назван Александром. С успехом пройдя курс духовного училища, Александр поступил в Тамбовскую семинарию, где стал одним из лучших учеников. Его товарищи по учебе вспоминали: «Бывало, сидишь за уроками, зубришь, а он все бегаёт. А как отвечать станет — точно по книге читает!» Обладая живым характером, добротой и остроумием, Александр всегда был душой компании, его любили товарищи и сослуживцы. И никому не могла прийти в голову мысль о его монашестве. Сам старец впоследствии так вспоминал: «Да и сам я никогда не думал идти в монастырь, но как-то раз сильно заболел. Уже и надежды на выздоровление не было. Я было попрощался с белым светом и в отчаянии дал обещание Богу: если выздоровею, непременно пойду в монастырь».

По выздоровлении Александр не забыл своего

обета, но несколько лет откладывал его исполнение. И чем больше проходило времени, тем мучительнее становились укоры совести. «Придешь домой, — вспоминал старец, — на душе беспокойно». Изнемогая от своей нерешимости, Александр пошел за советом к духовнику, а тот сказал: «Иди в Оптину и будешь опытен». Так осенью 1839 года Александр прибыл в Оптинский монастырь, где вскоре принял постриг с именем Амвросий.

В монастыре Амвросий вновь заболел. Болезнь была настолько тяжела, что навсегда подорвала его здоровье и почти приковала к постели. Он не скорбел о своей болезни, считал ее необходимым средством воспитания души, говоря: «Бог не требует от больного подвигов телесных, а только терпения со смирением и благодарения». После кончины оптинского старца Макария духовное руководство в монастыре перешло к отцу Амвросию. Нелегко было ему в болезни согласиться принять на себя старчество, но его любовь к людям была выше немощи. Отец Амвросий часто повторял: «Я слаб, но ведь у людей столько скорбей, столько скорбей!..» И он жалел каждого, приходящего к нему. С раннего утра и до позднего вечера шел к нему людской поток, не считая множества монахов и нескольких десятков писем, приходивших и отсылавшихся ежедневно. Из дня в день на протяжении 30 лет всех встречали его беззаветная любовь и забота. «Меня поразила непостижимая бездна той любви, которая была в отце Амвросии, — вспоминал первую встречу с ним знаменитый русский писатель. — И я, смотря на него, стал понимать, что значение старцев — учить людей жить счастливо и помогать им нести выпадающие на их долю тягости, в чем бы они ни состояли».

Для отца Амвросия не существовало мелочей. Он знал, что все в жизни имеет свою цену и свои последс-

твия. Не было ни одного вопроса, на который бы он не ответил с неизменным чувством добра и участия. Вот как описывает очевидец один случай: «Однажды пришла к Амвросию деревенская баба, нанятая одной помещицей пасти индюшек. Индюшки у незадачливой крестьянки гибли, и барыня хотела ее наказать. “Старец, — кричала она в слезах, — хоть ты помоги. Сил моих нет. Сама не доедаю, пуще глаз берегу их, а онидохнут. Наказать меня барыня хочет. Пожалей, родимый”. Посетителей у старца всегда было много. Поднялся общий смех. Кто-то выкрикнул: “К чему с таким делом, да к старцу?” Амвросий же ласково расспросил ее, как она кормит птиц. Дал совет, как за ними ухаживать, благословил ее и простился. Тем же, которые смеялись над бабой, он заметил, что в этих индюшках вся ее жизнь. А индюшки у бабы, что удивительно, после совета старцадохнуть-то перестали».

Каждый шел со своими нуждами и скорбями, просил выслушать его и дать ответ. И старец, совершенно забывая себя, не имел и минуты покоя за весь день. С утра до позднего вечера продолжался прием посетителей. Амвросий жил для мира, зная, что в мире много жаждущих Христовой любви. Особенно старец жалел грешников, понимая, что нужно ненавидеть сам грех, а не человека, больного грехом. «Такого человека, — говорил старец, — надо пожалеть, как жалеют человека, больного телесно. Именно такие грешные души заслуживают большего внимания и участия». Уверенность в том, что он не обидит, защитит, пожалеет, особенно влекла к нему страждущих, вселяя в них желание исправиться.

Преподобный Амвросий никогда не позволял себе пустого слова и говорил лишь в целях исправления и назидания. На насущный вопрос: «Как жить?» — он давал шуточные ответы: «Нужно жить нелицемерно

и вести себя примерно, тогда дело наше будет верно, а иначе будет скверно». Или: «Жить — не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать, и всем мое почтение». «Мы должны, — говорил старец, — жить на земле так, как колесо вертится: чуть только одной точкой касается земли, а остальными непременно стремится вверх; а мы же как ляжем на землю, так и встать не можем».

Скончался преподобный Амвросий в 1891 году. На его надгробии были написаны слова апостола Павла: «Для всех был всем, чтобы спасти хотя бы некоторых». Слова эти точно выражают смысл жизненного подвига старца. «В его образе было столько обаятельной силы, что достаточно было только увидеть его, чтобы испытать невыразимое счастье. Если вы знали его, то воспоминание о нем, конечно, самое светлое, не повторяющееся воспоминание вашей жизни. Он был ярким воплощением заповеди о всепрощающей, безграничной любви».

М.В. Первушин

Монах Климент (Константин Николаевич Леонтьев)

Константин Николаевич Леонтьев — один из выдающихся оригинальных русских мыслителей, философ, публицист, культуролог, литератор, дипломат... Его необыкновенно насыщенная и трагичная судьба, уникальная личность, философское наследие, литературные произведения и своеобразные общественно-политические взгляды притягивали и притягивают умы и сердца как единомышленников, так и противников. Вот как пишет о русском мыслителе один из исследователей его жизни: «Иногда жизненный путь Константина Николаевича поразительно напоминает

калейдоскоп, стеклышки которого по воле играющего складываются в причудливые, то прекрасные, то отталкивающие фигуры... Вследствие постижения своего предназначения менялись и его приоритеты, а с ними формировались и изменялись система взглядов Леонтьева, убеждения и представления».

Константин Николаевич родился в 1831 году в старинной дворянской семье. «В те годы, — по словам самого Леонтьева, — во мне было заложено семя будущей всепоглощающей, глубокой веры, которое хоть и не сразу, но дало росток». Мать будущего философа часто бывала в Оптиной Пустыни и всегда брала с собой сына. После одной из таких поездок, будучи еще отроком, Константин Николаевич сказал своей матери: «Маменька, Вы меня больше сюда не возите, а то я непременно тут останусь». Этот детский религиозный опыт Леонтьева не пропал даром, даже несмотря на то, что он до сорока лет называл себя «почти нигилистом».

Он успешно окончил медицинский факультет Московского университета. В годы Крымской войны в госпиталях прошел нелегкую врачебную практику, получив также и ценный житейский опыт. В период неверия жизнь Леонтьева была полна страстей и резких поворотов. «Если нет Бога, то нет и греха, говорил впоследствии Леонтьев, а значит, можно делать что угодно. И этих грехов он совершал достаточно, — вспоминал близкий друг мыслителя. — Я не допытывался о них. Мне даже неприятно было слышать его признания, в которых он доходил до циничности, замечая иногда: “Бывало и похуже”. Но сам Константин Николаевич говорил об этом, как будто испытывая потребность исповеди и самообличения». Леонтьев жил без веры в Бога, и жизнь, по его словам, не давала ему счастья. Он делал все, что хотел, но ощущал свою жизнь пустой, без глубокого содержания и смысла.

Желая хоть что-то изменить в своей судьбе, Леонтьев оставил врачебную практику. Он поступил на дипломатическую службу и был назначен консулом в Турцию. Здесь, вдали от родины, Леонтьев увидел людей, которые свято оберегали Православие как основу национального самосохранения. «В атмосфере византийских преданий, — вспоминал Константин Николаевич, — я услышал родной голос, открывающий мне истину о благочестивых строителях старой Руси. От них была рождена моя душа, и здесь, на почве древней Византии, она ощутила свое истинное содержание, осознала себя». В нем стал совершаться тот внутренний переворот, который направил жизнь Леонтьева в новое русло. Его потребность в Боге постепенно назревала и разрешилась следующим случаем.

Однажды Леонтьев по делам службы приехал в довольно глухую и далекую от Константинополя местность. Была холерная эпидемия. В первую же ночь по приезду он проснулся с очевидными признаками болезни. В местечке же не было ни врача, ни аптеки. Леонтьев приказал слуге отправить телеграммы в Константинополь, но это было почти бесполезно. Припадки были сильны, и надежды на спасение почти не оставалось. Он мог умереть несколько раз, прежде чем кто-нибудь успеет прибыть на помощь. «Меня охватил страх, между тем припадки все усиливались, — вспоминал позднее Николай Константинович. — Я лежал, и взгляд случайно упал на икону, висевшую напротив. Это была Божия Матерь. Я невольно стал всматриваться. Она глядела грустно и строго, а мне становилось все хуже. Смерть наводила на меня ужас... Пристальный взгляд Божией Матери начал меня раздражать. Казалось, что Она пророчит мне смерть. В припадке ярости я крикнул иконе, потрясая обессиленным кулаком: “Рано, матушка,

рано! Ошиблась. Я бы мог еще много сделать в жизни”. Припадки гнева и холеры чередовались, и, наконец, меня охватило чувство беспомощной покорности. Я начал молиться Божией Матери. Умолял Ее сохранить мне жизнь, обещая за это принять монашество. Наверное, это был первый вопль зарождавшейся веры. Впрочем, как бы то ни было, к утру я был здоров».

Через некоторое время Леонтьев, придумав для поездки служебный предлог, отправился на Афон в русский Пантелеимонов монастырь, который в то время был знаменит своими старцами. Как русского консула его встретили торжественно. С колокольным звоном навстречу ему вышла вся братия монастыря во главе с настоятелем. После молебна и праздничной трапезы Леонтьев заявил, что ему необходимо переговорить с духовником обители. Это желание было немедленно исполнено. «Я подходил к его келье с бесконечною жаждою смирить себя и найти здесь веру, — вспоминал Николай Константинович. — Переступив порог, я подошел к старцу и без слов с рыданием упал к его ногам. Так разрешилась эта напряженная внутренняя драма!» Это был первый решительный шаг Леонтьева.

Вторым шагом Леонтьева к Богу была отставка и жизнь на Афоне более года под руководством опытного духовника. Многому пришлось учить «неверующего» Леонтьева. Его разговоры о Боге, вере и неверии, о монашестве осветили предстоящий путь жизни, и поездка на Афон оказалась плодотворной. Уезжал в Россию он верующим человеком.

Препятствий для пострига оказалось очень много. Афонские старцы отправили его в Оптину Пустынь под руководство преподобного Амвросия. Однако и здесь исполнение обета затянулось у Леонтьева почти на 20 лет и совершилось только в последний год его

жизни. Его здоровье постоянно ухудшалось. Он становился все более хилым, несмотря на то что ему не было и 60 лет. «Многие раны грешнику», — повторял он. В 1891 году старец Амвросий постриг его в монашество с именем Климент и отправил на жительство в Троице-Сергиеву Лавру, а через несколько месяцев Леонтьев скончался от воспаления легких. «Вот и Леонтьева уже нет... — пишет один из современников мыслителя. — Он был добрым человеком, христианином. И сумел дойти до смирения. А это великая вещь...»

М.В. Первушин

Римско-Католическая Церковь в XIX веке. Первый Ватиканский Собор

В XIX веке Римско-Католическая Церковь оказалась лицом к лицу с новым миром, в котором все большее влияние приобретала национально-освободительная борьба. События гражданской истории Европы сопровождались быстро развивавшимся прогрессом науки и техники. Начиная с Французской революции, рабочее движение охватило множество европейских государств и поставило под сомнение существование Церкви как незыблемой основы гражданского общества. Церковь превращалась лишь в один из социальных институтов общества, которое развивалось по своим, отнюдь не религиозным, законам. И с этой новой реальностью нельзя было вести разговор при помощи отлучений и запретов. Церковь была вынуждена вступать в диалог с этим обществом.

Первым главой Римской Церкви, который пошел навстречу гражданскому обществу, был папа Пий IX. Он вошел в историю Западной Церкви как создатель современного папства. Еще его предшественники

считали уличные газовые фонари или железные дороги дьявольскими изобретениями. Пий же основывал банки и акционерные общества. При нем стали выходить многочисленные католические журналы и газеты. Именно при этом первосвященнике был поднят вопрос о папской непогрешимости. Наверное, ни одно из определений Римской Церкви, за исключением инквизиции, не порождало большего соблазна в христианском мире, чем это.

Одни исследователи полагали, что только реформатору, боявшемуся противодействия своим начинаниям, каким и был Пий IX, нужен был этот иммунитет под видом непогрешимости. Другие видели в этом определении логическое завершение всего процесса возвышения римских епископов. Ведь долгое время государственность в Европе была нестабильна, и единственным устойчивым институтом была Римская Церковь во главе с папой. К нему на протяжении столетий обращались как к арбитру не только в вероучительных спорах, но и по светским вопросам. Все это привело сначала к учению о главенстве Римской кафедры над всей Церковью, потом о главенстве самого Римского епископа, а затем к выводу, что папа является абсолютным и неподсудным главой Церкви. А как же может ошибаться тот, кто выше Церкви? Вопрос о полноте власти и первенстве Римского епископа окончательно был сформулирован при Пие IX на Первом Ватиканском Соборе в 1870 году.

Подготовка к Собору началась задолго до его открытия. Папа разослал приглашения как православным епископам, так и всем протестантам, желая собрать в Ватикане всю полноту христианства. О цели созыва Собора в папских приглашениях говорилось только в общих чертах. Да и у самих католиков о назначении Собора не было четких представлений. Поэтому, когда на Соборе было предложено объявить

догматом учение о непогрешимости (или точнее — безошибочности) римского первосвященника, среди участников прошел «шепот удивления». Противники нового догмата явились к Пию IX. Причем у многих из них вызывал возражение не сам догмат по существу, а, скорее, его политическая несвоевременность. Они, припадая к ногам папы, умоляли его изменить формулировку догмата или, по крайней мере, смягчить ее. Но папа был непреклонен.

Около ста несогласных из пятисот присутствовавших делегатов покинули Ватикан, не дожидаясь голосования. Среди них было несколько кардиналов, множество епископов, а также профессора богословия европейских университетов. Все они представляли элиту католического богословия. Они оставили письменный протест, в котором заявляли: «Только из благоговейных чувств к святому отцу — римскому первосвященнику — мы не хотим сказать “нет” в публичном заседании». Большинство из противников нового догмата ушло в раскол с Римом, основав Старокатолическую Церковь, не признававшую папский авторитет. А Собор уже без них утвердил догмат о папской непогрешимости. Вот как он звучит: «Утверждаем, что когда римский епископ определяет учение о вере и нравственности, выполняя обязанности пастыря и учителя всех христиан, он обладает той же непогрешимостью, какой... обладает вся полнота Церкви».

Оправдывая принятое определение, католические богословы делали акцент на том, что папа является символом единства и усиление его позиций поможет сохранить жизнь Церкви. Однако обилие двусмысленностей в определении вызывало множество недомумений: «Ведь, по сути, большинство папских определений так или иначе связаны с вопросами веры или нравственности... И в любом своем определе-

нии он выступает как пастырь...» Но папа Пий категорически отказался дать четкие критерии границ непогрешимости, заявив: «Некоторые хотели, чтобы я разъяснил соборное определение еще больше и точнее. Я этого делать не хочу. Оно достаточно ясно!» Таким образом, римский понтифик с принятием этого догмата обрел уверенность в прочности своей духовной власти. Власть же политическая перестала его интересовать. К тому же он лишился ее, не успев закрыть Собор. Рим был захвачен войсками Итальянского королевства. Все участники Собора разбежались, лишь временно приостановив его заседания. Официально же Собор был завершен почти через сто лет — в середине XX века папа Иоанн XXIII объявил о его закрытии.

Папа-реформатор Пий IX скончался в 1878 году. Его тридцатидвухлетний понтификат оказался самым долгим за всю историю существования Римской кафедры. Однако самого папу ожидала бесславная смерть. Поддержав сначала национально-освободительное движение Италии, Пий, видя, что теряет власть в государстве, призвал для его подавления иностранные войска. Это было расценено народом как преступление против нации. Поэтому, несмотря на реформы и вполне успешный диалог с обществом, во время траурной процессии гроб с телом Пия IX был забросан камнями. И лишь только благодаря усиленной ватиканской охране итальянцам не удалось сбросить усопшего с моста в Тибр.

Догмат же о папской непогрешимости был категорически отвергнут как протестантами, так и Православной Церковью. Вот как отвечает на него Окружное послание Восточных Патриархов: «Святые отцы научают нас, чтобы мы не по престолу судили о Православии, но о самом престоле и сидящем на нем — по Божественным Писаниям, по соборным уставам и по

вере, всем проповеданной».

М.В. Первушин

Праведный Иоанн Кронштадтский

Будущий «всероссийский батюшка», так называли впоследствии отца Иоанна, родился 19 октября 1829 года в Архангельской губернии. Его отец был бедным сельским дьячком. «В детстве я отличался болезненностью и скудоумием, — вспоминал отец Иоанн. — Когда отец, собрав последние средства, отвез меня, десятилетнего отрока, в Архангельское приходское училище, я особенно остро почувствовал там свое одиночество и беспомощность». Однако именно там благодаря настойчивости Ивана проявилась его способность к учению. Он окончил училище, а затем и семинарию первым учеником. Уже учась в Петербургской Духовной Академии, Иван мечтал посвятить себя миссионерской работе среди диких народов Сибири и Северной Америки. Однако, сталкиваясь с неверием, сектантством, пьянством и другими пороками непосредственно в Петербурге, он понимал, что и здесь не меньшее поле для просветительской деятельности, чем в далекой Сибири.

Окончив Академию со степенью кандидата богословия, Иван вступил в брак и 12 декабря 1855 года стал священником Андреевского собора города Кронштадта. «Когда я впервые вошел в Кронштадтский собор, — вспоминал отец Иоанн, — я остановился в ужасе на его пороге. Это был именно тот храм, который задолго до того представлялся мне в детских видениях и мечтах». Вся остальная жизнь отца Иоанна и его пастырская деятельность протекали в Кронштадте. Многие даже забывали его фамилию — Сергиев, называя — «Кронштадтский». Да и сам он нередко так

подписывался.

Став священником, отец Иоанн в первую очередь пошел к тем людям, кто считался уже потерянным для общества. И таких в Кронштадте было много, так как этот город был местом административной ссылки из столицы порочных людей. Он ежедневно стал посещать их дома, беседовал с ними, утешал, ухаживал за больными и помогал материально. Отец Иоанн нередко приходил домой без верхней одежды и даже без сапог, раздавая все, что имел. Одно время епархиальное начальство даже воспретило выдавать ему на руки жалованье, так как он, получив его, до последней копейки раздавал нищим.

Силой своей сострадательной любви он возвращал падшим людям утраченный ими человеческий образ. Вот как описывает один из таких случаев духовного возрождения непосредственный его участник: «Теперь я старик, а помню хорошо, как впервые увидел батюшку. Мне тогда было годов тридцать. У меня была семья, двое детишек. Жили в дрянной лачуге. Я работал и все, что зарабатывал пропивал. Семья голодала. Жена стала по миру собирать. Прихожу раз домой не очень пьяный. Вижу, какой-то молодой батюшка сидит, на руках сынишку держит и что-то говорит ему ласково. Я было ругаться хотел: вот, мол, шляются... Да глаза батюшки ласковые и серьезные меня остановили — стыдно стало... Опустил я голову, а он смотрит — прямо в душу смотрит! Начал говорить. Говорил про то, что у меня в каморке рай, потому что где дети, там всегда и тепло, и хорошо, и о том, что не нужно этот рай менять на чад кабацкий. Не винил он меня. Нет! Все оправдывал, только мне было не до оправдания. Ушел он, я сижу и молчу... Слезы душу рвут... Жена с детьми подошли, жалеют... С тех пор я человеком стал...»

Отец Иоанн редко когда возвращался домой

ранее полуночи. «Счастливых семей, Лиза, и без нас много, — часто говорил он своей супруге, — а мы с тобою давай посвятим себя на служение Богу». И в каждом человеке он прежде всего видел образ Божий. «Нужно любить всякого человека и в грехе его, и в позоре его, — любил повторять отец Иоанн. — Не нужно смешивать человека со злом, которое в нем...» С таким сознанием он и шел к людям, помогая им побеждать свои пороки, возрождая в них веру силой своей любви.

И эту любовь отца Иоанна очень быстро почувствовала вся Россия. Слава о нем как о знаменитом пастыре быстро распространилась повсюду. И через некоторое время к нему потянулось множество богомольцев. Тысячи людей ежедневно приезжали в Кронштадт, желая видеть отца Иоанна и получить от него какую-либо помощь. Кроме этого, он получал такое огромное количество писем и телеграмм, что кронштадтская почта для его переписки вынуждена была открыть особое «иоанновское» отделение. Вместе с письмами и телеграммами текли к нему и богатые пожертвования. Но, получая деньги, он тотчас же все раздавал. Так, например, получив однажды при громадном стечении народа пакет из рук купца, отец Иоанн тотчас же, не вскрывая, передал его в протянутую руку бедняка. Купец, видя это, закричал: «Батюшка, да ведь там тысяча рублей!» «Его счастье», — спокойно ответил отец Иоанн. Всероссийский батюшка предпринимал поездки в разные уголки России, неся подвиг всероссийского душепопечения и тем оправдывая свое наименование. В таких поездках на его богослужения и молебны собиралось до 60 тысяч человек.

Несмотря на занятость, отец Иоанн находил время вести духовный дневник, ежедневно записывая туда свои размышления о вере. Издание этого днев-

ника под названием «Моя жизнь во Христе» принесло отцу Иоанну известность и уважение не только в православном мире, но и среди инославных христиан. Так, известно, что, переведенный на английский язык, этот дневник православного священника рекомендовался в качестве настольной книги англиканским пасторам. Авторитет кронштадтского пастыря был настолько высок, что в среде малограмотных людей даже возникла еретическая секта иоаннитов, сторонники которой утверждали, будто отец Иоанн есть Христос, пришедший на землю вторично.

Кронштадтский пастырь присутствовал при кончине императора Александра III. Государь встретил его словами: «Я не смел пригласить Вас сам. Благодарю, что Вы прибыли. Прошу молиться за меня». Отец Иоанн исповедал и причастил умирающего императора. Сам же всероссийский пастырь скончался в 1908 году. В его погребении участвовало до ста тысяч человек. Такого количества людей не было ни на одних похоронах.

И сегодня, в начале XXI века, столь же актуально, как и сто лет назад, звучат слова наставления всероссийского пастыря: «Учись, Россия, у твоих святых предков вере, мудрости и мужеству... Восстань, русский человек!.. Ты будешь благоденствовать только тогда, когда будешь держаться всем сердцем Бога, Церкви, любви к Отечеству и чистоты нравов».

М.В. Первушин

Константин Петрович Победоносцев

Победоносцев! Одна эта фамилия очерчивает целую эпоху в истории России. Редкая судьба для государственного деятеля — стать символом своего времени. Образованнейший человек, крупный уче-

ный-правовед, богослов, писатель, историк, переводчик, четверть столетия он занимал должность обер-прокурора Святейшего Синода. С присущим ему темпераментом и талантом Константин Петрович немало сделал для укрепления традиций и исторической памяти России. Всей своей деятельностью он выражал глубокое убеждение в том, что именно христианская вера является духовной основой общества, гарантом его нравственности и процветания, а Церковь — это основание не только национального русского самосознания, но и государственности, которые нельзя отделять друг от друга. Эти стремления и чаяния Победоносцева снискали ему в среде либеральной интеллигенции множество врагов. Очень метко, согласно царившему в высшем обществе отношению, описал его Блок в поэме «Возмездие» — в образе злого гения:

В те годы дальние, глухие
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла,
И не было ни дня, ни ночи,
А только — тень огромных крыл;
Он дивным кругом очертил
Россию, заглянув ей в очи
Стекланным взором колдуна...

Как отмечали современники, «Победоносцев для своих оппонентов являлся таким противником, которого нельзя было надменно презирать, почти невозможно на равных оспаривать, которого оставалось только тихо ненавидеть». Об этом ярко свидетельствуют те эпитеты, которыми они награждали Константина Петровича, — «великий инквизитор», «князь тьмы», «тиран и изверг», «государственный вампир» и даже «хорек, обучившийся диалектике». Однако все,

и противники, и приверженцы Победоносцева, признавали в нем человека государственного ума, колоссальных знаний, неподкупной честности и изумительного трудолюбия.

Родился Константин Петрович в 1827 году в многодетной семье профессора Московского университета. Кроме него в семье было еще 11 детей. Получив хорошее образование в одном из самых привилегированных учебных заведений того времени — училище правоведения, Победоносцев поступил на государственную службу и одновременно стал преподавать в университете. Вот как пишет о себе сам Константин Петрович в письме к императору Николаю II: «По природе нисколько не честолюбивый, я был доволен тем, что имел... не искал никакой карьеры... не просился ни на какое место, но не отказывался, когда был в силах, ни от работы и ни от какого-либо служебного поручения». Не мог он отказаться и от вызова в Петербург для преподавания юридических наук наследнику престола. Через год по окончании курса Победоносцев возвратился в Москву к своим занятиям. «Я мечтал остаться тут, — писал он, — но моя поездка в столицу решила дальнейшую судьбу мою роковым образом». Его вновь вызвали в Петербург для преподавания, и теперь уже надолго: «Я не мог уклониться из чувства патриотизма, и переехал в Петербург на жительство и службу». Константину Петровичу суждено было стать учителем и советником императора вплоть до самой смерти Александра III. Победоносцев тяжело переживал свое возвышение. «Я стал известен в правящих кругах, — писал он, — обо мне стали говорить и придавать моей деятельности преувеличенное значение. Я попал, без всякой вины своей, в атмосферу лжи, клеветы, слухов и сплетен. О, как блажен человек, не знающий всего этого и живущий тихо, никем не знаемый на своем

деле!» И хотя административные полномочия Победоносцева были весьма ограниченными по своему характеру, самая высокая должность, которую занимал Константин Петрович в государственном аппарате, соответствовала должности министра, мнение о всеисилии Победоносцева, о его необъятной власти, сравнимой с властью самого императора, было в русском обществе очень устойчивым.

Однако влияние это на политику российской государственной власти было влиянием идеолога, завораживающего логикой своих суждений и крепкой веры в них. «Константин Петрович был человеком незаурядного ума, живым и отзывчивым, — вспоминал о нем его современник. — Его интересовало все! Ни к чему не относился он безучастно... И даже в искусстве обнаруживал он солидные сведения, не говоря уже о юриспруденции или церковных вопросах». Однако Победоносцев говорил и писал не только умом, но и сердцем. Он убеждал других в своей правоте во многом потому, что искренне верил в истинность своих суждений. «Константин Петрович был глубоко искренним человеком, — пишет о нем его коллега, хорошо знавший Победоносцева еще по Московскому университету. — Я знал его еще в те годы, когда нужно было иметь большое мужество, чтобы в профессорской среде не быть либералом. И в это время Победоносцев имел смелость, подходя к монастырю, становиться на колени... Этот человек никогда не лгал и всегда сам был искренне убежден в пользе того, что делал!»

Еще при жизни Победоносцев сделался мифом. В своих письмах он неоднократно и с глубоким сожалением говорил о том, что в обществе господствует совершенно ложное представление о его роли в государственных делах: «Мое имя служит предметом пререкания и соблазна у всех так называемых обще-

ственных деятелей, читающих газеты. Но многие ли знают меня? — с грустью спрашивал Константин Петрович. — И доброе, и злое мне приписывается... К несчастью, утвердилось всюду фантастическое представление о том, кто я такой. Меня сделали козлом отпущения и за все, чем те или другие недовольны в России. Такую тяготу так называемого общественного мнения приходится переносить — нельзя и опровергать ее, да никто и не поверит, так укоренилась уже иллюзия неведения, невежества и предрасудка».

Константин Петрович скончался в 1907 году. Начался XX век. Наступала новая эпоха, в которой таким людям, каким был он, места уже не находилось. Победоносцев — последовательный в проведении своих политических взглядов, непоколебимый в своей правде, пронизательный мыслитель, полемист, мастерски владевший пером, он был самым серьезным противником ненавистников исторической России, скрывавшихся под личиной либералов или революционеров.

Любопытно, что в стихах Блока можно увидеть не только карикатуру на всесильного Победоносцева, но и восхищение поэта этой личностью. Победоносцев предстает и совой, то есть мудрецом, который «дивным кругом очертил Россию, заглянув ей в очи». И колдуном, трясущимся над своим сокровищем... И это сокровище — конечно же, Россия. Его драгоценная Россия! Смысл всей его жизни, главный объект его помыслов, единственная и неповторимая, ради которой он жил и творил!

М.В. Первушин

Владимир Сергеевич Соловьев

В конце XIX — начале XX века в русской культуре наступил период, который называют духовным или религиозным ренессансом. В это время возрождается русское религиозное искусство: изобразительное, прикладное, музыкальное. Наблюдается бурный рост философских обществ, кружков, издательств. Происходит сближение философии с русской культурой, и прежде всего с литературой. Это привело к зарождению русской религиозной философии. Ее основателем и наиболее влиятельным философом этого времени был Владимир Сергеевич Соловьев.

Он родился в 1853 году в семье крупнейшего русского историка. В детстве Владимир был ребенком очень впечатлительным и набожным. Вот как он сам вспоминает это время: «Моя детская решимость идти в монахи сопровождалась предчувствием скорого пришествия антихриста. Я, чтобы приучиться заранее к мучениям за веру, стал подвергать себя всяким самоистязаниям. Мой отец — сам человек глубоко религиозный, но чуждый исключительности, подарил мне на именины, вместе с “Житиями святых”, книгу о древнегреческих богах, обильно украшенную их изображениями. Эти образы сразу пленили мое воображение, расширили и смягчили мою крайнюю религиозность».

Учась в гимназии, Владимир выделялся среди воспитанников не только феноменальной памятью, начитанностью и самостоятельностью мышления, но и своей внешностью. Чуть позже один из его современников так описывал наружность Соловьева: «Густые локоны, спускавшиеся до плеч, делали его похожим на икону... Его часто принимали за лицо духовное, встречая возгласом: “Благословите, батюшка!” Маленькие дети, хватая его за полы шубы, восклицали: “Боженька, Боженька!”». Александр Блок, видев Соловьева всего лишь раз, был поражен его мисти-

ческой, не похожей на все земное, внешностью. «Он шел передо мной... — вспоминал поэт, — большого роста, худой, в старенькой шубе и с непокрытой головой. На буром воротнике шубы лежали длинные серо-стальные пряди волос. Это был не человек, а силуэт — до того он был жутко не похож на окружающих. Шествие его казалось диким среди обыкновенных людей. В его взгляде, который случайно упал на меня, была бездонная синева, полная отрешенность... Это был не живой человек, а чистый дух, изображение, очерк, символ, чертеж». И таким Соловьев был не только внешне. В быту его поведение напоминало классическое изображение философа, данное Платоном: «В земных делах философ не смыслит, он не умеет даже завязать своего дорожного мешка. И все это юродство происходит оттого, что на земле он живет гостем». Из-за этих странностей, с одной стороны, Соловьева воспринимали как опасного и вредного чудака, а с другой — старались обобрать и всячески использовать.

Владимир Сергеевич не умел ценить и считать деньги. Когда у него просили, он вынимал бумажник и давал столько, сколько захватит рука. Многие свидетельствуют о «беспримерной» щедрости Соловьева. Однажды он отдал нищим не только все деньги, но и кошелек, бумажник, носовой платок и даже ботинки. Начинающие писатели осаждали его просьбами. Он без конца исправлял и редактировал чужие сочинения. Рядом с его квартирой с утра до вечера толпились посетители. Подозрительные личности просили «на похороны матери» или на «свадьбу». Соловьев отдавал им последние деньги, а когда денег больше не было, посылал с записками к друзьям. Вот одна из них: «Податель этих строк просит у меня 5 рублей на свадьбу, а у меня денег нет. Боюсь согрешить, но мне почему-то кажется, что это не первая просьба такого

рода и, стало быть, он женится далеко не в первый раз. Осуждать, впрочем, не смею... Пожалуйста, дай ему просимое; сочтемся, когда получу за статью». Сняв как-то квартиру, он переплатил за нее в три раза и целую зиму прожил без мебели. Спал на досках и, будучи неспособным приготовить себе даже чаю, ходил пить его в привокзальный буфет. Жизненная беспомощность его была безгранична — и столь же безгранично презрение ко всякому быту. Он не только не умел, но и не хотел «устроиться». В этом была не столько слабость, сколько глубокое убеждение. Соловьев жил и вне быта, и вне закона. Он никак не мог привыкнуть к мысли, что у человека должен быть паспорт: свой он постоянно терял.

И в то же время его внутренняя жизнь была огромна и богата. Духовный мир был для него живой действительностью. Он не признавал ничего неодухотворенного: мир видимый был в его глазах не самостоятельным целым, а сферой проявления мира духовного. Смыслом всего исторического процесса Соловьев видел одухотворение человечества. Основным мировоззрением, по замыслам Соловьева, должно стать христианство. Он попытался включить в него новейшие достижения естествознания, истории и философии, создать синтез религии и науки. Он видел мир как единую, завершенную систему, началом которой служит «нравственной принцип»: «Я стыжусь, следовательно, существую». Максимум же нравственности — любовь, которая и есть сам Бог.

Своим духовным обликом он напоминал тип русского странника, ищущий Божий Град — вышний Иерусалим, который проводит жизнь в хождении по свету, чтит и посещает все святыни, но не останавливается надолго ни в одной из обителей. Вот отрывок из его стихотворения:

И до полуночи неробкими шагами
Все буду я идти к желанным берегам,
Туда, где на горе, под новыми звездами,
Весь пламенеющий победными огнями,
Меня дождется мой заветный храм.

Этот «заветный храм», которого так искал Соловьев, для него определялся евангельскими словами: «В доме Отца Моего обителей много».

В январе 1900 года Соловьева избирают действительным членом Российской Академии наук по разряду изящной словесности, а через полгода он умирает в возрасте 47 лет. Вот как вспоминал последние часы жизни исповедовавший его священник: «Исповедался Владимир Сергеевич с истинно христианским смирением, остро чувствуя и осознавая свою греховность. Умер он тихо, по-христиански, причастившись Святых Таин». Последними его словами были: «Трудна работа Господня». Так безвременно оборвалась жизнь человека, который отличался небывалой силой философской мысли, небывалым владением мировой философией и напряженной духовной жизнью. Его труды до сих пор еще очень мало изучены из-за

чрезвычайной сложности и многогранности его творческой натуры.

М.В. Первушин

XX ВЕК

Святитель Николай (Касаткин) — апостол Японии

С конца 50-х годов XIX века Россия вступила в эпоху «великих реформ». Это было время новых чаяний, прогрессивных преобразований и всеобщего воодушевления в российском обществе. Наблюдался подъем и в церковной жизни. В это время Святейшим Синодом Русской Церкви было открыто несколько миссий для проповеди Православия за пределами России. Многие студенты духовных школ мечтали посвятить себя миссионерству. Так, в Петербургской Духовной Академии лишь только объявили о поиске кандидатуры на место настоятеля консульской церкви в Японии, сразу нашлась масса желающих. Среди них был и Иван Касаткин, сын сельского дьякона из Смоленской губернии. Именно ему выпала честь быть назначенным на эту должность. Как вспоминал потом его однокурсник по Академии, «все мы, двенадцать человек из выпускного курса, охотники до миссионерства, записались при условии женитьбы, а Ваня Касаткин один — монахом,

и перебил всех!» К тому времени Ивану шел 24-й год. За его плечами уже были Бельское духовное училище, Смоленская семинария и три курса столичной Академии, в которой Иван был одним из лучших студентов.

Перед отъездом в Японию в 1860 году Иван был пострижен в монахи с именем Николай и рукоположен в сан священника. Только через год после этого, проехав через всю Россию, молодой иеромонах Николай добрался до места своего назначения. Но сразу приступить к проповеди Евангелия было невозможно. Закон о запрещении чужих религий, действовавший в Японии уже более двухсот лет, был крайне строг, неповиновение ему каралось смертью. Поэтому на первых порах деятельность молодого миссионера ограничилась церковными службами для консульских служащих и моряков российского флота. Николай верил, что Бог даст ему возможность миссии, и тщательно готовился к этому. «Я старался сначала со всею скрупулезностью изучить японскую историю, — пишет святитель, — религию и дух японского народа, чтобы узнать, в какой мере осуществимы надежды на просвещение страны евангельской проповедью...» И первым обращенным им к христианству японцем оказался потенциальный убийца.

Часто посещая дом русского консула, отец Николай не раз сталкивался в коридорах с суровым и надменным японцем, который преподавал сыну консула искусство фехтования. Это был Савабэ — жрец синтоистского храма, самурай, знаменитый мастер боя на мечах. Он состоял в тайной организации, ставившей целью истребить в Японии всех иноземцев. Однажды самурай не смог сдержать своего гнева и заявил при встрече священнику: «Вас, иностранцев,

нужно всех перебить... Ты же со своей проповедью более всех вредишь Японии». Николай на гневную тираду японца спокойно ответил: «А разве справедливо хулить то, чего не знаешь? Выслушай сначала меня, а потом и суди. Если мое учение будет худо, тогда я и сам уйду». Самурай нехотя, но согласился слушать. Сначала он прерывал миссионера, злословил и смеялся, но постепенно начал все глубже задумываться, а потом и сам попросил о новой встрече для продолжения беседы. После нескольких таких бесед перед изумленным японцем открылась истина христианства. Об этом первом своем ученике отец Николай писал: «Ходит ко мне один жрец древней религии изучать нашу веру. Если он не охладет или не погибнет от смертной казни за принятие христианства, то от него можно ждать многого...» И надежды Николая оправдались. Самурай крестился. За это он подвергся преследованиям: дом его был сожжен, самого бросили в подземную тюрьму. Но, выдержав все испытания, он не ослабел в вере и впоследствии стал первым православным священником-японцем.

В 1904 году святителю Николаю предстояло пережить тяжкое испытание — русско-японскую войну. Оставшись в Японии один, Николай разослал по всем храмам официальные послания, в которых отмечал, что «патриотизм есть естественное и верное чувство каждого христианина» и предписывал «молиться о победе японских войск». Этим он сохранил Японскую Церковь невредимой от гонений властей. Сам же святитель в это время не участвовал в общественных богослужениях.

После отмены закона о противостоянии чужим религиям в Японии была учреждена Русская духовная миссия во главе с отцом Николаем, который вскоре начал строительство кафедрального собора в То-

кио. Удачно расположенный православный собор стал одним из самых высоких зданий в столице. На его освящении присутствовало уже 19 японских священников и более 4 тысяч христиан. Такой успех миссии Николая Касаткина объясняется тем, что Японская Православная Церковь с самого начала имела национальные черты. Миссионер бережно относился ко всем проявлениям японской культуры. Например, в православных храмах Японии, по местному обычаю, ходили босиком, проповеди слушали сидя на полу. «Вначале завоевать любовь, а потом нести слово» — это было руководящим правилом всей деятельности апостола Японии. И чуткие японцы отвечали Николаю взаимностью. «Все глубоко уважают его и питают к нему искреннюю любовь и преданность, — писал впоследствии один из его воспитанников, — не только христиане, но и люди других религий». Так, однажды святитель зашел, чтобы послушать проповедь в буддийский храм. Храм был переполнен. И тогда настоятель подвел его к жертвеннику, снял с него дорогие украшения и любезно предложил сесть, к великому удивлению растерявшегося миссионера.

В основанной Николаем Токийской духовной семинарии в первые пять из семи лет обучения давалось образование, подобное университетскому. Уровень преподавания был настолько высок, что даже высокопоставленные японские чиновники отправляли туда своих детей. Из числа воспитанников семинарии вышли многие японские государственные деятели и видные ученые, так как поступать в семинарию и учиться на низших курсах, где еще не преподавали богословские науки, могли не только христиане.

Отмечая 50-летие служения Николая в Японии, Николая поздравляла, казалось, вся Япония — импе-

ратор, губернатор Токио, японская пресса. «Те заслуги, какие оказал нашему государству маститый учитель Николай, — отметил в своей речи столичный губернатор, — не ограничиваются успехами одного только миссионера, но заключаются и в том, что он содействовал цивилизации в нашей стране...» Святитель трудился до последнего дня и даже скончался с пером в руке, трудясь над переводом Священного Писания на японский язык. Император не только дал разрешение похоронить его в пределах Токио, что было большой честью для иностранца, но и прислал венок на могилу миссионера, что означало только одно — знак признания выдающихся заслуг усопшего перед страной. Так, приехав в Японию один, без знания языка, святитель Николай оставил после себя более 40 тысяч православных японцев, 276 приходов и 42 священника. Единое пшеничное зерно дало плод многих.

М.В. Первушин

Митрополит Антоний (Вадковский)

Будущий митрополит родился в 1846 году в бедной семье приходского священника Тамбовской губернии. Александр, так назвали мальчика в крещении, легко давалось учение. После блестящего окончания духовного училища, а затем и семинарии, он был принят в Казанскую Духовную Академию на казенный счет. По воспоминаниям друзей, именно в Академии он «обрел на всю жизнь особую любовь к Христовой Церкви и людям, пронизанную пламенной верой, которая и определила весь строй личности Александра».

Окончив в 1870 году Академию, Вадковский остался в ней в качестве преподавателя. Он женился.

У него родились двое детей. Да и академическая карьера Александра складывалась весьма неплохо. Он защитил диссертацию, стал экстраординарным профессором, что соответствовало чину статского советника, возглавил солидный научный журнал «Православный собеседник». За всем этим стояли определенный общественный статус и материальное обеспечение. Однако вскоре на Александра обрушились несчастья. Через семь лет после счастливого брака умирает его жена, а еще через два года — оба ребенка. Спустя много лет друг митрополита Антония вспоминал, что «молодой и успешный ученый, которому едва исполнилось 36 лет, выдержал страшную катастрофу только благодаря вере...» Александр мог жениться и второй раз, но в своей беде он сумел различить голос Божий. Вадковский решает всецело посвятить себя церковному служению и подает прошение о монашестве. Его постриг с именем Антоний был воспринят всей академической профессурой как умопомешательство своего коллеги, ведь в то время в Казанской Духовной Академии монахом был только ректор.

Уже через год после пострига Антония переводят в столицу и назначают на должность инспектора петербургских духовных школ. А еще через год его рукополагают во епископа и назначают ректором столичной Академии. Владыка Антоний был не только блестящим педагогом, но и человеком редкой отзывчивости, благородства и такта. Он пользовался всеобщей любовью студентов, и влияние его на них было громадным. В Петербургской Духовной Академии он создал кружок студентов-проповедников, отправлявшихся «в народ». Члены кружка вели популярные богословские беседы в приходских церквях, общественных собраниях, приютах, ночлежках и тюрьмах.

В 1898 году владыка Антоний был назначен на Санкт-Петербургскую митрополичью кафедру. Оказавшись первенствующим иерархом Русской Церкви, митрополит Антоний изменил сам стиль традиционного управления епархией. Повсюду чувствовался присущий ему аскетизм: он отменил торжественные трапезы и парадный архиерейский выезд, восстановил традицию посещения заключенных в тюрьмах. Размеры его благотворительности были колоссальными. Все свое жалованье он отдавал нуждающимся. Размеры состояния, оставленные первенствующим митрополитом после смерти, поражают — семь рублей медью. Он был открыт и доступен всем — от маститого иерарха до простого прихожанина. Во всех жизненных ситуациях владыка оставался прежде всего человеком, а уже потом — профессором, величественным иерархом, государственным мужем. Он ценил человеческое общение, старых друзей, умел завязывать новые знакомства, не обусловленные его церковно-политическим положением.

И в то же время его мягкость, открытость и деликатность не мешали ему быть принципиальным в вопросах веры и Церкви. Деятельность владыки Антония можно назвать реформаторской. Однако вся его реформа была строго продумана и опиралась на серьезное каноническое и церковно-научное основание. Он стремился восстановить традиционное и наиболее правильное управление Русской Церковью — патриаршество. Митрополиту Антонию удалось убедить императора в необходимости созыва Собора, и с 1905 года открылось Предсоборное присутствие. Его целью было подготовить Собор Русской Церкви, который не собирался уже более двухсот лет. Вся дальнейшая деятельность митрополита Антония после была, в основном, сосредото-

чена на предсоборной работе. Однако уже через два года начался «обратный ход» светских властей. Вся работа митрополита Антония была искусственно прервана. От этого удара митрополит Антоний оправиться уже не смог. Он тяжело заболел. Болезнь прогрессировала несколько лет. И в 1912 году митрополита Антония не стало. Согласно завещанию, владыку Антония похоронили в братской могиле Александро-Невской Лавры под простым деревянным крестом.

Его уход из церковной жизни стал большой потерей для Русской Церкви. Личность митрополита Антония была настолько авторитетна, что в годы общероссийских преобразований и нестроений ему удалось объединять церковную иерархию, в особенности в вопросах церковных преобразований. Он умел доказать необходимость преобразований. Он мог усмирять пыл особо рьяных реформаторов. И, пока он был жив, серьезных конфликтов среди иерархии не было.

Владыка Антоний умер за пять лет до открытия Собора. В деле церковных реформ он зачастую был одинок. Но все его служение зиждется на беспредельной любви к Христу и Его Церкви. Именно поэтому, несмотря на очевидно драматические ноты в жизни митрополита Антония, звучит и голос надежды. В одном из его последних писем есть такие слова: «Бог создал человека для радости. Христианский взгляд на жизнь — светлый, чистый, радостный. Бог благословил людей любить друг друга. Он Сам Себя назвал Любовью. Но все, что от Бога, в Боге и для Бога, не есть земное греховное, а есть небесное, Божие, святое».

Сосредоточивая в себе лучшие качества православных архиереев своего времени, митрополит

Антоний был в то же время одним из последних представителей старой русской церковности. Уже приближался тотальный погром, физическое истребление верующих. Одновременно приближалось и начало совершенно новой эпохи в жизни Церкви и в истории человечества, требующей, в частности, нового осмысления пастырского служения. И пример митрополита Антония, смиренно берущего на себя проблемы своей Церкви, чтобы отдать нерешаемое Христу, для нас является уроком терпения и надежды.

М.В. Первушин

Преподобномученица великая княгиня Елизавета Федоровна

1 ноября 1864 года в Дармштадте в семье великого герцога Людвига IV родилась дочь, которую назвали Елизавета. Кроме Елизаветы в семье было семь детей. Их мать принцесса Алиса, будучи дочерью английской королевы Виктории, воспитывала детей в традициях старой Англии на твердой основе христианской веры. Их жизнь проходила по строгому порядку, установленному матерью. Детская одежда и еда были самыми простыми. Старшие дочери сами выполняли свою домашнюю работу: убрали комнаты, постели, топили камин. Впоследствии Елизавета Федоровна говорила: «В доме меня научили всему и, главное, состраданию». Мать старалась каждому из семерых детей вложить в сердце любовь к ближнему. Дети постоянно сопровождали мать в госпитали, приюты, дома для инвалидов. Принося с собой большие букеты цветов, они ставили их в вазы, разносили по палатам больных и помогали сестрам-сиделкам. Когда Елиза-

вете было только 12 лет, ее мать скончалась от эпидемии дифтерита. Пора детства закончилась. Лиза всеми силами старалась облегчить горе отца, поддержать его, утешить, а младшим своим сестрам и брату в какой-то мере заменить мать.

В двадцать лет принцесса Елизавета вышла замуж за великого князя Сергея Александровича, брата российского императора Александра III. И с этого момента вся ее жизнь была отдана России. Великая княгиня напряженно занималась русским языком и овладела им в совершенстве. Желая глубже изучить культуру и особенно веру новой своей родины, она, еще исповедуя протестантизм, посещала православные храмы, где выстаивала многочасовые богослужения. Вместе с мужем совершила паломничество в Святую Землю. И наконец, твердо решив принять Православие, она писала отцу: «Я все время думала, и читала, и молилась Богу указать мне правильный путь. И пришла к заключению, что только в Православии я могу найти настоящую и сильную веру в Бога, которую человек должен иметь, чтобы быть хорошим христианином».

После назначения Сергея Александровича московским генерал-губернатором Елизавета Федоровна переехала вместе с ним в Москву. Жители Москвы скоро оценили ее милосердное сердце. Здесь она организовала Елизаветинское благотворительное общество, возглавила Красный Крест. Она ходила по больницам для бедных, в богадельни, в приюты для беспризорных детей. И везде старалась облегчить страдания людей: раздавала еду, одежду, деньги, улучшала условия жизни несчастных.

18 февраля 1905 года произошла трагедия, изменившая всю дальнейшую жизнь Елизаветы Федоровны. От взрыва бомбы, брошенной революционером,

погиб ее муж. Еще минуту назад он, простившись с ней, сел в карету... Кинувшись к месту взрыва, Елизавета Федоровна увидела ужасающую картину. Собрав свои последние силы, Елизавета начала собирать и класть на носилки части тела горячо любимого мужа. В этот день она не проронила ни слова, лишь слезы капали из ее глаз. Она несколько раз справлялась о состоянии раненого кучера Сергея Александровича. Ей сказали, что положение кучера безнадежно и он может скоро умереть. Чтобы не огорчить умирающего, Елизавета Федоровна сняла с себя траурное платье, надела то же самое голубое, в котором была до этого, и поехала в госпиталь. Там, склонившись над постелью умирающего, она, пересилив себя, улыбнулась ему ласково и сказала: «Он направил меня к вам». Успокоенный ее словами, думая, что Сергей Александрович жив, преданный кучер Ефим скончался в ту же ночь. На третий день после гибели мужа она поехала в тюрьму к убийце, желая только одного — чтобы тот раскаялся. Со своей стороны Елизавета подала императору прошение о помиловании убийцы, но оно не было удовлетворено. Греческая королева Ольга, двоюродная сестра убитого великого князя, писала: «Это чудная, святая женщина — она, видно, достойна тяжелого креста, поднимающего ее все выше и выше!»

После гибели мужа Елизавета Федоровна решила посвятить свою жизнь Господу через служение людям и создать в Москве обитель труда, милосердия и молитвы. Она распродала все свои драгоценности и на вырученные средства устроила Марфо-Мариинскую обитель. Сняв с себя траурное платье и облачившись в монашеское одеяние, Елизавета сказала: «Я оставляю блестящий мир, где я занимала блестящее положение, и восхожу в более великий мир — в

мир бедных и страдающих».

При обители открылась больница, считавшаяся впоследствии лучшей в Москве, аптека, в которой лекарства отпускались бедным бесплатно, детский приют и школа. Елизавета Федоровна брала на себя самую ответственную работу: ассистировала при операциях, делала перевязки, находила слова утешения, стремилась облегчить страдания больных. Они говорили, что от великой княгини исходила целебная сила, которая помогала им переносить боль и соглашаться на тяжелые операции. Здесь исцелялись те, от кого отказывались врачи. Исцеленные пациенты плакали, уходя из Марфо-Мариинской больницы, расставаясь с «великой матушкой», как они называли настоятельницу.

Великая княгиня тяжело переживала отречение императора Николая и начало революции. Ей предложили уехать из страны, но она отказалась. В ее письмах того времени есть следующие слова: «Я испытываю такую глубокую жалость к России и ее детям, которые в настоящее время не знают, что творят. Разве это не больной ребенок, которого мы любим во сто раз больше во время его болезни, чем когда он весел и здоров? Хотелось бы понести его страдания, помочь ему... Великой России, увы, больше нет. Мы... должны устремить свои мысли к Небесному Царствию... и сказать с покорностью: “Да будет воля Твоя”».

На третий день святой Пасхи 1918 года Елизавета Федоровна была арестована, а через два месяца, 18 июля 1918 года, ее вместе с другими членами императорского дома сбросили в шахту старого уральского рудника. Она лишь крестилась и громко молилась: «Господи, прости им, не знают, что делают!» Окрестные крестьяне рассказывали, что несколько дней из шахты доносилось пение молитв. Скончались

они в страшных страданиях, от жажды, голода и ран. Несколько месяцев спустя армия адмирала Колчака, заняв Екатеринбург, извлекла из шахты останки убитых. Однако погребение состоялось только через три года в январе 1921 года на Святой Земле, которое совершил Иерусалимский патриарх Дамиан. В молитвах, обращенных к ней, православные христиане называют Елизавету Федоровну «Красотой Церкви Российской».

М.В. Первушин

Священномученик Владимир (Богоявленский)

Священномученика Владимира еще при жизни часто называли «всероссийским митрополитом». Он был единственным иерархом, который последовательно занимал все главные митрополичьи кафедры Русской Церкви — Московскую, Петербургскую и Киевскую. Его же именем открывается трагический список жертв большевистского террора. Мученическая кончина владыки Владимира 7 февраля 1918 года у стен Киево-Печерской Лавры явилась началом длительного периода гонений на Русскую Православную Церковь.

Жизненный путь будущего священномученика начался в Тамбовской губернии 1 января 1848 года в семье сельского священника. В крещении его назвали Василием. Он последовательно закончил духовное училище и семинарию в Тамбове, а затем Киевскую Духовную Академию. Кандидатом богословия он вернулся в Тамбов, где сначала стал преподавателем родной семинарии, а потом, женившись, принял сан и ушел на приходское служение. Однако не долго

длилось его семейное счастье. Через несколько лет супружества умирают жена и единственный ребенок отца Василия. Горе побудило молодого священника вступить на новый путь служения Церкви. Он принимает монашество с именем Владимира в одном из тамбовских монастырей. Своей неустанной деятельностью на пользу Церкви и заботой о народном просвещении архимандрит Владимир привлек внимание церковного руководства.

Однако всероссийская известность приходит к Владимиру, когда он был уже епископом Самарским. Тогда в Поволжье начался голод, а следом и эпидемия холеры. «Народ в ужасе и панике оставлял больницы без присмотра, — вспоминал один из современников этих событий. — В то время когда власть терялась, святитель первый пошел к народу с крестом в руках». Он организует комитет взаимопомощи. Он собирает пожертвования пострадавшим от холеры и голода. Он устраивает бесплатные столовые для голодающих. Он безбоязненно посещает и служит в холерных бараках, на холерных кладбищах и местах, охваченных эпидемией. В многочисленных печатных воззваниях и поучениях владыка Владимир призывает всех прийти на помощь голодающим. «Он проявил себя великим героем духа... Голос его не умолкал до тех пор, пока не утихла буря народного бедствия».

Несколько лет своего архиерейского служения владыка Владимир отдал Кавказу, куда он был назначен в качестве экзарха Грузии. За время его служения там было построено более ста храмов и открыто свыше трехсот церковно-приходских школ, учреждено миссионерское духовно-просветительское братство. В одной его Бакинской воскресной школе обучалось более двухсот детей, среди которых были

и мусульмане, и иудеи, и протестанты, и армяне, и старообрядцы, и дети сектантов.

Будучи назначенным на Московскую митрополицию кафедру, владыка Владимир и здесь проявил себя как служитель мира и любви. «Нужно прежде всего думать не о том, что взять от народа, но о том, что мы сами можем дать ему», — говорил святитель московским семинаристам и собственным примером показывал им, как это надо делать. Он и в Москве продолжает свою просветительскую деятельность. В его епархиальном доме проводились лекции, чтения, беседы, действовала библиотека с читальным залом для всех желающих. Святитель начинает борьбу с народным пьянством, лично участвуя в проповеди христианства среди рабочих. Будучи духовным руководителем великой княгини Елизаветы Федоровны, он всячески поддерживал ее благотворительные начинания и помог в основании Марфо-Мариинской обители.

С 1912 года митрополита Владимира переводят в Петербург. Однако за активные выступления против Григория Распутина недоброжелатели добиваются перевода святителя в Киев. Один архиерей, провожая опального святителя, сказал ему: «Вы были первенствующий иерарх между нами не только по своему общественному положению, но и по Вашим высоким духовным качествам... Вы не боялись говорить правду, сознательно подвергая себя огорчениям и страданиям, и терпели их с величайшею твердостью души».

Октябрьский переворот 1917 года вызвал нестроения как в политической, так и в церковной жизни на Украине. Митрополит Владимир твердо встал на защиту единства Церкви, призвав препятствовать расколу. Этим святитель нажил себе много

врагов. С захватом Киева большевиками начались грабежи, насилия, осквернение храмов и монастырей. Тогда же началась и клевета на святителя, который будто бы «обирает Лавру, получая огромные деньги».

7 февраля 1918 года вооруженные люди ворвались в покои митрополита Владимира и после издевательств над ним повели на улицу. «Владыка был спокоен, — вспоминал его келейник, — словно шел на служение литургии. Напоследок он благословил меня, поцеловал и сказал: “Прощай, Филипп!”» Семидесятилетнего митрополита вывели на пустырь за Лаврой:

— Что, вы здесь меня хотите расстрелять? — спросил митрополит.

— А что же, церемониться с тобой? — ответил один из убийц.

— Тогда разрешите хоть помолиться...

— Давай поскорей... — Митрополит воздел руки кверху и сказал: «Господи, прости мои согрешения, вольные и невольные, и прими дух мой с миром». Затем, повернувшись к убийцам, благословил их крестообразно обеими руками и сказал: «Господь вас благословляет и прощает». Митрополит еще не успел опустить рук, как раздались выстрелы. Когда святитель упал, убийцы стали неистово колоть его и бить прикладами, а затем «для надежности» сделали еще два выстрела. И, бросив тело, скрылись. Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея Руси, так сказал о мученической смерти митрополита Владимира: «Мы глубоко верим, что эта мученическая кончина владыки Владимира была не только очищением грехов его, которые неизбежны у каждого, плоть носящего, но и жертвою благовонною во очищение грехов великой матушки-России».

Митрополит Владимир стал первомучеником в

новую эпоху гонений на христиан. И потому именно ко дню его смерти Церковь приурочила ежегодное поминовение новомучеников и исповедников российских.

М.В. Первушин

Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917–1918 годов

На протяжении столетий церковная и государственная власть в России были связаны столь неразрывно, столь прочно, что казалось: крушение Российской империи неминуемо повлечет за собой и крушение Русской Церкви. Однако под натиском революционной смуты государство пало, а Церковь — выстояла. Это стало возможным лишь благодаря Поместному Собору Русской Церкви, открывшемуся за два месяца до Октябрьской революции. Поместный Собор стал настоящим переворотом в церковной жизни. Все решения, принятые на его заседаниях, резко изменяли практику Синодальной Церкви. Соборные постановления вернули Русскую Церковь к подлинно каноническому строю. Ни одна из проблем, обсуждавшихся соборянами, не устарела до сих пор.

Реформы Петра I превратили Церковь в одно из государственных учреждений под руководством светского чиновника — обер-прокурора, которого назначал лично император. Структура, навязанная Петром, была чужда Церкви. Начало XX века с его революционными настроениями и резкими изменениями во всех сферах жизни общества поставило перед Церковью множество острых и болезненных вопросов. И разрешить их старыми методами было просто невозможно. Необходимость созыва Собора, который

мог бы в духе традиции реформировать церковную жизнь и дать ей правильные ориентиры, обсуждалась еще в 1906 году. Но император не дал разрешения на его проведение, да и потом еще неоднократно признавал его созыв несвоевременным. Лишь отречение Николая II и крах монархии дали возможность незамедлительно созвать Поместный Собор. Он открылся в Москве 28 августа 1917 года, в праздник Успения Пресвятой Богородицы. И первые его заседания проходили в стенах Успенского собора Московского Кремля.

Для работы на этом церковном форуме было избрано и назначено по должности 564 человека. Большинство членов Собора были клириками или мирянами, что позволило представить все слои церковного народа. «Необъединенность, разброд, недовольство, даже взаимное недоверие... — вот вначале состояние Собора, — вспоминает один из его участников. — Но с первых же заседаний все стало меняться... Начал превозмогать дух веры, дух терпения и любви... Толпа, тронутая революцией, под грохот пушек и пулеметов около стен соборной палаты стала перерождаться в гармоническое целое, внешне упорядоченное, а внутренне солидарное. Люди становились мирными, серьезными соратниками. Это перерождение было очевидно для всякого внимательного глаза, ощутимо для каждого соборного деятеля...»

Главным вопросом Собора стал вопрос о восстановлении законной и канонически верной верховной власти в Церкви — патриаршества. Голоса противников этого, вначале напористые и упрямые, в конце дискуссии звучали диссонансом, нарушая почти полное единомыслие Собора. 10 ноября 1917 года Собор проголосовал за восстановление патриаршества. После нескольких туров голосования были избраны три

кандидата на первосвятительский престол: архиепископ Харьковский Антоний, архиепископ Новгородский Арсений и митрополит Московский Тихон. Об этих кандидатах в патриархи соборяне говорили: «Самый умный из них — архиепископ Антоний, самый строгий из них — архиепископ Арсений, а самый добрый из них — митрополит Тихон». Было решено, что выбор патриарха нужно полностью доверить воле Божией, поэтому окончательное избрание главы Церкви определял жребий.

Вот как описывает торжество избрания патриарха один из членов Собора: «В назначенный день огромный храм Христа Спасителя был переполнен народом. Вход был свободный. В конце литургии митрополит Киевский Владимир вынес из алтаря и поставил на небольшой столик перед иконой Владимирской Божией Матери ковчег с именами кандидатов в патриархи. Затем из алтаря вывели под руки слепого старца — схииеромонаха Алексия, насельника Зосимовой Пустыни. В черных схимнических одеждах он подошел к иконе Богоматери и начал молиться, кладя земные поклоны. В храме стояла полная тишина. И в то же время чувствовалось, как нарастало общее напряжение. Молился старец долго. После он медленно поднялся с колен, подошел к ковчегу, вынул записочку с именем и передал митрополиту. Тот прочел и передал протодиакону. И вот протодиакон своим могучим и в то же время бархатным басом медленно начал провозглашать многолетие. Напряжение в храме достигло высшей точки. Кого назовет?.. “...Патриарху Московскому и всея Руси...” И сделав паузу для вдоха — “Тихону!” И хор грянул многолетие! Это были минуты, глубоко потрясшие всех, имевших счастье присутствовать. Они и теперь, через много лет, живо встают в памяти». В самое жестокое время

был избран самый добрый патриарх. На его долю выпали самые тяжелые испытания из тех, что переживала Русская Церковь. Вера в то, что жребий действительно отражал волю Божию, и помогла патриарху пройти все лишения, на которые обрекла его новая власть.

Кроме избрания патриарха, Поместный Собор обсуждал многие важные вопросы, ища на них ответы и принимая решения. Каждое из них влияет на церковную жизнь до сих пор, а на некоторые из вопросов еще предстоит ответить. Собор стал попыткой переосмыслить с современных позиций все аспекты церковной жизни — от высшей власти до управления приходом, от богослужения до суда. Но самое главное, что удалось сделать Собору, — это наладить управление Церковью в новом государстве, во главе которой встал Святейший Патриарх.

Собор работал более года. На заключительном заседании 20 сентября 1918 года Собор постановил созвать очередной Поместный Собор весной 1921 года. Однако этому не суждено было сбыться. Начались гонения, которые показали твердость в вере православных христиан и их стремление пострадать за Христа. «Нужно с благодарностью признать, — пишет историк, — что реформа Русской Церкви 1917 года дала ей, несомненно, великую помощь и внешнее подкрепление в ее наступившем тяжелом, гонимом положении». И именно с этого Собора начинается период новейшей истории Русской Православной Церкви.

М.В. Первушин

Император Николай II

20 октября 1894 года цесаревич Николай Александрович вступил на российский престол. В то время ему было 26 лет. В период его царствования Россия превратилась в одну из крупнейших аграрно-индустриальных стран мира. Росли города, строились железные дороги, промышленные предприятия; происходил быстрый рост экономики. Николай поддерживал решения, нацеленные на экономическую и социальную модернизацию страны: введение золотого рубля, столыпинскую реформу, законы о страховании рабочих, всеобщем начальном образовании, веротерпимости, реформирование армии. Вместе с тем его правление пришлось на период резкого обострения политической борьбы в стране, а также было осложнено непростой внешнеполитической ситуацией.

Личность Николая II, основные черты его характера, достоинства и недостатки вызывали противоречивые оценки как современников, так и потомков. Например, многие отмечали в качестве главенствующей черты его личности «слабоволие». Однако, по отзывам близко знавших его людей, царь отличался упорным стремлением к осуществлению своих намерений, нередко доходящим до упрямства. К тому же он обладал исключительной выдержкой, которая иногда воспринималась как безразличие к судьбам страны и людей. Так, известия о падении Порт-Артура или разгроме частей русской армии он встречал с хладнокровием, поражающим царское окружение. В занятиях государственными делами Николай II проявлял «необыкновенную усидчивость и аккуратность. Например, он никогда не имел личного секретаря и сам ставил печати на письма.

Один из священников, бывших в ставке императора во время мировой войны, вспоминал: «Царь обладал смиренной, простой и непосредственной ре-

лигиозностью. Искренняя набожность императора проявлялась при всяком богослужении, которые он посещал неукоснительно и с завидной частотой, не пропуская ни воскресных, ни праздничных служб.

Современники отмечали, что Николай II обладал цепкой памятью, острой наблюдательностью, был скромным, приветливым и чутким человеком. «Надо было видеть, — свидетельствовал о самодержце один из его секретарей, — с каким вниманием он рассматривал просьбы о помиловании осужденных на смертную казнь». При всей ответственности и внимании к делам государства Николай II более всего дорожил благополучием своей семьи. Именно семья являлась для императора опорой в жизни и отдушиной. Его супруга-императрица Александра Федоровна была для царя не только женой, но и другом, советчиком. Они были удивительно единоклюбы — их привычки, представления и культурные интересы во многом совпадали.

Переломным рубежом в судьбе Николая II стал 1914 год. Россия вступила в мировую войну, которая закончилась для нее крахом империи и свержением династии. Царь не хотел войны и до самого последнего момента пытался избежать кровавого столкновения. Война обострила внутренние проблемы страны. На Николая II и его окружение стали возлагать главную ответственность за военные неудачи и затянувшуюся военную кампанию. В конце февраля 1917 года в Петрограде начались массовые выступления против правительства и династии, которые не встречали на своем пути серьезного противодействия со стороны властей. Узнав об этом, Николай II, будучи на фронте, приказал силой навести порядок. Но когда выяснился масштаб беспорядков, отказался от этой мысли, опасаясь большого

кровопролития.

Некоторые высокопоставленные военные чины, члены императорской свиты и политические деятели убеждали царя в том, что для умиротворения страны требуется перемена правления, необходимо отречение его от трона. И Николай II уступил. 2 марта 1917 года в Пскове он подписал отречение. После этого Николай записывает в своем дневнике: «В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена, и трусость, и обман». Уже 9 марта Николай II и его семья были арестованы и отправлены сначала в Тобольск, а затем в Екатеринбург.

В июле 1918 года большевики, отступая под натиском Белой армии, приняли постановление о казни царской семьи без суда и следствия. Руководил расстрелом комендант дома Ипатьева, где узники находились в заточении. Вот что говорит в воспоминаниях один из участников этих событий: «Около полуночи члены царской семьи были разбужены и под конвоем переведены в подвальное помещение. Комендант объяснил царю, что делает это, чтобы обезопасить царя и его родных от артиллерийского обстрела. Больного сына император нес на руках. Едва они вошли в подвал, как следом за ними появилась расстрельная команда и комендант торжественно произнес: “Николай Александрович! Ваши родственники старались вас спасти, но этого им не удалось. Мы вас расстреляем!” Николай II не понял, о чем речь, коротко переспросил: “Что?” Не отвечая ему, пришедшие подняли оружие. Царица и дочь Ольга попытались осенить себя крестным знаменем, но не успели. Раздались выстрелы... Когда рассеялся дым, принесли носилки и начали убирать трупы. Вдруг одна из дочерей Николая закричала и закрыла лицо рукой. Тогда начальник охраны взял у меня винтовку

со штыком и доколот всех, кто оказался живым. Крики и стоны заглушил мотор подъехавшего грузовика, предназначенного для перевозки трупов».

Как бы ни оценивали личность последнего российского императора потомки, все, кто когда-либо встречался с Николаем II или близко знал его, одинаково заверяли: «Всегда доброжелательный и ласковый, он производил чарующее впечатление. Его неспособность отказать кому-либо в просьбе, особенно если она шла от заслуженного лица и была сколько-нибудь исполнима, подчас мешала делу, но вместе с тем увеличивала обаятельность его личности. Царствование его закончилось неудачно и притом во многом по его (недопустимому для царя) человеколюбию к своим подданным. Однако достоинства его легко забываются, так как они были видны только лицам, видевшим его вблизи, и считаю своим долгом их отметить, — свидетельствует бывший одним из ближайших к Николаю министр, — тем более что до сих пор вспоминаю о нем с самым теплым чувством и искренним сожалением».

М.В. Первушин

Патриарх Московский и всея России Тихон

Митрополит Московский Тихон стоял в алтаре Успенского собора Московского Кремля 21 ноября 1917 года. Он только что был облачен двумя старейшими архиереями Русской Православной Церкви в старинные патриаршие одежды предшественников на первопрестольной кафедре. За раскрытыми Царскими вратами волновалось море народа. Все со свечками в руках, как на Пасху. Перед Тихоном ле-

жал белый патриарший куколь с небольшим крестом, который ждал его головы. На восточной стене собора высилось распятие. Руки Христа были оторваны рядом после ночного обстрела Кремля большевиками. Он медленно перевел глаза с куколя на распятие, но в его взгляде читалось — отсутствие.

Где были его мысли в ожидании первой патриаршей интронизации после двухсотлетнего перерыва в истории Русской Церкви? Может быть, он вспоминал детство: «Старинный, уютный городок Торопец в Псковской губернии, в котором он, маленький Вася Белавин, сын священника, бежит в духовное училище. Учился он хорошо — и в училище, и в семинарии, а затем и в Академии, всегда оставаясь незаметным, скромным, ласковым, готовым помочь. Ведь еще тогда, во время учебы, одноклассники прозвали его “патриарх”, и когда он входил в класс, шутя возглашали ему: “Вашему Святейшеству многая лета!” А ведь тогда и подумать было нельзя о восстановлении патриаршества... Потом было и преподавание в родной Псковской семинарии, и монашеский постриг с именем Тихона...» Может быть, он вспоминал и свою архиерейскую хиротонию в 32 неполных года: «Тогда он стал самым юным русским архиереем. Лишь год пробыл он на своей первой кафедре — в Холмщине. Когда пришла весть о его переводе и отъезде, то без преувеличения весь город вышел проводить своего архипастыря. Народ плакал. Некоторые даже легли на железнодорожное полотно, пытаясь силой удержать поезд с их любимым архиереем. Только его сердечное обращение успокоило горожан. И такие проводы окружали его всю жизнь. Плакала и православная Америка. В течение девяти лет он управлял североамериканской паствой и все эти годы провел в постоянных разъездах, преодолевая тысячи километ-

ров и посещая самые отдаленные и труднодоступные селения. Он не только духовно окормлял паству, но помогал строить новые храмы, главным среди которых стал величественный Свято-Никольский собор в Нью-Йорке. Его ласковое, доброе, внимательное отношение ко всем, будь-то русские или алеуты, православные или католики, завоевывало любовь и преданность ему. Так было затем и на Ярославской кафедре. Так было и в Литве. Вплоть до избрания в 1917 году на кафедру Московских митрополитов...» А может быть, он вспоминал свои слова, сказанные им после объявления об его избрании патриархом: «Эта весть является для меня тем свитком, на котором написано: “Плач, и стон, и горе!” Сколько мне придется глотать слез и испускать стонов в предстоящем мне патриаршем служении...»

— Господи, да минет меня чаша сия... — вслух вздохнул Тихон, переводя взгляд с поврежденного распятия на крест куколя. И многие, стоявшие в алтаре, слышали эти скорбные слова, восходящего на свою Голгофу нового патриарха. А в храме в это время гудел торжеством могучий бас архидьякона, возглашая новому патриарху «Аксиос!», и хор подхватывал уже по-славянски: «Достоин!»

Через несколько месяцев новоизбранный первосвятитель мог убедиться, насколько пророческими оказались его слова: грабежи, аресты, голод, кощунства, вскрытия мощей, первые новомученики — зверски умерщвленные священники, епископы, митрополиты. Патриарх Тихон пытался протестовать. «Опомнитесь, — писал он, — прекратите ваши кровавые расправы!» — но все тщетно. Уже в 1918 году большевистская власть решается на первый арест патриарха. Однако под давлением общественности первосвятителя вскоре освобождают. Понимая всю

невозможность ареста такой авторитетной личности, какой был патриарх, большевики несколько раз устраивали на него покушения: то пытались разбить голову дубинкой, то зарезать при выходе из храма. В него даже стреляли, но в результате убили патриаршего секретаря. Святителю предлагают бежать за границу, но Тихон не согласился. «Мое место здесь, с Креста не сходят — с него снимают», — часто повторял он.

Первые советские газеты пестрели заголовками: «Тихон Кровавый», «Положить конец тиховщине!»... Правительство требовало от патриарха все новых и новых уступок, угрожая смертью многих невинных людей. Убедившись, что новая власть прочно утвердилась, святитель Тихон обратился с посланием к духовенству Русской Православной Церкви. В нем он обязал священников отречься от какой-либо политической борьбы и применил к большевикам слова апостола Павла: «Всякая власть от Бога». В дальнейшем он с горечью убедится, что предел уступок, требуемых советской властью, лежит за гранью верности Христу. «Не слишком ли я уступил? — спрашивал первосвятитель и добавлял: — До себя-то мне дела нет, пусть имя мое с грязью смешают, только бы Церкви польза была».

Пережив еще один арест, святитель Тихон последние годы жизни провел в Донском монастыре. Он оставался таким же простым и смиренным, каким был и раньше. Он охотно служил, когда его приглашали в самые скромные церковки. Со всеми он был ласков и кроток. И люди шли к нему нескончаемым потоком. Последнюю свою литургию патриарх Тихон совершил 23 марта, а 7 апреля 1925 года святителя не стало. Причиной смерти назвали сердечную недостаточность, но сегодня многие историки склоняются к версии отравления. В день похорон более ста тысяч

человек пришли проститься со своим патриархом. Площадь перед монастырем, все улицы, выходявшие на нее, были заполнены верующими. Когда выносили гроб, весь народ подхватил прощальное песнопение: «Вечная память...» Так попрощался народ со своим добрым патриархом.

Как завещание для нас звучат последние слова святителя Тихона: «Чадца мои, православные русские люди! Только на камне врачевания зла добром создается нерушимая слава и величие нашей Святой Православной Церкви, и неуловимо даже для врагов будет имя ее, чистота подвига ее чад и служителей. Следуйте за Христом! Не изменяйте Ему! Не поддавайтесь искушению... Не будьте побеждены злом. Побеждайте добром!»

М.В. Первушин

Священномученик Вениамин, митрополит Петроградский

Сегодня уже трудно представить, как жилось православным людям в годы открытых, последовательных и жестоких гонений на Церковь. Трудно восстановить атмосферу общественной и человеческой скверны, окружавшей церковную жизнь. В то время любой красноармеец безнаказанно мог расстрелять священника как заведомого обманщика и контрреволюционера, а любой «сознательный» член советского общества «с чистой совестью» мог написать донос или дать показания против «церковников» как заведомых врагов новой жизни. В январе 1918 года после издания декрета «Об отделении Церкви от государства», который воспринимался властью на местах как сигнал к началу гонений на веру, по

всей стране прокатилась волна закрытия и разрушения храмов, массовых арестов, ссылок и казней верующих. Среди пострадавших был и митрополит Петроградский Вениамин (Казанский).

Будущий священномученик Вениамин родился в 1873 году на севере России в многодетной семье сельского священника Олонецкой губернии. В крещении был назван Василием. Окончив с отличием Петрозаводскую духовную семинарию, Василий Казанский продолжил свое образование в Санкт-Петербургской Духовной Академии. Будучи студентом, он активно участвовал в деятельности «Общества религиозно-нравственного просвещения», организуя беседы на фабриках среди рабочих. Еще учась на третьем курсе Академии, он принял монашеский постриг с именем Вениамина.

По окончании обучения молодой иеромонах Вениамин был направлен инспектором в одну из провинциальных духовных семинарий. Вот как отзывался о нем ректор этой семинарии: «Молоденький, скромный, кроткий, улыбающийся монах, а дело, порученное ему, повел крепкой, умелой рукой и достиг добрых результатов». Через два года Вениамина возвращают в Петербург на место инспектора Академии. А затем, рукоположив во епископа, назначают ректором столичных духовных школ.

Став архиереем, Вениамин не оставил обязанность пастырского подвига и апостольской проповеди. Вот как вспоминал о нем его современник: «Епископа Вениамина отличало тесное общение с паствой. Он часто служил в храмах на рабочих окраинах и в отдаленных селах. Десятки верст прошел он, нередко под дождем и по грязи, в крестных ходах, подавая пример священникам и мирянам.

Все его богослужения сопровождалось сердечным словом, близким и понятным простым людям... Он всегда находил путь к сердцам простых людей. И за это был искренне любим паствой. И несмотря на епископский сан, его часто называли просто: “Наш батюшка”».

Владыка Вениамин спешил по первому зову своей паствы, словно приходской священник. Евангельская простота святителя, отзывчивость, сердечность, доступность располагали к нему даже иноверцев. Его академическая приемная всегда была полна народа. И он всегда старался выслушать и утешить каждого пришедшего к нему. Народное признание владыки Вениамина особо проявилось, когда на столичную кафедру выбирали нового архиерея. Вся епархия единодушно избрала Вениамина своим архипастырем. Это был первый случай народного избрания епископа на церковную кафедру.

Управляя столичной митрополией, Вениамин был самым аполитичным епископом во всей Российской Церкви. Это подтверждается и его собственными словами. Сразу же после избрания на Петроградскую кафедру святитель заявил: «Я стою за свободную Церковь. Она должна быть чужда политики, ибо в прошлом она много от нее пострадала. Самая главная задача сейчас — это устроить и наладить нашу приходскую жизнь».

Летом 1921 года начался голод в Поволжье. Митрополит Вениамин не мог не откликнуться на чужую беду. Он стал активно привлекать приходы и монастыри Петроградской епархии к оказанию помощи голодающим. Известны слова святителя Вениамина: «Я готов своими руками снять драгоценную ризу с почитаемой Казанской иконы Божией Матери и отдать ее, чтобы спасти людей от голода».

И эта добровольная инициатива петроградского владыки была проведена еще до начала процесса со стороны властей «по изъятию церковных ценностей». Однако согласно секретной инструкции Совнаркома от 19 марта 1922 года, изъятие церковных ценностей должно было производиться в насильственном порядке и «вылиться в яростную антирелигиозную кампанию, в результате которой необходимо истребить как можно большее число реакционного духовенства и буржуазии». Поэтому новой власти не нужны были добровольные пожертвования.

Сфабрикованное дело против владыки Вениамина обвиняло его в обратном — в сопротивлении изъятию ценностей. Он был арестован и предан суду. Вместе с ним было привлечено еще 85 человек духовенства и мирян. Этот процесс сполна выявил то уважение, с которым относились к Вениамину жители Петрограда. Когда он входил в зал суда, все присутствовавшие вставали. Его адвокат, выступая перед ревтрибуналом, особо подчеркивал: «Это же ставленник народа! Первый ставленник, который никогда не порывал с народом». Свое заключительное слово владыка Вениамин посвятил доказательствам невинности других подсудимых, а о себе сказал: «Какой бы приговор мне ни вынесли, я осеню себя крестом и скажу — слава Богу за все!» Владыка вместе с тремя своими сподвижниками был приговорен к смертной казни. Еще месяц они ждали исполнения приговора. Перед расстрелом все были обриты и одеты в лохмотья, чтобы нельзя было узнать духовных лиц.

В последнем, предсмертном письме владыки Вениамина читаем: «В детстве я зачитывался житиями христианских мучеников и восхищался их геро-

измом, их воодушевлением, жалея всей душой, что времена не те и не придется переживать, что они переживали. Но времена переменялись, открывается возможность терпеть ради Христа... Мои страдания достигли своего апогея, но увеличилось и утешение. Я радостен и покоен, как всегда. Христос — наша жизнь, свет и покой. С Ним всегда и везде хорошо... Надо себя не жалеть для Церкви, а не Церковью жертвовать ради себя». Этому принципу святитель Вениамин следовал в течение всей своей поистине самоотверженной жизни и завещал потомкам.

М.В. Первушин

Раскол обновленчества

В мае 1922 года в Русской Православной Церкви вспыхнул раскол, который был спровоцирован большевистским правительством. Этот раскол был необходим новой власти для решения задач антицерковной политики и атеистической пропаганды. В результате Русская Церковь была разделена на патриаршую во главе со святителем Тихоном и обновленческую. В течение пяти лет вплоть до 1927 года обновленчество было единственной официально признаваемой советским руководством церковной организацией. Более того, обновленцы добились признания других Поместных Православных Церквей, но в то же время они выступали против законного патриарха Тихона.

Само движение за «обновление» Российской Церкви возникло весной 1917 года. Одним из организаторов и идеологов этого движения был священник Александр Введенский. В дальнейшем он возглавит

обновленческую Церковь в сане митрополита и станет ее бесменным лидером на все время существования раскола. По воспоминаниям современников, это был «яркий, умный, несколько эксцентричный человек. В нем было многое от судейского оратора и опереточного актера. Он умел быть обаятельным и располагать к себе людей, имел шесть дипломов о высшем образовании, цитировал на память... на разных языках целые страницы... Но в то же время был крайне честолюбивым человеком...».

Движение за обновление не получило поддержки на Поместном Соборе 1917–1918 годов. Оказавшись в меньшинстве, Александр Введенский записал в своем дневнике: «После избрания патриарха в Церкви можно оставаться лишь для того, чтобы уничтожить патриаршество изнутри». Однако среди обновленцев не было единства. Их движение оказалось соединением очень разных течений. Все они были объединены лишь борьбой с «тихоновской» Церковью.

С приходом к власти большевиков и началом гражданской войны обновленцы активизировались. Появилось множество мелких церковно-реформаторских групп. У каждой из них была своя программа церковных преобразований, рассчитанная на радикальное обновление Русской Православной Церкви. Все они выступали за тесное сотрудничество с советским государством в борьбе с патриархом Тихоном, в остальном же их голоса варьировались от требований изменения богослужебного чина до призывов к слиянию всех религий.

Философ Николай Бердяев, вызванный в 1922 году на Лубянку, вспоминал: «Я был поражен, что коридор и приемная ГПУ были полны духовенством. Это все были обновленцы. К ним я относился

отрицательно, даже брезгливо, так как они начали свое дело с доносов на патриарха и патриаршую Церковь. Так не делается реформация».

Александр Введенский потребовал от арестованного патриарха Тихона, чтобы тот оставил престол и отказался от власти. Но святитель отказался. Тогда депутация обновленцев достигла соглашения с советским правительством, которое официально объявило об учреждении нового «Высшего церковного управления», состоящего полностью из раскольников. Большевики, чтобы облегчить «новому церковному правительству» овладеть властью, поместили патриарха в строгую изоляцию. И уже к концу 1922 года обновленцы смогли занять две трети из 30 тысяч действовавших в то время храмов. Причем захват обновленцами церковной власти на местах сопровождался массовыми арестами духовенства и административными ссылками.

Один из архиереев с горечью писал святителю Тихону: «С целью захвата власти обновленцы с помощью местных органов власти удалили с кафедр без суда и указания причин многих епископов и заменили их единомышленными себе». Сам же патриарх Тихон жаловался в письме сербскому патриарху: «Во время невольного удаления нашего от церковных дел восстали некоторые мятежные пресвитеры и недостойные епископы». Обновленцам удалось не без помощи светских властей убедить Константинопольского патриарха в законности их власти. Вселенский патриарх написал патриарху Тихону воззвание, в котором просил его удалиться от управления Церковью и упразднить патриаршество, «как родившееся в ненормальных обстоятельствах... и бывшее значительным препятствием к восстановлению мира и единения». Не без колебаний и давления со стороны

Константинополя временно признали обновленчество и другие восточные патриархи.

Однако большинство верующих в России не приняли их религиозно-церковного реформаторства, усмотрев в нем «порчу Православия», отказ от «веры отцов и дедов». Вот мнение самого обновленческого епископа о нравственном разложении раскольников: «Не осталось уже ни одного пьяницы, ни одного пошляка, который не пролез бы в церковное управление и не покрыл бы себя титулом или митрой. Вся Сибирь покрылась сетью архиепископов, наскочивших на архиерейские кафедры прямо из пьяных дьячков... Население же за ничтожным меньшинством стояло и стоит за целостность Православной патриаршей Церкви».

С кончиной патриарха у обновленцев возросли надежды на победу над Православием. Однако первое же послание местоблюстителя патриаршего престола требовало категорического отказа от мира с раскольниками на их условиях. Стало ясно, что обновленчество обречено. Положение их было незавидным: пустые церкви, нищие священники, окруженные ненавистью народа. Число верных им храмов и духовенства катастрофически сокращалось. Современный историк, оценивая обновленческое движение, пишет: «Обновленчество в целом оказалось ошибочным. Исходя из стремления к реформам, преобразователи пытались революционизировать Церковь, перешагнув при этом через основные для Православия вероучительные и богослужебные принципы, утратив контакт с верующими».

Влияние обновленчества шло неуклонно на спад. Окончательным ударом по движению стала решительная поддержка властями СССР патриаршей Церкви в сентябре 1943 года. От всего обновленчест-

ва к концу войны оставался только один приход. А со смертью обновленческого митрополита Александра Введенского в 1946 году это движение полностью исчезло.

М.В. Первушин

Священномученик Петр (Полянский)

12 апреля 1925 года в день погребения патриарха Тихона состоялось совещание православных архиереев, съехавшихся на похороны. На нем было решено, согласно воле почившего первосвятителя, назначить местоблюстителем патриаршего престола митрополита Крутицкого Петра. Митрополит Петр возглавил Русскую Церковь в тяжелейших условиях, когда большая часть епископата и многие тысячи священников сидели по тюрьмам, находились в лагерях, ссылках или были убиты. Церковь страдала не только от явных врагов, но и от внутренних расколов. Митрополит Петр всеми силами стремился следовать по пути, указанному его другом и предшественником патриархом Тихоном.

Будущий священномученик родился в 1862 году в многодетной семье приходского священника Воронежской губернии. Петр по первому разряду окончил Воронежскую духовную семинарию, а затем со степенью кандидата богословия Московскую Духовную Академию. В студенческие годы, по воспоминаниям сокурсника, его отличало «благодушие, покладистость, доброжелательность. Своим жизнерадостным характером Петр умел объединить всех нас таких разных в одну дружную семью. Благодаря ему мы все вместе

плодотворно и заинтересованно учились, а в свободное от занятий время — дружно и интересно отдыхали».

Несмотря на то что Петр до 60 лет оставался мирянином, что необычно для выпускника высшей духовной школы, он всю жизнь посвятил служению Церкви. Был помощником инспектора Московской Духовной Академии, при этом безвозмездно преподавал Закон Божий в частном женском училище Сергиева Посада. Долгое время он являлся смотрителем Жировицкого духовного училища, сделав из него, по неоднократным отзывам приезжавших туда ревизоров, «блестящее, образцовое учебное заведение». Именно в этот период произошло близкое знакомство будущего патриарха Тихона с Петром Полянским. На примере управления Жировицким духовным училищем святитель Тихон оценил способности, возможности и настрой своего нового друга. В дальнейшем Святейший Синод неоднократно отмечал плодотворную деятельность Петра Федоровича Полянского: «Ревность о деле Божиим, замечательные административные способности сделали из него прекрасного труженика на церковной ниве административно-педагогического служения». При большой загруженности церковными и общественными послушаниями Петр находил время и для научных занятий. По воспоминаниям современников, «природная безунывность Петра, его нравственное здоровье и огромный душевный такт поражали всех окружающих, так что, узнав его, невозможно было не полюбить».

В 1920 году, когда начались массовые кровавые гонения на Церковь, когда епископство, как и в древние времена, сулило не почет, а одни страдания, Святейший Патриарх Тихон предложил Петру Федоровичу принять монашество, епископство и стать его помощником по управлению Церковью. В ту пору

Полянский жил в Москве, в доме своего брата-священника. Рассказав родным о предложении патриарха, он добавил: «Я не могу отказаться. Если откажусь, то буду предателем Церкви, но согласившись — я знаю, что подпишу сам себе смертный приговор». Его пророческие слова сразу же стали сбываться. На следующий день после рукоположения он был арестован и сослан. Вернувшись из ссылки, Петр стал ближайшим помощником патриарха Тихона. В 1924 году он был возведен в сан митрополита Крутицкого и включен в состав Временного Патриаршего Синода. Став после смерти Тихона патриаршим местоблюстителем, владыка Петр принял на себя всю тяжесть первосвятительского креста.

В общении с людьми митрополит Петр отличался чрезвычайной вежливостью и мягкостью, но это не мешало ему быть твердым и настойчивым в осуществлении своих намерений. Он не был ни политиком, ни дипломатом, единственной его целью было не дать разорить Русскую Церковь ни внешним врагам, ни внутренним расколам. Эта деятельность митрополита Петра вызывала крайнее недовольство как советской власти, так и лидеров обновленчества. Твердость, проявленная митрополитом Петром, обернулась для него новой ссылкой, из которой он уже не вернулся.

Зная о предстоящем аресте, митрополит Петр писал: «Меня ожидает суд людской, не всегда милостивый. Но не страшусь суда человеческого — неблагоклонность его испытали не в пример лучшие и достойнейшие личности. Опасаюсь одного: ошибок, опущений и невольных несправедливостей, — вот что пугает меня. Ответственность своего долга глубоко сознаю. Это нужно в каждом деле, но в нашем — пастырском — особенно». В декабре 1925 года местоблюститель был арестован. Для митрополита Петра

началось десятилетие мучительных допросов и истязаний в неволе.

Митрополита Петра мучили для того, чтобы заставить его отказаться от местоблюстительства. Он тяжело страдал от одиночного заключения, от бесчеловечного содержания в тюрьме, от изнурительных болезней. Он просил власти об облегчении своей участи, но не мог пойти навстречу их требованиям. «В сущности местоблюстительство лично для меня не представляет интерес, наоборот, оно все время держит меня в оковах гнета... — писал митрополит, объясняя свою позицию властям, — но своим званием я неразрывно связан волей всей Поместной Церкви. Решение данного вопроса не зависит от моей инициативы и не подлежит личному усмотрению, в противном случае я оказался бы изменником Святой Церкви». Митрополит Петр знал, какие пагубные для Церкви последствия может иметь его отречение. Шли годы, а он оставался в заточении, где условия его содержания становились все более страшными. «Я несколько лет не видел солнца, неба... Я потерял его ощущение. Особенно же меня угнетает лишение свежего воздуха... Кажется, что у меня одно время года — время скорби...» — писал митрополит Петр.

В 1937 году он был расстрелян по обвинению в непримиримой вражде к Советскому государству. Осталось завещание митрополита Петра всем чадам Русской Церкви, в котором он пишет: «Вас же прошу исполнять с любовью, как послушных детей, все правила, постановления и распоряжения Церкви. Это поможет вам укрепить волю в добре, почувствовать сладость духовной свободы от страстей, мир совести и торжество победы в борьбе со злом».

Протоиерей Сергей Булгаков

На знаменитой картине Михаила Нестерова «Философы» изображены два беседующих человека. Один из них священник, а другой мирянин — ученый, опустивший голову, — это и есть будущий протоиерей Сергей Булгаков. Однако в момент написания картины это был марксист, социал-демократ, ученый-политэкономом, занимающийся проблемами экономического развития мира, классовой борьбой, соотношением рынков при капиталистическом производстве. В целом его труды охватывают двадцать тысяч печатных страниц — это тридцать томов! Он переведен на все европейские языки. Экономист, историк, эссеист, литературный критик, философ, богослов, профессор, комментатор Библии, человек необыкновенно разносторонний и, наконец, священник — вот таков Сергей Николаевич Булгаков.

Он родился в 1871 году на Орловщине, в семье потомственного священника. «Семья была большая, — как вспоминал сам Сергей Николаевич, — нам жилось бедно, да и отец частенько пил». Хотя в целом о детстве у Булгакова остались только добрые и трогательные воспоминания. Он поступает в духовное училище, затем в семинарию, в которой проявляются его удивительные способности разностороннего ума. Но там же, в Орловской семинарии, в нем происходит и крушение веры. В то время студенты духовных школ читают Писарева, Добролюбова, Чернышевского, многие увлечены атеизмом. Они готовы служить народу, но служить Богу — для них пустое слово. И Булгаков становится одним из них. Он ос-

тавляет семинарию и поступает в университет, целиком посвящая себя изучению экономических теорий и, в частности, политэкономии Маркса.

Булгаков не был фанатиком политических мифов, он был ученым и искренне старался разобраться в марксизме. Пытаясь доказать его правоту, он все больше и больше убеждался в надуманности, отвлеченности, схематичности этой концепций. Он вдруг начал понимать, что здесь больше мифа, чем подлинной науки. Такое понимание пришло к Сергею Николаевичу, когда он уже был университетским преподавателем, успешно защитившим докторскую диссертацию. Вот что пишет он об этом времени в дневнике: «В душе моей воцарилась религиозная пустота... О, как страшен этот сон души. Ведь от него можно не пробудиться за целую жизнь. Одновременно с умственным ростом и научным развитием душа неудержимо и незаметно погружалась в липкую тину самодовольства, самоуважения, пошлости. В ней воцарялись какие-то серые сумерки, по мере того как все потухал свет детства».

В процессе исканий Булгаков вновь возвращается к проблемам вечности, к религии. В тридцать лет он издает сборник своих статей, который уже называется «От марксизма к идеализму». В нем Булгаков показывает, что, кроме экономических, хозяйственных проблем, существуют и проблемы духовные. И без возрождения духа не будет и возрождения экономического. С этого момента дальнейший путь Булгакова раздваивается. Он и историк, и экономист, и философ. Булгаков продолжал читать лекции в университете по «Истории экономических учений», в которых теперь начинал курс с ветхозаветного учения, основанного на духовных аспектах бытия.

Перед самой революцией Булгаков окончательно

возвращается в лоно Церкви. Этому способствовала отчасти и семейная трагедия. Булгаков очень тяжело переживал смерть одного из детей, находя утешение в беседах с оптинскими старцами. На Всероссийском Поместном Церковном Соборе 1917–1918 годов он уже является активным церковным деятелем, секретарем, составляет важнейшие соборные документы. Избранный патриарх Тихон особо высоко ценил Сергея Николаевича Булгакова. И когда тот обратился к нему с просьбой о рукоположении в священник сан, святитель Тихон ответил: «Сергей Николаевич, Вы нам в шуртуке больше нужны», имея в виду, что общественная, политическая, научная, публицистическая, философская деятельность Булгакова была для патриарха очень важна. В конечном итоге, уступая просьбам Булгакова, он дает свое благословение на его хиротонию. После хиротонии Булгаков записывает в дневнике: «Как правы оказались те из моих друзей, которое говорили в шутку, будто я родился в епитрахили. После того как меня рукоположили во священники, я стал окрыленным... Это было как будто возвращение к исконному призванию, к собственной природе!»

После революции Булгаков с семьей уезжает в Крым, а затем покидает Россию. Его принимают сначала Константинополь, затем Берлин, потом Париж. Там он становится преподавателем Свято-Сергиевского богословского института, служит в домовом храме, ведет кафедру догматического богословия и создает свои грандиозные произведения, уже в сфере богословской. У него было много учеников. Большинство из них рассказывали о его необыкновенной теплоте, душевности, мудрости, удивительной эрудиции. Булгаков любил собирать у себя дома семинары для обсуждения важнейших церковных и

богословских тем. Он поднимал массу спорных вопросов и потому был уязвим, как каждый мыслящий вслух человек. За отказ поддержать раскол в Русской Церкви его попытались обвинить в ереси. Однако Булгаков никогда не претендовал на абсолютную истину. Его размышления всегда были лишь богословским мнением, с которым можно было соглашаться или не соглашаться, но которое всегда имело место в Церкви.

В последние свои годы Булгаков был болен раком горла, ему сделали операцию, и он не мог уже читать лекции и служить. Только близкие понимали его шепот, но он продолжал непрерывно работать. Впечатление, которое оставила эта личность в людях, его знавших, неизгладимо. Свидетель его смерти писал: «Это была не смерть, а преображение. Причем именно так и говорил о себе Сергей Николаевич: “Я не умру, а преобразусь”. В течение нескольких часов от этого лица шел необыкновенный свет, и все это видели. Это была не агония, а вознесение духа... Он как бы созерцал тот другой мир, куда стремился и в котором всегда внутренне жил, и в этом созерцании он перешел отделяющую эти миры грань». Жизнь этого величественного, светлого, кроткого и мудрого человека гигантского ума, огромной веры, навсегда останется примером искреннего чистосердечного поиска правды и ее обретения.

М.В. Первушин

Митрополит Антоний (Храповицкий)

«Митрополит Антоний должен быть поставлен в один ряд с великими иерархами первых веков христианства, — говорил в прощальном слове на его по-

гребении сербский патриарх Варнава. — По примеру древних святителей, которым он всегда подражал в своем подвиге, он стал не только религиозным, но и национальным вождем русских людей, изгнанных со своей родины и живущих в эмиграции». Имя митрополита Антония во многом связано также и с периодом предреволюционного расцвета русской богословской мысли и церковной литературы в Российской Церкви.

Родился будущий митрополит в 1863 году в многодетной семье новгородского помещика. Он был крещен с именем Алексей и с детства воспитывался матерью в любви к молитве и Церкви. Юный Алеша прислуживал за богослужениями в храме и мечтал учиться в духовной семинарии. О своих детских впечатлениях владыка впоследствии вспоминал: «Я возлюбил Христову Церковь... и чувствовал своей младенческой душой величие Божие, возвышенную истину нашей веры в благолепии церковных служб, в таинственных священнодействиях архиерея». Однако вопреки его желанию он был отдан отцом в одну из столичных гимназий. Тем не менее любовь к Церкви не только не остыла, но еще более разгорелась в юном сердце мальчика. Уже в пятом классе гимназии Алеша написал службу святым Кириллу и Мефодию, которая впоследствии была одобрена Святейшим Синодом и вошла в богослужебный обиход. Учась в столице, Алеша часто посещал публичные выступления Достоевского. Было даже распространено мнение о том, что образ Алеши Карамазова Достоевский написал именно с юного Храповицкого. Любовь к творчеству великого писателя Алексей пронес через всю жизнь. Философские идеи Достоевского оказали значительное влияние на мировоззрение будущего митрополита, на круг его богословских

и научных интересов. Вот как сам владыка говорил впоследствии своему ближайшему другу: «Прежде всего, Библия, потом церковный устав, а на третьем месте — Достоевский, ведь он великий знаток человеческой души! Его творения должны составлять нравственно-патриотический катехизис русского человека».

Интересы будущего митрополита были разнообразны. Кроме гимназических предметов, он изучал одновременно и богословие, и литературу, и... биологию. Еще мальчиком он поместил в специальном научном журнале исследование об одной породе уток. Однако духовный интерес преобладал над всеми другими.

После окончания гимназии Алексей Храповицкий поступил в Петербургскую Духовную Академию, выдержав трудный конкурсный экзамен с пристрастием по причине отсутствия семинарского образования. Перед самым выпуском из Академии 22-летний Алексей Храповицкий принял монашество с именем Антоний. Его дальнейшая жизнь традиционна для ученого-монаха: сначала годы педагогической деятельности, затем ректорство в Петербургской семинарии, Московской и Казанской Духовных Академиях, архиерейство. Однако отношения со студентами у владыки Антония строились необычно. Он был для них не просто начальником, а учителем, пастырем и в первую очередь отцом. «Владыка был сердцем нашего академического мира... — вспоминает один из учившихся тогда студентов. — Двери его покоев всегда, даже далеко за полночь, были открыты для студентов... Он умел подойти к каждому из нас по-отечески, без формализма и официальности. Он впервые, может быть, многим из нас раскрывал смысл православного пастырства как пе-

реживания всех искушений и падений своих духовных чад, и возрождения их силою сострадательной любви и молитвы».

Богословская и литературная деятельность митрополита Антония была обширна и разнообразна. Им написаны многочисленные исследования по богословию, философии и филологии. В них владыка проводил одну и ту же идею сострадательной любви к людям. Этому же он учил и на каждой своей лекции: «Дух христианства должен над всем преобладать!» — часто подчеркивал он и старался сам воплотить это в своей личной жизни. Немало было случаев, когда владыка Антоний снимал с себя рясу и отдавал ее бедному приходскому священнику. Редким даром открытого сердца каждому приходящему владыка снискал немалый авторитет. С особой силой этот авторитет проявился на Всероссийском Поместном Церковном Соборе. Именно митрополиту Антонию в большинстве своем обязаны мы восстановлением патриаршества, о котором он мечтал с юности. Владыка Антоний после избрания на патриарший престол митрополита Тихона приветствовал последнего от имени Собора. Святитель Тихон, поблагодарив всех архиереев, обратился лично к архиепископу Антонию: «Припомним, как в годы нашего учения в Академии... Вы часто в беседах говорили студентам о восстановлении патриаршества. Вы, владыка Антоний, паче других потрудились в сем деле, и мы свидетели сего. Пропоем ему многая лета».

С началом гражданской войны и первых гонений на Церковь митрополит Антоний поддержал Белое движение. Он не хотел принимать революции. Для него «царь и монархия были вопросами не политическими, а чисто религиозными». Владыка утверждал, и во многое его утверждения были пророческие, что

«характер революции русской — не экономический, а противохристианский... Отвергнув Христа, люди захотят ввести справедливость, а кончат тем, что залют мир кровью! Социализм — не экономическая теория, а атеистическая Вавилонская башня». Поэтому митрополит Антоний стал во главе Высшего церковного управления на территории, контролируемой армией Врангеля. После эвакуации из Крыма владыка прибыл в Константинополь, а откуда был приглашен патриархом Сербским Димитрием в Югославию. Здесь в Сремских Карловцах в декабре 1921 он провел Первый Заграничный (Карловацкий) Собор, положивший начало Русской Православной Церкви Заграницей. Здесь же, в Сербии, он прожил 15 лет, возглавляя церковную жизнь русского зарубежья.

М.В. Первушин

Патриарх Московский и всея Руси Сергий (Страгородский)

Имя и дела патриарха Сергия вызывали в прошлом и до сих пор вызывают бурные споры и дискуссии. Для одних патриарх Сергий — церковный деятель, сумевший в сложных и трагических обстоятельствах российской истории XX века сохранить Православную Церковь, уберечь ее от разгрома и уничтожения со стороны богоборческой власти и лидеров обновленческого движения. Для других он — человек, совершивший «акт предательства» интересов Церкви, добровольно и безоговорочно «сдавший» ее в «сладкий плен безбожного государства», а потому достойный самого строгого церковного суда. Однако, несмотря на оценки, большинство исследователей ви-

дят в патриархе Сергии личность яркую и многогранную, авторитетного богослова, крупного церковного и общественного деятеля.

Родился будущий патриарх Сергий 11 января 1867 года в городе Арзамасе в семье священника. В крещении был назван Иваном. Образование он получил обычное для детей духовенства — приходское и духовное училище, затем Нижегородская семинария, после успешного окончания которой Иван поступает в Санкт-Петербургскую Духовную Академию. Перед выпускным курсом на летних каникулах Иван едет на Валаам, где окончательно решает посвятить свою жизнь Церкви. Он принимает монашество с именем Сергий.

Окончив Академию со степенью кандидата богословия, иеромонах Сергий, несмотря на уговоры преподавателей, не остался профессорским стипендиатом. Он избирал иной путь — миссионерское служение в далекой и тогда практически неизвестной для европейцев Японии. Однако состояние здоровья заставило молодого миссионера через три года вернуться в Россию. Последующие годы тесно связали Сергия с Санкт-Петербургской Духовной Академией, где он трудился в должности инспектора, а впоследствии и ректора. Затем последовало назначение на Финляндскую кафедру. Именно в этот период известность епископа Сергия достигает все-российских масштабов. Это был один из самых деятельных членов Святейшего Синода. Вот как характеризовало труды Сергия одно из церковных изданий: «Никто из членов Синода не работал так много, как высокопреосвященный Сергий. Он деятельно участвовал не только во всех комиссиях по церковным реформам, но и в качестве председателя Учебного комитета, и в Предсоборном присутствии,

и председательствовал в Предсоборном совещании, и в миссионерском совете, и в комиссиях по вопросу о поводах к разводу, по реформе церковного суда, по диалогам со старокатоликами и так далее, и так далее, и так далее».

Активность Сергия не спала с революционными событиями. Он со свойственным ему энтузиазмом готовил Поместный Собор. После избрания патриарха Тихона он стал одним из его единомышленников и деятельных помощников не только в годы резкого противостояния «большевистскому правительству», но и тогда, когда святитель Тихон прилагает усилия к нахождению компромисса с государством. После ареста патриаршего местоблюстителя митрополита Петра в конце 1925 года фактически предстоятелем Русской Церкви становится митрополит Сергей. В течение 18 лет он носил титул заместителя патриаршего местоблюстителя. Первые годы его управления Русской Православной Церковью были годами серьезных разногласий между иерархами, бурных колебаний и расколов. Далек не все признали митрополита Сергия законным главой русского Православия с того самого момента, когда он принимал управление делами, другие отделились от него в последующие годы. Но та задача, которая стояла перед митрополитом Сергием, была велика и сложна. Нужно было найти правильную основу для взаимоотношений между Церковью и советским правительством, не дать богоборческой власти разрушить многовековой институт Русской Церкви, а также довести до сознания верующих, что подчинение атеистической власти не является изменой Богу и что забота о благосостоянии Родины — обязанность каждого. Митрополит Сергей понимал, что спасти Церковь и дать ей надежду на благоприятное

будущее могло только одно — урегулирование отношений с государством на его условиях. И в этой ситуации Сергей, как и патриарх Тихон, не уклонился от тяжкого жребия. Он сделал шаг навстречу власти. Шаг, который лично ему не мог принести славы и почета, но который давал шанс выжить всем тем, кто был рядом с ним. Шаг, который не дал бы прерваться тысячелетней нити Православия на Руси. В 1927 году он принимает декларацию, где формулирует позицию лояльного отношения Церкви к Советскому государству и призывает духовенство и верующих быть «верными гражданами Советского Союза».

Лишь в годы Великой Отечественной войны появилась возможность созвать Архиерейский Собор. Он был открыт 8 сентября 1943 года с санкции и при поддержке советского правительства. В его состав входило 19 иерархов, которые избрали митрополита Сергея Патриархом Московским и всея Руси. После своей интронизации Патриарх Сергей сказал: «В звании патриаршего местоблюстителя я не так сильно опасался за возможные ошибки. Будет, думал я, избран патриарх, он и исправит, если что не так. Теперь же, когда я облечен высоким званием патриарха, уже нельзя говорить о том, что кто-то другой исправит ошибки и сделает недоделанное, а нужно самому поступать безошибочно, по Божией правде, и вести людей к вечному спасению...» Но патриаршество Сергея длилось не долго. 15 мая 1944 года он скончался. «Все было велико, — пишет известный современный богослов, — в жизни великого Сергея, который всего лишь несколько последних месяцев своего епископского служения носил сан патриарха... Но чтобы руководить церковной жизнью в столь исключительных условиях, в

Москве — столице нового государства... надо было обладать непоколебимой верой в богоустановленность Церкви».

Патриарх Сергей достойно выполнил свой человеческий и святительский долг перед Церковью и Родиной, показав нам, его потомкам, пример непоколебимой веры и упования на Бога.

М.В. Первушин

Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны

22 июня 1941 года, в день Всех святых, в земле Российской просиявших, Германия напала на Советский Союз. Началась Великая Отечественная война. В своих пропагандистских обращениях к русскому народу немецкое правительство, спекулируя на печальных страницах российской истории, пыталось предстать в облике защитника религии. Однако митрополит Сергей, бывший в то время фактическим главой Русской Церкви, в первый же день войны обратился ко всем верующим с посланием, в котором призвал русский народ не верить лживой пропаганде и встать на защиту Отечества: «Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину. Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла Шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой... Вспомним святых вождей русского народа Александра Невского, Дмитрия Донского, полагавших свои души за народ и Родину... Положим же и мы души свои вместе с нашей паствой... Церковь благо-

словляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует победу!» Уже потом патриарх Сергей вспоминал, что «о том, какую позицию должна занять Церковь во время войны, задумываться не приходилось... Решение появилось сразу, ведь фашисты напали на нашу страну, ее опустошали, уводили в плен наших соотечественников...»

Когда фронт приблизился к Москве, патриархия была эвакуирована в Ульяновск. Окраина тихого провинциального города, где в маленьком доме разместился предстоятель Русской Церкви, стала в годы войны духовным центром России. Именно отсюда митрополит Сергей рассылал свои первосвятительские послания к пастве, призывая русский народ к мужеству и терпению: «Церковь раз и навсегда должна соединить свою судьбу с судьбою паствы как на жизнь, так и на смерть. И это она делает не из лукавого расчета, что победа обеспечена за нашей страной, а во исполнение лежащего на ней долга, как мать, видящая смысл жизни в спасении ее детей». По указу Синода по всей стране в православных храмах ежедневно за богослужением возносилась молитва о «сокрушении врагов и даровании победы».

Во многих приходах по стране проводился сбор средств на нужды обороны, на подарки бойцам, на содержание раненых и сирот в детских домах. В 1942 году митрополит Сергей обратился к пастве с призывом собрать средства на сооружение танковой колонны имени Дмитрия Донского. В ответ на этот призыв вся церковная Москва собрала свыше двух миллионов рублей. В блокадном Ленинграде православные собрали один миллион, а всего на танковую колонну было собрано более 8 миллионов рублей.

И в последующем призывы Сергия к пожертвованиям на нужды обороны Отечества встречали самую горячую поддержку. Так, на деньги верующих были построены авиаэскадрилья имени Александра Невского и самолеты сибирской эскадрильи «За Родину». Всего за войну по приходам было собрано и передано правительству более трехсот миллионов рублей на нужды фронта.

Грозная опасность, нависшая над самим существованием нашего государства, необходимость всенародного единения для победы над врагом, патриотическая позиция Русской Церкви побудили советское правительство к изменению религиозной политики. Начали открываться приходы, закрытые в 30-е годы. Многие из оставшихся в живых священнослужителей были освобождены из лагерей. Возобновились архиерейские хиротонии. Прекратил свое существование «Союз воинствующих безбожников», были закрыты антирелигиозные музеи. В начале войны в Ленинграде оставалось только пять действующих православных храмов, но они не прекращали богослужений во время блокады даже в будни. Из-за несмолкаемого обстрела, от взрывов бомб окна в храмах нередко были выбиты, температура опускалась ниже нуля. Однако певчие пели в пальто, в валенках, от голода едва держась на ногах. И эти храмы были переполнены молящимися и причастниками.

4 сентября 1943 года митрополит Сергей вместе с двумя митрополитами был приглашен в Кремль для встречи со Сталиным. Глава правительства заявил, что хочет знать нужды Церкви. Во время беседы митрополит Сергей указал на необходимость широкого открытия храмов, созыва Собора и выборов патриарха, наконец, открытия духовных учебных заведений, так как у Церкви отсутствуют подготовленные кад-

ры. «Здесь Сталин неожиданно прервал молчание, — вспоминает один из участников встречи, — “А почему у вас нет кадров?” — спросил он, вынув изо рта трубку и в упор глядя на своих собеседников. Мы смутились... Ведь всем было известно, что кадры “перебиты” в лагерях, но митрополит Сергей ответил: “Кадров у нас нет по разным причинам. Одна из них: мы готовим священника, а он становится маршалом Советского Союза”. Довольная усмешка появилась на устах главнокомандующего. Он сказал: “Да, да, как же. Я семинарист. Слышал тогда и о Вас”». В конце беседы Сталин дал положительный ответ на все просьбы иерархов и заверил, что «Церковь может рассчитывать на всестороннюю поддержку правительства».

И действительно, спустя всего четыре дня после беседы состоялся Собор. Некоторые из архиереев были доставлены на него прямо с тюремных нар. Во всех епархиях продолжали открываться закрытые ранее приходы. За один только 1944 год было открыто более 200 храмов. В Москве открылись Богословский институт и Богословско-пастырские курсы. Появилась реальная возможность подготовить и созвать Поместный Собор. И если после кончины патриарха Тихона престол московских первосвятителей оставался вдовствующим 18 лет, то после смерти его преемника патриарха Сергия до созыва нового Поместного Собора и выборов патриарха прошло всего 8 месяцев. Тогда, после десятилетий террора, это был шаг признания и возможность легального существования Православной Церкви в Советском Союзе. Эти мероприятия носили характер одобрения той позиции, которую Церковь заняла в отношении государства во время войны. Новая религиозная политика государства продолжалась еще около 10 лет после окончания Великой Отечественной войны. Изменение этой

политики произошло уже при новом руководстве страны.

М.В. Первушин

Патриарх Московский и всея Руси Алексий I

Родился будущий патриарх в 1877 году в Москве в семье потомственных дворян Симанских. При крещении его назвали Сергеем. Уже в детстве мальчика отличала особая любовь к храму. «Как отрадно было после молитвы приложиться к любимой иконе и получить благословение батюшки! — вспоминал Святейший Патриарх впоследствии. — Сколько благодатных, теплых воспоминаний оставалось в душе от таких знаменательных событий, неразрывно связанных с храмом, как говение на первой и на седьмой неделе Великого поста или как Пасхальная неделя».

Начальное образование он получил дома, затем его отдали в лицей, где он быстро стал одним из первых учеников. Заметив особую набожность и благочестие Сережи, духовник лицея выбрал его для прислуживания за богослужением. Все годы учебы Сережа участвовал в службах как чтец и пономарь. Именно тогда в душе у Сергея зародилось желание принять монашество и поступить в Духовную Академию. Окончив учебу с серебряной медалью, юноша просил родительского благословения на получение духовного образования. Однако отец настаивал: «Прежде чем поступать в Академию, необходимо получить высшее светское образование». Сергей дал слово родителям, что исполнит их просьбу, и подал заявление о поступлении в Мос-

ковский университет. Однако по окончании университета, согласно действовавшему закону, Сергей Симанский, как старший сын, должен был отбывать воинскую повинность. Военная служба не тяготила, но и не привлекала молодого человека. Сергей все более укреплялся в мысли о духовной стезе. И как только он был уволен в отставку, осуществил свою давнюю мечту.

Еще при поступлении в духовную школу Сергей выразил желание принять монашество. Однако ректор Московской Академии благословил его на это лишь через год, сам совершив над ним чин пострижения с именем Алексей.

Дальнейшая его судьба вполне традиционна: преподавание и административная работа в провинциальных семинариях: Псковской, Тульской, Новгородской. Необычны его наречение и хиротония во епископа, в которых принимал участие патриарх Антиохийский и всего Востока Григорий IV, находившийся в России в связи с празднованием 300-летия дома Романовых.

В первые недели Февральской революции 1917 года владыка Алексей призывал «со смирением принять свершившиеся политические изменения и выполнять законные требования новой власти». Но уже через две недели после Октябрьской революции владыка Алексей пророчески записал в своем дневнике: «По всему видно, что Святая Церковь наша вступает в полосу тягчайших бедствий и злостраданий и что нам, архипастырям и пастырям, предстоит много скорбей и лишений. Тому, кто верует, что, по слову Божию, Церковь Христова неодолима и что нынешняя, земная жизнь каждого человека есть лишь скорбная и неизбежная малая частица вечного бытия, можно этим утешаться и надо только просить у

Господа до конца остаться Ему верным и не изнемогнуть под тяжестью креста».

Владыка Алексей сам перенес все тяжести гонений, дважды был судим за «контрреволюционную деятельность» и отбывал наказание в ссылке. В 1927 году он поддержал митрополита Сергия и его «Декларацию». Вот как он сам вспоминает об этом: «Когда преосвященный Сергей принял на себя управление Церковью, он исходил тогда из существующей и неизбежной действительности, и, будучи близок к нему, я был совершенно с ним согласен. Он действовал, выполняя свой долг перед Церковью и ее паствой».

Великая Отечественная война застала митрополита Алексея на Ленинградской кафедре. В период блокады Ленинграда владыка остался в осажденном городе и разделил с паствой ужасы блокадных дней. Он совершал богослужения, проповедовал, ободрял и утешал верующих. Сам причащал, читал поминания и совершал отпевания. Постоянно обращаясь с патристическими посланиями к своей пастве, он поддерживал в ней дух патриотизма и веру в победу: «Русский человек бесконечно привязан к своему Отечеству, которое для него дороже всех стран мира... Когда Родина в опасности, тогда особенно разгорается в сердце русского человека эта любовь... Не только как на долг, на священный долг, смотрит он на дело ее защиты, но это есть непреодолимое веление сердца, порыв любви, который он не в силах остановить, который он должен до конца исчерпать».

В 1945 году, после смерти патриарха Сергия, митрополит Алексей был избран патриархом. За всю историю патриаршества на Руси Алексей I дольше всех занимал Московский патриарший престол — бо-

лее 25 лет. В характеристике, которая была составлена Советом по делам религий для ЦК КПСС, было особо отмечено: «Патриарх Алексей продолжал начатое патриархом Сергием дело нормализации отношений между Церковью и государством... Возглавляя самую большую и богатую из всех 14 православных автокефальных Церквей мира — Русскую Церковь, являясь хорошо образованным человеком и обладая способностью говорить с людьми и располагать их к себе, патриарх Алексей имеет большой авторитет среди духовенства и верующих как в СССР, так и за границей». И действительно, авторитет Алексея I был способен объединить вокруг себя духовенство и верующих в исключительно трудных условиях. Многие из тех, кто отделился от Московской патриархии после опубликования «Декларации», вернулись под омофор Святейшего Патриарха как на территории России, так и за рубежом.

Став патриархом, Алексей I считал важнейшей своей задачей восстановление нормальной жизнедеятельности Русской Церкви после периода жестоких гонений. Однако и на его долю выпали тяжелые испытания, более изощренные, чем это было в эпоху открытого противостояния. Лучшей оценкой трудов патриарха Алексея является свидетельство о них потомков: «В период его первосвятительства были лучшие и худшие времена, но неизменной оставалась забота патриарха о сохранении церковного организма. Его труды во многом позволили не утратить преемственную связь церковной жизни с ее дореволюционным периодом — связь, которая вследствие гонений уже тогда была значительно ослаблена и была способна оборваться».

М.В. Первушин

Хрущевские гонения

После Великой Отечественной войны положение Церкви в государстве и обществе начало стабилизироваться. За послевоенное десятилетие количество действующих храмов выросло с десяти тысяч до тринадцати с половиной. Активно обсуждались вопросы патриотической деятельности Церкви, ее организационного и материального укрепления внутри страны, перспективы расширения сети духовных школ, создания Церковью своей издательской базы.

Государственная политика в отношении религиозных объединений на территории Советского Союза начала претерпевать кардинальные изменения со второй половины 50-х годов XX столетия. Спокойные отношения с Церковью преподносились как сталинское наследие, которое следует ликвидировать. Времена «хрущевской оттепели» обернулись для Русской Православной Церкви лютым морозом.

Правительством Советского Союза по указанию Хрущева был принят развернутый план антирелигиозной борьбы под названием «Мероприятия по укреплению атеистического воспитания населения», в котором указывалось: «Нельзя благодушеествовать и рассчитывать, что религия как антинаучная идеология отомрет сама по себе, без усилий, без борьбы с ней... Обязать комсомольские организации вести неустанную борьбу с носителями религиозного дурмана, вырвать из-под их влияния наших юношей и девушек, а партийные организации к разоблачению реакционной сущности и вреда религии».

Прежние репрессии были уже не нужны. Все делала система образования и средства массовой информации. Обучение и воспитание были сугубо ате-

истическими. Из учебников изымалось все, что касалось Церкви. Государство стояло на страже общественно-го безбожия. Власти обязывали священников при крещении младенца требовать у родителей паспорта и сообщать о факте крещения. Верующих наказывали, увольняли, отчисляли из учебных заведений, лишали прописки, выдворяли из мест проживания, избивали и приговаривали к лишению свободы, отправляли в психиатрические лечебницы как носителей «бредовых идей». В эти, казалось бы, спокойные годы «оттепели» была закрыта половина храмов: из тринадцати с половиной тысяч осталось только семь.

Идеологи «церковной реформы» отчетливо представляли себе, что «перестройка церковного управления» может оказаться делом «сложным и деликатным». Решение было найдено быстро: «Для того чтобы не вызвать осложнений в отношениях между Церковью и государством, многие мероприятия проводить церковными руками», — говорилось в постановлении об отстранения священнослужителей от хозяйственных дел в приходах. В результате реформы приходского управления сложилась ненормальная ситуация. Настоятели приходов были лишены возможности вмешиваться в хозяйственные дела общин. Они оказались в положении наемных лиц у церковного совета, состоявшего из мирян, причем зачастую нерелигиозных. «С этой перестройкой, — вспоминал один из священников, — я, как настоятель, превратился в половую тряпку, которой можно лишь потереть пол. Не имею права ничем распоряжаться, и даже как и когда мне служить, указывают порой неверующие лица из церковного совета». А один из архиереев писал в своем отчете в патриархию: «Духовенство оказалось в подчинении у старост, которые нередко творили полный произвол.

Старосты возомнили себя “князьками” Церкви. Без их согласия священник или епископ не мог принять на работу или уволить даже уборщицу в храме. На собрание же, избиравшее церковный совет, духовенство не допускалось. Решать, какой быть церковной общине, мог атеист, а священник не имел на это права...»

Патриарх Алексей I тяжело переживал перемены, происходившие в церковно-государственных отношениях. Его волновало то, что «под видом научно-атеистической пропаганды имеют место факты физического уничтожения Православной Церкви и религии вообще». Единственный выход из создавшейся ситуации Святейший Патриарх видел в том, что «умный настоятель, благоговейный совершитель богослужений и, что весьма важно, человек безукоризненной жизни всегда сумеет сохранить свой авторитет в приходе. И будут прислушиваться к его мнению, а он будет спокоен, что заботы хозяйственные уже не лежат на нем и что он может всецело отдаться духовному руководству своих пасомых». Эти слова наставления дали силу противостоять той лавине «церковной реформы», которая была направлена в первую очередь на изменение всего строя церковной жизни и уничтожение порядка приходского управления.

В феврале 1960 года патриарх Алексей I смело выступил на конференции, посвященной разоружению. В своем выступлении он говорил об исторических заслугах Православной Церкви и о том, что она сегодня несправедливо «испытывает нападки и порицания». Это выступление было воспринято руководством страны как нелояльное и вызывающее. Ограждая патриарха от гонений, авторство доклада взял на себя митрополит Крутицкий и Коломенский Николай

(Ярушевич). Правительство потребовало снять митрополита Николая со всех должностей, а еще через год он скончался в больнице при невыясненных обстоятельствах. В то же время в одном из столичных храмов произошло нападение на патриарха. Нападавший впоследствии был официально признан невменяемым.

«Хрущевские гонения» стали тяжелым периодом для Русской Православной Церкви в Советском Союзе. Хотя по сравнению с репрессиями 20–30-х годов уже не происходило открытого уничтожения священнослужителей, экономический и идеологический пресс привел к закрытию многих храмов.

С отставкой Хрущева преследования за веру несколько утихли. Церкви уже не подвергались жестким мерам воздействия. Государство не выступало инициатором громких атеистических кампаний. Однако храмы, закрытые в годы правления Хрущева, так и не были возвращены верующим. Открытие и восстановление поруганных храмов и возрождение церковной жизни началось только после 1987 года.

М.В. Первушин

Второй Ватиканский Собор

К началу 60-х годов XX столетия численность католиков во всем мире достигла 600 миллионов человек. И в то же время в Европе, США и Канаде интерес общества к католическим богослужениям падал. Все это, разумеется, вызывало обеспокоенность в Ватикане. И папа Римский Иоанн XXIII в своем послании объявил о подготовке к созыву Второго Ватиканского Собора. «Главная цель предстоящего

Собора — приспособить церковную дисциплину к нуждам нашего времени». В октябре 1962 года, открывая Собор в присутствии двух с половиной тысяч католических епископов, Иоанн XXIII уточнил: «Задачей Собора является обновление Церкви и ее разумная реорганизация». Второй Ватиканский Собор проходил в острых дискуссиях между сторонниками реформ и приверженцами старых традиций. Заседания Собора продолжались с перерывами целых три года и завершились в декабре 1965 года уже при другом папе, Павле VI. По своей значимости для жизни Католической Церкви Второй Ватиканский Собор сравнивают с периодом Реформации, которая в XVI веке привела к расколу Западной Церкви на католиков и протестантов. Что же происходило в базилике святого Петра сорок с лишним лет назад?..

Собор высшего католического духовенства рассмотрел важнейшие вопросы жизни и деятельности Католической Церкви в современных условиях. Например, в декрете об экуменизме была провозглашена цель: объединить всех христиан планеты. Декларация об отношениях Католической Церкви и нехристианских религий гласила: «Нехристианские религии также содержат ценные и достойные уважения со стороны христианина элементы. В индуизме Католическая Церковь ценит глубоко воздействующую медитацию и самодисциплинирующую форму жизни; в буддизме — стремление к совершенству посредством просветления и озарения; в исламе — наличие многих элементов, присущих христианству». Отношение к иудаизму в декларации излагается наиболее подробно: указывается, что христианская Церковь уходит корнями в Ветхий Завет, поэтому иудаизм и христианство связаны духовной близос-

тью. Декларация раскрывает учение Церкви о смерти Иисуса Христа, подчеркивая, что ответственность за эту смерть не отягчает ни евреев того времени, ни их потомков, и осуждает антисемитизм. Ссылаясь на апостола Павла, декларация отвергает различия между людьми: «Церковь считает чуждым духу Христа и строго осуждает любую дискриминацию или оскорбления людей по расовому признаку, цвету кожи, общественному положению или религиозной принадлежности».

Православная Церковь после длительного периода противостояния была впервые названа «Церковью-сестрой».

Однако наряду со всем этим в выступлениях ряда делегатов все чаще стало ощущаться стремление разрушить устои Католической Церкви. Тотальная критика прежних церковных традиций достигла такой степени, что даже папа Павел VI, будучи реформатором по натуре, воскликнул: «Не уклонилась ли Церковь от пути здоровой самокритики, впад в патологическое состояние саморазрушения?»

Для повседневной жизни сотен миллионов католиков главным итогом Второго Ватиканского Собора стало принятие конституции о богослужении, в результате чего в 1969 году была проведена литургическая реформа. Привычная «Триденская месса», которую служили в католических храмах почти полторы тысячи лет, признавалась устаревшей и несоответствующей духу времени. Ее заменила так называемая «Новая месса», которая длится около сорока минут, а подчас и меньше.

У авторов реформы богослужения была вполне благая цель: повысить участие народа в совершении литургии, привлечь людей в храмы. Но на практике...

Подобно коллегам-протестантам католические священники теперь больше времени уделяют проповедям, постепенно превратившимся в непринужденное общение с паствой... Чтению Священного Писания, общим молитвам... Такой богослужебный модернизм и стремление привлечь в церковь молодежь привели к тому, что нередко мессы сопровождаются игрой на гитарах в современных ритмах.

Согласно реформе, вечерня и утренья перед мессой не служатся. Многие великие и почитаемые христианские святые — такие, как Георгий Победоносец, великомученицы Варвара и Екатерина, — удалены из литургических календарей, поскольку, мол, их жития не могут рассматриваться как достоверные. Католический священник, по образцу протестантских собраний, стоит теперь лицом к народу, образуя вместе с мирянами как бы равноправный круг сослужителей литургии. До этого в традиционном чине латинской мессы священник стоял спиной к прихожанам как посредник между Богом и верующими. Еще одной особенностью «Новой мессы» является то, что ее служат на национальных языках, а не на латыни. Казалось бы, литургические тексты стали понятны всем верующим. Однако этим самым было разрушено единство богослужения и его вневременной, наднациональный характер. Кроме того, переводы богослужебных текстов были сделаны поспешно и содержали многочисленные ошибки и неточности. Приверженцы старых традиций сетовали: «Раньше мы в любой стране мира были как у себя дома. Мы могли зайти в католический храм, и везде совершалась одна и та же месса, безо всяких различий. Это создавало ощущение единства католиков. Теперь этого нет».

После Второго Ватиканского Собора в Като-

лической Церкви практически упразднены посты: католикам теперь предписывается поститься лишь один день в году, в Страстную Пятницу, да и то не строго. В остальное время Великого поста воздержание состоит в том, что верующие по пятницам воздерживаются лишь от мяса.

Все эти нововведения имели своей задачей сделать церковную жизнь более легкой, что, казалось бы, должно было обеспечить приток людей в храмы. Но вышло наоборот: люди, равнодушные к вере, не оценили порыв Ватикана, а многие убежденные католики сочли решения Собора изменой древним традициям.

После принятия церковных нововведений около ста тысяч католических священников и монахинь оставили свое служение, ибо оно, по их мнению, утратило свой смысл. И очень многие считают, что именно Второй Ватиканский Собор стал причиной длительного кризиса в Католической Церкви.

А.А. Аннин

Архиепископ Лефевр и его последователи

Многие католики не приняли реформу богослужения, проведенную в конце 60-х годов прошлого века по решению Второго Ватиканского Собора. В результате возник раскол. Возглавил его французский архиепископ Лефевр. Этот человек был самой яркой личностью в стане противников обновления Католической Церкви.

Марсель Франсуа Лефевр появился на свет в 1905 году. Его отец, богатый промышленник, в годы Второй мировой войны принял активное участие в

движении Сопротивления, был схвачен фашистами и замучен в застенке. А Марсель с юных лет посвятил себя служению Богу и Церкви. От своего отца он унаследовал бесстрашие и стойкость. И эти душевные качества Лефевр сполна проявил в Африке, куда был направлен в качестве епископа Сенегала. «Монсеньор Лефевр, смелый и добрый пастырь, не боялся ни стрел, ни хищных зверей, ни малярии. Он шел во враждебные джунгли с проповедью любви, нес в дикие, языческие племена свет Христовой веры». Так вспоминали миссионерское служение французского епископа благодарные прихожане в Сенегале. Возможно, именно тогда Лефевр получил свое знаменитое прозвище: «Одинокий рыцарь».

Один из его друзей сказал: «У него было только одно желание: следовать Промыслу Божию. Для Лефевра это означало делать все, что в его власти, для блага Церкви и постоянно пребывать в любви Христовой».

За выдающиеся миссионерские заслуги Лефевр был удостоен сана архиепископа и призван во Францию на административную работу. Во время Второго Ватиканского Собора Лефевр выступал против нововведений в церковной жизни. Он входил в группу так называемых традиционалистов, тех, кто отстаивал древние богослужебные обряды. Поэтому их еще именуют старокатоликами. Спустя годы архиепископа Лефевра спросили: «Что заставило Вас нарушить послушание папскому престолу и возглавить оппозицию Ватикану? Может быть, откровение свыше?» 70-летний архипастырь ответил: «Нет, какого-то явного откровения не было. Просто меня вынудили обстоятельства».

Литургическая реформа до неузнаваемости изменила католическую мессу. «Это не что иное, как

попытка навсегда покончить с древними церковными обрядами», — так говорили старокатолики. Архиепископ Лефевр открыто и громогласно выступал за сохранение церковного наследия, против модернизма. В частности — против переводов богослужебных текстов с традиционной латыни на современные национальные языки. «Появление различных вариантов чина мессы разрушает благоговейное отношение к богослужению как к установлению Божию. Литургия, переведенная на национальный язык, утратила свою божественность и приобрела сходство с протестантскими собраниями», — говорил Марсель Лефевр.

В 1969 году архиепископ Лефевр получил от Ватикана разрешение обучать семинаристов согласно древним, дособорным традициям. А в 1970-м он открыл в Швейцарии, в стенах монастыря, старокатолическую семинарию. Она переросла в «Священническое братство святого Пия X». Папа Римский Пий X известен тем, что еще в начале XX века осудил церковный модернизм. Членов братства стали именовать лефевристами — по имени Генерального настоятеля Марселя Лефевра.

У «одинокого рыцаря» появилось множество сторонников. Священники-лефевристы, невзирая на запреты, по-прежнему служили мессу по старинному латинскому чину. И таких приходов, где совершалась традиционная литургия, становилось все больше — как в Европе, так и в Америке. Лефевристы публично критиковали обновленческую политику Ватикана, а сам Лефевр стал демонстративно игнорировать распоряжения Святого Престола. На это папа Римский Павел VI отреагировал несколькими решениями: «“Священническое братство святого Пия” распустить. Архиепископу Лефевру запретить со-

вершать рукоположения». И наконец, в 1976 году Лефевр попал под запрещение в священнослужении, хотя формально продолжал оставаться в лоне Римско-Католической Церкви.

Ни одному из этих распоряжений папы архиепископ Лефевр не подчинился. Он и его сторонники продолжали свою церковную деятельность. При этом лефевристы не отказались почитать Римского папу за богослужением, то есть внешне признавали его главенство.

Конфликт с Ватиканом прославил имя Лефевра на весь мир. Он стал популярной персоной на страницах прессы. В августе 1976 года Лефевр служит «запрещенную мессу» в присутствии десяти тысяч верующих и сотен журналистов. Месса транслируется по телевидению почти на всю планету.

Шли годы. Папа Римский Иоанн Павел II, понимая, что у древних богослужебных традиций есть множество приверженцев, предпринял попытки нормализовать отношения Святого Престола с лефевристами. В 1984 году старый латинский обряд был легализован. «Священникам разрешается совершать мессу на латинском языке при наличии официальной просьбы от группы верующих мирян и с разрешения местного епископа». Казалось бы, Марсель Лефевр и его сторонники добились желаемого: Ватикан уравнял в правах старый и новый чин богослужения. Более того, официальный представитель папы приехал с апостольским визитом в старокатолическую семинарию Лефевра. А в 1988 году был заключен примирительный протокол между Святым Престолом и лефевристами.

Однако... К тому времени архиепископу Лефевру было уже 83 года. Он чувствовал приближение смерти и не мог не думать о преемниках. Кто

возглавит католиков-традиционалистов после него? Переговоры с Ватиканом о рукоположении хотя бы одного епископа из «Братства святого Пия X» зашли в тупик. И Марсель Лефевр в июне 1988 года самочинно, без разрешения папы, рукоположил четырех епископов. Иоанн Павел II не мог оставить такое деяние без последствий. Газеты всего мира вышли с заголовками: «Марсель Лефевр и рукоположенные им епископы отлучены от Католической Церкви!»

Диалог между Ватиканом и левефвристами был надолго прерван. 25 марта 1991 года Марсель Лефевр умер, так и не признав за собой вины в произошедшем церковном расколе. Незадолго до смерти он сказал: «Я никогда ничего не делал ради своих личных выгод».

Спустя годы часть левефвристов воссоединилась с официальной Католической Церковью. А 21 января 2009 года папа Римский Бенедикт XVI снял отлучение с четырех епископов, рукоположенных Марселем Лефевром.

А.А. Аннин

Монашество на Западе

Сейчас в лоне Католической Церкви насчитывается около миллиона монашествующих, и подавляющее большинство из них — женщины. В последние десятилетия число людей, решивших принять монашеский постриг, постоянно сокращается. Почему?

Быть может, потому, что многие католики уже не видят в монашестве некое особое поприще, исполненное духовного подвига. И спрашивают: а чем, собственно, жизнь монаха отличается от обычного,

мирского существования?

Действительно, западное монашество чуть ли не с самого начала отличалось от восточного. В первые века нашей эры иноческая жизнь зародилась на христианском Востоке, а в Европу идеи иночества проникли только в IV столетии. Тогда учитель Церкви, святой Афанасий Александрийский, перевел на латинский язык жизнеописание основателя отшельнического монашества, преподобного Антония Великого. Много потрудились для распространения монашества на христианском Западе такие подвижники, как святители Амвросий Медиоланский и Мартин Турский, блаженные Иероним и Августин. Так, святой Иероним долгое время подвизался в Вифлеемском монастыре в Палестине. Оттуда он писал послания о тихой монашеской жизни. Эти письма вдохновили многих знатных мужчин и женщин Европы принять иноческий постриг. Мартин Турский собрал вокруг себя около 2 тысяч монахов. Иоанн Кассиан, муж образованный, путешествовал по восточным монастырям, изучил их строгий, общежительный уклад и перенес эти принципы иноческой жизни на юг нынешней Франции. Там он в начале V века основал два монастыря. Однако уже в то время деятели Церкви говорили: «Жители Европы куда менее склонны к добровольным лишениям, чем люди христианского Востока».

Осознавал это и преподобный Бенедикт Нурсийский, которого Церковь именует организатором западного монашества. Пытаясь устроить в Италии строгую обитель по образцу восточных монастырей, он возбудил столь сильное негодование братьев-монахов, что вынужден был уйти прочь. Святой Бенедикт вспоминал: «Они даже хотели убить меня, потому что суровый образ жизни, постоянное пребывание в тру-

дах, посте и молитве им не по нраву». Зная по опыту, что аскетическая монашеская жизнь туго прививается на Западе, Бенедикт в начале VI века составил для иноков более мягкий, щадящий устав. «Порядок, умеренность и трудолюбие — вот наши главные правила. Монахи должны обеспечивать себя пропитанием, изучать Священное Писание, обучать и воспитывать детей в школах. Все имущество у монахов должно быть общее. Иноки полностью подчиняются настоятелю, отсекая собственную волю».

Эти правила Бенедикта Нурсийского получили широкое распространение в монастырях Западной Европы. Со временем, помимо богословия, там стали изучать светские науки, и монастыри превратились в своего рода научные центры Средневековья. А в XVI веке Западная Церковь раскололась на католиков и протестантов. С тех пор на Западе монашество сохранилось только в Католической Церкви и отчасти — в Англиканской.

Изначально восточные и западные христиане по-разному понимали саму сущность монашеского образа жизни. Вот как говорили на Востоке: «Суть монашества заключается в уходе от мира, от соблазнов, от суеты. Человек покидает мир, чтобы посвятить себя Богу». Западное монашество во главу угла ставит служение миру. Это проповедническая, миссионерская, социальная и благотворительная деятельность. Католические монашеские общины содержат школы и больницы, приюты и столовые для бедных. «Монахи Католической Церкви идут своим путем, сильно отличающимся от восточной традиции. Их каждодневная задача — совместить истинно монашеский дух с духом века сего, приспособиться к условиям времени».

Согласно западной традиции, католическое мона-

шество строится как система монашеских орденов. Это францисканцы, доминиканцы, картезианцы, бенедиктинцы, иезуиты и многие другие ордены. Они живут и действуют на принципах самоуправления. То есть формально папа Римский не может вмешиваться во внутреннюю жизнь ордена, если она не выходит за рамки утвержденного устава.

Уже не одно столетие католическое монашество активно участвует в политической и социальной жизни общества. Сами католики говорят: «Наши монахи занимаются практически тем же, что и другие общественные организации». Общие мировые процессы: борьба за права человека, обретение свободы личности, выдвигание на первый план женщины, бурное развитие коммуникаций, потребительское отношение к жизни — все это не могло не повлиять на устои католических монашеских общин, открытых миру. Ведь западное монашество практически изначально было призвано соответствовать духу времени. В большинстве католических монашеских общин действует то же правило, что и в миру: «Разрешено все, что не запрещено». Так, например, настоятель монастыря не может потребовать от монаха бросить курить, если только это не оговорено в уставе. Иначе такое требование будет нарушением прав личности. В большинстве орденов уже отказались от монашеских облачений, и теперь монаха по внешнему виду не отличишь от обычного человека. Постятся католические монахи лишь раз в неделю, да и то частично: по пятницам отказываются от мяса. Лишь Великим постом к пятнице добавляется среда, а также запрещается просмотр кинофильмов, чтение художественной литературы, прослушивание эстрадной музыки и игра на музыкальных инструментах. Во все осталь-

ное время эти занятия католическим монахам разрешены.

В последние десятилетия католикам постоянно внушается мысль о равноценности монашеского и мирского поприща. В «Декрете об обновлении монашеской жизни», принятом полвека назад, прямо сказано: «Хотя монашество и является особым духовным путем посвящения себя Богу, оно не выше, чем жизненный путь мирянина, которого вполне достаточно для спасения».

Человек, верующий в Бога и желающий спастись, невольно задается вопросом: «Зачем мне идти в монахи, если так, как они, можно спастись в миру, в лоне своей семьи?» В этом чрезмерном осовременивании, обмирщении западного монашества и кроется одна из причин падения интереса западных христиан к иноческому образу жизни.

А.А. Аннин

Протестантизм: деградация продолжается

Летом 2008 года в Англиканской Церкви разразился скандал. В древнем лондонском храме святого Варфоломея состоялось венчание двух священников-гомосексуалистов. Обряд был совершен по всем канонам Англиканской Церкви.

«Я убежден, что мой поступок является богоугодным», — заявил общественности пастор, который проводил венчание. Британская пресса назвала это деяние святотатством.

Официальное браковенчание британского и новозеландского священников повергло в растерянность

большую часть англиканского духовенства. Один из епископов заявил: «Это уже слишком! Вот увидите: результатом скандала будет раскол в наших рядах. Часть консервативных прихожан уже переходят в Католичество и Православие, и теперь этот процесс ускорится».

Многие вчерашние приверженцы Англиканской Церкви все более отчетливо осознают: «Наше религиозное сообщество, каким оно стало в нынешнем виде, иначе как “богохульным” не назовешь».

Гражданский однополый союз законодательно разрешен в Британии еще с 2005 года. Однако представителям сексуальных меньшинств этого мало: они упорно добиваются, чтобы их семейные узы были освящены церковным обрядом. По примеру Швеции, где законодательно разрешено заключение церковных однополых браков в протестантских храмах.

Считается, что в целом духовная деградация протестантизма начала стремительно прогрессировать в XX веке. Обращаясь к истокам Реформации, исследователи говорят: «В XVI столетии основатели протестантизма — Мартин Лютер, Жан Кальвин — и их ближайшие последователи мыслили совсем иначе, нежели нынешние протестанты».

Лютер и Кальвин при всех их недостатках видели свою задачу в поиске неких религиозных истин. Они искренне хотели искоренить пороки, присущие тогдашней Римо-Католической Церкви. Для современных протестантских движений характерно стремление к достижению земных, потребительских целей. А еще — желание стереть грань между грехом и добродетелью. Неслучайно среди сегодняшних протестантов бытует странное утверждение: «Абсолютно не важно, чем ты занимаешься в этой жизни.

Главное — добросовестно исполнять свое предназначение, каким бы оно ни было».

То есть, согласно такому подходу, совершенно не обязательно молиться Богу, творить добрые дела. Главное — достижение вершин в своей профессии, какой бы она ни была.

Подобное мировоззрение, противоречащее самому духу христианства, поневоле требует серьезной ревизии Священного Писания. И «обновленные», модернизированные «евангелия» не заставили себя ждать. Ведь те, кто целью жизни поставил достижение личного благополучия, хотя и получают такое Евангелие, которое не «напрягало» бы человека, не возбраняло бы ему получать максимум удовольствий от жизни.

«Евангелие должно быть переписано так, как если бы Иисус сегодня сошел на землю и был одним из нас. Мыслил бы современными категориями». Так говорят миллионы протестантов.

Согласно рыночным законам, спрос породил предложение. Несколько лет назад большая группа немецких ученых-библеистов переименовала Священное Писание в угоду феминисткам и сексуальным меньшинствам. Книгу назвали «Понятная Библия». Одна из составительниц обновленного текста, лютеранская пасторша, заявила: «Классическая Библия несправедлива по отношению к женщинам. Мы не согласны с тем, что Бог Отец и Бог Сын представлены как существа мужского пола. Поэтому наш коллектив создал политкорректную Библию. Мы использовали удобоваримую лексику».

Что же это за лексика? Суть ее в том, чтобы представить Спасителя и Бога Отца персонажами некоего «среднего рода», являющимися мужчиной и женщиной одновременно. Так, Христос в «По-

нятной Библии» повсеместно упоминается не как Сын Божий, а как «дитя Божие». В своих высказываниях Иисус говорит о Боге не как об Отце, а как о «наших общих Матери и Отце, Которые на небесах».

Из всего текста «Понятной Библии» вычеркнуто слово «Господь» — по той причине, что оно мужского рода. И заменено понятием Всевышний (в буквальном переводе с немецкого — «Высшее существо», то есть некая субстанция неопределенного рода). Интересно отметить, что дьявол в «Понятной Библии», как и прежде, имеет мужской пол.

В Германии появился еще один «адаптированный» текст Священного Писания — так называемая «Народная Библия». Составлена книга для людей с крайне низким уровнем интеллекта и образования. Очевидно, создатель текста, лютеранский пастор, уверен, что именно они и составляют большинство народа. Чтобы читатели не ломали себе голову и относились с полным доверием к библейским событиям, Христос в «Народной Библии» вовсе не воскресает, а просто «возвращается». Вместо чуда умножения хлебов и рыб Иисус умножает гамбургеры. А в притче о блудном сыне младший отпрыск проматывает свою долю отцовского наследства в ночных клубах, после чего опускается до мытья унитазов в «Макдоналдсе». Автор уверен, что таким образом он сделал Священное Писание более доступным для понимания.

Желая соответствовать духу времени, протестантские сообщества — а «первопроходцем» здесь стала Англиканская Церковь — открывают виртуальные храмы. Богослужения можно посещать, не выходя из дому, при помощи сети Интернет. Пасторша одного из таких интернет-храмов с удовлет-

ворением констатировала: «У подобных онлайн-приходов уже десятки тысяч зарегистрированных посетителей. Виртуальные храмы рассчитаны не только на инвалидов или престарелых людей, но и на тех, кому просто-напросто лень идти в реальную церковь».

Сейчас протестантские программисты ломают голову над тем, чтобы сделать возможным виртуальное причастие.

А.А. Аннин

Патриарх Московский и всея Руси Пимен

Будущий патриарх родился в 1910 году в подмосковном городе Богородске, который позже переименовали в Ногинск. Детские годы Сергея, а именно так называли будущего первосвященника в крещении, прошли в благочестивой христианской семье. Добрая и глубоко религиозная мать научила своего сына молитве, привила ему любовь к Богу и людям. Позже патриарх Пимен с особой душевной теплотой и благоговением вспоминал о ней: «Я отчетливо помню, как у нас в доме перед Владимирской иконой Пресвятой Богородицы теплилась неугасимая лампада, как мать читала мне, еще юному мальчику, Священное Писание, разъясняя малопонятные для меня места... Именно она впервые привезла меня в Троице-Сергиеву Лавру, где я, восьмилетний отрок, в первый раз исповедовался и причастился Святых Таин... Именно здесь, в Лавре, я увидел и полюбил монашество, о котором потом только и мечтал».

И действительно, уже в неполные 16 лет, после окончания школы Сергей уходит в монастырь и

принимает постриг с именем Пимен. «В одном из самых уединенных скитов Лавры, в пустыни Святого Духа (Параклите), — вспоминал позднее патриарх, — состоялось мое пострижение в монашество, и там проходили первые шаги моего монашеского искусства под водительством опытных и любвеобильных старцев, много добрых семян посеявших в мою душу». Молодой монах Пимен обладал незаурядными музыкальными способностями, и потому его главным послушанием было управлять церковным хором.

Сдав экзамены за курс духовной школы, Пимен был рукоположен в иеромонахи и в течение нескольких лет проходил пастырское служение в Москве. Будучи «неблагонадежным» членом советского общества, он постоянно находился под пристальным вниманием ОГПУ. Его несколько раз арестовывали, но затем отпускали.

В июне 1941 года он был призван в действующую армию. Пройдя с боями через всю Россию, Пимен был арестован уже на территории Германии советскими борцами со шпионами. Последовал скорый суд. Иеромонах Пимен был отправлен в Воркуту в сталинский концлагерь. Около двух лет он работал в угольных шахтах, где от тяжелого физического труда ежедневно умирали десятки заключенных. Только в конце 1945 года Пимен был освобожден из заключения. Однако проживать в столице бывшему осужденному было запрещено.

Он поселился сначала в Муроме, затем был переведен во Псков, а затем назначен заместителем Троице-Сергиевой Лавры. Став заместителем, Пимен провел в Лавре крупные реставрационные работы в соборах. Неустанно заботился о благоустройстве

Лавры, как внешнем, так и в духовной жизни иноков, стремясь возродить дух дореволюционного монашества, которое застал еще сам.

В 1957 году архимандрит Пимен был рукоположен во епископа. За пять лет архиерейского служения ему последовательно поручалось управление Луганской, Одесской, Смоленской, Костромской, Тульской, Тамбовской и Ленинградской епархиями. Он также был назначен Управляющим делами Московской Патриархии, а затем митрополитом Крутицким и Коломенским.

В 1970 году после кончины патриарха Алексия I митрополит Пимен стал местоблюстителем Московского патриаршего престола, а затем в 1971 году Поместный Собор Русской Православной Церкви избрал его патриархом. Интересно, что интронизация Святейшего Патриарха совершалась в день празднования Владимирской иконы Божией Матери. Вот как сам патриарх Пимен говорил об этом: «Владимирский образ Божией Матери был нашим семейным образом. Затем он стал моим образом на пути иноческого делания. И вот в день празднования этого образа совершилась и моя интронизация. Вижу в этом благое предзнаменование Богоматери особого покровительства доверенному мне служению».

В западной прессе патриарха Пимена много критиковали, считая, что он проводит церковную политику, угодную советской власти, называли его «ручным патриархом». На что Пимен сокрушенно вздыхал: «Походили бы они хоть пару дней в моих башмаках...» С тактом, умением и достоинством Пимен управлял Русской Церковью, всегда подчеркивая патриотические стороны ее деятельности. «Нельзя быть преданным сыном Церкви, не ощущая живой связи со своей Родиной, — часто повторял

он. — Вся тысячелетняя история нашей Церкви подтверждает это. Мое сердце исполнено любви к тому великому народу, частью которого являются чада Святой Православной Русской Церкви. И все, что может быть сделано мной для блага этого народа, я совершу». Он заботился о благосостоянии епархий, приходов и монастырей Московского патриархата не только на территории Советского Союза, но и в различных районах мира: в Центральной и Западной Европе, на Афоне и Святой Земле, в Северной и Южной Америке. Посещая духовные учебные заведения, патриарх Пимен обращал внимание на все стороны жизни студентов и учебного процесса, раскрывал сущность пастырского служения будущему духовенству, учил быть верными сынами Русской Православной Церкви.

Последние пять лет своей жизни патриарх Пимен тяжело болел. Он скончался в 1990 году в своей московской резиденции в Чистом переулке. Его похоронили в Троице-Сергиевой Лавре, которую он так любил и с которой началась его сознательная церковная жизнь.

За время его патриаршества много верующих пришло из среды интеллигенции. Это свидетельствовало о том, что влияние Церкви на общество имело силу даже тогда, когда ушло из жизни поколение, получившее традиционное православное воспитание. Ведь в отличие от политических, философских, социальных идеологий с их земным происхождением и земными горизонтами, христианское вероучение неотмирно и укоренено в вечности.

М.В. Первушин

Тысячелетие Крещения Руси

Осмывая итоги бытия России в XX веке, нельзя не остановить внимание на праздновании тысячелетия Крещения Руси и юбилейном Поместном Соборе Русской Православной Церкви 1988 года. Это событие явилось переломным в отношениях Русской Православной Церкви с государственной властью в Советском Союзе. Если из 20 тысяч храмов, которые были у Церкви до революции, к юбилейному году их осталась лишь четверть, то уже через год после празднования число православных приходов приблизилось к 10 тысячам. А еще через год был пересмотрен и правовой статус Русской Православной Церкви в принятом Законе о свободе вероисповеданий.

Подготовка к празднованию тысячелетия Русской Церкви началась задолго до этого юбилея. Еще в 1981 году была образована синодальная юбилейная комиссия. В 1983 году по просьбе Священного Синода Русской Церкви советское правительство передало Московскому патриархату древнейший в Москве монастырь святого благоверного князя Даниила, который должен был стать одним из центров проведения юбилейных торжеств и резиденцией патриарха. В предъюбилейное время были проведены три богословские конференции, в которых, помимо русских и зарубежных богословов и церковных историков, участвовали также светские ученые. Генеральная Ассамблея ЮНЕСКО призвала отметить «1000-летие введения христианства на Руси как крупнейшее событие в европейской и мировой истории и культуре». Это заявление привлекло к Русской Православной Церкви самое широкое внимание общественности не только Советского Союза, но и всего мира. Уже с начала 1988 года в преддверии торжеств советские газеты были наполнены религиозной тематикой, а

священники получили возможность обращаться к широкой аудитории.

Руководство Церкви решило созвать юбилейный Поместный Собор Русской Православной Церкви. Этот Собор стал первым в истории Русской Церкви начиная с XVII века, который не был связан с избранием патриарха. И в то же время он состоялся не как формальное собрание, приуроченное к торжествам тысячелетия. Собор принял ряд исторических решений, изменивших унизительное положение Русской Церкви в Советском государстве. На нем при всеобщей поддержке были отменены навязанные Церкви безбожной властью в 1961 году поправки к Положению об управлении Русской Православной Церковью, лишавшие всякой власти и епископов, и настоятелей приходов. Юбилейный Собор принял новый «Устав об управлении Русской Православной Церкви», который по своему содержанию был значительно усовершенствован, чем устаревшее «Положение» 1945 года. На Соборе были приняты решения об активизации работы в сфере духовного образования и издательской деятельности Церкви. Важным событием явилось и прославление на Поместном Соборе целой группы новых святых, что произошло впервые за весь советский период существования Церкви. Среди них и благоверный князь Димитрий Донской, и преподобный Андрей Рублев, и блаженная Ксения Петербургская, и преподобный Амвросий Оптинский и другие. Конечно, Собор решил далеко не все стоявшие перед Русской Церковью проблемы. Он проводился в тот период, когда Русская Православная Церковь еще жила по дискриминационному постановлению «О религиозных объединениях» 1929 года. Тем важнее его значение. Собор стал толчком к избавлению верующих от

атеистического гнета, к развитию церковной жизни, к взаимополезному сотрудничеству с государством и обществом, к религиозному образованию и духовному просвещению.

После празднования тысячелетия Крещения Руси в Советском Союзе началось массовое открытие храмов. Правда, не везде этот процесс проходил без конфликтов. Передача храмовых зданий порой происходила только после длительной борьбы. В это время уже стали возможны активные действия верующих против произвола советских чиновников. В Иваново, чтобы привлечь внимание общественности, четверо прихожан объявили голодовку, так как все другие средства были уже исчерпаны. 16 дней голодовки дали свои результаты. К инциденту было привлечено внимание самых широких слоев российской и мировой общественности. В советской прессе появились статьи, полные едких выпадов в адрес местных органов власти, и храм был передан верующим.

Был увеличен прием учащихся в духовные семинарии. В некоторых приходах начались внебогослужебные катехизические занятия с верующими. При храмах появились первые воскресные школы. Представители Церкви получили доступ к средствам массовой информации: в печать, на радио и телевидение. Они получили возможность выступать как равноправные участники диалога верующих с неверующими. Священники стали активно участвовать в общественном диалоге по проблемам нравственного состояния общества и путях его оздоровления.

Постепенно отношение общества к Церкви начинает меняться и становится благожелательным. Общество воспринимало голос Церкви с симпатией

и надеждой на обновление жизни в стране. И в этом большую роль сыграло празднование тысячелетия Крещения Руси. Даже атеисты не могли не отметить значение этого события для русской истории.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Пимен, выступая на закрытии юбилейных торжеств, отметил: «Христианство было тем руслом, по которому потекла в древнерусскую землю культура самой развитой цивилизации того времени — Византии. Эта культура попала на благодатную почву... Завершаются первые десять веков истории нашей Церкви. Господи! Благослови в мире и благочестии вступить во второе тысячелетие нашего бытия в доме Божием... Землю же Русскую в мире сохрани и веру православную в ней утверди во веки веков. Аминь».

М.В. Первушин

ОБ АВТОРАХ

Архиепископ Егорьевский Марк (Головков) родился 31 марта 1964 года в Перми. Окончил Московскую Духовную Семинарию, а затем Академию. Кандидат богословских наук. Настоятель храма Св. Троицы в Хорошеве. Руководитель Управления Московской Патриархии по зарубежным учреждениям.

Аннин Александр Александрович. Родился 16 июня 1964 года. Писатель, кинодраматург, публицист. Лауреат международных литературных премий. Член Союза писателей России. Член Международного союза русскоязычных писателей.

Лисовой Николай Николаевич. Родился 23 октября 1946 года. Ведущий научный сотрудник Института российской истории, историк Церкви, исследователь, писатель, публицист, автор телевизионных фильмов, общественный деятель. Член Императорского Православного Палестинского Общества. Член Союза писателей России. Имеет ученые степени доктора исторических наук и кандидата философских наук.

Первушин Михаил Викторович. Родился 16 сентября 1974 года. Старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, кандидат филологических наук, кандидат богословия, преподаватель Московской Православной Духовной Академии, редактор журнала «Церковь и время».

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
I ВЕК	4
Рождение христианской Церкви	4
Апостольская проповедь	9
Первый век христианства	14
Создание Евангелий	17
Мученики и исповедники	22
II ВЕК	27
Святитель Игнатий Антиохийский (Богоносец)	27
Святой мученик Иустин Философ	30
Священномученик Иринея Лионский	34
III ВЕК	38
Тертуллиан	38
Священномученик Киприан Карфагенский	41
Ориген	45
Святой Георгий Победоносец	49
IV ВЕК	54
Равноапостольный император Константин	54
Обретение святынь	58
Святая равноапостольная Нина	63
Святитель Афанасий Великий	67
Святитель Василий Великий и Юлиан Отступник	71
Святитель Григорий Нисский	75

Святитель Кирилл Иерусалимский.....	79
Святитель Иоанн Златоуст	82
Святитель Амвросий Медиоланский.....	86
Блаженный Августин, святитель Гиппонский	89
Блаженный Иероним Стридонский	93
Рождение монашества	97
Христологические споры	101
V ВЕК	105
Святитель Кирилл Александрийский	105
Преподобный Симеон Столпник	108
Преподобный Савва Освященный	112
Монофелитство и преподобный Максим Исповедник	116
VI ВЕК	120
Преподобный Бенедикт Нурсийский	120
VII ВЕК.....	124
Преподобный Иоанн Лествичник.....	124
VIII ВЕК.....	128
Иконоборчество и Седьмой Вселенский Собор	128
Преподобный Феодор Студит	131
IX ВЕК	135
Предпосылки великого раскола в христианской Церкви	135
Святые равноапостольные братья Кирилл и Мефодий	138
X ВЕК	141
Преподобный Иоанн Рыльский	141
Начало христианства на Руси	144

Святая равноапостольная княгиня Ольга	147
Святой равноапостольный князь Владимир	150
Распространение на Руси христианской веры	153
XI ВЕК	157
Великий церковный раскол 1054 года	157
Ансельм Кентерберийский.....	160
Христианство и язычество	164
Первые русские святые Борис и Глеб.....	167
Начало монашества на Руси	169
Золотой век русского иночества.....	173
Книжное просвещение в Древней Руси	175
XII ВЕК.....	179
Влияние христианства на русскую государственность	179
Культура Древней Руси.....	181
Святые князья Древней Руси.....	184
Мстислав Великий	184
Игорь Ольгович Черниговский	187
Андрей Юрьевич Боголюбский	190
Петр и Февронья Муромские	193
Бернард Клервосский.....	196
Петр Абеляр	199
XIII ВЕК.....	204
Святитель Савва, первый архиепископ Сербский	204
Святой Доминик	208
Фома Аквинский	211
Святой Франциск Ассизский	215
Эпоха крестовых походов.....	219

Четвертый крестовый поход.	
Завоевание Константинополя	222
Монгольский период истории	
Русской Православной Церкви	225
Мужество русских людей	225
Мученичество русских князей	228
Великий князь Александр Ярославович	
Невский	230
Лионская уния	233
Святой благоверный князь	
Даниил Московский	236
XIV ВЕК	240
Святитель Алексей, митрополит	
Московский	240
Преподобный Сергей Радонежский	243
Святитель Стефан Пермский	246
Евфросиния Московская	249
Богословские споры XIV века.	
Святитель Григорий Палама	253
Предшественники Реформации.	
Джон Виклиф	256
XV ВЕК	260
Николай Кузанский	260
Предшественники Реформации в Европе.	
Ян Гус	264
Флорентийская уния.	
Святитель Марк Эфесский	267
Автокефалия Русской Православной	
Церкви	270
Расцвет русского искусства.	
Андрей Рублев	274
Преподобный Нил Сорский	277
Преподобный Иосиф Волоцкий	280

Святитель Геннадий, архиепископ Великого Новгорода	283
Обмирщение высшего духовенства Западной Церкви	286
Александр Борджиа и Иероним Савонарола ...	290
Великий инквизитор Фома Торквемада.....	293
XVI ВЕК.....	298
Преподобный Нил Столобенский	298
Преподобный Максим Грек.....	301
Митрополит Макарий Московский	305
Иван Грозный и митрополит Московский Филипп	309
Подвиг юродства ради Христа на Руси	312
«Священная» инквизиция	315
Мартин Лютер	319
Реформация в Европе	322
Контрреформация Западной Церкви. Игнатий Лойола.....	326
Судьба Православия в Литве	329
Установление патриаршества в Русской Церкви	333
XVII ВЕК.....	337
Восстановление православной иерархии в Литве	337
Судьба Восточной Церкви под турецким владычеством	340
Патриарх Иов и Лжедмитрий I	344
Смутное время Русского государства и патриарх Ермоген	348
Осада Троице-Сергиевой Лавры	351
Патриарх Филарет Никитич Романов	355
Митрополит Петр Могила	358
Благочестие на Руси в XVII веке.....	362

Западное христианство в XVII веке	366
Тридцатилетняя война	366
Английский протестантизм	370
Царь Алексей Михайлович Тишайший	374
Патриарх Никон	377
Раскол в Русской Церкви	381
Протопоп Аввакум Петров	385
Патриарх Адриан	388
Славяно-греко-латинская академия	392
Святитель Митрофан, епископ Воронежский	396
XVIII ВЕК	400
Святитель Дмитрий, митрополит Ростовский	400
Учреждение Святейшего Синода	404
Религиозность Петра I	407
Русская духовная миссия в Китае	411
Преподобный Паисий (Величковский)	414
Императрица Елизавета Петровна	418
Духовное образование в XVIII веке	422
Императрица Екатерина II	425
Секуляризация церковных земель. Митрополит Арсений (Мациевич)	429
Святитель Тихон Задонский	433
Преподобный Феодор Санаксарский	437
Святой адмирал Федор Ушаков	440
Александр Васильевич Суворов	444
Блаженная Ксения Петербургская	448
Митрополит Платон (Левшин)	451
Император Павел I	455
Святой праведный Иоанн Русский	459
XIX ВЕК	463
Император Александр I	463

Преподобный Серафим Саровский	466
Преподобный Герман Аляскинский	470
Традиции русского иночества в XIX веке.	
Оптина Пустынь	474
Святитель Игнатий (Брянчанинов)	477
Александр Сергеевич Пушкин	481
Святитель Филарет Московский	484
Святитель Феофан Затворник	488
Святитель Иннокентий, митрополит Московский	491
Святитель Филарет (Амфитеатров), митрополит Киевский	495
Русская духовная миссия в Иерусалиме	499
Епископ Порфирий (Успенский)	499
Архимандрит Антонин (Капустин)	502
Паломничество на Святую Землю в XIX веке	507
Русский богослов-мирянин	
Алексей Хомяков	510
Федор Михайлович Достоевский	514
Лев Николаевич Толстой	518
Преподобный Амвросий Оптинский	521
Монах Климент (Константин Николаевич Леонтьев)	525
Римско-Католическая Церковь в XIX веке.	
Первый Ватиканский Собор	529
Праведный Иоанн Кронштадтский	533
Константин Петрович Победоносцев	536
Владимир Сергеевич Соловьев	540
XX ВЕК	545
Святитель Николай (Касаткин) — апостол Японии	545
Митрополит Антоний (Вадковский)	549

Преподобномученица великая княгиня Елизавета Федоровна	553
Священномученик Владимир (Богоявленский)	557
Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917–1918 годов	561
Император Николай II	564
Патриарх Московский и всея России Тихон	568
Священномученик Вениамин, митрополит Петроградский	572
Раскол обновленчества	576
Священномученик Петр (Полянский)	580
Протоиерей Сергей Булгаков	583
Митрополит Антоний (Храповицкий)	587
Патриарх Московский и всея Руси Сергий (Страгородский)	591
Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны	595
Патриарх Московский и всея Руси Алексий I	598
Хрущевские гонения	602
Второй Ватиканский Собор	606
Архиепископ Лефевр и его последователи	610
Монашество на Западе	614
Протестантизм: деградация продолжается	618
Патриарх Московский и всея Руси Пимен	622
Тысячелетие Крещения Руси	625
ОБ АВТОРАХ	630

ХРИСТИАНСТВО: ВЕК ЗА ВЕКОМ

**Очерки по истории
христианской Церкви**

*Под общей редакцией
Архиепископа Егорьевского Марка (Головкова)*

*Редактор Д.В. Пушкина
Корректоры Е.А. Подуваева, Н.Н. Сергеева
Компьютерная верстка: Е.В. Иванова
Оформление: Н.Л. Климова*

*Издательство «Даръ»
111399 Москва, ул. Металлургов, д.54/2
тел. (495) 304-54-64 (многоканальный)*

Подписано в печать 08.04.2011. Формат 84x108/32.
Бумага писчая. Гарнитура «Даръ». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 33,6. Уч.-изд. л. 24,7. Тираж 5000 экз.

Издательство ДАРЪ в Интернете:

www.dar-kniga.ru

Facebook: Издательство ДАРЪ

ВКонтакте: группа – Издательство ДАРЪ

Живой Журнал: <http://darkniga.livejournal.com/>